

ВЕСТНИК

САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1995 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 4 (159) • 2024

ISSN 2227-7315

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредитель — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, им. Чернышевского Н. Г. ул., зд. 104, стр. 3.

Адрес редакции и издателя:

410056, г. Саратов, им. Чернышевского Н. Г. ул., зд. 104, стр. 3.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».
Тел.: (8452) 29-90-87
E-mail: vestnik2@ssla.ru

Распространяется по подписке.

Подписной индекс 46490.

**Размещение в каталоге периодических изданий «Газеты и журналы»,
в электронном подписном каталоге ГК «Урал-Пресс» —
на сайте www.ural-press.ru**

Цена свободная.

**Электронная версия размещена на официальном сайте
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»
по адресу: <http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) 28 сентября 2018 г. ПИ № ФС77-73750.

Главный редактор *В. В. Нырков*
Редактор, корректор *О. В. Мерзлякова*
Верстка *Е. С. Сидоровой*

Подписано в печать 26.08.2024. Дата выхода в свет 18.11.2024. Формат 70 × 108 1/16.
Усл. печ. л. 21,3. Уч.-изд. л. 18,21. Тираж 950 экз. Заказ № 462.

Отпечатано в типографии издательства
Саратовской государственной юридической академии.
410056, г. Саратов, им. Чернышевского Н. Г. ул., зд. 104, стр. 3.

© Саратовская государственная
юридическая академия, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- В. В. Нырков** кандидат юридических наук, доцент (гл. редактор)
(Саратовская государственная юридическая академия)
- С. Б. Аникин** доктор юридических наук, доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)
- А. П. Анисимов** доктор юридических наук, профессор
(Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)
- С. Ф. Афанасьев** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- М. Т. Аширбекова** доктор юридических наук, доцент
(Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)
- В. М. Баранов** доктор юридических наук, профессор
(Нижегородская академия МВД России)
- С. А. Белоусов** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- И. В. Бит-Шабо** доктор юридических наук, доцент
(Российский государственный университет правосудия)
- А. Л. Благодир** доктор юридических наук, доцент
(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
- А. Г. Блинов** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- Д. С. Боклан** доктор юридических наук (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
- Н. Л. Бондаренко** доктор юридических наук, профессор
(Международный университет «МИТСО» (Республика Беларусь))
- Д. Х. Валеев** доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федеральный университет)
- А. Н. Варьгин** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- Н. Д. Вершило** доктор юридических наук, профессор
(Российский государственный университет правосудия)
- А. Ю. Винокуров** доктор юридических наук, профессор
(Университет прокуратуры Российской Федерации)
- Н. И. Грачев** доктор юридических наук, профессор
(Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации)
- А. А. Гришковец** доктор юридических наук, профессор
(Институт государства и права Российской академии наук)
- Р. Ш. Давлетгильдеев** доктор юридических наук, доцент
(Казанский (Приволжский) федеральный университет)
- Т. В. Заметина** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- А. В. Иванчин** доктор юридических наук, доцент
(Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова)
- О. В. Исаенкова** доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора)
(Саратовская государственная юридическая академия)
- А. М. Каминский** доктор юридических наук, профессор
(Удмуртский государственный университет)

Н. Н. Карпов	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
А. И. Клименко	доктор юридических наук, профессор (Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя)
Н. Н. Ковалева	доктор юридических наук, доцент (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
Г. Н. Комкова	доктор юридических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
Н. С. Манова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А. В. Минбалеев	доктор юридических наук, доцент (Южно-Уральский государственный университет)
П. Е. Морозов	доктор юридических наук, доцент (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина)
Н. А. Подольный	доктор юридических наук, доцент (Средне-Волжский институт – филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России))
Е. В. Покачалова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Б. Т. Разгильдиев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М. Б. Разгильдиева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
О. С. Рогачева	доктор юридических наук, доцент (Воронежский государственный университет)
О. М. Родионова	доктор юридических наук, профессор (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА))
А. Ю. Соколов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия, Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук)
С. Ж. Соловых	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Ю. В. Францифоров	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
В. С. Хижняк	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
З. И. Цыбуленко	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С. Е. Чаннов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Л. Г. Шапиро	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
И. В. Шестерякова	доктор юридических наук, доцент (зам. главного редактора) (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА))
Б. С. Эбзеев	доктор юридических наук, профессор (Центральная избирательная комиссия РФ)

SARATOV
STATE
LAW ACADEMY

BULLETIN

ACADEMY JOURNAL
ESTABLISHED IN JANUARY, 1995
PUBLISHED SIX (6) TIMES A YEAR

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 4 (159) • 2024

ISSN 2227-7315

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the List of Russian peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences should be published

The founder is the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy".
410056, Saratov, N. G. Chernyshevsky str., bldg. 104, constr. 3.

The address of the editorial office and publisher
is 410056, N. G. Chernyshevsky str., bldg. 104, constr. 3.
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Saratov State Law Academy".
Phone: (8452) 29-90-87
E-mail: vestnik2@ssla.ru

Distributed by subscription.
The subscription index is 46490.
Placement in the Catalog of periodicals "Newspapers and Magazines",
in the electronic subscription catalog of GC "Ural-Press" —
on the website www.ural-press.ru

The price is free.

The electronic version is available on the official website
of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
"Saratov State Law Academy" at:
<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Communications
September 28, 2018 PI No. FS77-73750.

Chief Editor *V. V. Nyrkov*
Editor, proofreader *O. V. Merzlyakova*
Layout by *E. S. Sidorova*

Signed in print 26.08.2024. Date of publication 18.11.2024. Format 70 × 108 $\frac{1}{16}$.
Pr. sheet. 21,3. Ed. print. 18,21. The circulation is 950 copies. Order № 462.

Printed in the printing house of the publishing house
Saratov State Law Academy.
410056, Saratov, N. G. Chernyshevsky str., bldg. 104, constr. 3.

© Saratov State Law Academy, 2024

EDITORIAL BOARD

V. V. Nyrkov	Candidate of Law, Associate Professor (Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
S. B. Anikin	Doctor of Law, Associate Professor (Saratov State Law Academy)
A. P. Anisimov	Doctor of Law, Professor (Volgograd Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
S. F. Afanasiev	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
M. T. Ashirbekova	Doctor of Law, Associate Professor (Volgograd Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
V. M. Baranov	Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs)
S. A. Belousov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
I. V. Bit-Shabo	Doctor of Law, Associate Professor (Russian State University of Justice)
A. L. Blagodir	Doctor of Law, Associate Professor (National Research University Higher School of Economics)
A. G. Blinov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
D. S. Boklan	Doctor of Law, Associate Professor (National Research University Higher School of Economics)
N. L. Bondarenko	Doctor of Law, Professor ((International University 'MITSO' (Republic of Belarus)
D. K. Valeev	Doctor of Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
A. N. Varygin	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
N. D. Vershilo	Doctor of Law, Professor (Russian State University of Justice)
A. Yu. Vinokurov	Doctor of Law, Professor ((University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)
N. I. Grachev	Doctor of Law, Professor ((Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation)
A. A. Grishkovets	Doctor of Law, Professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)
R. S. Davletgildeev	Doctor of Law, Associate Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
T. V. Zametina	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
A. V. Ivanchin	Doctor of Law, Associate Professor (Demidov Yaroslavl State University)
O. V. Isaenkova	Doctor of Law, Professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
A. M. Kaminsky	Doctor of Law, Professor (Udmurt State University)
N. N. Karpov	Doctor of Law, Professor (University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)
A. I. Klimenko	Doctor of Law, Professor (Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)
N. N. Kovaleva	Doctor of Law, Associate Professor (National Research University Higher School of Economics)
G. N. Komkova	Doctor of Law, Professor (Chernyshevsky Saratov National Research State University)
N. S. Manova	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
A. V. Minbaleev	Doctor of Law, Associate Professor (South Ural State University)
P. E. Morozov	Doctor of Law, Associate Professor (Kutafin Moscow State Law University)

N. A. Podolnyi	Doctor of Law, Associate Professor (Mid-Volga Institute — branch of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia))
E. V. Pokachalova	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
B. T. Razgildiev	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
M. B. Razgildieva	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
O. S. Rogacheva	Doctor of Law, Associate Professor (Voronezh State University)
O. M. Rodionova	Doctor of Law, Professor (Kutafin Moscow State Law University)
A. Yu. Sokolov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy, Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)
S. Zh. Solovykh	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
Yu. V. Frantsiforov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
V. S. Khizhnyak	Doctor of Law, Associate Professor (Saratov State Law Academy)
Z. I. Tsybulenko	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
S. E. Channov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
L. G. Shapiro	Doctor of Law, Associate Professor (Saratov State Law Academy)
I. V. Shesteryakova	Doctor of Law, Associate Professor (Deputy Chief Editor) (Kutafin Moscow State Law University)
B. S. Ebzeev	Doctor of Law, Professor (Central Election Commission of the Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- 15 **Васильев А. А., Соловьев В. Ю., иерей Кирилл Петрович**
Советская власть и обновленческий раскол в Русской православной церкви:
на архивных материалах Саратовской губернии
(часть II)
- 26 **Гуляков А. Д., Саломатин А. Ю., Макеева Н. В.**
Конгрессы Международной академии сравнительного права: историко-правовой
анализ (к 100-летию Международной академии сравнительного права)
- 35 **Домнина О. В.**
О необходимости модернизации правового регулирования экспертной
деятельности на территории Российской Федерации как одного из механизмов
повышения уровня реализации функций правоприменения
- 42 **Курьшев Е. Ю.**
Алгоритмизация юридической техники как составная часть механизма
инноваций в праве
- 48 **Орлова А. Н.**
Правоотношения между государством и некоммерческими организациями
в процессе оказания социальных услуг населению: специфика понимания
и правового регулирования
- 57 **Сурков О. С.**
«Антикапитализм» как составляющая правовой культуры консервативной
интеллигенции Российской империи в годы Первой мировой войны
- 64 **Дружинин Г. В.**
О целях корпоративных юридических норм в правовом регулировании
- 71 **Тушко О. Ю.**
О стабильности государственной власти

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- 78 **Ермолаева Ю. В.**
Формирование концепции обновления законодательства в области
территориального устройства регионов России
- 86 **Сидоров Е. С.**
Понятие и признаки президентского контроля в Российской Федерации
и Республике Казахстан

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- 91 **Костина С. Е., Былинкина Ю. С., Кузина С. В.**
Понятие семьи в гражданском, семейном, трудовом праве: коллизии
и перспективы
- 96 **Кресс В. В.**
Результаты интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации
(интеллектуальная собственность) в системе объектов гражданских прав

- 109 Блажнова Л.А.**
Понятие и сущность традиции в гражданском судопроизводстве
- 113 Гусейнли Имади Али Вугар оглы**
Механизм осуществления государственных (муниципальных) закупок: электронная и цифровая трансформация

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- 119 Голикова А.В.**
Уголовная ответственность за провокацию подкупа
- 127 Погодин К.С.**
Проблемы пенализации преступлений, совершаемых с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей
- 135 Кушхов А.А.**
Зарубежный опыт обеспечения безопасности электронной информации уголовно-правовыми средствами (на примере США)
- 142 Павлов П.В.**
Общественно опасная и иная вредоносная фальсификация в сфере охраны интересов личности
- 149 Сулюкманов Э.Р.**
Пробелы в уголовно-правовом регулировании транспортной безопасности

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- 156 Кирдина Н.А., Петрова Г.Б.**
Правовые препятствия вступления в уголовное дело родственников и близких лиц потерпевшего, смерть которого наступила не вследствие преступления
- 162 Соловьева Н.А., Дехерт А.А.**
Интегрированное значение принципа справедливости взыскания уголовно-процессуальных издержек

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И КРИМИНОЛОГИЯ

- 170 Желудков М.А., Варыгин А.Н.**
Безопасное использование биометрических персональных данных личности как средство борьбы с корыстной цифровой преступностью
- 179 Битюцкий Е.В., Свечников Н.И.**
Проблемы противодействия незаконному производству наркотических средств и психотропных веществ, совершенному организованной группой
- 190 Севостьянов Р.А., Шатилов А.В.**
Развитие интеллекта у несовершеннолетних как фактор предупреждения преступного поведения
- 195 Слесивов Н.В., Титов А.А.**
К вопросу о совершенствовании нормативно-правового регулирования инвестиционной деятельности и роли прокурора в реализации инвестиционных проектов

ФИНАНСОВОЕ, БАНКОВСКОЕ И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

- 203 Перепелица М.А.**
Современные тенденции правового регулирования банковского сектора
финансовых услуг
- 212 Садчиков М.Н.**
Налогово-правовая политика в условиях санкций

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

- 219 Мильшин Ю.Н., Ахтямов А.М.**
К вопросу об использовании биометрических данных искусственным
интеллектом
- 224 Соломатин Е.О.**
Понятие и классификация искусственного интеллекта по праву Европейского
Союза и России

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

- 230 Вехов В.Б., Смушкин А.Б.**
Отдельные аспекты следственного осмотра некоторых электронных устройств
- 237 Кузнецов М.М.**
История развития правового регулирования применения мер административного
принуждения к несовершеннолетним, их родителям (законным представителям)
в Российской Федерации

ИНФОРМАЦИЯ

- 243 В диссертационных советах**

CONTENT

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

- 15 Vasiliev A.A., Solovyov V.Yu., Priest Kirill Petrovich**
Soviet Power and the Renovatoinist Schism in the Russian Orthodox Church: Archival Materials of Saratov Province (Part II)
- 26 Gulyakov A.D., Salomatin A.Yu., Makeeva N.V.**
Congresses of the International Academy of Comparative Law: Historical and Legal Analysis (to the 100th Anniversary of the International Academy of Comparative Law)
- 35 Domnina O.V.**
On the Need to Modernize the Legal Regulation of Expert Activity in the Territory of the Russian Federation as One of the Mechanisms for Increasing the Level of Implementation of Law Enforcement Functions
- 42 Kuryshchev E. Yu.**
Algorithmization of Legal Technique as an Integral Part of the Mechanism of Innovation in Law
- 48 Orlova A.N.**
Legal Relations Between the State and Non-Profit Organizations in the Process of Providing Social Services to the Population: Specifics of Understanding and Legal Regulation
- 57 Surkov O.S.**
“Anti-Capitalism” as a Component of the Legal Culture of the Conservative Intelligentsia of the Russian Empire During the First World War
- 64 Druzhinin G.V.**
On the Purposes of Corporate Legal Norms in Legal Regulation
- 71 Tushko O.Yu.**
On the Stability of State Power

CONSTITUTIONAL LAW

- 78 Ermolaeva Yu.V.**
Formation of the Concept of Updating the Legislation in the Field of Territorial Organization of Russian Regions
- 86 Sidorov E.S.**
Concept and Attributes of Presidential Control in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan

CIVIL LAW AND PROCESS

- 91 Kostina S.E., Bylinkina Yu.S., Kuzina S.V.**
The concept of family in civil, family, labor law: collisions and prospects
- 96 Kress V.V.**
Results of Intellectual Activity and Means of Individualization (Intellectual Property) in the System of Objects of Civil Rights

- 109 Blazhnova L.A.**
The Concept and Essence of Tradition in Civil Proceedings
- 113 Huseynli Imadi Ali Vugar oglu**
Mechanism of State (Municipal) Procurement: Electronic and Digital Transformation

CRIMINAL AND PENAL ENFORCEMENT LAW

- 119 Golikova A.V.**
Criminal Liability for Bribery Provocation
- 127 Pogodin K.S.**
Problems of Penalization of Crimes Committed Through the Use of Electronic and Information and Telecommunication Networks
- 135 Kushkhov A.A.**
Foreign Experience of Ensuring Security of Electronic Information by Criminal Legal Means (on the example of the USA)
- 142 Pavlov P.V.**
Socially Dangerous and Other Harmful Falsification in the Sphere of Protecting Personal Interests
- 149 Sulyukmanov E.R.**
Gaps in the Criminal and Legal Regulation of Transport Security

CRIMINAL PROCESS

- 156 Kirdina N.A., Petrova G.B.**
Legal Obstacles to the Entry into Criminal Proceedings of Relatives and Close Persons of a Victim Whose Death Did Not Result from a Crime
- 162 Solovyova N.A., Dechert A.A.**
The Integrated Meaning of the Principle of Fairness in the Recovery of Criminal Procedural Costs

PROSECUTOR'S SUPERVISION AND CRIMINOLOGY

- 170 Zheludkov M.A., Varygin A.N.**
Secure Use of Biometric Personal Data as a Means of Combating Self-Serving Digital Crime
- 179 Bityutsky E.V., Svechnikov N.I.**
Problems of Countering the Illegal Production of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances Committed by an Organized Group
- 190 Sevostyanov R.A., Shatilov A.V.**
Development of Intelligence in Juveniles as a Factor in Preventing Criminal Behavior
- 195 Spesivov N.V., Titov A.A.**
On the Improvement of Normative-Legal Regulation of Investment Activity and the Role of the Prosecutor in the Implementation of Investment Projects

FINANCIAL, BANKING AND CUSTOMS LAW

- 203 Perepelitsa M.A.**
Current Trends in Legal Regulation of the Banking Sector of Financial Services

- 212 Sadchikov M.N.**
Tax and Legal Policy Under Sanctions

INFORMATION LAW

- 219 Milshin Yu.N., Akhtyamov A.M.**
Toward the use of biometric data by artificial intelligence
- 224 Solomatin E.O.**
Concept and Classification of Artificial Intelligence Under the Law of the European Union and Russia

OTHER BRANCHES OF LAW

- 230 Vekhov V.B., Smushkin A.B.**
Certain Aspects of the Investigative Examination of Some Electronic Devices
- 237 Kuznetsov M.M.**
History of the Development of Legal Regulation of the Administrative Coercion Measures Application to Minors, Their Parents (Legal Representatives) in the Russian Federation

INFORMATION

- 243 In Dissertation Councils**

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

DOI 10.24412/2227-7315-2024-4-15-25
УДК 340; 348.819.3

**А. А. Васильев, В. Ю. Соловьев,
иерей Кирилл Петрович**

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ РАСКОЛ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: НА АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛАХ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (ЧАСТЬ II)

Введение: в статье рассматривается вопрос о становлении идеи свободы вероисповедания и свободы совести в Советском государстве, о роли борьбы идеологий и обновленческом расколе в 1920-е гг. в Русской православной церкви. Политико-идеологический кризис в России проявил себя в процессе реализации государственной политики в отношении Русской православной церкви, свободы вероисповедания и свободы совести. **Цель** — показать роль советской власти в обновленческом расколе в Русской православной церкви в 1920-е гг. (на архивных материалах Саратовской губернии). **Методологическая основа:** диалектическое понимание соотношения общего и особенного в историческом процессе, принцип историзма, междисциплинарный подход, системный и историко-правовой методы. **Результаты:** в процессе реализации своей церковной политики советская власть опиралась на сторонников обновленчества, деятельность которых спровоцировала церковный раскол. Обновленцы осуществляли деятельность, направленную на дискредитацию духовенства и верующих, разрушение РПЦ изнутри. Обновленцы убеждали представителей советской власти в своей лояльности к ней и враждебности своих оппонентов (духовенства и верующих, не принявших обновленчество). На местах политико-идеологическая деятельность Губисполкомов, в частности в Саратовской губернии, была направлена на «неофициальную поддержку обновленческого движения» в РПЦ. **Выводы:** междисциплинарный подход способ-

-
- © Васильев Андрей Анатольевич, 2024
Доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: andrey-231@mail.ru
- © Соловьев Валерий Юрьевич, 2024
Доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Soloviev66@mail.ru
- © иерей Кирилл Петрович, 2024
Руководитель историко-архивного отдела Саратовской епархии, настоятель храма святого пророка Илии г. Саратова
- © Vasiliev Andrey Anatolievich, 2024
Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of History of State and Law (Saratov State Law Academy)
- © Soloviev Valery Yurievich, 2024
Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of History of State and Law (Saratov State Law Academy)
- © Priest Kirill Petrovich, 2024
Head of the Historical and Archival Department of the Saratov Diocese, Rector of the Church of the Holy Prophet Elijah in Saratov

стует историческому и историко-правовому анализу взаимоотношений советской власти, духовенства и верующих; объясняет двойственность политики Советского государства в отношении общества: с одной стороны, юридически оформило свободу вероисповедания и свободу совести, а с другой — целенаправленно проводило политику атеистического воспитания граждан, призванных стать опорой социалистического государства.

Ключевые слова: советская власть, Советское государство, Русская православная церковь, обновленческий раскол, советское государственное законодательство.

A. A. Vasiliev, V.Yu. Solovyov, Priest Kirill Petrovich

SOVIET POWER AND THE RENOVATIONIST SCHISM
IN THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH: ARCHIVAL
MATERIALS OF SARATOV PROVINCE (PART II)

Background: the article deals with the formation of the idea of freedom of religion and freedom of conscience in the Soviet state, the role of the struggle of ideologies and the Renewal schism in the Russian Orthodox Church in the 1920s. The political and ideological crisis in Russia manifested itself in the process of realization of the state policy in relation to the Russian Orthodox Church, freedom of religion and freedom of conscience. **Objective** — to show the role of the Soviet authorities in the Renewal schism in the Russian Orthodox Church in the 1920s (on the archival materials of the Saratov Province). **Methodology:** dialectical understanding of the relationship between the general and the particular in the historical process, the principle of historicism, an interdisciplinary approach, systemic and historical-legal methods. **Results:** in the process of implementing its church policy, the Soviet authorities relied on the supporters of Renewalism, whose activities provoked a church split. The Renewalists carried out activities aimed at discrediting the clergy and believers and destroying the ROC from within. The Renewalists convinced the representatives of the Soviet authorities of their loyalty to it and the hostility of their opponents (clergy and believers who did not accept Renewalism). On the ground, the political and ideological activities of the Gubispolkoms, particularly in Saratov Province, were aimed at “unofficial support of the Renewal movement” in the ROC. **Conclusions:** the interdisciplinary approach contributes to the historical and historical-legal analysis of the relationship between the Soviet authorities, clergy and believers; it explains the duality of the Soviet state’s policy towards society: on the one hand, it legally formalized freedom of religion and freedom of conscience, and on the other hand, it purposefully pursued a policy of atheistic education of citizens called to become the backbone of the socialist state.

Keywords: Soviet power, Soviet state, Russian Orthodox Church, Renovationalist schism, Soviet state legislation.

Для понимания двойственности политики Советского государства в отношении верующих особый интерес вызывает Инструкция НКЮ РСФСР и НКВД РСФСР по вопросам отделения церкви от государства от 19 июня 1923 г.¹ В краткой преамбуле отражены причина издания и задачи Инструкции: первое — ответы на жалобы населения и запросы должностных лиц; второе — исключить в практической деятельности местных властей отклонения в исполнении декретов об отделении церкви от государства.

Практика применения декретов показала, что местная власть отступала от их содержания и сталкивалась с проблемами их применения. Губернской власти предписывалось выстраивать отношения с верующими и атеистами

¹ См.: Собрание узаконений. 1923. № 72, ст. 699.

на основе соответствующих статей Конституции РСФСР 1918 г. и декретов Советской власти. Согласно Инструкции, местная власть обязана была обеспечить «спокойное и свободное отправление религиозных потребностей граждан в той лояльной форме, какая им угодна, и привлекать к ответственности лиц, нарушающих законы Р.С.Ф.С.Р.» (ст. 8). Прихожане церкви получали право бесплатного пользования зданиями и имуществом культа на основании договора с органами власти — местными советами на условиях ответственной эксплуатации зданий (бережного отношения, своевременного ремонта, сохранности как народного достояния) и за «произнесенные в храме проповеди» (ст. 11)¹.

Особый интерес вызывает публикация консультанта 3-го отделения НКЮ РСФСР П.В. Гидулянова с разъяснениями 5-го отделения НКЮ РСФСР по вопросам культа². В 1924 г. произошли изменения в управлении церковной политикой. Постановлением Президиума ВЦИК от 25 августа 1924 г. высшее управление передано в Секретариат по делам культа при Председателе ВЦИК. Решением ВЦИК и СНК РСФСР (Положение от 11 августа 1924 г.) реализацию законов об отделении церкви от государства на местах возложили на административные отделы губисполкомов.

Одновременно губисполкомы должны были «оказать всякую возможную, но не официальную поддержку обновленческому движению» [1, с. 218]. Ряд губернских городов 14 марта 1922 г. получили шифротелеграмму Государственного политического управления при НКВД РСФСР (далее — ГПУ) с требованием к руководству обеспечить «стягивание в Москву нужного духовенства». Перед губчека была поставлена задача — убедить авторитетных священников поехать в столицу для временной агитационной работы на возмездной основе³.

Троцкисты сделали все, чтобы пользующиеся авторитетом в народе саратовские протоиереи Сергей Ледовский и Николай Русанов взялись за реализацию обновленческой идеи. Они вошли в число организаторов «живой церкви», при создании обновленческого Высшего Церковного Управления (ВЦУ) вошли в первый состав руководства, в числе других поставили свои подписи под воззванием «Верующим сынам Православной церкви России» (13 мая 1922 г.). Руководители обновленчества обвинили арестованного патриарха Тихона и высшее духовенство в антигосударственной и антинародной деятельности (в провоцировании гражданской войны, отказе в помощи голодающим) [2].

Следующим шагом было решение организационных вопросов на местах. Протоиерей Н. Русанов получил мандат «от июля 3 дня 1922 г. за № 335 Центрального Управления Церкви» для выполнения задачи в Саратове. На организованном 11 июля 1922 г. собрании «живой церкви» состоялось избрание временного Управления Саратовской Церковью. В него вошли протоиерей Н. Русанов, протоиерей С. Ледовский и ряд других сторонников обновленчества⁴. И в тот же день они взяли управление епархией в свои руки, освободив от этой должности епископа Иова (Рогожина).

¹ См.: Собрание узаконений. 1923. № 72, ст. 699.

² См.: Гидулянов П.В. Приложение // Отделение церкви от государства: полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т.д. с разъяснениями V отдела НКЮ РСФСР / под ред. П.А. Красикова. 2-е изд. М.: Юрид. изд-во НКЮста РСФСР, 1924.

³ См.: ГАСО. Ф. Р-461. Саратовский городской совет народных депутатов и его исполнительный комитет (1918–1922). Оп. 2. Д. 1а. Л. 2: Циркуляр об отделении церкви от государства.

⁴ См.: ГАСО. Ф. Р-461. Саратовский городской совет народных депутатов и его исполнительный комитет (1918–1922). Оп. 2. Д. 1а. Л. 2: Циркуляр об отделении церкви от государства.

Столь энергичную деятельность и решительность обновленцев обусловила поддержка советской власти. Епископ Иов запретил священнослужение протоиереев Русанова, Поспелова и соборного диакона Иоанна Бирюлева. Сопrotивление их деятельности обновленцы назвали «репрессиями староцерковников» и просили защиты у Губисполкома. Епископ Иов был смещен с должности. А до него епархией управлял епископ Досифей (Протопопов), арестованный в апреле 1922 г. за отказ подчиниться живоцерковникам¹.

Желая перехватить бразды правления епархией и выставить себя единственно легитимной духовной властью, живоцерковники через государственные органы запретили любые собрания духовенства и мирян без их ведома.

Епископ Иов настолько эффективно дал отпор обновленцам, что последние угрожали Губисполкому снять с себя ответственность за происходящее в Церкви в случае, если государственная власть не изгонит его в Вольск. Что и было вскоре сделано под давлением властей. Однако даже в отсутствие епископа сопротивление продолжилось, хоть уже и не столь успешно, поскольку у раскольников был свой епископ.

После отъезда епископа Иова обновленцы захватили помещение канцелярии епархиального управления. Епископ Николай (обновленец) стал председателем управления, а епархия перешла в подчинение ВЦУ. Некоторые священники, ранее не признававшие ВЦУ, вошли в обновленческое епархиальное управление, в том числе ключарь собора отец Леонид Поспелов². В подчинение ВЦУ перешло духовенство некоторых церквей. Впоследствии, после обличений на общем собрании клириков Саратова отцом Павлом Соколовым, после незаконного захвата власти обновленцами, почти все духовенство вернулось под Патриаршую Церковь. Не решились вступать в спор с будущим Саратовским епископом Петром (отец Павел Соколов) присутствующие там живоцерковники³.

Следует отметить, что отец Павел имел многочисленных сторонников среди саратовского духовенства: протоиерей Павел, о. Михаил Сошественский, о. Владимир Знаменский, о. Леонид Фиалковский. Другие (о. Иоанн Соколов, о. Владимир Захаркинский, о. Александр Лебедев) были бескомпромиссны в борьбе с обновленцами [1].

Среди саратовских мирян раскола не произошло. Они единодушно воспринимали живоцерковников предателями, врагами Церкви и деятельно поддержали духовенство, оставшееся в патриаршей церкви (например, коллектив верующих Кафедрального Александрo-Невского собора, пользуясь своими правами, уволил перешедшее в обновленчество духовенство и физически препятствовал им в попытках совершать богослужения)⁴. То же случилось, когда служить в Соборе попытался присланный из Москвы новый уполномоченный ВЦУ протоиерей Н.

¹ См.: Там же. Д. 1к. Л. 1–3: Циркуляр и материалы об отделении церкви от государства. 1922 год; ГАСО. Ф. Р-521. Об обновленцах животворящей церкви. Саратовский уезд. Оп. 4. Д. 49. Л. 1 об. 1923 год.

² См.: ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 5: Циркуляр об отделении церкви от государства.

³ См.: Там же. Л. 11: Циркуляр об отделении церкви от государства. 1923 год; ГАСО. Ф. Р-521. О сочувствии старой церкви и недоверии к обновленцам. Оп. 4. Д. 82. Л. 2, 4, 5 об., 25. 1924 год.

⁴ См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 26. Л. 67, 68, 73, 74, 76: Жалобы в ликвидационный отдел Наркомюста поступившие от общин Александрo-Невского собора, Крестово-Успенской, Сергиевской, Владимирской, Никольской и кинобийской церквей Саратова на то, что местная власть принуждает группы верующих к расторжению договоров с ней в пользу ВЦУ, а также препятствует служению в этих храмах священнослужителей, не признающих ВЦУ.

Коблов. Совет коллектива верующих дал ему грамотный отпор. Основываясь на разъяснениях прокурора о правах коллективов верующих, Совет попросил его впредь не совершать богослужения в связи с принадлежностью к «живой церкви», иначе обещал написать заявление об этом в Губисполком для возбуждения против протоиерея уголовного дела по ст. 103 УК. Та же участь постигла протоиереев Пospelова и Русанова, хотя последний, по воспоминаниям очевидцев, там и не появлялся¹.

Другие церковные советы в течение двух-трех недель уволили священников и дьяконов, признавших ВЦУ. Обновленцы остались только в двух храмах: церковь Ново-Никольская и кладбищенская (Воскресенская).

Современник и участник тех событий как член церковного совета, юрист А.А. Соловьев в статье «Мемориальные записки...» объясняет причины успешной деятельности обновленцев [3]. «Сменовеховские попы» держались в первые месяцы своего существования исключительно на страхе репрессий со стороны советской власти, на лживых призывах, обращениях к мирянам и обвинениях патриаршей церкви. Когда же государство дистанцировалось от внутрицерковного противоборства, страх репрессий стал уходить, тогда раскольники быстро утратили свои позиции. Обновленческое движение вообще бы прекратило свое существование, если бы не радикальные меры троцкистов, находящихся во власти. Они реанимировали движение, поспособствовали преданию ему внешнего вида православия, сохраняя обновленческую сущность².

Противостояние «тихоновцев» и обновленцев в Саратовской епархии продолжалось на богослужениях до конца лета 1922 г. Так, во время литургии служащим священником Валентином Быстрениным был изгнан из собора диакон Кафедрального Александро-Невского собора, решивший поминать обновленческого епископа Николая на ектениях. Присутствующий на литургии настоятель протоиерей Александр Лебедев поддержал священника. Аналогичная участь постигла иеромонаха Серафима — 27 сентября 1922 г. он пришел помолиться в Крестовую церковь, но архимандрит Евфимий не дал ему даже приложиться ко Кресту, после чего прихожане, называя его хриstopродавцем, красным и коммунистом, выгнали его из церкви. Регулярно не допускались до служения клиром и мирянами и другие деятели обновленчества.

Раскольники официально (письменно) жаловались в Саратовский губисполком и не только. За отказ принимать «живую церковь» они своими распоряжениями отлучали от церковного общения священников и членов совета коллектива верующих. Естественно, прихожане не считали распоряжения обновленцев законными. Проявленная принципиальность оборачивалась ловушкой для них. Обновленцы уведомили Губисполком об игнорировании их распоряжения, подталкивая власть к расторжению договоров об аренде храмов с коллективами прихожан, так как живоцерковным епископом они были вычеркнуты из списка прихожан и лишены права быть членами советов коллективов, пока не признают ВЦУ и не «покаются».

Так 11/21 августа 1922 г. епископ Николай уведомил Губисполком об отлучении советов коллективов Кафедрального Александро-Невского собора, Митрофа-

¹ См.: Там же. Л. 36 об.: Отношение, направленное в Саратовский губисполком 24 августа 1922 г. членами обновленческого Саратовского епархиального управления.

² См.: Там же. Л. 36 об., 64, 64 об.: Циркуляр и материалы о закрытии церквей. О конфликте и расколе. 14.10.22.

ниевской, Сергиевской, Старо-Никольской, Крестовоздвиженской, кинобийской церковью и требовал расторжения с ними договора. И получил поддержку. В связи с этим обновленцы решили не тратить время и силы на обвинения православного духовенства в контрреволюции, на привлечение на свою сторону верующих, а стали отнимать храмы с помощью власти¹.

В эти же дни епископ Николай просил Губисполком дать распоряжение иеромонахам бывшего архиерейского дома о немедленной передаче Саратовскому Епархиальному Управлению шелковых платов для свв. антиминов и ставленнические грамоты. Уже на следующий день все они были вызваны на беседу к заведующему Отделом Управления Губисполкома т. Зюзину².

Несмотря на административное давление, православные («тихоновцы») не сдавались, давая отпор живоцерковникам и разоблачая раскол. Так, например, уволенная епископом Николаем 24 августа 1922 г. с должности настоятельницы «ввиду явной контрреволюционной деятельности» игуменья Антония (Заборская) 16/29 сентября воспрепятствовала протоиерею Евгению Вторину, прибывшему с мандатом от епископа Николая на вступление в должность заведующего Крестовоздвиженским женским монастырем, на основании того, что монастыря уже не существует (есть трудовая артель), а про Никольский храм в мандате ничего не было сказано, и вообще он принадлежал коллективу верующих. Заведующему Отделом Управления Губернского исполнительного комитета т. Зюзину пришлось для спасения достоинства обновленцев писать новый мандат на Никольский храм от 5 ноября 1922 г.³

Аналогичным образом обновленческим духовенством впоследствии были захвачены одна за другой почти все церкви Саратова. Их ждала печальная участь закрытия и разрушения. Верующие не посещали храмы живоцерковников, и на этом основании они возвращались государству для закрытия. К концу 1930-х гг., несмотря на самоотверженную борьбу саратовцев и духовенства, состоявшего в каноническом подчинении Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского), в Саратове не осталось ни одной действующей церкви. Раскольническая церковь не способна была объединить верующих и выполнить связующую функцию между властью и народом.

Благодаря Русской православной церкви, в нашем Отечестве появилось общее поле деятельности и служения, где любая власть воспринималась лучше, чем безвластие. Православные христиане имеют заповедь от апостола: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены». Святой Юстиниан определял это состояние как «симфонию» (согласие), точнее «созвучие» [4, с. 2, 5].

Ярчайшим выражением византийской симфонии в России служили церковные соборы, исполнение решений которых во многом обеспечивалось поддержкой государственной власти [5, с. 66–67]. Для воплощения принципа симфонии даже не обязательно придание Православию статуса государственной религии со всеми вытекающими изменениями законодательства; поскольку принцип

¹ См.: ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 9: Письмо № 2679 (губфинотдел); Ф. Р-521: О сочувствии старой церкви и недоверии к обновленцам. Оп. 4. Д. 82. Л. 5 об., 25.

² См.: Там же. Л. 10: Исполнительный комитет Саратовского Губернского Совета трудящихся. Письмо № 2580.

³ См.: Там же. Л. 11 об., 12: Циркуляр об отделении церкви от государства.

симфонии, как и все настоящее, состоит в факте, а не в букве закона. Эту глубокую сущность митрополит Сергей (Страгородский) передает в Послании от 29 июля 1927 г., которое кроме него подписали восемь членов Временного Патриаршего Священного Синода, уважаемые иерархи Русской православной церкви¹.

Его до публикации в печати напечатали пятитысячным тиражом в виде листовок для скорейшего распространения по приходам. Но цель не была достигнута. Многие священнослужители и прихожане ознакомились с Посланием, опубликованным 18 августа в газете «Известия», что принципиально меняло его восприятие, так как в том же номере была напечатана редакционная пропагандистская статья, провокационно «уличающая» в «перекрашивании тихоновцев в советские цвета», что закрепилось в общественном сознании [6, с. 123].

Начались ожесточенные нападки со стороны либерально настроенной общественности и духовенства русской эмиграции. В Декларации митрополит Сергей, подобно Патриарху Тихону, дал разъяснение своей лояльной позиции по отношению к Советскому государству, о которой публично заявил в Послании, опубликованном 28 июня 1923 г. в газете «Известия». В обращении к архипастырям, пастырям и пасомым Русской православной церкви сказано: «Я, конечно, не выдавал себя за такого поклонника советской власти, какими объявляют себя церковные обновленцы... но зато я и далеко не такой враг ее, каким они меня выставляют... Со временем многое у нас стало изменяться, и теперь, например, приходится просить советскую власть выступить на защиту обижаемых русских православных в Холмщине и Гродненщине, где поляки закрывают православные церкви... Я решительно осуждаю всякое посягательство на советскую власть, откуда бы оно ни исходило» [7, с. 110–112].

В январе 1924 г. Патриарх издал указ о молитвенном поминовении государственной власти за богослужением: «О стране Российской и властях ее» [8; 9, с. 217–218]. А в завещании Патриарха Тихона от 25 марта (7 апреля) 1925 г., опубликованного 15 апреля, сказано: «С глубокой скорбью мы должны отметить, что некоторые из сынов России и даже архипастыри и пастыри... занялись за границей деятельностью, к коей они не призваны, и во всяком случае вредной для нашей Церкви... Мы решительно заявляем: у нас нет с ними связи, как это утверждают враги наши, они чужды нам. Мы осуждаем их вредную деятельность. Они вольны в своих убеждениях, но они в самочинном порядке и вопреки канонам... действуют от нашего имени и от имени Святой Церкви, прикрываясь заботами о ее благе. Не благо принес Церкви и так называемый Карловацкий Собор, осуждение коего мы снова подтверждаем... Мы выражаем твердую уверенность, что установка чистых, искренних отношений побудит нашу власть относиться к нам с полным доверием, даст нам возможность преподавать детям наших пасомых Закон Божий, иметь богословские школы для подготовки пастырей, издавать в защиту православной веры книги и журналы...» [10].

Авторитет Патриарха Тихона был непререкаем. Митрополит Сергей, подписывая и публикуя Декларацию о лояльности к советской власти, не подвергся осуждению и был понят верующими, так как опорой ему служило Послание

¹ См.: ГАРФ. Ф. 6343. Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей. Оп. 1. Д. 263. Л. 18, 19. Машинописная копия Послания Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия и Временного Патриаршего Священного Синода архипастырям, пастырям и всем верным чадам Всероссийской Православной Церкви.

Патриарха. Дискредитация патриаршей церкви не удалась. А проявленная РПЦ терпимость к советской власти после нанесенных обид, способность возвыситься до понимания действий Советского государства откликнулись отказом власти от поддержки раскольников, что ускорило распад обновленчества, которое к концу 1930-х гг. самоликвидировалось. Анализ архивных документов дает основания авторам статьи для следующего объяснения такого исхода. Живоцерковники своей деятельностью привнесли политику в жизнь Русской православной церкви, стремясь установить свою власть. Тесное взаимодействие с советской властью сделало обновленцев активными участниками внутренней политики государства, а через них и Русской православной церкви. Слабость позиции обновленческой церкви заключалась в опоре на мелкобуржуазные элементы, в расчете на дальнейшую реставрацию капитализма и в приспособленчестве в текущих социально-политических реалиях. Митрополит Сергей видел, что возврата к старому нет, поэтому Московский Патриархат в советских реалиях занимал патриотическую позицию, которая близка верующим, а обновленчество вызывало недоверие и отторжение¹.

Русская православная церковь обустроивалась в очень сложных общественно-политических реалиях. Она была смещена с прежних позиций политического статуса и формального влияния в государстве. Но, как и общество, пройдя тяжелейшее потрясение революций и гражданской войны, Церковь не пошла на компромиссы с популярными учениями того времени, не стала субъектом политической борьбы и превозмогла внутренние революционные явления. Церковь продемонстрировала свою приверженность основам Веры и силу духа. Утраченные политико-организационные возможности, поддержка государства позволили сплотиться с народом. С большими трудами укрепляя свои позиции, Церковь обеспечивала сохранение и созидание духовности, морали и нравственности в верующих нарождающегося нового общества. Сами русские архиереи и священники, исповедники Христовой истины, оставшиеся с народом, готовы были к любым испытаниям.

В заключение обратим внимание, что, несмотря на трагизм отношений государства и Церкви в 1920–1930-е гг., мученическую судьбу многих архиереев и священников, митрополит Сергей Страгородский уже 22 июня 1941 г. выступил с Посланием пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви [11, с. 103–104; 12]².

Таким образом, митрополит Сергей, иерархи Церкви стали истинными духовными наставниками народа. С началом войны Русская православная церковь вновь встала вместе с государством на защиту Родины. Этот союз был оформлен в 1943 г. восстановлением патриаршества [13].

В книге «Русская Симфония» митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн писал, что, кажется, наступает время покаяния и прозрения. Похоже, Россия допивает последние капли из чаши гнева Божия [14, с. 147–148]. Теперь, обладая огромным трагическим опытом, жителям России важно заново осмыслить пройденный путь, научиться отличать добро от зла, истину от лжи, настоящую духовность от лукавой подделки.

¹ См.: ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 18, 19.

² См.: ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 67–68: Памятная записка о нуждах Православной Патриаршей Церкви в СССР, направленная митрополитом Сергием 19 февраля 1930 г. на имя П.Г. Смидовича.

В самые неблагоприятные исторические периоды Церковь объединяла народ для защиты России от врагов Отечества и Веры. Закономерно, что для нашей державы оптимальным является христианский принцип властей — симфония; идея общественного служения. Симфония Церкви и государства и в будущем позволит создать духовные соединительные конструкты, которые будут определять жизнедеятельность народов России.

Церковь может придать этносам, населяющим наше Отечество, свойство соборности — осознание духовной общности, коренящейся в общем служении, общем долге [15, с. 56]. Смысл этой общности был и остается в служении вечной правде, той Истине, которая возгласила о Себе словами Евангелия: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14: 6). И митрополит Иоанн, и митрополит Ювеналий проповедают, что осмысленность служения и самопожертвования всегда имела конкретную цель — посылно приблизиться к Богу и воплотить в себе нравственный идеал Православия [16; 17].

Попытки встроить в начале 1920-х гг. Церковь и верующих в систему государственного и общественно-политического строительства посредством обновленческого движения свидетельствуют об использовании большевиками Церкви в качестве инструмента реализации своей политики. Вмешательство Советского государства в дела Русской православной церкви носило деструктивный характер, так как способствовало церковному расколу. В процессе реализации свободы вероисповедания и свободы совести советская власть отказалась от принципа соборности, что стало одной из причин духовно-нравственного кризиса в обществе.

Библиографический список

1. *Протоиерей Краснощеков К.* Сопротивление обновленческому расколу насельников и прихожан Спасо-Преображенского мужского монастыря г. Саратова // Труды Саратовской православной духовной семинарии: сборник. Саратов: Изд-во Саратовской митрополии, 2012. Вып. 6. С. 216–219.
2. *Протоиерей Краснощеков К.* Голод 1921 года в Саратовском Поволжье и зарождение обновленческого раскола // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2007. Вып. 1. С. 118–119.
3. Саратовская епархия в 1917–1930 гг. Мемориальная записка А.А. Соловьева // Вестник ПСТГУ II. Сер.: История. История Русской Православной Церкви. 2010. Вып. 4(37). С. 88–125.
4. *Ильин И.А.* О богоустановленности советской власти // Возрождение. Париж. 1936. 23 апреля, № 3977. С. 4–6.
5. *Митрополит Иоанн (в миру Снычев И.М.).* Самодержавие духа: Очерки русского самосознания. СПб.: Царское дело, 1995. 349 с.
6. *Одинцов М.И.* Декларация митрополита Сергия от 29 июля 1927 г. и борьба вокруг нее // Отечественная история. 1992. № 6. С. 123–140.
7. *Одинцов М.И.* Русские Патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах арх. док. М.: РАГС, 1999. 334 с.
8. *Протоиерей Виноградов В.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона (1923–1925) // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 30–40.
9. Русская православная Церковь и коммунистическое государство, 1917–1941: документы и фотоматериалы / [отв. сост. О.Ю. Васильева]. М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 1996. 326 с.
10. Предсмертное завещание смиренного Тихона, Патриарха Московского и всея Церкви // Известия. 1925. 15 апреля, № 86. С. 1.

11. *Митрополит Иоанн (в миру Снычев И.М.)*. Стояние в вере. Очерки церковной смуты: на основе материалов, собранных митрополитом Мануилом (Лемешевским) (1884–1968). СПб.: Царское Дело, 1995. 272 с.
12. *Священник Илия Соловьев*. Неопубликованные документы из архива митрополита Сергия (Страгородского). Научно-богословский и церковно-общественный журнал // Церковь и время. 2009. № 2(47). С. 216–234.
13. *Протоиерей Краснощекоев К.* К вопросу о «сергианстве» Русской Православной Церкви // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2017. Вып. 11. С. 162–163.
14. *Митрополит Иоанн (в миру Снычев И.М.)*. Русская Симфония. СПб.: Царское Дело, 2013. 493 с.
15. Слово митр. Крутицкого и Коломенского Ювеналия перед отпеванием Высокопреосвященного Иоанна, митр. Санкт-Петербургского и Ладожского, в Троицком Соборе Александро-Невской Лавры 05.11.1995 // Журнал Московской Патриархии. 1995. № 11. С. 56.
16. *Митрополит Иоанн (в миру Снычев И.М.)*. «Исполним вечернюю молитву нашу Господеви...» // Журнал Московской Патриархии. 1971. № 2. С. 42–43.
17. Слово митр. Крутицкого и Коломенского Ювеналия, произнесенное по окончании всенощного бдения в Троицком Соборе Александро-Невской Лавры 04.11.1995 // Журнал Московской Патриархии. 1995. № 11. С. 55–56.

References

1. *Archpriest Krasnoshchekov K.* Resistance to the Renovatianist Schism of the Inhabitants and Parishioners of the Transfiguration Monastery of Saratov // Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary: Collection. Saratov: Publishing House of the Saratov Metropolia, 2012. Iss. 6. P. 216–219.
2. *Archpriest Krasnoshchekov K.* The Famine of 1921 in the Saratov Volga Region and the Origin of the Renovatianist Schism // Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary. 2007. Iss. 1. P. 118–119.
3. Saratov Diocese in 1917–1930. Memorial note by A.A. Solovyov // Bulletin of PSTSU II: History. The History of the Russian Orthodox Church. 2010. Issue 4(37). P. 88–125.
4. *Ilyin I.A.* On the God-Establishment of Soviet Power // Renaissance. Paris, 1936. April 23, No. 3977. P. 4–6.
5. *Metropolitan John (in the world Snychev I.M.)*. Autocracy of the Spirit: Essays on Russian Self-Consciousness. St. Petersburg: Tsarskoe Delo, 1995. 349 с.
6. *Odintsov M.I.* Declaration of Metropolitan Sergius of July 29, 1927 and the Struggle Around It. // Domestic History. 1992. No. 6. P. 123–140.
7. *Odintsov M.I.* Russian Patriarchs of the XX century: The Fate of the Fatherland and the Church on the Pages of the Arch. Doc. M.: RAGS, 1999. 334 p.
8. *Archpriest Vinogradov V.* On Some of the Most Important Moments of the Last Period of the Life and Activity of His Holiness Patriarch Tikhon (1923–1925) // Church Historical Bulletin. 1998. No. 1. P. 30–40.
9. The Russian Orthodox Church and the Communist State, 1917-1941: documents and photographic materials / [rel. comp.: O.Y. Vasilyeva]. M.: St. Andrew's Bible and Theological Institute, 1996. 326 p.
10. The Deathbed Will of the Humble Tikhon, Patriarch of Moscow and All the Church // Izvestia. 1925. April 15. No. 86. P. 1.
11. *Metropolitan John (in the world Snychev I.M.)*. Standing in Faith. Sketches of the Church Troubles: Based on Materials Collected by Metropolitan Manuel (Lemeshevsky) (1884–1968). St. Petersburg: Tsarskoe Delo, 1995. 272 p.
12. *Priest Elijah Soloviev*. Unpublished Documents from the Archive of Metropolitan Sergius (Stragorodsky). Scientific-Theological and Church-Public journal // Church and Time. 2009. No. 2(47). P. 216–234.

13. *Archpriest Krasnoshchekov K.* On the Question of “Sergianism” of the Russian Orthodox Church // *Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary.* 2017. Iss. 11. P. 162–163.
14. *Metropolitan John (in the World Snychev I.M.).* Russian Symphony. St. Petersburg: Tsarskoe Delo, 2013. 493 p.
15. The Word of Mitr. Krutitsky and Kolomna Juvenal before the funeral service of His Eminence John, Mitr. St. Petersburg and Ladoga, in the Trinity Cathedral of the Aleksandr Nevsky Lavra on 05.11.1995 // *Journal of the Moscow Patriarchate.* 1995. No. 11. P. 56.
16. *Metropolitan John (in the World Snychev I.M.).* “Let Us Fulfill Our Evening Prayer to the Lord ...” // *Journal of the Moscow Patriarchate.* 1971. No. 2. P. 42–43.
17. The Word of Mitr. Krutitsky and Kolomna Juvenal, pronounced at the end of the All-night vigil in the Trinity Cathedral of the Alexander Nevsky Lavra on 04.11.1995 // *Journal of the Moscow Patriarchate.* 1995. No. 11. P. 55–56.

А.Д. Гуляков, А.Ю. Саломатин, Н.В. Макеева

**КОНГРЕССЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ АКАДЕМИИ
СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ
АНАЛИЗ (К 100-ЛЕТИЮ МЕЖДУНАРОДНОЙ
АКАДЕМИИ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВА)**

Введение: постмодернизационные процессы в сфере государственно-правовой действительности привели к необходимости изучения правовых норм в сравнительно-правовом ключе в целях реформирования национального законодательства посредством рецепции лучших образцов зарубежного правового опыта. Для решения данной задачи в 1924 г. была учреждена Международная академия сравнительного права, конгрессы которой демонстрируют непреходящий и всевозрастающий интерес к юридической компаративистике. **Цель** — комплексное исследование программ конгрессов Международной академии сравнительного права и их сравнительно-правовой анализ. **Методологическая основа:** исторический, системный, формально-юридический, сравнительно-правовой методы научного познания. **Результаты:** историко-правовое исследование выявило, что характерной чертой конгрессов Международной академии сравнительного права выступает сочетание относительной стабильности (анализ базовых отраслей публичного и частного права) с их актуализацией в связи с развитием и трансформацией общественных отношений. **Выводы:** конгрессы Международной академии сравнительного права способствуют развитию сравнительно-правовой науки и отличаются многогранностью затронутых проблем (от исследования теоретических аспектов отдельных отраслей права до модернизации национального законодательства).

Ключевые слова: сравнительное правоведение, Международная академия сравнительного права, программа конгрессов Международной академии сравнительного права, сближение правовых систем, модернизация права.

© Гуляков Александр Дмитриевич, 2024

Доктор юридических наук, профессор, ректор (Пензенский государственный университет); e-mail: rector@pnzgu.ru

© Саломатин Алексей Юрьевич, 2024

Доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Теория государства и права и политология» (Пензенский государственный университет); e-mail: valeriya_zinovev@mail.ru

© Макеева Наталья Владимировна, 2024

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория государства и права и политология» (Пензенский государственный университет); e-mail: makeeva-nv@yandex.ru

© Gulyakov Aleksandr Dmitrievich, 2024

Doctor of Law, Professor, Rector (Penza State University)

© Salomatin Alexey Yurievich, 2024

Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science (Penza State University)

© Makeeva Natalia Vladimirovna, 2024

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Theory of State and Law and Political Science (Penza State University)

A.D. Gulyakov, A.Yu. Salomatin, N.V. Makeeva

CONGRESSES OF THE INTERNATIONAL ACADEMY OF COMPARATIVE LAW: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS (TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE INTERNATIONAL ACADEMY OF COMPARATIVE LAW)

Background: *postmodernization processes in the sphere of state-legal reality have led to the need to study legal norms in a comparative legal manner in order to reform national legislation by means of adopting the best examples of foreign legal experience. To solve this problem, the International Academy of Comparative Law was established in 1924, the congresses of which demonstrate the everlasting and ever-increasing interest in legal comparativism. Objective — a comprehensive study of the congress programs of the International Academy of Comparative Law and their comparative legal analysis. Methodology: historical, systemic, formal legal, comparative legal methods of scientific cognition. Results: historical and legal research has revealed that a characteristic feature of the congresses of the International Academy of Comparative Law is a combination of relative stability (analysis of the basic branches of public and private law) with their actualization in connection with the development and transformation of social relations. Conclusions: congresses of the International Academy of Comparative Law contribute to the development of comparative legal science and are distinguished by the multifaceted nature of the problems raised (from the study of theoretical aspects of individual branches of law to the modernization of national legislation).*

Keywords: *comparative law, International Academy of Comparative Law, program of congresses of the International Academy of Comparative Law, convergence of legal systems, modernization of law.*

Сравнительное правоведение весьма многогранно, имеет огромный теоретический и практический потенциал, нацелено на определение места правовой системы государства на юридической карте мира и выявление общих черт правовых систем, что способствует их сближению. Следствие интеграции правовых систем — неминуемая модернизация права в целях его гармонизации и унификации. В условиях глобализации государственно-правовой действительности сравнительное правоведение — это основной механизм модернизационных и постмодернизационных преобразований права.

По мнению В.А. Туманова, «объективными факторами, обуславливающими и подчеркивающими важную роль и необходимость развития сравнительного правоведения, являются: многообразие правовых систем современности; развитие правовых взаимосвязей и расширение международных, экономических, политических, культурных и иных связей между государствами; появление на правовой карте мира правовых систем новых не зависимых государств; деятельность международных организаций на сравнительной основе» [1, с. 13].

Современная юридическая наука немыслима без сравнительно-правовых исследований, богатого потенциала сравнительно-правового метода, который выступает в качестве фундамента сравнительного правоведения (юридической компаративистики).

«В эпоху постмодернизации и глобализации правомерно ставится вопрос о необходимости глубокой межпредметной компаративизации знаний» [2]. Использование одного только сравнительно-правового метода или опоры на сравнительное правоведение как дисциплину с полуторавековой историей уже недостаточно. Нам не хватает, с одной стороны, комплексного, а с другой — тщательно выверенного, прагматичного подхода к оценке государственно-пра-

вовых явлений [3, с. 48]. Именно «сравнительное правоведение играет здесь роль “легального моста” между “государственными берегами”» [4, с. 3].

В условиях глобализации существенно возрастает роль гармонизации и унификации права. Согласимся с И.Л. Бачило, что «добиться согласованности, стройности, непротиворечивости в системе права и в наиболее формализованной его части в законодательстве даже одного государства достаточно сложно» [5, с. 84]. Тогда на помощь приходит сравнительное правоведение, которое «облегчает понимание зарубежных правовых систем, способствует изучению и использованию собственного национального права» [6, с. 59].

Особенности правовых систем и правовых семей накладывают отпечатки на процессы реализации права. По мнению В.И. Лафитского, в странах славянской правовой традиции «законодательство остается лишь одной из форм существования права. Большое значение имеют обычаи, традиции, дополняющие, изменяющие либо сдерживающие инициативы власти. Действующие в различных местных, национальных либо профессиональных сообществах, они формируют мощный глубинный пласт права, который неподвластен воле правителей. Именно это объясняет неудачи в применении многих законодательных актов в России и Украине, Болгарии и Сербии, Польше и Чехии» [7, с. 273]. Подобные аспекты применения права, на первый взгляд, являются определенным препятствием для заимствования лучших образцов зарубежного правового опыта, в том числе и образцов законодательных актов родственных правовых семей. Однако данные препятствия на пути рецепции законодательных новаций вполне преодолимы. Механизм заимствования нормативного материала следует сочетать с взвешенной, весьма осторожной его корректировкой в соответствии с особенностями правотворчества и правоприменения в рамках определенной правовой системы.

«Исследование законодательства зарубежных стран дает примеры не только позитивного, но и негативного опыта, который должен учитываться при разработке концепций развития российского законодательства. В частности, неудачным был опыт построения рынка ценных бумаг, регулирования миграционных потоков, организации банковского дела, борьбы с организованной преступностью» [8, с. 20]. Подобный опыт подлежит учету в рамках процессов гармонизации и унификации законодательства.

Сущность сравнительного правоведения также выступает предметом оживленных споров в научном сообществе. Долгое время существовали два противоположных подхода к определению сущности сравнительного правоведения, условно их можно разделить на сторонников «метода» и сторонников «науки». Первые отождествляют сравнительно-правовой метод и сравнительное правоведение [9]. Вторые рассматривают сравнительное правоведение как науку и учебную дисциплину [10]. И только дуалистический подход, позволяющий интегрировать «метод» и «науку», находит свое воплощение в концептуальной роли юридической компаративистики, которая рассматривается в контексте стратегической перспективы.

Весьма перспективным и важным этапом институционализации сравнительного правоведения стало создание в 1924 г. Международной академии сравнительного права (МАСП). МАСП, которая в этом году отмечает свой вековой юбилей, стала первой международной научной площадкой, объединяющей компаративистов различных стран мира. Именно создание данной неправительственной

научной площадки позволило интенсифицировать сравнительно-правовые исследования и привлечь к ним дополнительный интерес мирового сообщества. Все это позволило сравнительному правоведению выйти на новый виток своего развития. Основная цель создания МАСП, которая не теряет своей актуальности и сегодня, состоит в реформировании национального законодательства, его модернизации, оптимизации, прочной базой которых выступает сравнительно-правовое исследование права.

Приоритетной формой деятельности МАСП, которая позволяет в полной мере достичь поставленной перед данной организацией цели, является проведение конгрессов по сравнительному праву и организационно-методическая работа по их обеспечению (разработка программ (тематики) конгрессов, публикация сборников пленарных докладов и т.д.). Конгрессы Международной академии сравнительного права способствуют развитию сравнительно-правовой науки и отличаются многогранностью затронутых проблем.

После двух первых конгрессов Академии, организованных в 1932 и 1937 гг., конгрессы проводятся каждые четыре года начиная с 1950 г. Большинство конгрессов проходило в Европе: 1950 г. в Лондоне (Англия), 1954 г. в Париже (Франция), 1958 г. в Брюсселе (Бельгия), 1962 г. в Гамбурге (Германия), 1966 г. в Упсале (Швеция), в 1970 г. в Пескаре (Италия), 1978 г. в Будапеште (Венгрия), 1994 г. в Афинах (Греция), 1998 г. в Бристоле (Англия), 2006 г. в Утрехте (Нидерланды), 2014 г. в Вене (Австрия). Четыре раза конгрессы МАСП проводились в Северной и Южной Америке: 1982 г. в Каракасе (Венесуэла), 1990 г. в Монреале (Канада), 2010 г. в Вашингтоне (США), 2022 г. в Асунсьоне (Парагвай), дважды в Австралии: 1986 г. в Сиднее, 2002 г. в Брисбене, дважды в Азии: 1974 г. в Тегеране (Иран), 2018 г. в Фукуоке (Япония).

«Ныне штаб-квартира МАСП располагается в Париже, объединяя свыше 800 ведущих юристов-компаративистов в качестве постоянных членов Академии из почти 80 стран мира (латинская группа; группа общего права; северная и центрально-европейская группа; восточноевропейская группа; ближневосточная и африканские группы; азиатская группа)» [11, с. 602].

Конгрессы МАСП способствуют развитию сравнительно-правовой науки и отличаются многогранностью затронутых проблем. Тематика конгрессов МАСП характеризуется относительной стабильностью, но при этом постоянно актуализируется в связи с развитием и трансформацией общественных отношений.

На V конгрессе 1958 г. в Брюсселе внимание участников было сосредоточено на комплексном анализе сравнительно-правового метода исследования, правовом регулировании вопросов конституционного (государственного) строительства, особенностях правового статуса личности, общих принципах построения аграрного законодательства и др. Многоплановость задач конгресса не вызывает сомнений, ракурс исследований весьма широк, но преобладающими стали вопросы конституционного права.

Данная исследовательская линия была продолжена и в работе VI конгресса МАСП 1962 г., который проводился в Гамбурге. Работа конгресса была сориентирована на проблемы публичного права, наряду с конституционным правом ракурс внимание участников данного конгресса был обращен на тенденции развития административного права и определения механизмов административной ответственности.

VII конгресс 1966 г. в Упсале (Швеция) был интересен не только значительным представительством научного сообщества компаративистов (он объединил более 500 юристов из почти 50 стран мира), но тематикой исследований, находящихся на стыке фундаментальной и прикладной юридической науки. Среди наиболее значимых секций конгресса можно выделить как теоретико-исторические исследования, так и вопросы отдельных отраслей публичного и частного права: история и философия права, конституционное право, уголовное право; административное право; гражданское право, международное частное право и др. Вектор исследований касался и методики преподавания сравнительного правоведения, его структуры.

VIII конгресс МАСП 1970 г. в итальянском Пескаре собрал уже более 800 участников, что подтверждает всевозрастающий интерес к сравнительно-правовым исследованиям в мире. Работа конгресса в основном была сориентирована на исследование материальных отраслей права (конституционное, гражданское, коммерческое, трудовое, административное, уголовное и другие отрасли права), но затрагивала отдельные проблемные вопросы процессуальных отраслей (преимущественно уголовного процесса).

Особое внимание участников конгресса привлекли вопросы международного публичного права. Произошло смещение ракурса исследований с международного частного права, что было обусловлено реформированием правового пространства под воздействием интеграции правовых систем.

В 1974 г. конгресс впервые прошел в Азии, в Тегеране. Это был IX конгресс МАСП, который посетили более 500 делегатов из почти 40 стран мира. Традиционная повестка конгресса была весьма успешно дополнена инновационной составляющей. Отрасли права, как публичного, так и частного, исследовались в качестве механизма правового обеспечения научно-технической революции. Например, вопросы гражданского права подлежали анализу сквозь призму патентного права, лицензионных договоров и др.

«X конгресс МАСП 1978 г. собрал свыше 700 участников и был многоотраслевым» [12]. Сфера интересов участников конгресса не была ограничена только базовыми отраслями публичного и частного права, существенное внимание уделялось таким отраслям права, как финансовое, налоговое, земельное. Значительное место в программе конгресса было посвящено вопросам исследований права в историко-правовом ключе (становлению правовых норм в разных правовых системах, соотношению права с другими видами социальных норм, концепциям правопонимания и оценке их достоинств и недостатков и др.). Интерес к историко-правовым и нередко историко-государствоведческим исследованиям неслучаен. Именно они позволяют понять природу права, раскрыть его сущность и в дальнейшем обнаружить отправные точки модернизационных преобразований государственно-правовой действительности, а следовательно, сделать первый шаг к реформированию национального законодательства на основе лучших (приемлемых для данной правовой системы) образцов зарубежного правового опыта. Без серьезной теоретической базы деятельность по рецепции законодательных новаций не достигнет своей основной цели — оптимизации национального законодательства через призму гармонизации и унификации правовых норм.

XI конгресс МАСП 1982 г. интересен, прежде всего, местом проведения — впервые конгресс МАСП радушно приняла Южная Америка (Каракас, Венесуэ-

ла). Секции конгресса не отличались уникальностью (значительное внимание участников было уделено отраслям процессуального права). Работа конгресса в основном была сориентирована на отрасли публичного права, среди которых явное предпочтение отдавалось вопросам конституционного права, что вполне объяснимо спецификой формы правления страны-хозяйки данного конгресса. Историко-правовые исследования вновь стали объектом пристального внимания участников конгресса.

XII конгресс МАСП 1986 г. собрал компаративистов всего мира в Австралии, Сиднее. Внимание участников конгресса на соотношении отраслей публичного и частного права, их взаимодействии и взаимопроникновении. Актуальной тематикой конгресса выступили проблемы финансового права как одной из отраслей публичного права. Наряду с исследованием отдельных аспектов международного частного права, которое неоднократно подвергалось анализу в рамках программы предыдущих конгрессов, компаративисты обратили свой взор на международное публичное право и его неизбежное реформирование под воздействием как объективных, так и субъективных факторов трансформации мирового порядка.

«В XIV конгрессе в Афинах (Греция) в 1994 г. приняло участие более 800 представителей из более чем 40 стран и на нем рассматривалось 34 темы» [13, с. 75]. Тематика конгресса демонстрировала сочетание традиций и инноваций (от историко-правового анализа правовой преемственности до обоснования необходимости формирования коллизионного права), общего и частного в исследовании отраслей права (от анализа базовых отраслей права к специфике отдельных подотраслей и институтов права, например изучение дискуссионных проблем избирательного права или определение тенденций развития парламентаризма и др.).

Работа XV конгресса МАСП 1998 г. в Бристоле (Англия) была посвящена целому ряду проблем, среди которых «гражданская ответственность; защита прав человека; доверительное управление; финансовое право; международные коммерческие договоры; корпоративное управление; эволюция парламентского контроля; религиозное право; ответственность государства как законодателя; потенциал и изменения трудового права и др.» [14].

XVI конгресс 2002 г. вновь прошел в Австралии, и если первый конгресс на австралийском континенте имел скорее теоретический характер, то данный конгресс кардинально изменил вектор проводимых исследований, произошел переход от фундаментальных сравнительно-правовых исследований к прикладным, касающимся отдельных наиболее дискуссионных проблем правоприменения. «Так в сфере торгового права были рассмотрены темы формирования общемировых стандартов ответственности за некачественные товары и услуги, прав миноритарных акционеров. Влиянию новых информационных технологий на правовое регулирование были посвящены доклады “Ответственность за деятельность в Интернете”, “Электронная коммерция: заключение и исполнение контракта”. Анализировались также проблемы уголовного, трудового, конституционного, административного права» [13, с. 75].

Взятый на прежнем конгрессе и отлично реализованный вектор прикладных сравнительно-правовых исследований был продолжен в программе XVII конгресса 2006 г. в г. Утрехте (Нидерланды). Широкий спектр сравнительно-правовых исследований, преимущественно в сфере публичного права, был представлен

участниками конгресса (правовое обеспечение деятельности судебной системы, особенности правового статуса апатридов, бипатридов, ограничение монополистической деятельности и защита конкуренции и др.). Впервые внимание участников конгресса было привлечено к правовому регулированию проблемы эвтаназии и ее соотношению с правовыми гарантиями права на жизнь. Правовые инновации, в частности правовое обеспечение деятельности электронного правительства, тоже входили в повестку данного конгресса.

Как указывает Ю.А. Тихомиров, член-корреспондент МАСП, непосредственный участник XVII конгресса, анализ структуры конгресса позволяет сделать следующие выводы: «во-первых, большое внимание уделяется общетеоретическим проблемам..., во-вторых, построение тематики ...не по отраслям права, в-третьих, обсуждение новых социально-правовых явлений, в-четвертых, рассмотрение в сравнительном плане традиционных устойчивых правовых институтов» [15, с. 150].

XVIII конгресс 2010 г. в Вашингтоне предусматривал следующую тематику: «Сравнительное право: проблемы и перспективы», «Сравнительное право и религия», «Место сравнительного права в университетском образовании», «Роль сравнительного права в судах и международных трибуналах», «Финансы и банки в мусульманских странах в сравнительной перспективе», «Запрещение пыток и культурный релятивизм», «Современное частное право» [16, с. 3–4].

Венский университет, один из крупнейших университетов Центральной Европы, стал в 2014 г. научной площадкой для проведения XIX конгресса МАСП. «Работа конгресса затронула проблемы международного арбитража, финансового права, уголовного права и процесса, коммерческого права, международного частного права, международного публичного права, трудового права, медиации, интеллектуальной собственности, контрактуализации семейного права, компьютерного права и др.»¹.

В 2018 г. XX юбилейный конгресс состоялся в Японии (г. Фукуока). Впервые конгресс был проведен в Восточной Азии, что отражало возрастающий интерес к юридической компаративистике, сравнительно-правовым исследованиям в данном регионе.

«В 2018 г. мировой форум ученых-компаративистов стал рекордным по количеству участников — 832 национальных докладчика и делегата (75 стран мира), а также по количеству и формату научных заседаний. На современном этапе он превратился во всемирную научную площадку для юристов-компаративистов, собирающихся регулярно с целью изучения зарубежных образцов права на сравнительной основе, как в исторической перспективе, так и в русле модернизации национальных законодательств» [11, с. 603].

В 2022 г. конгресс состоялся в Асунсьоне (Парагвай). Программа XXI конгресса предусматривала более 60 мероприятий. На мероприятия было представлено более 1000 специальных докладов в рамках круглых столов и семинаров. В повестку конгресса были включены такие темы, как: «смешанные правовые семьи, верховенство права, онлайн-образование, гармонизация права, глобализация и право, вопросы гражданского права (контрактные обязательства), правовые аспекты продовольственной безопасности, криптовалюты, государственная политика

¹ См.: XIX конгресс Международной Академии Сравнительного права в Вене, 20–26 июля 2014 г. URL: https://dep_tgpi.pnzgu.ru/news/2014/09/2/12130167/print (дата обращения: 14.05.2024).

по борьбе с пандемиями, правовое регулирование использования беспилотных летательных аппаратов, эвтаназия: закон и биоэтика и др.»¹.

Конгрессы Международной академии сравнительного права способствуют развитию сравнительно-правовой науки и отличаются многогранностью затронутых проблем (от исследования теоретических аспектов отдельных отраслей права до модернизации национального законодательства). Характерной чертой конгрессов Международной академии сравнительного права выступает сочетание относительной стабильности (анализ базовых отраслей публичного и частного права) с их актуализацией в связи с развитием и трансформацией общественных отношений. Конгрессы МАСП претворяют в жизнь идеи сравнительного правоведения, которые стали знаменем не только эпохи модернизации, но и последующей глобализации в сфере государства и права.

Библиографический список

1. *Туманов В.А.* Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности). М.: Юристъ, 2003. 448 с.
2. *Тихомиров А.Д.* Юридическая компаративистика: философские, теоретические и методологические проблемы. Киев: Знання, 2005. 334 с.
3. *Саломатин А.Ю.* Сравнительная правовая политика: возможность взвешенной оценки зарубежного государственно-правового опыта // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 1(21). С. 48–54.
4. *Тихомиров Ю.А.* Сравнительное правоведение: развитие концепций и общественной практики // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 3–15.
5. *Бачило И.Л.* Проблемы гармонизации в законодательстве // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 84–92.
6. *Осакве К.* Размышления о природе сравнительного правоведения: некоторые теоретические вопросы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2006. № 3. С. 54–71.
7. *Лафитский В.И.* Сравнительное правоведение в образах права. М.: Статут, 2010. 429 с.
8. Концепции развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. М.: Эксмо, 2010. 732 с.
9. *Тилле А.А., Швеков Г.В.* Сравнительный метод в юридических дисциплинах. М.: Высшая школа, 1978. 199 с.
10. *Цвайгерт К., Кетц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М.: Международные отношения, 2000. 480 с.
11. *Трикоз Е.Н.* Всемирный конгресс компаративистов в Японии (г. Фукуока, The IACL World Congress — 2018): тематический обзор // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2018. Т. 22, № 4. С. 602–609.
12. *Кудрявцев В., Туманов В.* К итогам X Международного конгресса сравнительного правоведения // Советское государство и право. 1979. № 4. С. 57–63.
13. *Малько А.В., Саломатин А.Ю.* Сравнительное правоведение. М.: Норма, 2008. 351 с.
14. *Тихомиров Ю.А.* Сравнительное правоведение — конгресс ученых-правоведов // Государство и право. 1999. № 2. С. 104–107.
15. *Тихомиров Ю.А.* Международный конгресс компаративистов // Журнал российского права. 2006. № 10. С. 149–151.
16. *Кресин А.В.* XVIII Международный конгресс сравнительного права // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2010. № 4(16). С. 3–4.

¹ См.: Конгресс МАСП 2022 г. URL: <https://aidc-iacl.org/asuncion-general-congress/> (дата обращения: 15.05.2024).

References

1. *Tumanov V.A.* Comparative Jurisprudence (basic legal systems of modernity). М.: Yurist, 2003. 448 p.
2. *Tikhomirov A.D.* Legal Comparative Studies: Philosophical, Theoretical and Methodological Problems. Kiev: Znannya, 2005. 334 p.
3. *Salomatin A.Yu.* Comparative Legal Policy: Possibility of a Balanced Assessment of Foreign State Legal Experience // News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences. 2012. No. 1(21). P. 48–54.
4. *Tikhomirov Yu.A.* Comparative Jurisprudence: Development of Concepts and Public Practice // Journal of Russian Law. 2006. No. 6. P. 3–15.
5. *Bachilo I.L.* Problems of Harmonization in Legislation // Journal of Russian Law. 2000. No. 8. P. 84–92.
6. *Osakve K.* Reflections on the Nature of Comparative Jurisprudence: Certain Theoretical Issues // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2006. No. 3. P. 54–71.
7. *Lafitskiy V.I.* Comparative Jurisprudence in the Images of Law. М.: Statute, 2010. 429 p.
8. Concepts of the Development of Russian Legislation / ed. by T.Ya. Khabrieva, Yu.A. Tikhomirov. М.: Eksmo, 2010. 732 p.
9. *Tillet A.A., Shvekov G.V.* Comparative Method in Legal Disciplines. М.: Higher School, 1978. 199 p.
10. *Zsvaigert K., Ketz H.* Introduction to Comparative Jurisprudence in the Field of Private Law. М.: International Relations, 2000. 480 p.
11. *Trikoz E.N.* The World Congress of Comparativists in Japan (Fukuoka, The IACL World Congress — 2018): a thematic review // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser.: Legal Sciences. 2018. Vol. 22, no. 4. P. 602–609.
12. *Kudryavtsev V., Tumanov V.* To the Results of the X International Congress of Comparative Law // The Soviet State and law. 1979. No. 4. P. 57–63.
13. *Malko A.V., Salomatin A.Yu.* Comparative Jurisprudence. М.: Norm, 2008. 351 p.
14. *Tikhomirov Yu.A.* Comparative Jurisprudence — Congress of Legal Scholars // State and Law. 1999. No. 2. P. 104–107.
15. *Tikhomirov Yu.A.* International Congress of Comparativists // Journal of Russian Law. 2006. No. 10. P. 149–151.
16. *Kresin A.V.* XVIII International Congress of Comparative Law // News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences. 2010. No. 4(16). P. 3–4.

О.В. Домнина

**О НЕОБХОДИМОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КАК ОДНОГО ИЗ МЕХАНИЗМОВ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ
РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

Введение: правовое регулирование экспертной деятельности является регулятором не только деятельности соответствующих организаций, но и процессуальной деятельности, направленной на получение сведений в различных областях науки и техники. Тем не менее необходимость закрепления на законодательном уровне деятельности негосударственных экспертных учреждений так и не реализована, что влечет нарушение прав потребителей данных услуг и разночтение имеющихся нормативных правовых актов в правоприменении. **Цель** — обозначить пробелы и потребности в законодательной регламентации использования судебно-экспертных исследований в отечественном судопроизводстве. **Методологическая основа:** проведение сравнительного анализа законодательства в области регулирования экспертной деятельности и процессуальных прав и возможностей сторон защиты нарушенных интересов в процессе правоприменительной практики. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно востребованности закрепления на законодательном уровне деятельности негосударственных экспертных организаций как одной из форм модернизации механизмов повышения уровня реализации функций правоприменения. **Выводы:** правовая регламентация деятельности негосударственных экспертных учреждений безоговорочно приведет к единочтению норм гражданского и уголовного процессуальных кодексов, что обеспечит более высокий уровень реализации функции правоприменения.

Ключевые слова: эксперт, судебная экспертиза, назначение и обжалование результатов судебных экспертиз, ответственность судебных экспертов, сроки проведения судебных экспертиз, стоимость судебной экспертизы, негосударственная экспертная организация.

O.V. Domnina

**ON THE NEED TO MODERNIZE THE LEGAL REGULATION OF EXPERT
ACTIVITY IN THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION
AS ONE OF THE MECHANISMS FOR INCREASING THE LEVEL
OF IMPLEMENTATION OF LAW ENFORCEMENT FUNCTIONS**

Background: legal regulation of expert activities is a regulator not only of the activities of relevant organizations, but also of procedural activities aimed at obtaining information in various fields of science and technology. Nevertheless, the need to fix at the legislative level the activities of non-state expert institutions has not been realized, which leads to the violation of the rights

© Домнина Ольга Викторовна, 2024
Кандидат юридических наук, доцент кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ol-domni@yandex.ru
© Domnina Olga Viktorovna, 2024
Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Legal Psychology, Forensic Examination and Pedagogy (Saratov State Law Academy)

*of consumers of these services and variation of existing normative legal acts in law enforcement. **Objective** — to identify gaps and needs in the legislative regulation of the use of forensic research in domestic legal proceedings. **Methodology**: comparative analysis of legislation in the field of regulation of expert activity and procedural rights and opportunities of the parties to protect violated interests in the process of law enforcement practice. **Results**: the author's position on the demand for the legislative enshrinement of the activities of non-state expert organizations as one of the forms of modernization of mechanisms to improve the level of implementation of law enforcement functions is argued. **Conclusions**: legal regulation of the activities of non-state expert institutions will unconditionally lead to the unanimity of the norms of the civil and criminal procedure codes, which will ensure a higher level of realization of the law enforcement function.*

***Keywords**: the expert, forensic examination, appointment and appeal of the results of forensic examination, responsibility of forensic experts, timing of forensic examinations, cost of forensic examination, non-governmental expert organization.*

Период появления Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹ во многом предопределил его содержание. На законодательном уровне была проведена систематизация экспертной деятельности, которая нуждалась в регулировании. Данный нормативный акт позволил обеспечить права физических и юридических лиц на защиту своих интересов. Содержательно закон отразил основные понятия и категории, применяемые в реализации экспертной деятельности, что позволило правоприменителю и иным участникам судебных процессов отслеживать соблюдение их прав и законных интересов. Во-первых, само название говорит о форме осуществления такой деятельности. Государственное учреждение априори вызывает доверие и правоприменителя, и простого обывателя как к учреждению, так и к документу, который он выпускает (производит). Во-вторых, законодатель, именуя нормативный акт, подразумевал, что государство есть гарант защиты гражданина его прав и свобод. В-третьих, сам закон строго соответствует запросам профильных нормативных актов, обеспечивая процессуальные требования, права и обязанности участников правоотношений, складывающихся по вопросам назначения и производства судебных экспертиз.

С момента принятия закона прошло более 23 лет, и на протяжении всего времени действия этого нормативного акта он модернизировался посредством внесения изменений и дополнений, происходила его коллаборация с иными законодательными актами. В то время как развитие государства дало мощный толчок развитию форм коммерческой деятельности и на протяжении последних двадцати лет появлялось то, чего невозможно было даже предположить, в сфере экспертной деятельности произошли существенные изменения. Все чаще нам встречается выражение «независимая экспертиза». В контексте конечной и специальной целей назначения судебных экспертиз, а это в порядке ст. 2 рассматриваемого закона оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства

¹ См.: Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 23, ст. 2291.

или ремесла. В связи с этим у исследователя данной проблематики как ученого и практика возникает ряд риторических вопросов: от кого и чего не зависит независимая экспертиза: от закона, который говорит об ответственности эксперта? какая именно ответственность ограничивается в осуществлении экспертной деятельности обществом с ограниченной ответственностью? И немаловажным становится вопрос процессуального использования услуг негосударственных экспертных организаций, а в частности мотивированности назначения в последние производства экспертиз и их использования в процессе правоприменения и осуществлении правосудия, ведь их деятельность не имеет законодательного регулирования.

Необходимо отметить распоряжение Правительства РФ от 16 ноября 2021 г. № 3214-р «О Перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями» (в ред. от 31 октября 2023 г.)¹, в котором обозначены виды экспертизы с исключительным правом производства преимущественно для уголовных дел. С позиции общих начал права государство в равной степени гарантирует защиту и восстановление прав, которые пострадали в гражданско-правовых отношениях или же вследствие преступления.

Обозначенная тема использования услуг негосударственных экспертных организаций все чаще поднимается самими экспертами, но в ракурсе их частных нужд и потребностей, которые обусловлены коммерческой заинтересованностью. Проблематика отсутствия правовой регламентации их деятельности поднимается и научным сообществом, тем не менее законопроект № 306505-6 «О судебно-экспертной деятельности», зарегистрированный еще в июне 2013 г., до сих пор не принят.

Проблемы в осуществлении экспертной деятельности на территории Российской Федерации достаточно многочисленны и касаются как государственных, так и негосударственных экспертных учреждений. Систематизировать некоторые из наиболее актуальных возможно следующим образом.

1. Несовершенство законодательной базы представляет собой недостаточное регулирование негосударственных экспертных учреждений (законодательство в основном фокусируется на государственных экспертных учреждениях, а деятельность негосударственных часто остается вне четкой правовой рамки), нечеткость определений (в законодательстве не всегда четко определены понятия, такие как «экспертная организация», «эксперт», «экспертное заключение», что порождает проблемы с правоприменением).

2. Ограниченное финансирование государственных экспертных учреждений может приводить к низкой квалификации экспертов, недостаточному оснащению и медленному проведению экспертиз. Отсутствие четкого механизма финансирования негосударственных экспертных учреждений заключается в том, что не все судебные и иные органы готовы оплачивать услуги негосударственных экспертов, что ограничивает их возможности.

3. Низкий уровень квалификации экспертов заключается в недостаточном профессиональном образовании (многие эксперты не обладают глубокими знаниями в своей области, что может приводить к ошибкам в проведении экспертиз), отсутствию мотивации для развития профессиональных компетенций.

¹ См.: СЗ РФ. 2021. № 47, ст. 7923; 2023. № 45, ст. 8098.

4. Недоверие к экспертным заключениям состоит в низкой репутации некоторых экспертных учреждений, частых случаях некачественных экспертиз, в работе недобросовестных экспертов, которые подрывают доверие к экспертной деятельности в целом, что является следствием отсутствия механизмов контроля качества экспертиз (нередко существующие механизмы не всегда эффективны в предупреждении и исправлении ошибок в экспертных заключениях).

5. Проблемы в сотрудничестве между экспертными учреждениями выражаются в отсутствии единого центра обмена информацией и опытом. Экспертные учреждения в основном работают изолированно, что ограничивает возможность улучшения качества экспертиз и обмена накопленным опытом.

6. Проблемы в применении новых технологий, с одной стороны, свидетельствуют об отставании во внедрении современных технологий в экспертную практику, с другой — о недофинансировании и кадровом дефиците для внедрения новых методов и инструментов для проведения экспертиз.

7. Проблемы в международном сотрудничестве возникают из-за отсутствия четкой системы международного сотрудничества в сфере экспертной деятельности и обмена опытом с экспертами из других стран, а также из-за трудностей в проведении международных экспертиз.

В настоящей статье предлагается обратиться к защите процессуальных прав участников гражданского судопроизводства, которым приходится сталкиваться с экспертным обеспечением судебных процессов. Так, в ст. 79 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее — ГПК РФ) установлены основания и порядок назначения производства экспертиз в соответствующем отраслевом производстве. В п. 1 данной статьи перечисляются те, кому могут назначаться экспертизы. Обратим внимание на формулировку «судебно-экспертное учреждение» и на то, что в нем отсутствует уточнение учреждения (государственное или коммерческое). В свою очередь, назначение проведения экспертизы негосударственной структурой, чья деятельность законодательно не регламентирована, а результаты самой экспертизы должны стать основаниями для правоприменительной практики, не законно. Фактически сам процесс назначения, проведения и оценки результатов экспертизы лишен процессуальной возможности обжалования сторонами и лицами участвующими в деле. На какие правовые нормы в своих возражениях будут ссылаться истцы и ответчики? Да, доказательственный потенциал судебных экспертиз преувеличить невозможно, он огромен. Правоприменитель, являясь юристом, должен разрешать вопросы нарушения прав и интересов гражданина в различных сферах его жизнедеятельности. Принцип состязательности судопроизводства должен обеспечивать всем возможность отстаивать и защищать свои права. Вот таких рычагов, механизмов защиты при участии негосударственных экспертных учреждений не существует, а предупреждение об уголовной ответственности эксперта не обеспечивает права участников судопроизводства.

Федеральным законом от 22 июля 2024 г. № 191-ФЗ² внесены изменения в часть четвертую рассматриваемой статьи ГПК РФ, которые регламентируют порядок

¹ См.: Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4531; 2024. № 33, ч. 1, ст. 4951.

² См.: Федеральный закон от 22 июля 2024 г. № 191-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившей силу части четвертой

оплаты судебных экспертиз. С одной стороны, произведена попытка разрешить существующие проблемы с оплатой работы эксперта, с другой — сегодня нет нормы права, которая определяет порядок расчета стоимости экспертизы негосударственной организации и формирования объема затраченного времени. На практике часто приходится сталкиваться с тем, что коммерческие организации для расчета стоимости затрат и расходов, связанных с проведением судебной экспертизы, используют методику расчета стоимости производства в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции РФ. Правомочно ли такое заимствование? Сравнимая работника — эксперта государственной бюджетной экспертной организации, который состоит в штате последней и имеет соответствующий допуск (образование, опыт, ответственность, практика, лицензия, аттестация и прочее), работу которого можно оценить посредством установления отсутствия больничных листов и очередных отпусков в ходе производства экспертного исследования, получаем подтверждение затраченных часов специалиста. А как отследить или проверить работу эксперта негосударственной организации или независимого эксперта? Чаще всего они не состоят в штате искомой организации и связаны трудовыми отношениями с другими учреждениями, где у них есть нормированный рабочий день, это в лучшем случае с 9:00 до 17:00. Остается открытым вопрос: когда они выполняли экспертное исследование и насколько оно качественное? Мотивом освещения данных направлений стала ситуация из личной юридической практики, когда бюджетной экспертной организацией Минюста России проведена первичная экспертиза стоимостью 23 тыс. рублей, а вот повторная по тем же вопросам, но проведенная коммерческим учреждением обошлась в 443 тыс. рублей. Судом было принято обоснование стоимости без проведения сравнительно-оценочной объективной оценки. Когда за такими цифрами, а вернее обязанностью оплаты произведенных работ, стоят граждане со средней зарплатой, приходится обращаться к законодательству и искать возможность обжалования, которая отсутствует. Еще одним примером может послужить назначение областным судом субъекта РФ производства экспертизы коммерческим учреждением с нулевой доходностью, в штате которого имеется один работник в лице директора. Чем руководствуются правоприменители в выборе экспертного учреждения? Фактически лицо, ходатайствующее о назначении экспертизы, не знает о месте и условиях ее производства, экспертах и уровне их подготовленности до момента получения определения суда о назначении экспертизы, а иногда и вовсе узнает об эксперте в момент ознакомления с его заключением, что противоречит правилам, установленным законом. В п. 2 ч. 2 ст. 79 ГПК РФ говорится, что граждане имеют право «просить суд» об определенном учреждении. Однако просьбы случаются часто, а слышат их редко. Этот вопрос также является открытым, хотя и не относится к рассматриваемой проблематике.

Возвращаясь к законопроекту № 306505-6, отметим что в нем упомянутые некоммерческие негосударственные экспертные учреждения, за что он получил огромную критику. Произошло столкновение целей и задач двух сфер. Сфера судопроизводства, основной целью которой является восстановление нарушенных

статьи 16 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 31, ст. 4451.

прав и интересов, и сфера коммерческой деятельности, интересы которой — получение прибыли. Конечно же, закон о судебно-экспертной деятельности должен быть максимально интегрирован в процессуальную сферу, поскольку только в судебном порядке граждане могут защитить свои права. Фактическое отсутствие коммерческого интереса оставит специалистов-экспертов без мотивации к осуществлению экспертной деятельности. Тогда в качестве направления, решающего кадровый вопрос, появляется привлечение экспертной деятельности к образовательным или научным институтам, которые в рамках последних тенденций развития государства имеют мощнейшую оснащенность специалистами высокого уровня, непосредственным контролем качества, гарантированным статусом учреждения.

27 апреля 2023 г. на круглом столе, проведенном с участниками Экспертного совета при бизнес-омбудсмене Российской Федерации на тему защиты прав предпринимателей в призме грядущих новелл проекта закона о судебной экспертной деятельности, одним из спикеров мероприятия категории «заведомо ложное заключение» и «показания эксперта» были названы мертвыми конструкциями. Разберем их процессуальное закрепление и практическое применение. В соответствии с ч. 1 ст. 187 гражданского процессуального закона, в целях разъяснения и дополнения заключения эксперту могут быть заданы вопросы. Именно специалист в определенной области науки, отвечая на вопросы сторон и суда, своими показаниями и дополнениями должен способствовать пониманию участникам судебного процесса своих выводов или обосновывать последние. Более того, в ч. 3 ст. 85 данного закона регламентирована возможность специалиста-эксперта присутствовать в судебном заседании и задавать вопросы лицам, участвующим в деле. При необходимости показания эксперта являются возможностью понимания судом и участниками как выводов экспертного заключения, так и неизбежности использования определенных методик исследования. Нет возможности определить количественные статистические данные о заведомо ложных заключениях эксперта (в рассматриваемом контексте в этом нет необходимости). Процессуально конструкция «заведомо ложное заключение» выступает способом предупреждения назначенного исследователя об ответственности. Поэтому стоит признать, что документально неотраженное предупреждение о даче заведомо ложного заключения ведет к признанию всей экспертизы недействительной либо произведенной с нарушениями закона. Однозначно конструкция «заведомо ложное заключение» функционирует, хотя и формально. К сожалению, досудебные экспертизы, в народе называемые независимыми, отличаются отсутствием такого предупреждения. Досудебная экспертиза, проведенная в государственном экспертном учреждении, в такой ситуации «застрахована» соответствующим законом, а в негосударственной организации таких гарантий нет, так как нет правового регламента функционирования последних.

Не менее острым стоит вопрос отсутствия характеристик категории «эксперт» в ст. 85 ГПК РФ, которая обозначает права и обязанности специалиста в определенной области. В ст. 157 УПК РФ¹ эксперт обозначен как носитель специальных знаний, назначенный в установленном процессуальном порядке. Профильный

¹ См.: Уголовный процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 29 мая 2024 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52, ст. 4921; 2024. № 23, ч. 1, ст. 3048.

закон прописывает государственного судебного эксперта как аттестованного работника, исполняющего свои должностные обязанности. Таким образом, для негосударственных организаций было бы правильным назвать своих исполнителей специалистами, а произведенные исследования — заключениями специалистов. Следовательно, можно произвести законодательное уточнение используемых в экспертном обеспечении судопроизводства средств с соответствующим правовым статусом и возможностями обжалования.

Основными рекомендациями в направлении модернизации экспертной деятельности на современном этапе выступают разработка единых стандартов проведения экспертиз, создание единой централизованной системы профессиональной аттестации и подготовки экспертов, усиление контроля за качеством экспертных заключений, развитие системы финансирования как государственных, так и негосударственных экспертных учреждений, стимулирование развития научных исследований в сфере экспертизы, повышение уровня информационной прозрачности экспертной деятельности, максимальная интеграция профильных регуляторов экспертной деятельности с процессуальным законодательством, обеспечивающим возможность всех участников судопроизводства отстаивать свои интересы в процессе назначения, производства и ознакомления с результатами экспертных исследований.

Решение этих проблем необходимо для улучшения качества экспертных услуг и повышения доверия к экспертным заключениям в Российской Федерации, что в целом повысит уровень качества правоприменительной практики.

Е.Ю. Курышев

АЛГОРИТМИЗАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ МЕХАНИЗМА ИННОВАЦИЙ В ПРАВЕ

Введение: цифровая трансформация общественных отношений непосредственно затрагивает и право. Современное право обновляется в рамках процесса алгоритмизации и перехода к машиночитаемому тексту правил поведения человека. Одной из форм обновления выступает процесс инноваций в праве, который имеет установленный механизм. Алгоритмизация права, элементов правовой системы — это составная часть инноваций в праве. **Цель** — проанализировать проявление процессов алгоритмизации в юридической технике как в одном из важнейших элементов правовой системы. **Методологическая основа:** системно-структурный, формально-юридический методы, метод анализа. **Выводы:** механизм инноваций в праве глубоко интегрирован в юридическую технику, а внедрение алгоритмизации в структурные элементы юридической техники может как привести к положительным результатам, так и негативно повлиять на отдельные элементы и в целом на правовую систему.

Ключевые слова: инновации в праве, механизм инноваций в праве, юридическая техника, инновационный потенциал юридической техники, алгоритмизация юридической техники, пределы алгоритмизации юридической техники.

E.Yu. Kuryshev

ALGORITHMIZATION OF LEGAL TECHNIQUE AS AN INTEGRAL PART OF THE MECHANISM OF INNOVATION IN LAW

Background: the digital transformation of social relations directly affects law. Modern law is updated within the process of algorithmization and transition to machine-readable text of the rules of human behavior. One of the forms of updating is the process of innovation in law, which has an established mechanism. Algorithmization of law, elements of the legal system is a component part of innovation in law. **Objective** — analyze the manifestation of algorithmicization processes in legal technique as one of the most important elements of the legal system. **Methodology:** system-structural, formal-legal methods, method of analysis. **Conclusions:** the mechanism of innovation in law is deeply integrated into legal technique, and the introduction of algorithmicization in the structural elements of legal technique can lead to both positive results and negatively affect the individual elements and the legal system as a whole.

Keywords: innovation in law, mechanism of innovation in law, legal technique, innovative potential of legal technique, algorithmicization of legal technique, limits of algorithmicization of legal technique.

© Курышев Евгений Юрьевич, 2024

Кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданского права (Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации); e-mail: kurisheff.ewg@yandex.ru

© Kuryshev Evgeny Yurievich, 2024

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Civil Law Department (Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of National Guard Forces of the Russian Federation)

Инновации в праве играют важную роль в формировании правовой жизни. Они способствуют улучшению качества правоприменительной деятельности, содействуют развитию правовой культуры и способствуют укреплению правового обеспечения в различных сферах жизни общества. Одним из основных принципов инноваций в праве является постоянное обновление и совершенствование нормативно-правовой базы, что позволяет адаптировать правовую систему к изменяющимся условиям и вызовам времени. Это важно как для гармонизации внутреннего правового порядка, так и для выстраивания эффективного взаимодействия с международными правовыми стандартами и нормами.

В последнее время инновациям в праве уделяется большое внимание в юридическом сообществе. Этой теме посвящены научные работы В.М. Баранова, М.В. Барановой, Н.А. Власенко, М.В. Волынкиной, Л.В. Голоскокова, Д.В. Грибанова, Т.Е. Грязновой, П.А. Гука, В.И. Крусса, М.А. Липчанской, Л.А. Петручак, Р.А. Ромашова, Т.Я. Хабриевой, В.И. Червонюк, И.Л. Честнова.

Инновации в праве — это новаторские изменения и преобразования в области права, которые направлены на улучшение и оптимизацию правового пространства, позволяют систематизировать и упорядочить правовую сферу, делая ее более прозрачной, эффективной и доступной для граждан и организаций. На наш взгляд, инновации в праве способствуют повышению доступности правовой информации и улучшению механизмов защиты прав и интересов граждан. Они помогают решать сложные правовые проблемы, ускорять процессы принятия и исполнения законов, улучшать качество правовых услуг и повышать доверие к правовой системе в целом. Поэтому развитие инноваций в праве является важным направлением в модернизации правового пространства.

Основной механизм систематизации правового пространства посредством инноваций в праве — это внедрение новых правовых инструментов, законов, подзаконных актов, регламентирующих деятельность в определенной сфере. Такие инновации могут предполагать упрощение правовых процедур, введение новых форм и методов правового регулирования, а также совершенствование существующих правовых норм.

Одним из примеров инноваций в праве, направленных на систематизацию правового пространства, может быть создание электронных правовых баз данных, которые позволяют быстро и удобно находить необходимую информацию о действующих законах, постановлениях и других нормативных актах. Такие базы данных способствуют повышению доступности и прозрачности правовой информации, что упрощает ее использование и применение в практике.

В контексте обновления права, инноваций в праве вопросы алгоритмизации (цифровизации) отдельных элементов правовой системы затрагивают в своих работах С.С. Зенин, О.А. Ижаев, Д.Л. Кутейников, В.В. Нырков, В.Н. Синюков, Н.Ф. Порываева, И.М. Япрынецев и другие исследователи.

Как быстро и эффективно перевести современные социальные потребности на язык права? Как конструировать правовые нормы для обеспечения правопорядка в цифровом обществе? Как перейти от существующей (традиционной) нормы права к инновационному правовому регулированию социальной жизни общества? Ответы на эти вопросы необходимо искать в механизме инноваций в праве.

На наш взгляд, механизм инноваций в праве представляет собой процесс разработки и внедрения новых правовых норм, концепций и подходов, которые

направлены на обеспечение эффективности, справедливости и развития правовой системы. Этот процесс может иметь несколько этапов.

1. Идентификация проблемы или несоответствия в праве — на этом этапе выявляются проблемы, ограничения или недостатки в существующей правовой системе.

2. Анализ и поиск возможных решений — проводится исследование и анализ причин проблемы и выработка возможных альтернативных решений через привлечение правоведов, специалистов и экспертов в соответствующей области.

3. Разработка новых правовых норм — на основе предлагаемых решений разрабатываются новые правовые нормы, законы или регламенты, которые могут устранить проблемы или внести изменения в существующую систему и несут эндогенный характер, или применяются правовые трансферты.

Правовые трансферты — это процесс передачи правовых норм, моделей или решений от одной страны к другой или от одной юрисдикции к другой. Этот термин обычно используется для обозначения передачи лучших практик и опыта в области права и правоприменения. Правовые трансферты могут осуществляться через различные механизмы, такие как международные договоры, судебные решения, законодательные акты, обмен опытом между юристами и учеными. Целью таких трансфертов является улучшение правовой системы, повышение эффективности правоприменения, соблюдение прав граждан и общественной справедливости. В процессе правовых трансфертов необходимо учитывать различия между юрисдикциями, культурными особенностями и политическими условиями, чтобы адаптировать переданные нормы к конкретной ситуации и избежать конфликтов.

4. Консультации и обсуждения — предложенные нововведения и изменения обсуждаются и консультируются с заинтересованными сторонами, такими как органы государственной власти, общественные объединения, эксперты и представители общества.

5. Принятие и внедрение — после обсуждения и консультаций предлагаемые изменения могут быть приняты и воплощены в правовую жизнь, после чего они начинают действовать и влиять на правовую систему.

6. Оценка эффективности и корректировка — после внедрения новых норм проводится оценка и анализ их эффективности, чтобы определить, были ли достигнуты заявленные цели, и разработать необходимые корректировки, если они потребуются.

Механизм инноваций в праве обеспечивает возможность обновления и совершенствования правовой системы, что позволяет приспосабливаться к изменяющимся потребностям и вызовам общества. Это важный инструмент для создания справедливого и эффективного правового окружения.

Механизм инноваций в праве глубоко интегрирован в юридическую технику. По мнению В.М. Баранова, «юридическая техника — это опредмеченная форма правовых идей, различных социокультурных условий» [1], при этом в правовой жизни существует понятие «юридическая технология», под которым понимается «совокупность принципов, приемов, процедур формирования и реализации всех видов юридической практики, последовательности, способов целенаправленности, преобразования социально значимой информации в новый эффективно действующий правовой акт» [1]. В таком случае можно говорить о наличии инновационного потенциала юридической техники.

Инновационный потенциал юридической техники заключается в создании новых методов и средств для более эффективного решения юридических задач и проблем. Инновационные средства юридической техники — это такие технологии и методы, которые улучшают и автоматизируют юридические процессы. Некоторые примеры таких средств включают в себя электронные платформы для управления документами и делами, которые позволяют юристам эффективно организовывать и анализировать информацию; системы искусственного интеллекта для автоматизации юридических задач, таких как подготовка документов, анализ текстов и прогнозирование результатов дел; онлайн-сервисы для проведения консультаций и предоставления правовой помощи дистанционно; электронные подписи и цифровые удостоверения личности для обеспечения безопасности и аутентификации юридически значимых документов; блокчейн-технологии для создания прозрачных и безопасных реестров сделок и договоров.

Инновационные средства помогают юристам повысить эффективность своей работы, сократить затраты и время на выполнение рутинных задач, освобождая время для решения наиболее важных стратегических задач.

Необходимо отметить, что наряду с возможностями существуют и пределы инноваций в сфере юридической техники. К пределам инноваций в сфере юридической техники возможно отнести: конфиденциальность и безопасность, то есть использование новых технологий может создать уязвимости в безопасности данных и конфиденциальности информации клиентов; недостаток регулирования — отсутствие четких нормативов по использованию технологий в юридической сфере может привести к правовым проблемам и неопределенности; непредвиденные результаты — использование инноваций может привести к непредвиденным последствиям или ошибкам в решении юридических вопросов, требующих дополнительной проверки.

Исходя из структуры юридической техники возможна алгоритмизация ее составных частей: правоустановительной (правового регулирования) и правоприменительной (правореализации).

С точки зрения Н. Ф. Порываевой, «природа правовых норм, а также технологические и политические факторы современности ведут к тенденции алгоритмизации права» [2]. На наш взгляд, алгоритмизация правового регулирования — это процесс создания алгоритмов и программных решений для автоматизации процессов принятия и систематизации нормативных правовых актов. Этот подход имеет свои плюсы и минусы, а также определенные возможности и пределы.

Плюсы алгоритмизации правового регулирования заключаются в следующем.

Во-первых, повышение эффективности работы правотворческих органов над юридической терминологией. Сегодня очевидно отставание в формировании и упорядочении понятийного аппарата законодательства. Применение алгоритмизации позволит повысить точность отражения содержания понятий в терминологии, снизить уровень расхождения терминологии, повысить стабильность терминов, а их улучшение будет происходить за счет саморазвития и самоорганизации цифровой правовой системы. В процессе саморазвития и самоорганизации на искусственный интеллект могут быть возложены задачи по разработке новых терминов для отражения современных явлений и процессов; определения и уточнения понятий с целью устранения двусмысленностей и неоднозначностей; систематизации и классификации терминов для обеспечения их логической структуры

и взаимосвязи; внедрения новых подходов к формированию понятийного аппарата на основе современных методов анализа данных и информационных технологий; активного использования международного опыта и стандартов для обеспечения совместимости и сопоставимости юридических терминов.

На наш взгляд, инновационное формирование и упорядочение понятийного аппарата законодательства искусственным интеллектом будет способствовать повышению эффективности и качества правового регулирования, упрощению восприятия нормативных актов и повышению их доступности и понятности для широкого круга пользователей.

Во-вторых, сокращение времени на конструирование нормативного материала. Выбор оптимальных способов формирования нормативных правовых актов будет зависеть от цифрового построения отраслевых конструкций (типизации) и последующее изложение правовых норм в статьях нормативных правовых актов посредством применения искусственного интеллекта.

В-третьих, уменьшение вероятности ошибок, субъективизма, экономии юридических средств и дублирования нормативных правовых конструкций.

В-четвертых, улучшение доступности правовой информации и упрощение процедур для субъектов правоотношений за счет рационального применения способов изложения нормативного материала (прямого, отсыльного, бланкетного).

В-пятых, повышение прозрачности и ответственности в системе правового регулирования.

Полагаем, что минусами алгоритмизации правового регулирования являются: отсутствие гибкости и невозможность учета всех особенностей и исключений, которые могут возникнуть в конкретной жизненной ситуации; возможность нарушения прав и свобод граждан в случае необоснованного применения алгоритмов; риск утраты человеческого фактора в принятии решений, что может привести к несправедливости; издержки на разработку и поддержку программных решений могут быть высокими и требовать постоянного обновления; ограничения в возможности учета всех факторов и аспектов в переходе от традиционной нормы права к инновационной; риск возможного злоупотребления и необоснованного применения алгоритмов.

Алгоритмизация правоприменения (правореализации) представляет собой процесс использования алгоритмов и программных средств для выполнения юридических задач и принятия решений в сфере права.

Возможности алгоритмизации правоприменения:

автоматизация рутинных и повторяющихся задач позволяет сократить время, затрачиваемое на их выполнение. Часто именно на первую стадию правоприменения — установление юридического факта (состава) — правоприменителем затрачивается наибольшее количество времени, а предварительное установление фактов и сбор доказательств возлагается на одних лиц, принятие решения по делу — на других. В этих условиях цифровизация должна способствовать достижению цели первой стадии правоприменения — выявление фактической истины;

повышение эффективности и точности установления юридической основы конкретного дела, то есть когда искусственный интеллект помогает правоприменителю найти правовую норму для применения, ее действия во времени, по кругу лиц и в пространстве;

поиск средств преодоления пробельности в регулировании правоотношения. На наш взгляд, именно при наличии завершенной цифровой правовой системы искусственный интеллект сможет в полном объеме применить аналогию закона и аналогию права для решения дела и тем самым упрочить правопорядок и законность.

Пределами алгоритмизации правоприменения являются: ограничение возможностей алгоритмов в решении сложных и нестандартных ситуаций, требующих креативного подхода и экспертизы; необходимость постоянного обновления и адаптации алгоритмов к изменяющимся юридическим нормам и требованиям; возможные ошибки в процессе разработки и применения алгоритмов, которые могут привести к неправильным выводам и решениям.

К плюсам алгоритмизации правоприменения можно отнести:

сокращение временных и финансовых затрат за счет увеличения производительности и эффективности работы юристов;

улучшение качества и надежности принимаемых решений благодаря использованию стандартизированных алгоритмов и процедур;

повышение доступности и широкого распространения правовой информации и услуг за счет цифровизации и автоматизации процессов.

Минусами алгоритмизации правоприменения выступают: риск потери профессионализма и человеческого фактора в принятии юридических решений; возникновение конфиденциальности и защиты данных при использовании цифровых платформ и программных средств; необходимость обеспечения безопасности и гарантий законности при разработке и применении алгоритмов в правовой сфере.

Таким образом, инновации в праве играют важную роль в совершенствовании правового пространства, способствуя повышению его эффективности и качества. Они обеспечивают более удобный и доступный доступ к правовой информации, улучшают правоприменительную практику и способствуют развитию юридической техники и правовой системы в целом.

Алгоритмизация юридической техники имеет свои плюсы и минусы, возможности и пределы, которые необходимо учитывать при принятии решений о внедрении подобных систем на уровне отдельных отраслей права.

Библиографический список

1. Баранов В.М. Предисловие // Проблемы юридической техники: сб. ст. Н. Новгород: Нижегород. юрид. ин-т, 2000. С. 10.
2. Порываева Н.Ф. Алгоритмизация права и принципы права // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 4(93). С. 67–69.

References

1. Baranov V.M. Preface // Problems of Legal Technique: collect. of art. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Law Institute, 2000. P. 10.
2. Poryvaeva N.F. Algorithmization of Law and Principles of law // Society: Politics, Economics, Law. 2021. № 4(93). P. 67–69.

А.Н. Орлова

**ПРАВООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ
И НЕКОММЕРЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В ПРОЦЕССЕ
ОКАЗАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ НАСЕЛЕНИЮ:
СПЕЦИФИКА ПОНИМАНИЯ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Введение: эффективность государственной политики в социальной сфере, социальная защита населения, отдельных его категорий и групп в современных реалиях вряд ли возможна без включения в ее состав общественных и иных организаций. Некоммерческие неправительственные организации (НКО), целью деятельности которых является не прибыль, а общественная польза, способны оказать существенную помощь как государству, так и различным категориям граждан в реализации социальной функции с максимальным учетом сложившихся у населения потребностей. В настоящее время правовой механизм участия НКО в деятельности по предоставлению социальных услуг, их взаимодействия с органами публичной власти является непроработанным и несовершенным, что во многом обусловлено спецификой данных правоотношений. **Цель** — выявить специфику правовых отношений, возникающих и развивающихся между государством и НКО по предоставлению социальных услуг населению. **Методологическая основа:** общенаучные, частные и специальные методы познания, способствующие глубокому рассмотрению явлений окружающей действительности в их взаимосвязи, взаимозависимости и взаимообусловленности (сравнительно-правовой, формально-юридический, конкретно-исторический, синтез, индукция, дедукция и др.). **Результаты:** автор обосновывает специфику правоотношений НКО и государственных органов, обусловленную идеями развития социального партнерства, основными задачами которого является установление и формирование условий, способствующих развитию «баланса» интересов общественных групп. **Выводы:** деятельность по предоставлению социальных услуг обладает двойственной правовой природой. Правовое обеспечение таких отношений требует учета круга субъектов, принимающих в них участие, их представлений, идей, системы ресурсов, находящихся в их распоряжении, степень их влияния на деятельность других субъектов, объема доступной для них информации и преимуществ взаимодействия.

Ключевые слова: правоотношения, государство, гражданское общество, некоммерческие организации, социальные услуги, социальное обслуживание.

A.N. Orlova

**LEGAL RELATIONS BETWEEN THE STATE AND NON-PROFIT
ORGANIZATIONS IN THE PROCESS OF PROVIDING
SOCIAL SERVICES TO THE POPULATION: SPECIFICS
OF UNDERSTANDING AND LEGAL REGULATION**

Background: effectiveness of state policy in the social sphere, social protection of the population, its individual categories and groups in modern realities is hardly possible without the inclusion

© Орлова Анастасия Николаевна, 2024

Кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции (Муромский институт (филиал) ВлГУ имени А.Г. и Н.Г. Столетовых); e-mail: hactia1988@mail.ru

© Orlova Anastasia Nikolaevna, 2024

Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Jurisprudence (Murom Institute (branch) of the VISU named after A.G. and N. G. Stoletov)

*of public and other organizations. Non-profit non-governmental organizations (NGOs), the purpose of whose activities is not profit but public benefit, are able to provide substantial assistance to both the state and various categories of citizens in the implementation of the social function with maximum consideration of the needs of the population. At present, the legal mechanism of participation of NCOs in the provision of social services, their interaction with public authorities is underdeveloped and imperfect, which is largely due to the specific nature of these legal relations. **Objective** — to identify the specifics of legal relations arising and developing between the state and NGOs providing social services to the population. **Methodology:** general scientific, private and special methods of cognition, contributing to a deep consideration of the phenomena of the surrounding reality in their interrelation, interdependence and intersubjectivity (comparative-legal, formal-legal, concrete-historical, synthesis, induction, deduction, etc.). **Results:** the author substantiates the specificity of legal relations between NCOs and state bodies, conditioned by the ideas of social partnership development, the main tasks of which are the establishment and formation of conditions contributing to the development of a “balance” of interests of public groups. **Conclusions:** social service provision activities have a dual legal nature. Legal support of such relations requires taking into account the range of actors involved in them, their perceptions, ideas, the system of resources at their disposal, the degree of their influence on the activities of other actors, the amount of information available to them and the benefits of interaction.*

Keywords: legal relations, state, civil society, non-profit organizations, social services, social services.

Государство, которое признает различные виды права собственности и стремится развивать институты демократии и гражданского общества, становится субъектом, который координирует и регулирует деятельность других субъектов в обществе. Для реализации такой задачи необходимо тесное взаимодействие с институтами гражданского общества, в которых некоммерческие организации (далее — НКО) играют важную роль. НКО включаются в различные секторы, которые характеризуются социальными проблемами, такими как здравоохранение, образование, культура, спорт, туризм и социальное обслуживание. НКО — это неправительственные организации, которые создаются гражданами и не связаны с правительством. Они занимаются различными социальными вопросами и работают в различных секторах общества, чтобы решать проблемы и улучшать жизнь людей. НКО могут быть как национальными, так и международными.

Отношения по предоставлению социальных услуг имеют двойственную правовую природу. Если эти услуги предоставляются на платной основе или в рамках государственного или муниципального заказа, то к ним применяются общие положения гл. 39 Гражданского кодекса РФ. Если же услуги являются безвозмездными, то их предоставление регламентируется специальными законами, которые образуют отдельный блок «социального законодательства»¹.

Институт, который рассматривается, регулируется несколькими отраслями права: гражданским и правом социального обеспечения. С одной стороны, гражданское законодательство упорядочивает договорные отношения между поставщиками услуг и клиентами, а нормы Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»² (далее — Закон № 442-ФЗ) — отношения между поставщиками

¹ См.: Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2019 г.) // СЗ РФ. 1996. № 5, ст. 410; 2019. № 52, ч. 1, ст. 7807.

² См.: СЗ РФ. 2013. № 52, ч. 1, ст. 7007; 2020. № 29, ст. 4500.

социальных услуг и лицами, которые нуждаются в конкретной услуге. Принцип единства и постоянного взаимодействия всех участников, оказывающих социальные услуги гражданам, закреплен в ст. 5 указанного Закона. Отрасль права социального обеспечения включает в себя нормы, закрепляющие отношения в сфере социальной защиты и обеспечения граждан, которые нуждаются в помощи (пенсии, пособия по безработице, медицинское страхование и другие виды социальных услуг). Нормы данной отрасли права устанавливаются на федеральном и региональном уровнях [1]. С другой стороны, гражданское законодательство координирует отношения между физическими и юридическими лицами, которые связаны с заключением договоров и выполнением обязательств (договоры купли-продажи, аренды, услуги и другие виды сделок). Регулирование этой отрасли права также осуществляется на федеральном и региональном уровнях.

Все субъекты могут быть разделены на три группы.

Первая группа состоит из органов исполнительной власти на федеральном и региональном уровнях, которые контролируют сферу оказания услуг и реализуют государственную политику в этой области.

Вторая группа — это специальные учреждения, которые создаются по инициативе государственных органов и уполномочены определять граждан, нуждающихся в социальном обслуживании, и составлять индивидуальную программу их поддержки.

Третья группа представляет собой организации, которые оказывают услуги гражданам и взаимодействуют с ними напрямую. Согласно Закону № 442-ФЗ, поставщиками социальных услуг могут быть юридические лица любой организационно-правовой формы и индивидуальные предприниматели, занимающиеся социальным обслуживанием. Ранее Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»¹ закрепил правило организации поддержки деятельности некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность, направленную на социальное обслуживание, социальную поддержку и защиту граждан. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»² расширил социальную сферу за счет включения в нее социальных предпринимателей. Существует множество организаций, которые оказывают социальные услуги гражданам в России, более того, правовая база для этой деятельности постоянно развивается и совершенствуется. В ст. 31.1 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» для органов государственной власти и местного самоуправления закреплено правило об организации поддержки деятельности СО НКО при условии осуществления ими деятельности, направленной в том числе на социальное обслуживание, социальную поддержку и защиту граждан.

Объектом правоотношений в области предоставления социальных услуг являются сами услуги, которые должны соответствовать определенным критериям, установленным в Гражданском кодексе РФ (ст. 779) и Законе № 422-ФЗ (ст. 3). Это действия, которые выполняются специальными субъектами системы социального обслуживания и направлены на улучшение условий жизни нуждающихся

¹ См.: СЗ РФ. 1996. № 3, ст. 145; 2021. № 1, ч. 1, ст. 68.

² См.: СЗ РФ. 2007. № 31, ст. 4006; 2021. № 1, ч. 1, ст. 33.

в этих услугах людей. Они не имеют материального результата, а главная цель заключается в создании наилучших условий для самостоятельного удовлетворения жизненных потребностей клиентов и повышения их качества жизни. Социальные услуги могут включать в себя различные виды помощи, например медицинское обслуживание, социальную реабилитацию, консультационную поддержку, психологическую помощь, образовательные программы и многое другое. Эти услуги предоставляются государственными и частными организациями, которые имеют соответствующую лицензию и проходят регулярную проверку качества услуг. Важно отметить, что социальные услуги представляют собой неотъемлемую часть социальной политики государства и направлены на поддержку наиболее уязвимых групп населения. Они помогают людям, которые по разным причинам не могут самостоятельно удовлетворить свои базовые потребности, и способствуют их социальной интеграции и развитию.

Дискуссии вызывает вопрос определения основных признаков социальных услуг как объектов отношений по социальному обслуживанию граждан в условиях партнерства государства и НКО (СО НКО).

Н.В. Путило, например, указывает на основные характеристики социального обслуживания граждан. Оно представляет собой оказание социальных услуг, которые направлены на реализацию единой социальной политики и конкретных целевых программ. Важным аспектом также является адресный характер, то есть предоставление социальных услуг только тем слоям населения, которые определены законодательством как нуждающиеся в помощи. Перечень социальных услуг закрыт и определен в нормативных актах на федеральном уровне. Финансирование социальных услуг осуществляется в основном за счет бюджетов или внебюджетных фондов. Кроме того, субъектами отношений по социальному обслуживанию выступают государственные и муниципальные учреждения. Социальное обслуживание — это важный аспект социальной политики государства, направленный на оказание помощи нуждающимся слоям населения. Оно может включать в себя различные услуги, такие как медицинская помощь, социальное обеспечение, жилищные услуги и т.д. В России социальное обслуживание осуществляется государственными и муниципальными учреждениями, а финансирование происходит за счет бюджетов или внебюджетных фондов. Однако, несмотря на наличие законодательной базы и финансирование, социальное обслуживание в России не всегда удовлетворяет потребности населения в этой сфере [2].

Е.Е. Мачульская определяет услуги как полезные действия для общества, которые направлены на удовлетворение потребностей его членов и могут быть предоставлены бесплатно или за частичную оплату. Она считает, что услуги являются объектом правоотношений в области социального обеспечения. Основным признаком, который отличает социальные услуги от других видов услуг, является их бесплатность для индивидуальных потребителей в пределах установленных государством минимальных стандартов или возможность оплаты по льготным тарифам. Важно понимать, что социальные услуги направлены на удовлетворение потребностей населения в различных сферах жизни, таких как здравоохранение, образование, социальная защита, культура и т.д. Государство обеспечивает бесплатное или льготное предоставление этих услуг для тех, кто нуждается в них, чтобы обеспечить равенство и социальную справедливость.

Некоторые виды социальных услуг также могут предоставляться некоммерческими организациями и волонтерами, которые добровольно оказывают помощь нуждающимся. Однако государство обычно играет ключевую роль в организации и финансировании социальных услуг [3, с. 154].

Предоставление социальных услуг имеет двойственную природу в правовом плане. Ученые, изучая эту тему, всегда отмечали, что социальные услуги имеют гражданско-правовой характер. Это значит, что они не имеют материального результата, но являются правовыми отношениями между людьми. Такая концепция социальных услуг существует с древнеримских времен и продолжает действовать в настоящее время. Добавлю, что социальные услуги — это различные виды помощи, предоставляемые государством или общественными организациями людям, которые нуждаются в социальной поддержке. Это могут быть услуги по уходу за пожилыми людьми, помощь малообеспеченным семьям, реабилитация наркозависимых и другие виды помощи. Важно, чтобы предоставление социальных услуг соответствовало законодательству и правовым нормам, чтобы защитить права и интересы получателей услуг.

Глава 39 Гражданского кодекса РФ регулирует оказание услуг, которые не связаны с изготовлением индивидуально-определенной вещи. Эти услуги выполняются за определенную плату и направлены на удовлетворение потребностей заказчика. Примерами таких услуг могут быть услуги мастера-парикмахера, услуги по уборке помещений, услуги такси и т.д. Заказчик желает получить определенную услугу от исполнителя, и для этого заключается договор возмездного оказания услуг. Положения гл. 39 могут быть применены к любым договорам, в которых предусмотрено возмездное оказание услуг. Договор возмездного оказания услуг является одним из наиболее распространенных видов договоров в гражданском праве. Он заключается между заказчиком и исполнителем, и его основной целью является удовлетворение потребностей заказчика путем предоставления услуг исполнителем за определенную плату. В рамках такого договора исполнитель обязуется оказать услугу в соответствии с требованиями заказчика, а заказчик обязуется оплатить услугу в установленные сроки. В гл. 39 Гражданского кодекса РФ устанавливаются общие правила для всех договоров возмездного оказания услуг независимо от их конкретного содержания, определяются права и обязанности сторон договора, порядок заключения и исполнения договора, а также ответственность за нарушение его условий. Поэтому при заключении договора возмездного оказания услуг важно учитывать требования, установленные Гражданским кодексом РФ и соответствующими нормативными актами.

Исходя из признаков услуг, мы можем сделать вывод, что отношения, связанные с предоставлением социальных услуг, могут подпадать под частноправовое регулирование в случае, когда они основаны на взаимной добровольности и включают выполнение определенных социально значимых действий для удовлетворения потребностей другого человека.

В договорных отношениях по оказанию услуг очень важным является их возмездность. Получатель услуг должен оплатить услуги, которые он получил, в обмен на определенное благо и удовлетворение своих потребностей. Законодательство РФ определяет возмездные договоры как те, в которых сторона получает плату или другое вознаграждение за выполнение своих обязанностей.

Однако не всегда оплату должен производить сам получатель услуг, вознаграждение может быть получено от других сторон. В Законе № 442-ФЗ установлено, что плата за социальные услуги производится самостоятельно получателем, а если услуги бесплатны, то компенсация осуществляется за счет бюджета. Несмотря на то, что этот закон относится к публично-правовой сфере, некоторые его положения имеют гражданско-правовое содержание, что способствует децентрализации сферы социального обслуживания и развитию различных форм предпринимательской деятельности.

Специфика отношений, которые возникают при предоставлении социальных услуг, была основанием для включения их в право социального обеспечения. Однако отсутствие положений о социальном обязательстве в Федеральном законе «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» позволяет применять к этой деятельности категории гражданского законодательства.

Вследствие сказанного услуга имеет междисциплинарный характер. Если стороны имеют дело с предоставлением социальных услуг на платной основе или в рамках государственного или муниципального заказа, то на такие отношения могут распространяться общие положения Гражданского кодекса РФ (гл. 39). Предоставление социальных услуг безвозмездного характера регулируется специальными законами, включенными в блок «социальное законодательство» [1].

В ст. 31.1 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» закрепляется возможность для органов местного самоуправления и государственной власти заключать правовые отношения с некоммерческими организациями через предоставление социальной поддержки, если они соответствуют установленным законодательством требованиям. Это привело к возникновению новой группы правовых отношений, связанных с появлением нового субъекта, который может решать социальные проблемы в обществе, а также созданию конкуренции в сфере предоставления социальных услуг населению.

Правоотношения, связанные с деятельностью государственных некоммерческих организаций, имеют свои особенности, которые присущи только им. Эти отношения входят в предмет административного права и являются административно-правовыми. НКО отличаются от других социальных коллективов наличием системы внутриорганизационных отношений и средств оказания воздействия на социальную сферу. Основное назначение административно-правовых отношений в области работы НКО — это обеспечение эффективности их деятельности в социальной сфере. Добавлю, что некоммерческие организации играют важную роль в социальной сфере, оказывая помощь нуждающимся, защищая права граждан и занимаясь другими социальными проблемами. Административно-правовые отношения в этой области направлены на регулирование деятельности НКО, чтобы они могли эффективно выполнять свои задачи.

Главной целью отношений, связанных с созданием, деятельностью, реорганизацией и ликвидацией НКО, а также определением способов управления некоммерческими организациями и поддержки со стороны государственных и муниципальных органов власти, является создание механизмов влияния на социальную сферу и формирование истинного гражданского общества. Гражданское общество является неотъемлемой частью правового государства [1]. Постоянное расширение отношений с НКО свидетельствует о том, что положения Конституции РФ

о демократическом и правовом характере Российского государства фактически реализуются. НКО — это некоммерческие организации, которые не имеют прибыли в качестве своей основной цели. Они могут заниматься различными социальными, культурными, экологическими и другими задачами, играют важную роль в формировании гражданского общества и укреплении демократических институтов. В России существуют различные формы НКО, включая благотворительные фонды, общественные организации, ассоциации и т.д. Взаимодействие между государственными органами и НКО является важным аспектом развития гражданского общества и обеспечения социальной защиты населения.

Предоставление социальных услуг гражданам имеет двойственную природу правоотношений, которая отражается на правах и обязанностях сторон. Поставщики социальных услуг должны не только выполнять обязанности, определенные гражданским законодательством, но и бесплатно информировать граждан об услугах, их видах, сроках, порядке исполнения и предоставлять услуги, соответствующие стандартам и индивидуальным программам реабилитации граждан. Поставщик должен оказать любую услугу, определенную в программе, нуждающемуся в социальной помощи гражданину. Оплата услуги зависит от уровня дохода гражданина и других обстоятельств. Если услуга предоставляется бесплатно, то поставщик получает компенсацию за счет бюджетных средств государства. Она включает в себя права и обязанности поставщиков социальных услуг, порядок оплаты услуг, компенсацию за бесплатно предоставленные услуги и другие аспекты. Важно обеспечить доступность социальных услуг для всех граждан, независимо от их доходов и других обстоятельств.

В настоящее время НКО выполняют широкий спектр функций, направленных на оказание помощи социально уязвимым категориям населения. Они являются важными партнерами государства и выполняют роль дополнительной поддержки в сфере социального обслуживания. В свою очередь, государство создает разнообразные площадки, такие как ресурсные центры поддержки НКО, Фонд президентских грантов и Президентский фонд культурных инициатив, как на федеральном, так и на региональном уровне. Финансовая поддержка, оказываемая государством, позволяет НКО расширить свою деятельность и оказывать услуги тем, кто наиболее нуждается в помощи.

Согласно А.Д. Калмыкову [4] и А.А. Федорову [5], негосударственные поставщики социальных услуг могут предоставить ряд преимуществ в системе социальной защиты для государства. Одно из таких преимуществ — повышение эффективности использования бюджетных ресурсов, выделяемых на социальную сферу. Это связано с тем, что негосударственные организации могут более гибко и эффективно распределять средства, исходя из конкретных потребностей клиентов.

Еще одно преимущество заключается во внедрении клиентоориентированного подхода во все отрасли социальной сферы. Негосударственные поставщики услуг часто ориентируются на потребности и предпочтения клиентов, что позволяет им предлагать индивидуальные и качественные услуги. Негосударственные организации активно внедряют инновационные социальные технологии, что способствует развитию и совершенствованию системы социальной защиты. Они привлекают внебюджетные инвестиции для развития социальной инфраструктуры, что позволяет расширить доступность и качество предоставляемых услуг. Еще одно преимущество заключается в возможности быстрого реагирования

на проблемные ситуации. Негосударственные поставщики социальных услуг обычно имеют более гибкую структуру и меньшую бюрократию, что позволяет им оперативно реагировать на изменения в обстановке и потребности клиентов. Кроме того, негосударственные поставщики услуг способны снизить стоимость предоставляемых услуг, минимизируя накладные административные расходы. Это позволяет сэкономить бюджетные средства, которые могут быть использованы для улучшения качества услуг или расширения их охвата [6].

Актуальность вопросов дальнейшего развития деятельности некоммерческого сектора подтверждаются разрабатываемой и внедряемой в России концепцией единства публичной власти. Согласно принципам этой концепции, на наш взгляд, деятельность СО НКО на региональном и муниципальном уровнях должна быть организована с учетом федеральных практик и действующего законодательства. Мы полагаем, что для разработки специального закона о СО НКО можно использовать своеобразный алгоритм, основанный на Концепции совершенствования законодательства в сферах деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций. Однако для этого необходимы дополнительные научные исследования и анализ правоприменения.

Концепция единства публичной власти является важным шагом в направлении улучшения организации государственного управления. Она предлагает принципы, которые помогут создать эффективную систему взаимодействия между различными уровнями власти, включая региональные и муниципальные органы. Это позволит достичь согласованности и сотрудничества при принятии решений и реализации проектов.

С учетом этих принципов особое внимание следует уделить деятельности СО НКО на региональном и муниципальном уровнях, ведь только на этих уровнях они могут оказывать наибольшее влияние на жизнь населения и решать конкретные социальные проблемы. Важно, чтобы их работа была основана на федеральных практиках и соответствовала действующему законодательству.

Однако в современном мире некоммерческим организациям необходимо применять новые подходы к своему развитию. Сотрудники НКО должны постоянно повышать свои компетенции, чтобы быть готовыми к изменениям и вызовам, с которыми они сталкиваются. К сожалению, на данный момент не существует конкретных образовательных программ, которые были бы специально ориентированы на работу в некоммерческой сфере с учетом ее специфики и особенностей.

Вследствие этого разработка и внедрение специализированных образовательных программ для работников НКО становится крайне важной задачей. Такие программы должны обеспечивать не только теоретические знания, но и практические навыки, необходимые для эффективной работы в некоммерческом секторе. Они должны учитывать особенности управления, финансового планирования, маркетинга и коммуникации в НКО.

Кроме того, важно развивать сотрудничество между НКО и образовательными учреждениями. Это может включать организацию стажировок и практических занятий для студентов, чтобы они могли получить опыт работы в некоммерческом секторе и лучше понять его особенности.

Следует обратить внимание и на использование современных технологий в работе НКО. Внедрение информационных систем и программного обеспечения может значительно улучшить эффективность и прозрачность деятельности

организаций, что позволит лучше отслеживать результаты работы, улучшать взаимодействие с клиентами и оптимизировать управленческие процессы.

Развитие НКО требует постоянного обновления знаний и навыков сотрудников, а также создания специализированных образовательных программ. Только таким образом можно обеспечить эффективную работу и достижение поставленных целей в сфере социального обслуживания.

Библиографический список

1. Орлова А.Н. Взаимодействие государства и некоммерческих организаций по оказанию социальных услуг населению: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. 27 с.
2. Путило Н.В. К вопросу о природе социальных услуг // Журнал российского права. 2006. № 4. С. 16–24.
3. Мачульская Е.Е. Право социального обеспечения: учеб. для академ. бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. С. 154.
4. Калмыкова А.Д. Основы социальной защиты населения в Российской Федерации // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 70-3. С. 110–113.
5. Федорова А.А. Понятие, функции социальной защиты населения на муниципальном уровне и развитие социальной защиты в развитых странах // Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации: матер. междунар. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов (Омск, 12 апреля 2016 г.). Омск: Региональный общественный фонд «Фонд региональной стратегии развития», 2016. С. 270–274.
6. Семина К.С. Социально ориентированные некоммерческие организации в период кризиса // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 1143–1152.

References

1. Orlova A.N. Interaction of the State and Non-Profit Organizations for the Provision of Social Services to the Population: Theoretical and Legal Aspect: extended abstract ... diss. cand. of Law. Saratov, 2021. 27 p.
2. Putilo N.V. On the Question of the Nature of Social Services // Journal of Russian Law. 2006. No. 4. P. 16–24.
3. Machulskaya E.E. Social Security Law: textbook for academic bachelor's degree. 3rd ed., reprint. and suppl. M.: Yurayt, 2018. P. 154.
4. Kalmykova A.D. Fundamentals of Social Protection of the Population in the Russian Federation // Trends in the Development of Science and Education. 2021. No. 70-3. P. 110–113.
5. Fedorova A.A. The Concept, Functions of Social Protection of the Population at the Municipal Level and the Development of Social Protection in Developed Countries // The potential of the Russian economy and innovative ways to implement it: materials of the international Scientific and practical conference of students and postgraduates (Omsk, April 12, 2016). Omsk: Regional Public Foundation "Fund for Regional Development Strategy", 2016. P. 270–274.
6. Semina K.S. Socially Oriented Non-Profit Organizations During the Crisis // Economics, Entrepreneurship and Law. 2023. Vol. 13, no. 4. P. 1143–1152.

О.С. Сурков

«АНТИКАПИТАЛИЗМ» КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ КОНСЕРВАТИВНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Введение: правовая культура в современной теории права и других юридических дисциплинах выступает значимым объектом научного исследования. Она может быть использована при изучении прогнозируемости человеческого поведения, которое воплощает в себе действие правовых норм, а также нормативности как составляющей когнитивных функций. **Цель** — определить одну из установок правовой культуры консервативно настроенной интеллигенции как активной социальной группы в Российской империи времен Первой мировой войны для последующего изучения ее правовой культуры в целом. **Методологическая основа:** для извлечения одной из установок целостного объекта исследования в рамках междисциплинарного подхода, использовался системно-структурный метод, при восстановлении дискурса исследуемого периода — метод сравнительного анализа. **Результаты:** выявлена и исследована достоверная системная составляющая сложного объекта исследования, позволяющая продолжить его поступательное исследование в дальнейшем. **Выводы:** устойчивая антикапиталистическая установка являлась неотъемлемой частью правовой культуры консервативной интеллигенции Российской империи времен Первой мировой войны и определила ее поведение по отношению к основным нормативным актам исследуемого периода и существующему государственному строю, а также событиям и вызовам эпохи. Данная установка выступала частью общего отрицания модерности.

Ключевые слова: интеллигенция, консерватизм, правовая культура, модернизация, Российская империя, капитализм, архаика, традиционализм, самодержавие, идеология, патернализм, правовое государство, иерархия.

O.S. Surkov

“ANTI-CAPITALISM” AS A COMPONENT OF THE LEGAL CULTURE OF THE CONSERVATIVE INTELLIGENTSIA OF THE RUSSIAN EMPIRE DURING THE FIRST WORLD WAR

Background: legal culture in modern legal theory and other legal disciplines is a significant object of scientific research. It can be used in the study of predictability of human behavior, which embodies the action of legal norms, as well as normativity as a component of cognitive functions. **Objective** — to determine one of the principles of the legal culture of conservative intellectuals as an active social group in the Russian Empire during the First World War for the subsequent study of its legal culture as a whole. **Methodology:** in order to extract one of the settings from the integral object of the research within the framework of the interdisciplinary approach, the system-structural method was used; in reconstructing the discourse of the period under study, the method of comparative analysis was used. **Results:** a valid systemic component of a complex object of research has

© Сурков Олег Сергеевич, 2024
Кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ura-gegel@rambler.ru
© Surkov Oleg Sergeevich, 2024
Candidate of Law, Associate Professor at the Department of History of State and Law (Saratov State Law Academy)

been identified and investigated, which allows to continue its progressive research in the future.
Conclusions: *stable anti-capitalist attitude was an integral part of the legal culture of the conservative intelligentsia of the Russian Empire during the First World War and determined its behavior in relation to the main normative acts of the period under study and the existing state system, as well as the events and challenges of the era. This attitude was part of a more general denial of modernity.*

Keywords: *intelligentsia, conservatism, legal culture, modernization, Russian Empire, capitalism, archaism, traditionalism, autocracy, ideology, paternalism, rule of law, hierarchy.*

Особенность Первой мировой войны состояла в том, что она довольно быстро превратилась в тотальную. Такая война требовала мобилизации всех сил общества. Довольно быстро после ее начала стало понятно, что это будет война на истощение. Победит не тот, у кого армия окажется сильнее, а тот, чья экономика выдержит колоссальное перенапряжение, возникающее из-за экспоненциального роста производства связанной с войной продукции. В этих условиях приобретало особое значение привлечение гражданских и коммерческих организаций к работе по обеспечению армии и тыла. В отличие от конституционно-демократических государств, в государствах авторитарных это приводило к ряду политических проблем, так как в них активность общественных организаций традиционно ограничивалась и подавлялась, допускаясь лишь в строго определенных сферах. Однако допуск частных организаций к распоряжению в распределении военной продукции был невозможен без расширения их доступа к принятию управленческих решений и влиянию на решения политические. В этих условиях у элит Российской империи возникало опасение, что уступки, сделанные обществу из необходимости нельзя будет забрать назад, когда такая необходимость отпадет. В связи с этим развернулась полемика консерваторов со своими реальными и воображаемыми оппонентами на страницах газет и журналов о роли и месте общества и его представителей в принятии политических решений. Она позволила выявить некоторые особенности правовой культуры консервативной интеллигенции того периода, важные для приведения разрозненных установок правовой культуры данной социальной группы к концептуальному единству.

Уже в 1914 г. консерваторы проявляли двойственное отношение к активности общественных организаций. Так, консервативный публицист, писавший под псевдонимом Е.К., приветствовал усиление активности равнодушных подданных, которое он называл возродившимся единением царя с народом. При этом он разделял полезную и опасную общественную активность. Е.К. положительно оценивал деятельность крестьянских кооперативов, в которой он видел признак восстановления социальной роли русских землепашцев верных своему государю. Деятельность двух основных организаций — Всероссийского земского союза и Всероссийского городского союза — рассматривалась им отрицательно, потому что в них часто группировалась оппозиционная интеллигенция. Этот факт представляет интерес, так как вокруг журнала, в котором он печатался, также группировалась интеллигенция, только консервативная. Таким образом, возникло противостояние двух составляющих одной социальной прослойки, при этом представители консервативного крыла нередко клеймили своих оппонентов так, будто сами к интеллигенции не принадлежат, например упрекали за увлечение интеллектуальным трудом. Крестьяне же, по мнению Е.К., снабжая

армию через свои кооперативы, могли избавить заказчиков от армии капиталистических паразитов-посредников. Поэтому деятельность крестьянских организаций предлагалось всемерно поощрять, а деятельность обоих союзов и других капиталистических организаций ограничивать [1].

Е.К. упрекал руководителей Земского союза в увлеченном участии в политических интригах и стремлении к влиянию на администрацию, что было совершенно не их делом. Он полагал, что они не столько занимаются реальными проблемами по снабжению армии, сколько рекламируют себя, наращивая символический капитал. В связи с этим Е.К. вообще предлагал устранить земских деятелей от участия в деле помощи раненым [2].

В 1915 г. потребности армии возросли, что потребовало еще более тесного сотрудничества правительства с общественными организациями. Тогда консервативные публицисты стали выступать за ликвидацию земских координирующих органов всероссийского уровня (пусть земства, как и ранее, функционируют только на уровне губернии). Данная мера должна была предотвратить превращение центральных земских органов в плацдарм для политической оппозиции. В результате в земствах должны остаться только те, кто действительно печется о нуждах армии и флота, а не карьеристы, прикрывающие свои политические и торгово-спекулятивные амбиции работой в самоуправлении. Нельзя, как полагал Е.К., позволить превратить общественные организации в партийные группировки [3; 4].

Консервативные интеллектуалы проводили публицистический курс на разграничение «хороших и плохих» общественных организаций достаточно последовательно. К подлинно общественным объединениям относились те, которые не желали ничего иного кроме как помогать раненым русским воинам. Те же, кто ставили какие-либо иные цели, пусть даже не политические, а коммерческие, являлись либо актуально, либо потенциально враждебными Российскому государству. Основным признаком выявления таких враждебных элементов выступала готовность общественной организации навсегда признать верховенство имперского правительства в политической сфере и отказаться от притязаний на место в высших управленческих сферах через создание представительных органов [5; 6].

Критика скрываемых земским руководством сперва политических, а после коммерческих интересов у консерваторов как-то органично перетекала в антисемитизм. Евреи ассоциировались не только с противниками российского царя, но и с мировым капиталом, которому хотят распродать Россию. В «Московских ведомостях» вышла статья, в которой прямо говорилось, что евреи оказывают свое тлетворное влияние, проникнув во все общественные организации [7].

Некоторые консервативные публицисты прямо связывали политические заявления ведущих общественных организаций с засилием евреев, ведь именно они доминировали в банковском деле и руководстве акционерными компаниями в России и странах Запада. В их интересах создать хаос в российской промышленности дабы поживиться за счет русского народа [8].

Когда консервативная печать признавала необходимость общественной активности, то признавалась только «народная» оппозиция. Консерваторы понимали, что добиться желаемого результата без привлечения общественности нельзя, однако необходимо сотрудничать не со всякой интеллигенцией, а только с искренне

преданной делу правительства. По мнению консервативного поэта П.Н. Янова, либерализм и консерватизм могут быть только национальными, то есть не покушающимися на самые сущностные основы русской государственности. Только при таком либерализме возможна конструктивная оппозиция, не покидающая отведенного ей функционального места. Он полагал, что под этими идеями могут собраться не только правые, но и левые национальные политические силы [9]. При соблюдении указанных условий он не видел ничего страшного, если буржуазия получит дополнительные возможности для экономического усиления и расширения своего участия в управлении хозяйством страны. Такая толерантность проистекала не из каких-то гуманистических или прогрессистских экивоков, а из уверенности, что экономическая активность буржуазии в любое время может быть подчинена приказу народного лидера [10].

По мере объединения депутатов октябристской, прогрессивной и кадетской партий IV Государственной Думы в Прогрессивный блок сформировалась открытая политическая оппозиция самодержавному правительству. После публичного выражения поддержки данному блоку земскими организациями риторика консерваторов существенно ужесточилась. Она приобрела отчетливо антибуржуазную и антидемократическую направленность. Земский и Городской союзы бы обвинены в том, что они тратят огромные бюджетные средства на создание собственного имиджа благодетелей народа, а не на реальную заботу о солдатах и беженцах. В то же время, по мнению консерваторов, органы военного управления вынуждены существовать в условиях жесткой экономии, что выставляет их в невыгодном свете в глазах народа. Отсюда делался вывод о том, что пора прекращать позволять паразитам наращивать символический капитал за счет средств правительства, а основное финансирование направить через государственные органы [11; 12].

Далее Земский союз напрямую обвинялся в коммерческих спекуляциях, в результате которых резко повысились цены на важнейшие для армии и тыла товары. Консервативные публицисты утверждали, что представители союза специально выбирают поставщиков среди близких к ним лиц, переплачивая им за необходимые товары, вместо того чтобы выбрать компании, предлагающие наименьшую цену. Земгор не желал экономить государственные деньги, поэтому проявление общественной инициативы с консервативной точки зрения приводило только к мародерству торгашей и маркитантов за счет обнищания населения. Фактически это было обвинение в коррупции.

Градус риторики продолжал повышаться. Консервативные мыслители намекали, что земские деятели просто не заинтересованы в экономии денег казны, потому что выступают покровителями спекулянтов [13]. Консервативный публицист М. Астахов объяснял сложившееся бедственное положение желанием различных аферистов воспользоваться трудной для отчизны ситуацией в целях личного обогащения. Самодержавное правительство, по его мнению, самой своей деятельностью препятствует получению капиталистами новых сверхприбылей, что делает его врагом всяких проходимцев и предателей. Он полагал, что оппозиция, за которой стоит московская буржуазия, желает поменять власть в России в интересах этих толстосумов. М. Астахов полагал, что все рассуждения о свободе торговли и «невидимой руке» рынка лишь прикрытие для хищнической наживы и эксплуатации природных ресурсов страны и одурманивания сознания лучшей

части народа. Соответственно, критику правительства со стороны буржуазии он представлял как стремление оградить свои средневековые корпоративные привилегии от вмешательства монаршей воли [14]. С. Глинка считал, что в каждом более или менее крупном городе России есть свои капиталистические воротилы, которые будучи реальными хозяевами покровительствуют спекулянтам, что и приводит к дороговизне. Земские управы, находясь с ними в сговоре, покрывают наличие тайных складов, с помощью которых можно контролировать объемы продукции в обороте, чтобы не снижались цены [15].

М. Астахов также обвинял земские организации в том, что они совсем забросили городскую инфраструктуру, забота о которой является их прямой обязанностью. Он возмущался тем, что пока отечественные города тонут в грязи, лидеры самоуправления играют в политику, забыв о своих прямых обязанностях. По его мнению, довольно списывать свои собственные ошибки и коррупцию на тяготы и неразбериху военного времени [16]. Другой публицист, развивая тему заговора, прямо называл земские и банковские организации жидомасонскими. Поэтому исчезновение важнейших продуктов с прилавков магазинов — это результат тайного сговора враждебных правительству сил для совершения революции, а вовсе не случайность [17].

Консервативная интеллектуальная прослойка постоянно колебалась в своем отношении к отечественным купцам. Так, идеолог русского национализма П. И. Ковалевский полагал, что есть существенная разница между русским купцом и капиталистом. Предприниматель, укорененный в родную почву, по определению не может заботиться лишь о своих сиюминутных, своекорыстных интересах. Он, конечно же, получает прибыль, но при этом понимает, что жить ему придется на родной стороне, и поэтому местный купец думает еще о деле государя и народном благе. Капиталист, выражаясь современным языком, — сторонник глобализации и, следовательно, связан с интересами международной финансовой олигархии. Его ничего не волнует, кроме чистой прибыли, ему чужд национальный интерес. Немецкий капиталист скорее найдет язык с российским капиталистом, чем со своим собственным народом. Отсюда вытекает оригинальная когнитивная увертка — местные купцы у консерваторов ассоциировались с народом, а остальные с мировым еврейством [18].

Когда отечественные капиталисты потребовали своей доли политической власти, желая модернизировать самодержавную систему, консервативные интеллектуалы просто отбросили упомянутое разделение и стали называть всех буржуа адептами мирового сионизма и масонства, стремящегося ради своей выгоды погубить Россию. Так, консервативный публицист и почетный член Русского монархического союза К. Н. Пасхалов прямо отождествлял всех капиталистов с либералами, что было для него синонимом политической ереси [19, с. 145–225]. Другие консерваторы прямо противопоставляли народ и капиталистов, утверждая, что русскому народу нужен только царь, а денежным воротилам — конституция, чтобы наживаться за его счет [20, с. 550–555].

Таким образом, можно утверждать, что неприятие капитализма было устойчивым паттерном правовой культуры консервативной интеллигенции в годы Первой мировой войны. Отторжение капитализма базировалось прежде всего на том, что он непременно ассоциировался с конституцией и парламентаризмом. Консерваторы долгое время старались примирить необходимость существова-

ния торговли с неприятием капитализма. Они нашли интеллектуальный выход в разделении капитализма на национальный и международный, но, когда стало понятно, что отечественная буржуазия тоже склонна к конституционализму, возобладала устойчивая культурная установка на неприятие формальных рыночных и политических отношений. Капитализм снова был осужден. Однако, как ни странно, многие консерваторы ставили английское общество в пример как истинно лояльное своему монарху, полностью игнорируя природу британского политического устройства.

Библиографический список

1. *Е.К.* Благотворительная реформа // *Земщина*. 1914. 31 августа.
2. *Е.К.* Когда пашут — руками не машут // *Земщина*. 1914. 3 октября.
3. *Е.К.* Земство и война // *Земщина*. 1915. 18 января;
4. *Е.К.* Земства под опекой // *Земщина*. 1915. 21 марта.
5. Промышленный съезд // *Московские ведомости*. 1915. 29 мая;
6. Задачи общественности // *Московские ведомости*. 1915. 11 июля.
7. Наша общественность // *Московские ведомости*. 1915. 9 июля.
8. *Глинка С.* Нет худа без добра // *Земщина*. 1915. 3 июля.
9. *Витязь*. Политические письма. О российской молодой общественности // *Колокол*. 1915. 21 января.
10. *Витязь*. Политические письма. Дух государственной свободы // *Колокол*. 1915. 7 июля.
11. Кризис общественности // *Московские ведомости*. 1915. 23 октября;
12. Воспитание труда // *Московские ведомости*. 1915. 21 декабря.
13. Боязнь света // *Московские ведомости*. 1915. 1 декабря.
14. *Астахов М.* На темы дня. Торгово-промышленные барды и баяны // *Московские ведомости*. 1915. 9 октября.
15. *Глинка С.* Невообразимо трудное положение // *Земщина*. 1915. 7 октября.
16. *Астахов М.* Картины провинциальной жизни // *Московские ведомости*. 1915. 4 сентября.
17. Другим путем // *Земщина*. 1915. 1 сентября.
18. *Ковалевский П.И.* Национальное право. Национализация естественных богатств // *Голос Руси*. 1915. 20 марта.
19. *Кирьянов Ю.И.* Правые в 1915 – феврале 1917 гг. (по перлюстрированным Департаментом полиции письмам) // *Минувшее*. СПб.: Atheneum-Феникс, 1993. Вып. 14. С. 145–225.
20. Основные положения народных монархических союзов, предложенные Астраханской народной монархической партией // *Правые партии: документы и материалы*. М.: РОССПЭН, 1998. Т. 2. 816 с.

References

1. *E.K.* Beneficial Reform // *Zemshchyna*. 1914. August 31st.
2. *E.K.* When They Plow, They Don't Wave Their Hands // *Zemshchyna*. 1914. October 3.
3. *E.K.* Zemstvo and War // *Zemshchyna*. 1915. January 18th;
4. *E.K.* Zemstvo Under Guardianship // *Zemshchyna*. 1915. March 21st.
5. Industrial Congress // *Moskovskie Vedomosti*. 1915. May 29;
6. Tasks of the Public // *Moscow Vedomosti*. 1915. July 11th.
7. Our Public // *Moskovskie Vedomosti*. 1915. July 9th.
8. *Glinka S.* It's a Blessing in Disguise // *Zemshchyna*. 1915. July 3.
9. *Knight*. Political Letters. On the Russian Young Public // *Kolokol*. 1915. January 21.
10. *Knight*. Political Letters. The Spirit of State Freedom // *Kolokol*. 1915. July 7.

11. Public Crisis // Moscow Vedomosti. 1915. October 23rd;
12. Education of Labor // Moskovskie Vedomosti. 1915. December 21st.
13. Fear of Light // Moscow Vedomosti. 1915. December 1st.
14. *Astakhov M.* On the Topics of the Day. Commercial and Industrial Bards and Bayans // Moskovskie Vedomosti. 1915. October 9th.
15. *Glinka S.* Unimaginably Difficult Situation // Zemshchyna. 1915. October 7th.
16. *Astakhov M.* Pictures of Provincial Life // Moscow Vedomosti. 1915. September 4th.
17. In Another Way // Zemshchyna. 1915. September 1st.
18. *Kovalevsky P.I.* National Law. Nationalization of Natural Resources // Voice of Russia. 1915. March 20th.
19. *Kiryakov Yu.I.* The Rightists in 1915 – February 1917 (based on letters perustrated by the Police Department) // The Past. St. Petersburg: Atheneum-Phoenix, 1993. Iss. 14. P. 145–225.
20. The Main Provisions of the People’s Monarchical Unions Proposed by the Astrakhan People’s Monarchical Party // Right-Wing Parties: Documents and Materials. M.: ROSSPAN, 1998. Vol. 2. 816 p.

Г.В. Дружинин

О ЦЕЛЯХ КОРПОРАТИВНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ НОРМ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

Введение: в статье исследуется вопрос о целях корпоративных юридических норм. Теоретический анализ целей корпоративных юридических норм способствует пониманию их сущности, выявлению определенных закономерностей, прогнозированию развития данного явления и раскрытию механизма их функционирования, а также воздействия на общественные отношения. Реализация корпоративных юридических норм невозможна без анализа целей, лежащих в их основе. **Цель** — установить цели корпоративных юридических норм в процессе правового регулирования общественных отношений. **Методологическая основа:** для анализа феномена цели корпоративных юридических норм используются системные, диалектические и сравнительные подходы. **Результаты:** в ходе исследования выявлено, что корпоративные юридические нормы в конструкции «цель в праве–правовое средство–юридический результат» занимают место правовых средств, направленных на достижение целей. Установлено, что корпоративные юридические нормы, выступая средством фиксации целей корпорации и ее участников, средством закрепления и защиты интересов участников корпорации, обладают интегративным характером. **Выводы:** цели названных норм в первую очередь определяются субъектами права: участниками корпоративных отношений с одной стороны и государства с другой. В связи с чем государство и участники корпорации достигают с помощью корпоративных правовых предписаний разные по своему содержанию цели. Между тем корпоративные юридические нормы через установление субъективных прав и юридических обязанностей отражают желаемый образец поведения участника потенциального корпоративного правоотношения.

Ключевые слова: корпоративные юридические нормы, корпоративные санкционированные нормы, цель в праве, правовая цель, правовое регулирование.

G. V. Druzhinin

ON THE PURPOSES OF CORPORATE LEGAL NORMS IN LEGAL REGULATION

Background: the article studies the issue of the goals of corporate legal norms. Theoretical analysis of the goals of corporate legal norms contributes to understanding their essence, identifying certain regularities, predicting the development of this phenomenon and revealing the mechanism of their functioning, as well as the impact on social relations. The implementation of corporate legal norms is impossible without analyzing the objectives underlying them. **Objective** — to establish the objectives of corporate legal norms in the process of legal regulation of public relations. **Methodology:** systematic, dialectical and comparative approaches are used to analyze the phenomenon of the purpose of corporate legal norms. **Results:** in the course of the study it was revealed that corporate legal norms in the structure “the purpose in law–legal means–legal result” take

© Дружинин Глеб Викторович, 2024

Старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления (Институт социальных наук Иркутского государственного университета), соискатель кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: druzhinin93@mail.ru

© Druzhinin Gleb Viktorovich, 2024

Senior Lecturer at the Department of Public and Municipal Administration (Institute of Social Sciences of Irkutsk State University), applicant at the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

*the place of legal means, directed by means of achieving the goals. It is established that corporate legal norms, acting as a means of fixing the goals of the corporation and its participants, a means of fixing and protecting the interests of the participants of the corporation, have an integrative character. **Conclusions:** the objectives of the above norms are primarily determined by the subjects of law: the participants of corporate relations on the one hand, and the state on the other. In this regard, the state and the participants of the corporation achieve through corporate legal prescriptions different in their content goals. Meanwhile, corporate legal norms through the establishment of subjective rights and legal obligations reflect the desired pattern of behavior of a participant of a potential corporate legal relationship.*

Keywords: corporate legal norms, corporate sanctioned norms, purpose in law, legal purpose, legal regulation.

Понятие «цель» возникло еще во времена Античности. Обладая давней и богатой историей, она является одной из фундаментальных категорий в науке. Еще Р. Иеринг отмечал, что право стремится не к истине, которая будет идти впереди него, а к справедливости [1, с. 262]. Следует констатировать, что в общетеоретической правовой литературе цель как явление исследовалась в ракурсе ее отдельных граней и аспектов.

А.И. Экимов рассматривает цель в праве как общую цель регулирования всего комплекса общественных отношений, которая конкретизируется посредством формулирования менее общих целей: в нормах, институтах, отраслях права. Для дифференциации целей ученый вводит дефиницию «правовая цель». В это понятие вкладывается смысл всякой цели, «которая осуществляется посредством отдельных норм, институтов, отраслей права, а также права в целом» [2, с. 11].

К.В. Шундикова юридическую цель определяет как идеально предполагаемую и гарантированную государством модель какого-либо социального состояния или процесса, к достижению которой при помощи юридических средств стремятся субъекты правотворческой и правореализационной деятельности [3, с. 14]. Предложенное автором определение позволяет охватить как общеправовую цель, так и цель в юридической практике.

Иного видения цели в праве придерживается Е.А. Мызникова, предлагающая уровневую классификацию целей, выделяя, во-первых, многочисленные цели, которые достигаются субъектами права в процессе их вступления в правоотношения, цели права, на достижение которых направлена юридическая деятельность, и наконец общие цели для всей системы права [4, с. 12].

О.А. Красавчиков, определяя правовую цель как «субъективно желаемое для ее участников возникновение, изменение и прекращение их прав и обязанностей, которое должно произойти», указывает, что целью выступает достижение правового результата [5, с. 15].

Обозначенные подходы, свидетельствуют о многогранности категории «цель» в праве. В связи с этим интересным представляется рассмотреть вопросы о целях корпоративных юридических норм. Достижение цели требует определенной деятельности и средств, с помощью которых цель трансформируется в результат. Поэтому процесс воплощения целей неизменно связан с реализацией правовых норм, в том числе корпоративных юридических норм.

Цель как «мысленно представляемый предмет» [6, с. 8] возникает в сознании человека, потому относится к миру идеального. Из этого логически вытекает, что

свое стремление субъект правовой действительности будет достигать с помощью конкретных средств (в том числе правовых предписаний). Поэтому достигается цель путем закрепленных на нормативном уровне правовых инструментов (средств-установлений) [7, с. 69] посредством средств-действий.

В инструментальной теории права сформировалось несколько подходов к пониманию правовых средств. Один из подходов определяет правовые средства как нормы права (средства-установления) и действия субъектов права (средства-деяния) [8, с. 17].

Базой инструментального подхода являются три категории: правовая цель, правовое средство и правовая деятельность [9, с. 23]. Следовательно, в конструкции «цель в праве – правовое средство – юридический результат» корпоративные юридические нормы занимают место правовых средств. Поэтому следует согласиться с позицией ряда ученых о том, что юридическая норма выступает одним из правовых средств [10, с. 7–12].

Корпоративная правовая норма через установление субъективных прав и юридических обязанностей отражает желаемый образец поведения участника потенциального корпоративного правоотношения. В некоторых случаях в содержание правовых норм включается информация, сведения о том желаемом результате (состоянии) регулируемых отношений, которое и определяется как цель.

В юридической науке отсутствует единое понимание проблемы о соотношении цели и правовой нормы. Одни считают, что цель включена в содержание права и представлена в качестве его основного содержания [11, с. 27], другие, что «цель права выходит за пределы его содержания» [12, с. 103–104]. В рамках настоящего исследования придерживаемся второй позиции, поскольку, возникшая значительно раньше нормы права, цель предопределяет содержание самой нормы.

Корпоративные правовые предписания выступают желаемой моделью поведения как для органов корпорации, так и для государства. В силу своей дуальной природы их цели определяются субъектами права: участниками корпоративных отношений с одной стороны и государства с другой.

При дальнейшем анализе связей между целями и корпоративными юридическими нормами необходимо принимать во внимание субъективный фактор. Безусловно, что цели правового регулирования связаны с объективными потребностями как общества и государства, так и отдельных групп личностей или их объединений. Поэтому и государство, и участники корпорации будут достигать с помощью корпоративных правовых предписаний разные по своему содержанию цели.

По нашему мнению, важнейшее значение имеет непосредственное указание на то, что цели в праве детерминируют природу юридических средств, а также влияют на выбор последних. Подобное в приоритетной степени относится к такому специфичному феномену, как корпоративные правовые предписания.

Цели, ставящиеся субъектами права перед названными нормами права, весьма многоплановы, что объясняется неоднозначностью самого рассматриваемого феномена.

Смысл целевого назначения указанных предписаний, который закладывает государство, заключается в содействии установлению желаемого состояния правопорядка. Полагаем, что общая цель правовых корпоративных предписаний созвучна и совпадает с целевым предназначением самого права, поскольку

способствует преодолению такого негативного явления, как хаос в праве и в обеспечении всесторонней защиты прав и законных интересов [13, с. 199].

Общепринятой классификацией целей является выделение из всего массива целей общей (генеральной) цели, при этом все другие цели по отношению к общей обозначаются как специальные.

Общая цель правовых корпоративных норм как раз и предполагает снижение хаотичности и стихийности в развитии корпоративных отношений. Нормативные предписания корпорации выступают в роли образца легитимного поведения. Моделируя действия субъекта права, они вносят предсказуемость в правовое поведение участников общественных отношений. Кроме того, нацеленность на придание порядка и устранение хаоса является одним из условий санкционирования государством корпоративного предписания. Корпоративные нормы, противоречащие фундаментальным ценностям и вносящие дестабилизацию в правовую систему, не могут и не должны быть санкционированы.

Наряду с общей (генеральной, главной) целью [14] выделяются цели, находящиеся в логической связи с генеральной целью [15] и способствующие ее достижению. Обозначаться иные цели по отношению к главной могут по-разному: специальные, частные, подцели, цели-задачи и др. Классифицировать их можно по различным критериям и основаниям.

Как было указано ранее, корпоративные нормы обладают специальными целями, которые обусловлены интересом.

По мнению Г.А. Свердлыка, в содержание интереса включаются не только одни осознанные потребности, но и пути, средства и способы их удовлетворения [16, с. 34]. В связи с чем интересы выражены во всех нормах права [17, с. 27–34].

Требуется сделать оговорку, что законный интерес нормой права конкретно не закрепляется, а лишь соответствует ей. С точки зрения А.В. Малько и В.В. Субочева, норма права может охранять и закреплять существование самих законных интересов в целом, но не каждый законный интерес в отдельности [18, с. 140].

Соответственно, корпоративно-правовая норма выступает одним из средств фиксации и удовлетворения интереса участников общественных отношений. Принимая во внимание субъектный фактор, нормативные предписания преследуют цели удовлетворения как публичных, так и частных (корпоративных) интересов. Специальные цели классифицируются на публичные (направленные на удовлетворение интереса широкого круга лиц, а также государства и общества) и частные (направленные на разрешение интересов субъектов корпоративных отношений).

А.С. Пиголкин обоснованно отмечал, что роль норм права как регулятора не сводится лишь к фиксации уже сложившихся отношений. Регулирующая роль юридических норм многогранна. Проявляется она в активном преобразовании и изменении нормами права уже существующих отношений для более полного их соответствия воле и интересам общества [19].

Одно из целевых назначений корпоративных юридических норм заключается также в сплочении субъектов в корпоративное объединение посредством правового регулирования общественных отношений между этими субъектами. Г.М. Гак указывал на то, что понятие «коллективность» предусматривает не только совместность действий, но и такую их согласованность, выражающуюся в объединенности, в сознательной взаимопомощи, которая основывается на общности интересов и целей деятельности [20, с. 12].

Состав участников корпорации может быть очень разнообразным, где наряду с целями корпорации каждый преследует свои собственные цели. Посредством корпорации участники удовлетворяют свои потребности, защищают и охраняют интересы. Чаще всего отличие в целях, интересах, мотивах, потребностях и ценностях становится причиной возникновения корпоративных споров и конфликтов.

В связи с этим корпоративные предписания используются, во-первых, в качестве превентивного средства недопущения юридического конфликта, а во-вторых, как средства разрешения уже развивающегося корпоративного спора.

Одной из объективных причин возникновения корпоративных конфликтов является отсутствие эффективных правовых норм, обеспечивающих гарантии корпоративных прав [21, с. 273].

Корпоративно-правовая норма часто выступает способом установления компромисса между противоположными интересами сторон. Она представляет собой всеобщий (или в рамках определенной сферы) масштаб поведения, в основу которого положен некий «усредненный», абстрактный (корпоративный) интерес, который участники корпорации определяют самостоятельно, например в процессе совместной нормотворческой деятельности.

В процессе правореализации также достигается сплоченность и единство поведения членов коллектива корпорации.

Интеграция воли с помощью корпоративных юридических предписаний проявляется в реализации последних. Добровольно исполняя, соблюдая или используя права и обязанности, закрепленные в корпоративной норме, субъект корпоративных отношений тем самым консолидирует свою волю с волей других участников корпорации.

Таким образом, следует констатировать следующее:

во-первых, корпоративные юридические нормы в конструкции «цель в праве – правовое средство – юридический результат» занимают место правовых средств для достижения целей;

во-вторых, корпоративные юридические нормы через установление субъективных прав и юридических обязанностей отражают желаемый образец поведения участника потенциального корпоративного правоотношения;

в-третьих, цели названных норм прежде всего определяются субъектами права: участниками корпоративных отношений с одной стороны и государства с другой. Поэтому государство и участники корпорации достигают с помощью корпоративных правовых предписаний разные по своему содержанию цели;

в-четвертых, корпоративные юридические нормы, выступая средством фиксации целей корпорации и ее участников, средством закрепления и защиты интересов участников корпорации, обладают интегративным характером.

Библиографический список

1. *Иеринг Р.* Цель в праве. СПб.: Н.В. Муравьев, 1881. 346 с.
2. *Экимов А.И.* Категория цели в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ленинград, 1970. 16 с.
3. *Шундигов К.В.* Цели и средства в праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 24 с.
4. *Мызникова Е.А.* Цели в праве: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 27 с.

5. Красавчиков О.А. Гражданско-правовой договор: понятие, содержание и функции // Гражданско-правовой договор и его функции: межвузовский сб. науч. ст. Свердловск: УрГУ, 1980. 143 с.
6. Макаров М.Г. Категория «цель» в марксистской философии Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1977. 188 с.
7. Малько А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 1998. № 8. С. 66–77.
8. Струнков С.К. Процессуально-правовые средства: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 22 с.
9. Жуков А.А. Правовые средства воздействия суда на процессуальное поведение сторон в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 26 с.
10. Малько А.В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Правоведение. 1999. № 2. С. 4–16.
11. Орлов В.Н., Экимов А.И. Цель в норме социалистического права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1968. № 5. С. 22–28.
12. Научные основы советского правотворчества / отв. ред. Р.О. Халфина. М.: Наука, 1981. 316 с.
13. Малько А.В., Шундикова К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. 294 с.
14. Шафиров В.М. Естественно-позитивное право (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 56 с.
15. Щербинин С.С. Проблема цели в теории государства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 184 с.
16. Свердлык Г.А. Гражданско-правовые способы сочетания общественных, коллективных и личных интересов: учеб. пособие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1980. 72 с.
17. Малеин Н.С. Охраняемый законом интерес // Советское государство и право. 1980. № 1. С. 27–34.
18. Малько А.В., Субочев В.В. Гарантии осуществления законных интересов // Правоведение. 2007. № 6. С. 138–148.
19. Пиголкин А.С. Нормы советского права и их толкование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ленинград, 1962. 18 с.
20. Гак Г.М. Диалектика коллективности и индивидуальности. М.: Мысль, 1967. 167 с.
21. Лаптев В.А., Ефименко Е.Н. Корпоративные конфликты: причины возникновения и способы защиты // Lex Russica. 2013. № 3. С. 268–279.

References

1. Iering R. The goal in law. St. Petersburg: N.V. Muravyov, 1881. 346 p.
2. Ekimov A.I. The category of purpose in Soviet law: abstract. ... cand. Jurid. sciences'. Leningrad, 1970. 16 p.
3. Shundikov K.V. Goals and means in law: abstract. dis. ... cand. Jurid. sciences'. Saratov, 1999. 24 p.
4. Myznikova E.A. Goals in law: theoretical and legal analysis: abstract. ... cand. Jurid. sciences'. Krasnodar, 2010. 27 p.
5. Krasavchikov O.A. Civil law contract: concept, content and functions // Civil law contract and its functions: interuniversity collection of scientific articles Sverdlovsk: USU, 1980. 143 p.
6. Makarov M.G. The category of "purpose" in Marxist philosophy L.: Science. Leningr. department, 1977. 188 p.
7. Malko A.V. Legal means: questions of theory and practice // Journal of Russian Law. 1998. No. 8. P. 66–77.
8. Strunkov S.K. Procedural and legal means: problems of theory and practice: abstract. ... cand. Jurid. sciences'. Saratov, 2003. 22 p.

9. *Zhukov A.A.* Legal means of influencing the court on the procedural behavior of the parties in civil proceedings: dis. ... cand. Jurid. M., 2022. 26 p.
10. *Malko A.V.* Legal means as a general theoretical problem // *Jurisprudence*. 1999. No. 2. P. 4–16.
11. *Orlov V.N., Ekimov A.I.* The goal in the norm of socialist law // *News of higher educational institutions. Law studies*. 1968. No. 5. P. 22–28.
12. *Scientific foundations of Soviet law-making* / ed. by R.O. Khal-fin. M.: Nauka, 1981. 316 p.
13. *Malko A.V., Shundikov K.V.* Goals and means in law and legal policy. Saratov: Publishing house of the State Educational Institution of Higher Education «Saratov State Academy. rights», 2003. 294 p.
14. *Shafirov V.M.* Natural-positive law (problems of theory and practice): Abstract of the dissertation by Dr. Yurid. Nauk. N. Novgorod, 2005. 56 p.
15. *Shcherbinin S.S.* The problem of purpose in the theory of the state: dis. ... cand. Jurid. M., 2002. 184 p.
16. *Sverdlyk G.A.* Civil law ways of combining public, collective and personal interests: studies. stipend. Sverdlovsk: Ural Publishing House. Unita, 1980. 72 p.
17. *Malein N.S.* Legally protected interest // *The Soviet state and law*. 1980. No. 1. P. 27–34.
18. *Malko A.V., Subochev V.V.* Guarantees of the implementation of legitimate interests // *Pravovedenie*. 2007. No. 6. P. 138–148.
19. *Pigolkin A.S.* Norms of Soviet law and their interpretation: abstract. ... cand. Jurid. sciences'. Leningrad, 1962. 18 p.
20. *Gak G.M.* Dialectics of collectivity and individuality. M.: Mysl, 1967. 167 p.
21. *Laptev V.A., Efimenko E.N.* Corporate conflicts: causes and methods of protection // *Lex Russica*. 2013. No. 3. P. 268–279.

О.Ю. Тушко

О СТАБИЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Введение: отсутствие законодательно установленного определения и одновременно частое использование понятия «стабильность» обуславливают необходимость установления его содержания в отношении государственной власти. **Цель** — сформулировать авторское определение понятия «стабильность государственной власти». **Методологическая основа:** анализ использования термина «стабильность» и категории «государственная власть» в научной литературе, обзор и сопоставление различных подходов, обобщение и синтез. **Результаты:** предложено системное определение понятия «стабильность государственной власти», сочетающее функциональную (результативность власти) и организационную (систему осуществляющих ее органов) составляющие. **Выводы:** обозначена допустимость использования понятия «стабильность государственной власти» как качественно-временной (результативно-временной) характеристики власти, а также его рассмотрение в качестве желаемого ориентира для всех сторон властеотношений и государства в целом.

Ключевые слова: государственная власть, стабильность и динамизм, стабильность государственной власти, властеотношения.

O.Yu. Tushko

ON THE STABILITY OF STATE POWER

Background: the absence of a legally established definition and, at the same time, the frequent use of the concept of “stability” make it necessary to establish its content in relation to state power. **Objective** — to formulate the author’s definition of the concept of “stability of state power”. **Methodology:** analysis of the use of the term “stability” and the category “state power” in scientific literature, review and comparison of different approaches, generalization and synthesis. **Results:** a system definition of the concept of “stability of state power”, combining functional (the effectiveness of power) and organizational (the system of its implementing bodies) components is proposed. **Conclusions:** the admissibility of using the concept of “stability of state power” as a qualitative-temporal (result-temporal) characteristic of power is indicated, as well as its consideration as a desirable benchmark for all parties of power relations and the state as a whole.

Keywords: state power, stability and dynamism, stability of the state power, power relations.

Все чаще юристами, политиками и государственными деятелями используется термин «стабильность» применительно к различным государственно-правовым явлениям, в том числе и в отношении государственной власти. Ввиду отсутствия законодательно установленного или четко сформулированного в теории определения возникают некоторые расхождения в понимании его содержания.

© Тушко Олеся Юрьевна, 2024
Аспирант кафедры теории и истории государства и права (Сибирский федеральный университет);
e-mail: tushkoo@yandex.ru

© Tushko Olesya Yurievna, 2024
Postgraduate at the Department of Theory and History of State and Law (Siberian Federal University)

В результате существует необходимость определить значение, вкладываемое в понятие «стабильность государственной власти».

Согласно Толковому словарю русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова, понятие «стабильность» означает прочность, устойчивость, постоянность [1], то есть фактически является качественно-временной характеристикой явления или процесса. Следовательно, использование данного термина связано с необходимостью обозначения указанных свойств.

К.О. Телин, проводя обзор трактовок политической стабильности, отмечает, что граждане под стабильностью обычно понимают отсутствие перемен, изменений, особенно негативных. В естественно-научных дисциплинах «стабильной» является система не просто способная к долговременному продолжению собственного существования, но обладающая достаточным адаптивным потенциалом для восстановления в ситуациях неопределенности и внешних возмущений». Политики и чиновники, в свою очередь, «чаще подразумевают под стабильностью некий бессодержательный “экспрессив” или “репрезентатив”, удобный им с точки зрения рейтинговых показателей и политических деклараций» [2, с. 57, 58, 61, 64, 67]. Таким образом, К.О. Телиным обозначается закономерность между лицом или группами лиц, использующими анализируемый термин с придаваемыми ему смыслом и содержанием.

В современной юридической литературе понятие «стабильность» можно встретить применительно к разным объектам и явлениям. Так, Л.Г. Коновалова использует выражения «стабильность права», «стабильность законодательства», «стабильность правового регулирования» [3, с. 67–80] в значениях, связанных с оценкой изменения нормативных правовых актов, совершенствования законодательства и принятия новых норм.

М.В. Пресняков пишет о стабильности Конституции как об одном из важнейших ее юридических свойств или качеств, обозначающих не «неизменность», а усложненную процедуру внесения изменений [4, с. 51].

Часто термин «стабильность» пытаются соотносить с термином «динамизм», рассуждая о возможностях их сочетания или значимости для развития. Так, Н.С. Бондарь рассуждает о стабильности и одновременно динамизме Конституции РФ, имея в виду формально-юридическую текстовую стабильность (хотя бы относительную) и нормативно-правовую способность реагировать на изменение социальной действительности, а также об их сочетании как идеале правовой «вечности» [5, с. 20–22].

С точки зрения К.В. Шундикова, «стабильность правового регулирования, правовой системы представляет для практиков своего рода идеал. Можно говорить о наличии общественной потребности в стабильности, в том числе и в стабильности правовой жизни» [6], однако абсолютная стабильность или устойчивость является тупиком, поскольку не содержат источников для развития, поэтому необходимо вести речь о стабильности динамической, которая предполагает лишь некоторую величину ее неизменяемости.

С.А. Авакьян отмечает, что попытку сделать конституцию неизменной, нельзя считать серьезной, поскольку она развивается вместе с обществом и должна меняться, если в этом есть необходимость. «Стабильность Конституции обеспечивается не тем, что в нее не вносят изменения, а тем, что она соответствует потребностям общества» [7, с. 1].

А.В. Безруков ведет речь об относительной стабильности конституционного законодательства в России, поскольку выявляется обоснованность и допускается необходимость проведения умеренной конституционной модернизации. «Конституция — это не вечное неизменное явление, однако одной из существенных ее характеристик является стабильность» [8; 9].

В приведенных исследованиях понятие «стабильность» применяется в основном для оценки неизменности положений Конституции и иных нормативных документов, которая не исключает возможность внесения изменений и дополнений в них, а также отмены ранее принятых положений и принятия новых. Таким образом, термин «стабильность» весьма условно используется в смысле «неизменность», поскольку по объективным причинам, связанным с развитием общественных отношений, действующее законодательство не может оставаться неизменным, что и подтверждается многочисленными внесениями поправок и дополнений, отменой устаревших положений, принятием новых. Поэтому попытка совместить стабильность и динамизм приводит к появлению таких терминов, как «относительная стабильность», «динамическая стабильность» и иных вариаций формулировок, что не совсем корректно.

Имеется и иное понимание стабильности. Например, проблема стабильности основ конституционного строя, по мнению Ю.Г. Федотовой, связана с обеспечением реальности Конституции РФ, то есть «совпадением юридической и фактической конституций»: «стабильность конституционного строя и его основ в широком смысле связана с обеспечением не неизменности конституционных положений, а их реального воплощения и их охраны от возможных нарушений» [10, с. 34, 40]. Другими словами, акцент делается не на неизменность или изменяемость, а на реализацию на практике и соблюдение установленных норм и правил.

М.В. Вилисов, К.О. Телин и К.Г. Филимонов пишут о «стабильности государственной системы», под которой понимают способность последней достигать состояния, при котором она устойчиво функционирует, то есть способность добиваться устойчивости или воспроизводить ранее достигнутое равновесие [11, с. 10, 11].

А.В. Логинов рассматривает политическую стабильность не как самоцель или социально-политическую ценность, а как «одно из объективных качественных состояний государства и общества на определенном этапе развития, имеющее свои преимущества и недостатки» [12, с. 59]. Тем самым отмечается возможность существования политически стабильных и нестабильных периодов в истории государств.

Проведенный анализ использования термина «стабильность» в отношении государственно-правовых объектов и явлений подтверждает правильность сформулированных К.О. Телиным следующих выводов. Во-первых, «слово “стабильность” ввиду особенностей политического языка может превращаться в неопределенный с содержательной точки зрения инструмент манипуляции общественным мнением», так как смысловая нагрузка заменяется эмоциональной и ценностной. Во-вторых, бессубъектность употребления термина приводит к смысловым расхождениям, так как в практической политике часто отсутствует пояснение о стабильности кого или чего идет речь, кто выступает агентом или, напротив, бенефициаром стабильности. В-третьих, поскольку понятие политической стабильности стало к концу XX в. универсальной ценностью и драй-

вером внутренней политики, то руководством большинства государств мира «стабильность в ряде случаев начинает восприниматься не как содержательное требование к функционированию политической системы или деятельности органов государственной власти, а как этическое условие для них». «Подобная интерпретация термина ... “стабильность” является отражением специфического его понимания — как этической, нравственной, мировоззренческой предпосылки, а не как сложного процессуального требования» [2, с. 56, 62–64]. Именно отсюда идет противопоставление стабильности и перемен, стабильности и реформ.

Следовательно, при попытке дать определение тому или иному явлению с использованием понятия «стабильность» необходимо не подменять его содержание эмоциональной окраской, а четко представлять в отношении какого объекта, кем и с какой целью оно используется, придерживаться именно научно-правового понимания, поскольку обывательское восприятие термина ограничивается узким смыслом, политическое же применение может быть крайне субъективным, преследующим определенную цель и не отражающим действительного положения дел.

Использование термина «стабильность» в значении «неизменчивость» к любым государственно-правовым явлениям, в том числе к законодательству, власти, конституционному строю, правовому регулированию, может столкнуться с необходимостью его соотнесения с понятием «изменчивость», так как отношения, лежащие в их основе, подвергаются развитию, совершенствованию и эволюции. Говорить об абсолютной стабильности в этом случае нельзя ввиду того, что данные явления касаются изменяющихся и развивающихся в силу объективных причин общественных отношений, поэтому понятия, характеризующиеся стабильностью, изначально должны учитывать возможность данных изменений, иначе возникнет терминологическое противоречие, которое придется как-то объяснять или уточнять.

Изложенное должно быть применено и в отношении определения понятия «стабильность государственной власти». По мнению К.О. Телина, согласно теориям стабильности, имеющимся в социальных науках, о стабильности может идти речь в условиях естественного сопротивления системы, обеспеченной собственными ресурсами и возможностями, имеющей способность реагировать на вызовы через контролируемые, управляемые изменения, а не существующей продолжительное время благодаря счастливым случайностям [2, с. 57–58]. Думается, данный подход можно применить и к анализируемому понятию. Таким образом, под стабильностью в отношении государственной власти необходимо понимать не постоянность в смысле «неизменчивости», а устойчивость, прочность в значении «самосохранение», в том числе за счет допускаемых, установленных нормами права изменений посредством предусмотренных процедур. Внешние или внутренние вызовы преодолеваются с помощью заложенных резервов, обеспечивающих устойчивость, дальнейшие результативность и верховенство.

Определение понятия «стабильность государственной власти» должно основываться также на понимании самой государственной власти. Следует выделить два подхода в этом вопросе. Первый базируется на содержательном моменте — волевом подчинении во властеотношениях и цели властного воздействия. Так, А.И. Королев и А.Е. Мушкин отмечали, что «понятие власти следует рассматривать в двух аспектах, ибо подобно каждому явлению власть представляет собой

единство внутреннего содержания (волевой акт — “навязывание воли”, передача воли властвующего подвластному) и внешнего проявления (“подчинение” — руководство действиями и поступками людей, управление людьми)» [13, с. 16]. Согласно точке зрения К.Е. Сигалова, «власть — это возможность и способность навязать свою волю, воздействовать на деятельность и поведение других людей, даже вопреки их сопротивлению» [14, с. 175]. Руководствуясь приведенными позициями, можно рассматривать государственную власть как способность и возможность лица (лиц), наделенных ею, влиять на волю населения государства (в том числе при необходимости подчинять и подавлять ее), посредством этого осуществлять управляющее воздействие и регулировать отношения.

Поскольку власть не относится к статическим явлениям и предполагает осуществление действий (властвование — это некий процесс), то понятие стабильность государственной власти необходимо рассматривать как качественно-временную характеристику данного процесса, констатирующую сохранение способности и возможности подчинять волю населения государства и управлять им, а также устойчивость и постоянность данного подчинения и управления, достижение требуемого результата от управляемых.

Возможен и иной подход в данном вопросе. Ф.Ф. Кокошин указывал: «...слово “власть” употребляется еще и в переносном смысле, а именно, властью называется не только отношение воли известного лица к воле другого лица, но и субъект той воли, которая господствует над волей другого» [15, с. 190]. Исходя из этой логики происходит отождествление государственной власти с ее органами, через которые фактически власть реализуется. Допустимо и еще более узкое понимание. Например, Н.М. Коркунов пишет о возможном отождествлении в литературе государственной власти с волею конкретных правителей [16, с. 242].

Основываясь на данной позиции, стабильность государственной власти следует рассматривать как неизменность системы органов власти и (или) постоянное нахождение у власти конкретного лица, группы лиц. Акцент делается не на результативность власти (достижение цели управляющего воздействия), а на способность институционально оформленного механизма власти сохраняться и (или) возможность конкретного лица (лиц) удерживать власть.

Поскольку органы государственной власти и конкретные должностные лица или правители являются предметно-материальным (физическим) олицетворением власти, суть которой заключается в управляющем воздействии, основанном на подчинении, то представляется правильным объединить оба подхода и учитывать и результативность, и институциональное оформление власти. Следовательно, под стабильностью государственной власти необходимо понимать существование системы органов государственной власти, обеспечивающей результативное управление и изменяемой только в рамках законно-установленных процедур. Сохранение власти и ее устойчивость к различным воздействиям должно осуществляться за счет заложенных внутренних ресурсов, таких как возможности подстраиваться, меняться и совершенствоваться установленными способами. Любые проявления потери управляемости, а также революционные, не предусмотренные нормативно-правовой базой изменения самой системы и сменяемость такими способами правителей будут указывать на нестабильность власти.

Обоснованным и аргументированным видится использование категории «стабильность государственной власти» как качественно-временной или резуль-

тативно-временной характеристики власти, которая характеризует власть как в целом, так и в определенном временном промежутке, она может применяться для оценки прошлого, настоящего и будущего власти. Кроме того, допустимо рассматривать ее в качестве желаемого ориентира для всех сторон властеотношений и самого государства.

Библиографический список

1. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Астрель: АСТ, 2000. Т. 4: С — Ящурный. 2000. 752 с.
2. *Телин К.О.* Имитация «стабильности»: ложная оптика властного дискурса // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 55–74.
3. *Коновалова Л.Г.* Проблемы реализации принципа верховенства закона в Российской Федерации // Государство и право. 2020. № 10. С. 67–80.
4. *Пресняков М.В.* Правовая определенность и верховенство Конституции: к проблеме стабильности Основного Закона // Государство и право. 2020. № 3. С. 48–56.
5. *Бондарь Н.С.* «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. № 6. С. 20–34.
6. *Шундииков К.В.* Устойчивость и нестабильность в правовой жизни общества // Современное право. 2008. № 1. С. 33–38.
7. *Авакьян С.А.* Стране нужна новая конституция // Законодательство. 2004. № 11. С. 1.
8. *Безруков А.В.* Конституция Российской Федерации как ценность общественно-правового развития // Современное право. 2014. № 4. С. 32–27.
9. *Безруков А.В.* Развитие конституционного законодательства в условиях современных конституционных преобразований в России // Современное право. 2020. № 7. С. 5–13.
10. *Федотова Ю.Г.* Проблема стабильности конституционного строя Российской Федерации // Современное право. 2014. № 9. С. 33–44.
11. *Вилисов М.В., Телин К.О., Филимонов К.Г.* От устойчивости к стабильности: что делает «хорошим» государственное управление // Политика. 2020. № 1(96). С. 7–22.
12. *Логинов А.В.* Политическая стабильность и перспективы эволюции российской системы власти // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. Политика и право. 2009. № 1(9). С. 59–68.
13. *Королев А.И., Мушкин А.Е.* Государство и власть // Правоведение. 1963. № 2. С. 15–26.
14. *Сигалов К.Е.* Генезис социально-властных институтов в России в допетровскую эпоху // Пространство и время. 2014. № 3(17). С. 175–188.
15. *Кокошин Ф.Ф.* Лекции по общему государственному праву. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1912. 306 с.
16. *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб.: Изд. юрид. книж. магазина Н.К. Мартынова, 1908. 364 с.

References

1. Explanatory Dictionary of the Russian Language / ed. by D.N. Ushakov. M.: Astrel: AST, 2000. Vol. 4: FMD. 2000. 752 p.
2. *Telin K.O.* Imitation of «Stability»: False Optics of Power Discourse // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2018. Vol. 18, iss. 4. P. 55–74.
3. *Konovalova L.G.* Problems of Implementing the Principle of the Rule of Law in the Russian Federation // State and Law. 2020. No. 10. P. 67–80.
4. *Presnyakov M.V.* Legal Certainty and the Supremacy of the Constitution: on the Problem of Stability of the Basic Law // State and Law. 2020. No. 3. P. 48–56.

5. *Bondar N.S.* «Eternal» Constitutional Ideals: How Unchangeable Are They in a Changing World? // *State and Law*. 2020. No. 6. P. 20–34.
6. *Shundikov K.V.* Stability and Instability in the Legal Life of Society // *Modern Law*. 2008. No. 1. P. 33–38.
7. *Avakian S.A.* The Country Needs a New Constitution // *Legislation*. 2004. No. 11. P. 1.
8. *Bezrukov A.V.* The Constitution of the Russian Federation as a Value of Social and Legal Development // *Modern Law*. 2014. No. 4. P. 32–27.
9. *Bezrukov A.V.* The Development of Constitutional Legislation in the Context of Modern Constitutional Transformations in Russia // *Modern Law*. 2020. No. 7. P. 5–13.
10. *Fedotova Yu.G.* The Problem of Stability of the Constitutional System of the Russian Federation // *Modern Law*. 2014. No. 9. P. 33–44.
11. *Vilisov M.V., Telin K.O., Filimonov K.G.* From Sustainability to Stability: What Makes Public Administration «Good» // *Politiya*. 2020. No. 1(96). P. 7–22.
12. *Loginov A.V.* Political Stability and Prospects for the Evolution of the Russian System of Government // *News of Higher Educational Institutions. The Volga Region. Social Sciences. Politics and Law*. 2009. No. 1(9). P. 59–68.
13. *Korolev A.I., Mushkin A.E.* State and Power // *Pravovedenie*. 1963. No. 2. P. 15–26.
14. *Sigalov K.E.* The Genesis of Socio-Governmental Institutions in Russia in the Pre-Petrine Era // *Space and Time*. 2014. No. 3(17). P. 175–188.
15. *Kokoshin F.F.* Lectures on General State Law. M.: Edition of the Bashmakov Brothers, 1912. 306 p.
16. *Korkunov N.M.* Lectures on the General Theory of Law. SPb: izd. juridical bookstore N.K. Martynov, 1908. 364 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2024-4-78-85
УДК 342.15

Ю.В. Ермолаева

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ОБНОВЛЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА РЕГИОНОВ РОССИИ

Введение: вопросы территориальной организации государства связаны с его суверенитетом, обеспечением целостности, эффективной организацией работы органов публичной власти разных уровней. Практика территориального устройства регионов России опережает законодательное регулирование. Существуют уникальные территориальные образования, правовой статус которых не определен. **Цель** — обозначить проблемные аспекты в законодательном регулировании территориальных основ Российской Федерации, разработать концепцию обновления законодательства в области территориального устройства регионов России. **Методологическая основа:** общенаучные (диалектический, формальной логики, системно-структурный) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы. **Результаты:** проведен анализ федерального и регионального законодательства, правоприменительной практики в области территориальной организации Российского государства. **Выводы:** предлагается концепция обновления законодательства в области территориального устройства регионов России, сделаны конкретные предложения по процессу систематизации (консолидации) действующего законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: территория, административно-территориальное устройство, территориальная организация, субъекты Российской Федерации, федеральная территория, агломерации, особая экономическая зона.

Yu.V. Ermolaeva

FORMATION OF THE CONCEPT OF UPDATING THE LEGISLATION IN THE FIELD OF TERRITORIAL ORGANIZATION OF RUSSIAN REGIONS

Background: issues of territorial organization of the state are related to its sovereignty, ensuring its integrity, effective organization of the work of public authorities of different levels. The practice of territorial organization of Russian regions is ahead of legislative regulation. There are unique territorial entities, the legal status of which is not defined. **Objective** — to outline the problematic aspects in the legislative regulation of the territorial foundations of the Russian Federation, to develop a concept of updating the legislation in the field of territorial organization of Russian

© Ермолаева Юлия Васильевна, 2024

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В.Т.Кабышева (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: yulya.ermolaeva.12@mail.ru

© Ermolaeva Yulia Vasilyevna, 2024

Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Constitutional Law named after Professor I. E. Farber and Professor V.T. Kabyshev (Saratov State Law Academy)

regions. **Methodology:** general scientific (dialectical, formal logic, system-structural) and private scientific methods (formal-legal, comparative legal). **Results:** the analysis of federal and regional legislation, law enforcement practice in the field of territorial organization of the Russian state was carried out. **Conclusions:** the concept of updating the legislation in the field of territorial organization of Russian regions is proposed, specific proposals on the process of systematization (consolidation) of the current legislation in this area are made.

Keywords: territory, administrative-territorial structure, territorial organization, subjects of the Russian Federation, federal territory, agglomerations, special economic zone.

Федеративное устройство Российской Федерации, будучи одной из основ конституционного строя, связано с обеспечением целостности и независимости страны. Актуальность исследования обусловлена отсутствием официальной доктрины развития территориального устройства нашего государства и систематизированного законодательства в данной области. Этот факт подтверждает то обстоятельство, что современные конституционно-правовые основы территориальной организации России представлены Конституцией РФ 1993 г., Федеративным договором от 31 марта 1992 г., Федеральным конституционным законом от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации», федеральными законами, частично затрагивающими отдельные аспекты организации территории, а также несколько подзаконных актов и документов программного характера, которые дублируют положения друг друга¹.

Правоприменительная практика в вопросе территориального устройства регионов России развивается стремительно, опережая правовое регулирование. В Стратегии пространственного развития Российской Федерации содержится понятие геостратегической территории, то есть территории с особым статусом в границах одного или нескольких субъектов РФ, введены новые формы управления — территориальные единицы агломеративного характера. Поскольку проект федерального закона «О городских агломерациях», подготовленный Минэкономразвития России в сентябре 2020 г., до сих пор находится на рассмотрении, субъекты РФ осуществляют собственное законодательное регулирование.

Например, на территории Саратовской области создан сайт — агломерация-саратов.рф, в 2022 г. принят Устав ГКУСО «Центр развития Саратовской агломерации и промышленных парков», который регулирует вопросы деятельности данной некоммерческой организации, заключено Соглашение о взаимном сотрудничестве между Правительством Саратовской области и органами местного самоуправления по вопросам развития Саратовской агломерации. Согласно п. 1.4 данного Соглашения, «под агломерацией понимается совокупность муниципальных образований Саратовской области (МО «Город Саратов», Энгельский МР, Саратовский МР, Татищевский МР, Красноармейский МР)»².

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (в ред. от 30 сентября 2022 г.) // СЗ РФ. 2019. № 7, ч. 2, ст. 702; 2022. № 41, ст. 7109; Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. URL: <http://www.economy.gov.ru> (дата обращения: 12.05.2019).

² См.: Соглашение о взаимном сотрудничестве между Правительством Саратовской области и органами местного самоуправления по вопросам развития Саратовской агломерации. URL: <https://xn---7sbabamcq2a1alxhweou9d2j.xn--p1ai/agglomerations/aglomeratsii/saratovskaya-aglomeratsiya/> (дата обращения: 28.05.24).

Примером территорий, которые могут также объединять несколько муниципальных образований, являются особые экономические зоны. Правовое регулирование деятельности названных территорий совершенствуется на региональном уровне. Так, во исполнение постановления Правительства РФ от 27 мая 2020 г. № 763 «О создании на территориях Энгельсского, Балаковского муниципальных районов и муниципального образования “Город Саратов” Саратовской области особой экономической зоны технико-внедренческого типа»¹ на территории нашего региона созданы такие зоны.

Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»² регулирует отдельные вопросы создания и управления данными территориями, в то же время экспертами отмечается отсутствие системы комплексной организации особых экономических зон, излишняя бюрократизация органов управления, слабые маркетинговые показатели [1, с. 137]. Внесенные изменения в действующее законодательство в 2023 г. могут способствовать более эффективному функционированию особых экономических зон, однако реформирование законодательной базы о правовом регулировании территориальной организации позволит сделать создание подобных зон для экономики страны более значимым.

На территории Российской Федерации созданы также федеральные территории, статус которых не равен статусу субъектов РФ, на их территории функционируют особые органы публичной власти, которые могут осуществлять полномочия ОМСУ и региональных органов, предусмотрен особый порядок формирования бюджета [2, с. 70]. Между тем не урегулированы цели создания федеральных территорий, что допускает создание других территорий, во-вторых, требуется регламентация равноправия в статусе населения, проживающего на соответствующей территории, и обеспечение прав самого субъекта РФ, так как в данном случае происходит изменение границ его территории без учета мнения самого субъекта РФ.

Принятие соответствующего правового акта способствовало бы определению цели создания подобных территорий, механизма обеспечения территориальной целостности Российского государства, правовой определенности в статусе данных территорий. Однако нужен ли отдельный федеральный закон о федеральных территориях или достаточно одного акта о территориальной организации Российской Федерации? Очевидно, что издание нормативного акта о статусе федеральных территорий не решит в целом проблему правового регулирования территориального устройства государства, поэтому второй вариант выглядит более целесообразным. В постановлении от 13 октября 2015 г. № 26-П Конституционный Суд РФ³ указал на взаимодействие территориальных уровней публичной власти, так пусть это взаимодействие станет законодательно определенным. Новый закон обозначил бы общие начала правового регулирования territori-

¹ См.: СЗ РФ. 2020 г. № 22, ст. 3529.

² См.: Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (в ред. от 4 августа 2023 г.) // СЗ РФ. 2005. № 30, ч. 2, ст. 3127; 2023. № 32, ч. 1, ст. 6180.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 24 части 1 статьи 16 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” в связи с жалобой администрации муниципального образования “Североуральский городской округ”» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2016. № 1.

альной организации государства, так как помимо упомянутых территорий есть федеральные округа, экономические районы, военные округа, судебные округа, избирательные округа, ведомственные округа (пожарные, школьные и т.п.), макрорегионы России.

В связи с тем, что правовое регулирование территориальных основ выходит за рамки чисто конституционного регулирования, нельзя не затронуть вопрос о границах конституционно-правового понимания территории страны. В науке конституционного права территория — это один из основных признаков государства, определяющий пространство, на которое распространяется суверенитет и власть государства. И.В. Лексин обоснованно пишет о том, что «в правовой реальности территориальное образование в разных контекстах выступает либо в качестве пространственной сферы осуществления публично-значимой деятельности (или сферы действия решений юридического характера), либо как субъект права» [3, с. 19].

В настоящее время четко обозначилась тенденция к междисциплинарным исследованиям традиционных вопросов права, и территориальная организация страны не стала исключением. Из последних наиболее значимых теоретических исследований в рамках данной темы стала докторская диссертация 2020 г. [4], в то время как труды на смежные темы встречаются гораздо чаще (проблемы федерализма, организация органов публичной власти, территориальная организация в междисциплинарном ракурсе) [5–10]. «Пространственное» и «региональное развитие» стали более востребованными терминами, нежели «территориальное устройство». В определении понятия «территория» подчеркивается только одна грань разделения — материальный ресурс с размещаемыми на нем объектами строительства, то территория государства рассматривается лишь как совокупность территориальных единиц согласно ОКТМО, ОКАТО. Междисциплинарный характер проявляется в новом и более востребованном определении «пространственного развития», когда законодатель делает акцент на цели зонирования, определяет приоритеты, цели и задачи регионального развития Российской Федерации, направленные на поддержание устойчивости системы расселения на территории Федерации. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹ определяет «пространственное развитие» как совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики. Термины «территориальная организация», «устройство», «территориальные единицы», которые более точно определяют область и направление производимых изменений, не используются в тексте Стратегии. Более того, вопросами территориального устройства Российской Федерации занимается Министерство экономического развития РФ, что свидетельствует о приоритете социально-экономических факторов при территориальном планировании, тогда как в Конституции РФ закреплены территориальные основы Российского государства, на которых зиждется ее суверенитет и территориальная целостность.

Можно ли считать названные ранее документы источниками конституционного права? В данном случае да, так как отсутствуют другие нормативные акты в области территориальной организации государства. В настоящее время

¹ См.: СЗ РФ. 2014 г. № 26, ч. 1, ст. 3378; 2023. № 8, ст. 1206.

конституционно-правовое регулирование тесно связано с государственным, политико-территориальным управлением, в основе деления территории, идентификации ее частей положена низовая административно-территориальная единица. Такой базовой единицей территориальной организации Российской Федерации является административно-территориальная единица. Именно институт административно-территориального устройства субъектов РФ играет важную роль в приближении публичной власти к населению, обеспечивает реализацию прав граждан (доступность государственных, медицинских услуг, избирательных и других прав) [11, с. 174].

Административно-территориальное устройство регионов РФ регулируется законодательством субъектов РФ, которое не отличается однообразием в концептуальных вопросах. «Территориальная организация субъекта», «система административно-территориальных единиц», «система мероприятий», «территориальное деление» — каждый субъект РФ по-своему дает определение в региональных нормах понятию «административно-территориального устройства субъектов РФ». В настоящее время на федеральном уровне действует Положение «О порядке решения вопросов административно-территориального устройства РСФСР»¹ в части, не противоречащей Конституции РФ, что не позволяет отнести административно-территориальное устройство к исключительному ведению субъектов РФ.

Таким образом, сегодня не определен на федеральном уровне понятийный аппарат в рассматриваемой сфере правоотношений, не установлены отдельные вопросы административно-территориального устройства субъектов РФ, например процесс установления и изменения границ между субъектами РФ, выделение административно-территориального устройства как отдельного правового института, функционирующего параллельно муниципально-территориальному [12, с. 104], требуется конкретизация в правовом регулировании функционального вида территориальной организации, унификация законодательства в области территориального устройства страны. Систематизация законодательства в данной сфере необходима не только для восполнения правовых пробелов, но и для эффективного применения имеющихся нормативных актов, формирования определенного уровня правосознания у населения.

Возможные предложения по разработке концепции обновления законодательства (консолидации нормативных актов) в области территориальной организации РФ видятся, во-первых, в принятии федерального закона «Об общих принципах территориальной организации Российской Федерации». В нем должны найти отражение территориальные основы публичной власти (понятие, виды территориальной организации РФ как конституционной основы формирования и функционирования системы органов публичной власти, принципы формирования территориального устройства субъектов РФ, полномочия федеральных органов государственной власти, государственных органов субъектов РФ, органов местного самоуправления в области территориальной организации РФ), терминология, общие принципы формирования территориальных единиц в целях обеспечения равноправия и единообразия в деятельности регионов в решении данных вопросов; квалифицирующие критерии категоризации населенных пунктов и других терри-

¹ См.: Положение «О порядке решения вопросов административно-территориального устройства РСФСР»: утв. Указом Президиума ВС РСФСР от 17 августа 1982 г. (действует в части, не противоречащей Конституции РФ) // Ведомости ВС РСФСР. 1982. № 34, ст. 1271.

ториальных единиц субъектов РФ, перечень субъектов инициативы образования, порядок образования, преобразования и упразднения административно-территориальных и территориальных единиц; возможные формы участия населения в решении вопросов административно-территориального устройства субъектов РФ, порядок ведения реестра административно-территориальных единиц субъектов РФ, особенности правового регулирования административно-территориального устройства субъектов РФ на отдельных территориях; а также должен быть определен правовой статус уникальных публично-правовых образований, о которых упоминалось ранее. Подобные меры приведут к единообразию региональное законодательство в области территориального устройства регионов. Кроме того, целесообразно признать утратившим силу Положение 1984 г.

Практика Конституционного Суда РФ служит примером необходимости гармонизации имеющихся правовых актов в области территориального устройства регионов, в частности по вопросу установления и изменения границ между субъектами РФ¹.

Во-вторых, необходимо использовать имеющиеся теоретические разработки в области территориального устройства таких государствоведов, как С.А. Васильев [13], Е.С. Шугрина, И.В. Лексин и других, для определения понятийного аппарата («территориальная организация», «административно-территориальное устройство», «административно-территориальная единица», «территориальная единица», «населенный пункт», «федеральная территория», «макрорегион», «экозона» и др.), составить перечни и виды потенциальных территорий опережающего социально-экономического развития (зоны территориального развития, территории опережающего социально-экономического развития, городская агломерация, экополис, экопоселение, метрополия и т.п.), определив их место в системе территориальной организации государства (критерии выделения таких территорий, характер взаимодействия территориальных единиц, муниципальных образований, входящих в подобные территориальные комплексы).

В-третьих, рассмотреть вопрос о принятии федерального закона о городских агломерациях, определив в нем критерии эффективного пространственного планирования территории субъекта РФ для осуществления государственной власти и решения вопросов местного значения, уделить отдельное внимание гарантиям их реализации или отразить данные вопросы в упомянутом нормативном акте о территориальной организации РФ. Возможно, стоит рассмотреть вопрос о возможности заключения соглашений между органами власти субъектов РФ по вопросам установления и изменения границ между ними и размежевании сопредельных территорий.

Представляется, что при реализации подобной концепции обновления законодательства будут поступать новые научные и практические данные о процессах территориального устройства регионов РФ (административно-территориальный процесс), о нормативных правовых актах, требующих изменения, о тенденциях к образованию новых экономико-территориальных образований (федеральные территории), о критериях эффективного деления территории субъекта РФ, в свя-

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2018 г. № 44-П «По делу о проверке конституционности Закона Республики Ингушетия “Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой” и Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой в связи с запросом Главы Республики Ингушетия» // Российская газета. 2018. 20 декабря.

зи с чем может происходить корректировка политико-административных границ с учетом изменяющейся социально-экономической территориальной структуры государства. Установление на федеральном уровне общих принципов территориальной организации государства позволит сформировать территориальную основу единой системы публичной власти в Российской Федерации, исследовать практику эффективного изменения территориального деления (пространственного планирования) региона для достижения целей публичных органов власти.

Таким образом, актуальность темы обусловлена современными тенденциями развития федеративных отношений в Российской Федерации в условиях модернизации политико-правовой системы государства. В данной статье автор попыталась обосновать необходимость совершенствования правового регулирования в области территориального устройства страны и предложила авторскую концепцию обновления законодательства в области административно-территориального устройства субъектов РФ. Обращение к данной тематике позволяет осознать необходимость в обобщенном понимании правовой регламентации территориальных процессов в Российской Федерации и определении законодательных рамок подобной трансформации.

Библиографический список

1. *Тюрин И.В.* К вопросу о сохраняющейся неоднозначности понимания термина «особая экономическая зона» по российскому законодательству // Журнал российского права. 2023. № 8. С. 136–149.
2. *Кабышев В.Т., Заметина Т.В., Комбарова Е.В.* Вопросы организации публичной власти на федеральных территориях // Крымские юридические чтения. Развитие конституционализма в России: сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 т. / под общ. ред. Н.Н. Колюки. Симферополь: Амирит, 2020. С. 69–75.
3. *Лексин И.В.* Понятие территориального образования в конституционном праве // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. Вып. 49. С. 138–162.
4. *Нифанов А.Н.* Территория Российской Федерации: конституционно-правовая теория: дис. ... д-ра юрид. наук. Белгород, 2020. 454 с.
5. *Гамирова А.С., Добрынин Н.М.* Государственно-территориальное устройство Российской Федерации: история и современное состояние // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Т. 8, № 1(29). С. 152–172.
6. *Заметина Т.В.* Совершенствование территориальной организации Российской Федерации: проблемы и перспективы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 6. С. 64–70.
7. *Саликов М.С.* Конституционное измерение многообразия в контексте федерализма: формы и ограничения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 6. С. 25–34.
8. *Орлов С.Л.* Современное пространство России: новые подходы и концепции. М.: Дашков и К°, 2023. 242 с.
9. *Орбец В.М., Лучицкая Л.Б., Збышко Б.Г.* Территориальная организация населения: учеб. пособие. М.: КноРУС, 2023. 456 с.
10. *Якимова Е.М.* Формы территориального устройства: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во Байкал. гос. ун-та, 2022. 109 с.
11. *Рыльская Н.С.* Некоторые вопросы административно-территориального устройства Российской Федерации на современном этапе // Правовое государство: теория и практика. 2023. Т. 19, № 3(73). С. 141–148.

12. *Ермолаева Ю.В.* Административно-территориальное устройство субъектов Российской Федерации: конституционно-правовые вопросы. Саратов: Научная книга, 2015. 196 с.

13. *Васильев С.А.* Теоретико-методологические подходы к формулированию правовых норм, направленных на регулирование отношений в сфере административно-территориального устройства и территориальной организации местного самоуправления // *Lex russica*. 2019. № 10. С. 39–52.

References

1. *Tyurin I.V.* On the Issue of the Continuing Ambiguity of the Understanding of the Term “Special Economic Zone” in Russian Legislation // *Journal of Russian Law*. 2023. No. 8. P. 136–149.

2. *Kabyshv V.T., Zametina T.V., Kombarova E.V.* Questions of the Organization of Public Power in Federal Territories // *Crimean legal readings. The Development of Constitutionalism in Russia: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference: in 2 volumes / under the general editorship of N.N. Kolyuki*. Simferopol: Amirit, 2020. P. 69–75.

3. *Leksin I.V.* The Concept of Territorial Education in Constitutional Law // *Public administration. Electronic bulletin*. 2015. Iss. 49. P. 138–162.

4. *Nifanov A.N.* The Territory of the Russian Federation: Constitutional and Legal Theory: diss. ... Doc. of Law. Belgorod, 2020. 454 p.

5. *Gamirova A.S., Dobrynin N.M.* The State-Territorial Structure of the Russian Federation: History and Current State // *Bulletin of the Tyumen State University. Socio-Economic and Legal Research*. 2022. Vol. 8, no. 1(29). P. 152–172.

6. *Zametina T.V.* Improvement of the Territorial Organization of the Russian Federation: Problems and Prospects // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2021. No. 6. P. 64–70.

7. *Salikov M.S.* The Constitutional Dimension of Diversity in the Context of Federalism: Forms and Limitations // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2023. No. 6. P. 25–34.

8. *Orlov S.L.* Modern Space of Russia: New Approaches and Concepts. M.: Dashkov and Co., 2023. 242 p.

9. *Orobets V.M., Luchitskaya L.B., Zbyshko B.G.* Territorial Organization of the Population: textbook. M.: KnoRUs, 2023. 456 p.

10. *Yakimova E.M.* Forms of Territorial Structure: textbook. Irkutsk: Publishing House of the Baikal State University, 2022. 109 p.

11. *Rylskaya N.S.* Some Issues of the Administrative-Territorial Structure of the Russian Federation at the Present Stage // *The Rule of Law: Theory and Practice*. 2023. Vol. 19, no. 3(73). P. 141–148.

12. *Ermolaeva Yu.V.* Administrative and Territorial Structure of the Subjects of the Russian Federation: Constitutional and Legal Issues. Saratov: Scientific book, 2015. 196 p.

13. *Vasiliev S.A.* Theoretical and Methodological Approaches to the Formulation of Legal Norms Aimed at Regulating Relations in the Sphere of Administrative-Territorial Structure and Territorial Organization of Local Self-Government // *Lex russica*. 2019. No. 10. P. 39–52.

Е.С. Сидоров

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПРЕЗИДЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Введение: статья посвящена характеристике признаков президентского контроля как института правового демократического государства. В современных конституционно-правовых реалиях необходимо определить роль и место президентского контроля в конституционном механизме государственной власти, защите прав и свобод человека и гражданина. В настоящее время в науке конституционного права выявлена проблема научной дефиниции президентского контроля, его конституционного значения. **Цель** — на основании доктринальных подходов сформулировать понятие и выявить признаки президентского контроля. **Методологическая основа:** анализ, синтез, абстрагирование, индукция, дедукция, а также частнонаучные методы, среди которых в работе применены формально-юридический, сравнительно-правовой. **Результаты:** в процессе научного анализа президентского контроля он понимается как целостная система конституционно-правовых отношений Президента РФ с Федеральным Собранием, Правительством РФ, органами судебной власти с применением главой государства конституционно-правовых средств и способов. Президентский контроль носит комплексный и многоаспектный характер, предопределяется особым конституционно-правовым статусом главы государства. **Выводы:** определено понятие президентского контроля, проанализированы научные труды ученых, в которых затрагивается характеристика президентского контроля, выявлены его элементы.

Ключевые слова: президент, власть, президентский контроль, глава государства, конституционный контроль.

E.S. Sidorov

CONCEPT AND ATTRIBUTES OF PRESIDENTIAL CONTROL IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Background: the article is devoted to the characteristics of presidential control as an institution of a legal democratic state. In modern constitutional and legal realities, it is necessary to determine the role and place of presidential control in the constitutional mechanism of state power, the protection of human and civil rights and freedoms. Currently, the science of constitutional law has identified the problem of the scientific definition of presidential control and its constitutional significance. **Objective** — on the basis of doctrinal approaches to formulate the concept and identify the features of presidential control. **Methodology:** analysis, synthesis, abstraction, induction, deduction, as well as private scientific methods, among which formal legal and comparative legal are used in the study. **Results:** in the process of scientific analysis of presidential control it is understood as an integral system of constitutional-legal relations of the President of the Russian Federation with the Federal Assembly, the Government of the Russian Federation, judicial authorities, with

© Сидоров Евгений Сергеевич, 2024

Аспирант кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: yevgeniy.sergeevich.1997@list.ru

© Sidorov Evgeny Sergeevich, 2024

Postgraduate at the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev (Saratov State Law Academy)

*the use of constitutional-legal means and methods by the head of state. Presidential control has a complex and multidimensional nature, predetermined by the special constitutional-legal status of the head of state. **Conclusions:** the concept of presidential control is defined, the scientific works of scientists, in which the characteristic of presidential control is touched upon are analyzed, its elements are revealed.*

Keywords: president, government, presidential control, head of state, constitutional control.

В демократическом правовом государстве важное значение имеет механизм защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечение функционирования и согласованного взаимодействия публичной власти. Роль государственного контроля состоит в необходимости защиты таких ценностей, как основы конституционного строя, народовластия. Исходя из предписаний ст. 10 Конституции РФ, можно выделить несколько видов государственного конституционного контроля: президентский, парламентский, судебный, правительственный¹.

Некоторые аспекты президентского контроля были предметом научного исследования Е.А. Абаевой, Г.Н. Комковой, Е.В. Комбаров, И.Е. Полуниной, А.М. Тарасова, В.Е. Чиркина, Б.С. Эбзеева и других ученых [1, с. 133].

В доктрине конституционного права президентский контроль комплексно не рассматривался, научные труды, посвященные президентскому контролю, в основном были написаны до масштабных конституционных изменений 2020 г. Вместе с тем конституционная реформа открыла новую эпоху в развитии системы публичной власти РФ, способствовала модернизации института президентского контроля.

В науке конституционного права предметом изучения выступали отдельные элементы, входящие в единую систему президентского контроля. По мнению А.М. Тарасова, целью президентского контроля является не только установление отклонений в деятельности подконтрольных органов, но и принятие мер по безотлагательному устранению выявленных нарушений, предупреждению их в будущем [2, с. 56]. Согласно позиции Г.Н. Комковой и Е.А. Абаевой, контроль, осуществляемый Президентом РФ, имеет особое значение и призван обеспечить согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти [3, с. 77]. С таким утверждением сложно не согласиться, поскольку при нарушении эффективности деятельности органов власти не только не достигаются задачи социально-экономического развития, но и цели государственной политики.

Обобщая научные взгляды конституционалистов, констатируем, что президентский контроль представляет собой элемент государственного управления, осуществляемый главой государства — Президентом РФ, целью которого является обеспечение конституционной законности, эффективной работы системы публичной власти и защита прав и свобод человека и гражданина.

Согласованное взаимодействие и функционирование публичной власти являются важной целью президентского контроля. Президент как гарант Конституции РФ обязан принимать меры по претворению конституционных норм в жизнь,

¹ См: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. от 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря; СЗ РФ. 2022. № 41, ст. 6930–6933.

поскольку в Основном Законе «сформулированы универсальные ценности, закреплены важнейшие государственные институты, принципы согласования интересов различных социальных сил» [4, с. 141]. Как отмечает С.Е. Дробот, Президент наделен арбитражно-координирующей и конституционно-гарантийной функциями, инициирует предварительный конституционный контроль в отношении законов. Осуществление указанных функций требует эффективного президентского контроля [5, с. 12].

Отдельного научного внимания заслуживает практика Конституционного Суда РФ по вопросам реализации президентских полномочий. Орган конституционной юстиции в решении от 31 июля 1995 г. № 10-П признал, что когда порядок реализации полномочий не детализирован или не предусмотрен Основным Законом страны, то их общие рамки определяются принципом разделения властей и требованием о непротиворечивости указов Президента Конституции РФ¹. Исходя из этого, Конституционный Суд РФ участвовал в формировании сильной президентской власти, что было обусловлено стремлением не только устранить пробелы в законодательстве, но и сохранить стабильность политической системы с определяющей ролью главы государства.

Сравнительно-правовой анализ моделей президентского контроля Российской Федерации и Республики Казахстан обусловлен исторической общностью указанных государств, особой ролью президентов и поиском конституционного баланса в системе публичной власти. Конституционная система Российской Федерации и Республики Казахстан сложилась после распада СССР, то есть в основу построения заложены схожие факторы.

Президент Республики Казахстана, согласно Конституции, выполняет две важные задачи: обеспечивает функционирование всех ветвей государственной власти и ответственность органов власти перед народом². Конституционно-правовой статус главы государства Республики Казахстан свидетельствует об особой роли президентского контроля. Президентский контроль в Республике Казахстан рассматривается учеными конституционалистами как инструмент власти в Республике Казахстан [6, с. 234].

По мнению Г.Ш. Агаева, Президент в Республике Казахстан обладает большим объемом конституционных полномочий, в том числе в процессе взаимоотношений с Парламентом [7, с. 94]. Это обусловлено политическими и социально-экономическими факторами. Так, протесты в Казахстане в январе 2022 г. стали следствием накопившихся социальных и экономических проблем, среди которых можно отметить расслоение в доходах населения, повышение цен на сжиженный газ. В целях сохранения стабильности публичной власти сформирована сильная президентская власть.

Президентский контроль в Российской Федерации характеризуется совокупностью признаков: во-первых, носит универсальный характер, поскольку осуществляется во всех сферах государственного управления, во-вторых, харак-

¹ См: Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 “О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики”» // Российская газета 1995. 11 августа.

² См: Конституция Республики Казахстан // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 20.05.2024).

теризуется независимостью и самостоятельностью, что обусловлено наличием независимой президентской власти; в-третьих, носит системообразующий характер, инициирует и способствует реализации других видов государственного контроля; в-четвертых, выступает как координационный, что проявляется во взаимодействии главы государства со всеми ветвями власти в процессе осуществления контрольных полномочий.

Система президентского контроля в Российской Федерации и Республике Казахстан не тождественна, однако обладает схожими признаками. В сравниваемых странах законодательно установлена конституционная модель разделения властей при координирующей роли Президента, не входящего ни в одну ветвь власти. В Российской Федерации действуют полномочные представители в федеральных округах, которые назначаются главой государства единолично и обеспечивают реализацию политики Президента в пределах соответствующего округа. В Республике Казахстан Президент с согласия маслихата (парламента области) в целях осуществления контрольной функции назначает акимов областей, которые являются представителями Президента и Правительства Республики Казахстан, осуществляют координацию центральных и руководство местных органов исполнительной власти. Институт акимов позитивно сказывается на эффективности государственной власти и контроле за соблюдением прав граждан. В Российской Федерации на уровне местного самоуправления наличие представителей главы государства требуется в целях координации и взаимодействия с Президентом РФ, поскольку эти органы входят в систему публичной власти.

Не одинаковы и контрольные полномочия глав сравниваемых государств, что обусловлено разной степенью и объемом взаимодействия с Парламентом и Правительством. Так, Президент РФ вправе назначить не более тридцати представителей в верхнюю палату Федерального Собрания РФ, в случае противоречия Конституции РФ отменить акты Правительства РФ. Как отмечают Т.Я. Хабриева и Л.В. Андриченко, с проведением реформы в Республике Казахстан в 2017 г. упразднено полномочие Президента по отмене и приостановлению актов Правительства и Премьер-министра Республики, что отражает тенденции становления автономной исполнительной власти [8, с. 147].

Таким образом, в Республике Казахстан в результате проведенной конституционной реформы глава государства утратил некоторые полномочия. Однако глава государства обязан назначить десять сенаторов, а также Председателя Конституционного Суда, Председателя Национального банка, то есть должностных лиц контрольной власти. Вследствие проведения конституционной реформы внесена поправка, согласно которой глава Республики Казахстан наделяется правом определения приоритетности рассмотрения проектов законов. Внесение такого изменения в Конституцию РФ было бы обоснованно и целесообразно с учетом правового статуса Президента РФ как гаранта Конституции, прав и свобод человека и гражданина.

Библиографический список

1. *Эбзеев Б.С.* Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2014. 336 с.
2. *Тарасов А.М.* К вопросу об эффективности президентского контроля // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 57–63.

3. *Комкова Г.Н., Абаева Е.А.* Президентский контроль за деятельностью органов государственной власти субъектов РФ // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 6(46). С. 75–87.

4. *Заметина Т.В.* Конституционные основы национальной политики Российской Федерации / под ред. В.Т. Кабышева. Саратов: Сарат. гос. акад. права, 2006. 276 с.

5. *Дробот С.Е.* Принцип разделения и взаимодействия властей в системе российского конституционализма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2021. 31 с.

6. *Малиновский В.А.* Президент Республики Казахстан: институт, функции и инструменты власти: дис. ... д-ра юрид. наук. Алматы, 2004. 234 с.

7. *Агаев Г.Ш.* Институт президентской власти в Казахстане // Observer. 2013. № 3(278). С. 89–100.

8. *Хабриева Т.Я., Андриченко Л.В.* Конституционная реформа в Республике Казахстан: тенденции и перспективы развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3(64). С. 142–154.

References

1. *Ebzeev B.S.* The Constitution, Power and Freedom in Russia: the Experience of Synthetic Research. M.: Prospect, 2014. 336 p

2. *Tarasov A.M.* On the Effectiveness of Presidential Control // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 6. P. 57–63.

3. *Komkova G.N., Abaeva E.A.* Presidential Control over the Activities of State Authorities of the Subjects of the Russian Federation // Bulletin of O.E. Kutafin University. 2018. No. 6(46). P. 75–87.

4. *Zametina T.V.* Constitutional Foundations of the National Policy of the Russian Federation / ed. by V.T. Kabyshev. Saratov: Publishing House of the Saratov State Academy of Law, 2006. 276 p.

5. *Drobot S.E.* The Principle of Separation and Interaction of Authorities in the System of Russian Constitutionalism: extended abstract ... diss. cand. of Law. Chelyabinsk, 2021. 31 p.

6. *Malinovsky V.A.* President of the Republic of Kazakhstan: Institution, Functions and Instruments of Power: diss. ... Doc. of Law. Almaty, 2004. 234 p.

7. *Agaev G.Sh.* Institute of Presidential Power in Kazakhstan // Observer. 2013. No. 3(278). P. 89–100.

8. *Khabrieva T.Ya., Andrichenko L.V.* Constitutional Reform in the Republic of Kazakhstan: Trends and Prospects of Development // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2017. No. 3(64). P. 142–154.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

DOI 10.24412/2227-7315-2024-4-91-95
УДК 347; 347.6; 349.2

С.Е. Костина, Ю.С. Былинкина, С.В. Кузина

ПОНЯТИЕ СЕМЬИ В ГРАЖДАНСКОМ, СЕМЕЙНОМ, ТРУДОВОМ ПРАВЕ: КОЛЛИЗИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Введение: понятие семьи всегда является предметом научных дискуссий в российском праве. Разработка единого понимания семьи и членов семьи позволит обеспечить единый подход законодателя и единообразие правоприменительной практики. **Цель** — исследовать понятие семьи на основании изучения истории правового регулирования и достижений юридической науки, а также обозначить проблемы правового регулирования рассматриваемой сферы и разработать предложения по их решению. **Методологическая основа:** метод диалектического материализма, системно-исторический, сравнительно-исторический методы исследования. **Результаты:** обоснована необходимость закрепления единого понятия семьи в российском праве. **Выводы:** отсутствие единого понимания семьи и членов семьи в российском праве порождает коллизии правовых норм и требует унификации.

Ключевые слова: семья, члены семьи, брак, жильё, члены семьи работника, семейное право, гражданское право, трудовое право.

S.E. Kostina, Yu.S. Bylinkina, S.V. Kuzina

THE CONCEPT OF FAMILY IN CIVIL, FAMILY, LABOR LAW: COLLISIONS AND PROSPECTS

Background: the concept of family is always the subject of scientific discussions in Russian law. Developing a common understanding of the family and family members will ensure a unified approach of the legislator and uniformity of law enforcement practice. **Objective** — to study the concept of family based on the study of the history of legal regulation and the achievements of legal science,

© Костина Светлана Евгеньевна, 2024

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: svetlana_kostina_2013@mail.ru

© Былинкина Юлия Сергеевна, 2024

Старший преподаватель кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: bilinkina-13@yandex.ru

© Кузина Светлана Викторовна, 2024

Старший преподаватель кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия), старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса (Международный юридический институт (г. Москва)); e-mail: lanik_kuzina@mail.ru

© Kostina Svetlana Evgenievna, 2024

Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Civil Law (Saratov State Law Academy)

© Bylinkina Yulia Sergeevna, 2024

Senior Lecturer at the Department of Civil Law (Saratov State Law Academy)

© Kuzina Svetlana Viktorovna, 2024

Senior Lecturer at the Department of Civil Law (Saratov State Law Academy), Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure (International Law Institute (Moscow))

as well as to identify problems of legal regulation of the area under consideration and develop proposals for solving them. **Methodology:** method of dialectical materialism, systemic-historical, comparative-historical research methods. **Results:** the authors substantiate the need to consolidate a single concept of family in Russian law. **Conclusions:** the lack of a common understanding of family and family members in Russian law gives rise to conflicts of legal norms and requires unification.

Keywords: family, family members, marriage, housing, employee family members, family law, civil law, labor law.

Понятие семьи является значимым в любой отрасли права, соприкасающейся с вопросами родства, свойства, брака, поскольку семья — важнейшая составляющая жизни любого человека и общества в целом. Содержание термина «семья» исторически менялось — от большой общины, связанной общей работой, до малого круга лиц, связанных браком и воспитанием детей.

Понятие семьи может изучаться не только в юридическом, но и социальном, гендерном и других аспектах. Многие авторы обращали свое внимание на проблемы, связанные с пониманием семьи в различных отраслях науки [1, с. 232; 2, с. 382; 3, с. 213]. Вследствие сказанного попытаемся разработать единообразное понимание семьи с точки зрения российского права.

Разработка единого общего термина «семья», очевидно, — весьма трудная задача¹. Именно поэтому, как представляется, в системе международной защиты прав человека в определении «семья» не раскрываются в полной мере признаки семьи. Декларация прав человека 1948 г. устанавливает, что «семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства»². Вслед за ней подобное определение содержит и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах³.

В сфере юридических наук нет единства относительно понимания термина «семья». В истории права семья обычно определялась как общность людей, связанных родством или браком, но часто многие аспекты семьи как института не отражались в понятии. В качестве примера можно привести работы Г.Ф. Шершеневича, П.А. Матвеева, М.В. Антокольской и других [4, с. 406; 5, с. 53; 6, с. 223].

А.П. Сергеев в свою очередь возражает против закрепления единого понятия семьи. Он считает, что «семья является многообразным социальным явлением», которое не может быть определено одним законным определением [7, с. 356]. Противоположную точку зрения высказывает С.А. Филиппов [8, с. 107].

Рассмотрим, как понимается семья в различных отраслях российского права.

Семейный кодекс РФ⁴ не содержит определения семьи, так же как Конституция РФ⁵ и иные федеральные нормативные акты. Концепция государственной

¹ См.: *Конева Е.М., Конев Ф.Ф., Шишенина И.В.* Определение понятия «семья» в международном и национальном праве // Современные научные исследования и инновации. 2021. № 4. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2021/04/95262> (дата обращения: 18.04.2024).

² См.: Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1995. 5 апреля.

³ См.: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

⁴ См.: Семейный кодекс РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 31 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16; 2023. № 32, ч. 1, ст. 6135.

⁵ См.: Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. от 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1995. 25 декабря; СЗ РФ. 2022. № 41, ст. 6930–6933.

семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года указывает своей целью защиту «традиционных семейных ценностей» и определяет ряд их признаков¹.

Семейный кодекс РФ выступает основным источником семейно-правового регулирования. Понимание членов семьи в нем при этом существенно отличается от иных отраслей права, которые достаточно сильно расширяют либо ограничивают круг семьи в целях правового регулирования. В соответствии с СК РФ, в состав семьи включаются все лица, связанные отношениями родства, а в некоторых случаях и иные лица. В частности, к ним прямо отнесены дети и родители, супруги и бывшие супруги, усыновители и усыновленные, братья и сестры, бабушки (дедушки) и внуки, а также отчим и падчерица, фактические воспитатели и воспитанники. Исходя из понимания семейных форм воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, к членам семьи (на период осуществления воспитания) необходимо отнести и опекунов, попечителей, приемных родителей, которые обладают целым рядом прав в отношении своих несовершеннолетних воспитанников. В случае лишения родителей прав, семейные обязанности и права частично сохраняются и у них.

В жилищном законодательстве мы видим другие положения. В соответствии с Жилищным кодексом РФ² членами семьи собственников или нанимателей жилых помещений являются супруги, проживающие совместно в жилом помещении, которое принадлежит данному собственнику, их дети и родители. Некоторые родственники, иждивенцы и другие лица могут быть вселены собственником, как члены семьи, даже если они не связаны с ним отношениями родства или свойства.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14, членами семьи собственника или нанимателя являются проживающие совместно с ним в жилом помещении его супруг, а также дети и родители этого собственника, важен при этом только факт совместного проживания³.

Другие родственники и нетрудоспособные иждивенцы могут быть признаны членами семьи собственника независимо от степени родства, а в исключительных случаях иные граждане, если они вселены собственником в качестве членов своей семьи. В данном случае требуется установить, в каком качестве вселялось лицо для проживания, при этом место регистрации не является определяющим⁴.

Гражданский кодекс РФ⁵ не содержит определения понятия «семья», однако нормы гражданского права регулируют некоторые права и обязанности членов семьи. В частности, в наследственных отношениях упоминаются супруги, дети, родители, внуки, бабушки и другие по прямой линии родства, братья, сестры,

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014. № 35, ст. 4811.

² См.: Жилищный кодекс РФ от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г.) // СЗ РФ. 2005. № 1, ст. 14; 2024. № 33, ч. 1, ст. 4934.

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2009. 8 июля.

⁴ См.: Закон Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // ВСНД и ВСРФ. 1993. № 32, ст. 1227.

⁵ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 11 марта 2024 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2024. № 12, ст. 1572.

дяди и тети, племянники и племянницы, а также родственники до шестой степени родства, кроме того, к родственникам также относятся иждивенцы умершего, отчим, мачеха, пасынки, падчерицы, усыновители и усыновленные. Для иждивенцев-наследников, не относящихся к родственникам умершего, установлено обязательное условие — совместное проживание с наследодателем не менее одного года до смерти.

Помимо рассмотренных отраслей права определение понятия «семья» содержит и уголовный закон. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» к близким лицам наряду с супругом и кровными родственниками относит лиц, состоящих в свойстве с потерпевшим (родственники супруга), а также лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему в силу личных отношений. В качестве таких лиц могут выступать опекун или попечитель, а также усыновленные дети, в отношении которых были лишены прав родители, бывшие супруги¹.

Понятие семьи в настоящее время приобрело межотраслевое значение, в связи с чем необходимым представляется его унификация и закрепление в законе.

В 2021 г. было проведено инициативное голосование за закрепление в ст. 1 СК РФ следующей дефиниции: «Семья — это естественная и основная ячейка общества, образующая между людьми и их близкими родственниками отношения, возникающие из добровольного брачного союза (гражданского брака) между мужчиной и женщиной, зарегистрированного только в органах записи актов гражданского состояния (ЗАГС), в порядке, на условиях и с соблюдением требований, определенных законом, для обеспечения беспрепятственного осуществления своих супружеских прав и обязанностей, а также равных прав и обязанностей по совместному воспитанию собственных и/или усыновленных детей»².

В некоторых регионах России подобные инициативы уже реализованы. Например, в Республике Саха (Якутия) в п. 2.2 Закона «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Республике Саха (Якутия)»³ определение семьи регламентировано как «объединение двух и более лиц, основанное на родстве и (или) свойстве (браке, усыновлении (удочерении) и иных формах принятия детей на воспитание), связанное общностью жизни, ведением совместного хозяйства и (или) воспитанием детей, а также личными и имущественными правами и обязанностями, предусмотренными законодательством».

Кроме того, в науке и законодательных актах активно разрабатывается классификация семьи и формулируются определения типов семьи в целях их правового регулирования (молодая семья, малоимущая семья, многодетная семья и т.д.) [9; 10, с. 308–310].

В заключение отметим, что требуется разработка единообразного понимания семьи и членов семьи в российском праве. В определении должны найти отражение такие общепризнанные признаки семьи, как основанность на браке, родстве,

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/ (дата обращения: 18.04.2024).

² См.: URL: <https://www.roi.ru/61899/> (дата обращения: 18.04.2024).

³ См.: Закон Республики Саха (Якутия) от 17 декабря 2008 г. 643-3 N 147-IV «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Республике Саха (Якутия)». URL: <https://mintrud.sakha.gov.ru/sotsialnaja-podderzhka-semej-s-detmi/zakon-respubliki-saha-jakutija-ot-17122008-643-z-147-iv> (дата обращения: 18.04.2024).

свойстве, принятие детей на воспитание, содержание на иждивении и совместное проживание в исключительных случаях; направленность на удовлетворение потребностей человека в общении, любви, заботе, образовании и воспитании, ведении общего хозяйства, реализации репродуктивной функции.

Библиографический список

1. Семья и деторождение в России: категории родительского сознания / И.В. Забаев, прот. Н. Емельянов и др.; [под ред. М.С. Ковалевой]. М.: ПСТГУ, 2013. 222 с.
2. Эволюция семьи в Европе: Восток — Запад: по материалам исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе»: сб. аналит. ст. / [под науч. ред. С.В. Захарова, Л.М. Прокофьевой, О.В. Синявской]. М.: НИСП, 2010. Вып. 3. 392 с.
3. Холостова Е.И., Черняк Е.М., Прохорова О.Г. Эволюция семьи. СПб.: КАРО, 2011. 223 с.
4. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Вступительная статья, Е.А. Суханов. М.: Фирма «СПАРК», 1995. 556 с.
5. Куксин И.Н., Матвеев П.А. Семейно-правовые принципы как основные положения, выражающие сущность семейного права // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 51–54.
6. Антокольская М.В. Семейное право. М.: ИФРА-М, 2013. 431 с.
7. Сергеев А.П. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ. СПб.: Проспект, 2019. 1280 с.
8. Филиппов С.А. Понятие «семья» по российскому законодательству // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 3(110). С. 102–107.
9. Фроленко Е.Е. Понятие «семья» по законодательству России // Актуальные исследования. 2024. № 13(195). С. 52–56.
10. Гарник М.Д. Современные подходы к определению понятия «молодая семья» и классификации молодых семей в России // Молодой ученый. 2019. № 19(257). С. 308–310.

References

1. Zabaev I.V. Family and childbearing in Russia: categories of parental consciousness: I.V. Zabaev, proto. N. Yemelyanov, etc.; [ed. by M.S. Kovaleva]. M.: PSTSU, 2013. 222 p.
2. The evolution of the family in Europe: East-West: based on the materials of the study “Parents and children, men and women in the family and society”: a collection of analytical articles [edited by S.V. Zakharova, L.M. Prokofieva, O.V. Sinyavskaya]. M.: NISP, 2010. Iss. 3. 392 p.
3. Kholostova E.I., Chernyakh E.M., Prokhorova O.G. Evolution of the family. St. Petersburg: KARO, 2011. 223 p.
4. Shershenevich G.F. Textbook of Russian civil law (according to the edition of 1907) / Introductory article, E.A. Sukhanov. M.: SPARK Firm, 1995. 556 p.
5. Kuksin I.N., Matveev P.A. Family legal principles as basic provisions expressing the essence of family law // Legal science. 2014. No. 1. P. 51–54.
6. Antokolskaya M.V. Family law. M.: IFRA-M, 2013. 431 p.
7. Sergeev A.P. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. St. Petersburg: Prospect, 2019. 1280 p.
8. Filippov S.A. The concept of «family» according to Russian legislation // Bulletin of the SSYA. No. 3(110). 2016. P. 102–107.
9. Frolenko E.E. The concept of «family» according to the legislation of Russia // Actual research. 2024. № 13(195). P. 52–56.
10. Garnik M.D. Modern approaches to the definition of the concept of «young family» and the classification of young families in Russia // Young Scientist. 2019. No. 19(257). P. 308–310.

В.В. Кресс

**РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ
(ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ)
В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ**

Введение: в современных условиях интенсивного развития цифровых технологий и их масштабного внедрения в экономику особой актуальностью характеризуется проблема определения состава интеллектуальных прав в системе объектов гражданских прав. **Цель** — критически проанализировать и обобщить теоретические знания и накопленный правовой опыт по формированию категории «интеллектуальная собственность». **Методологическая основа:** инструменты метода анализа, формально-юридического, сравнительно-правового, функционального методов исследования. **Результаты:** даны не только предложения по совершенствованию нормативных правовых актов в части отражения состава интеллектуальных прав в системе гражданского законодательства России, но и авторские теоретические положения, дополняющие цивилистическую доктрину объектов гражданских прав. **Выводы:** на основе критического анализа обосновано утверждение о том, что наряду с интеллектуальной собственностью самостоятельными объектами гражданских прав в контексте ст. 128 ГК РФ могут выступать также исключительные права и иные интеллектуальные права имущественного характера.

Ключевые слова: результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ услуг и предприятий, интеллектуальная собственность, объекты гражданских прав, интеллектуальные права, личные неимущественные права, исключительные права, иные интеллектуальные права.

V.V. Kress

**RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY AND MEANS OF INDIVIDUALIZATION
(INTELLECTUAL PROPERTY) IN THE SYSTEM OF OBJECTS OF CIVIL RIGHTS**

Background: in modern conditions of intensive development of digital technologies and their large-scale introduction into the economy, the problem of determining the composition of intellectual rights in the system of objects of civil rights is characterized by special relevance. **Objective** — critically analyze and generalize theoretical knowledge and accumulated legal experience on the formation of the category of “intellectual property”. **Methodology:** method of analysis, formal-legal, comparative-legal, functional methods of research. **Results:** not only proposals for the improvement of normative legal acts in terms of reflecting the composition of intellectual rights in the system of civil legislation of Russia, but also the author’s theoretical provisions that complement the civilistic doctrine of civil rights objects are given. **Conclusions:** on the basis of a critical analysis the statement is substantiated that along with intellectual property, exclusive rights and other intellectual rights of property nature can also be independent objects of civil rights in the context of Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation.

© Кресс Вячеслав Викторович, 2024
Кандидат юридических наук, председатель Арбитражного суда Московского округа; e-mail: f05.vkress@arbitr.ru
© Kress Vyacheslav Viktorovich, 2024
Candidate of Law, Chairman of the Moscow District Arbitration Court

Keywords: *results of intellectual activity, means of individualization of legal entities, goods, works, services and enterprises, intellectual property, objects of civil rights, intellectual rights, personal non-property rights, exclusive rights, other intellectual rights.*

Интеллектуальная собственность в качестве объекта правового регулирования прошла довольно долгий путь становления и развития от сферы публичного права до частноправового регулирования [1]. Этому во многом способствовала одна из разработанных теорий интеллектуальной собственности, так называемая трудовая теория [2–5], основанная на идеях Дж. Локка и получившая наибольшее распространение в странах англосаксонского права. М. В. Лабзин подчеркивает: «Данная теория получила большое распространение еще в эпоху становления права интеллектуальной собственности, сыграла важную роль при переходе исключительного права из сферы публичных прав в сферу частную [6]. В настоящее время частноправовая природа интеллектуальной собственности не оспаривается, а в Соглашении ТРИПС 1994 г. прямо указано, что «права интеллектуальной собственности являются правами частных лиц»¹.

В соответствии с действующей редакцией ст. 128 ГК РФ в качестве самостоятельных объектов гражданских прав названы охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность). В научной доктрине высказывается мнение об отнесении интеллектуальной собственности к составу категории «иного имущества» [7]. Исходя из принципа буквального толкования закона, понятие «интеллектуальная собственность» используется в целях обобщения совокупности результатов интеллектуальной деятельности и названных ранее средств индивидуализации. Однако данным термином не охватываются интеллектуальные права. На данное обстоятельство обращал внимание Пленум Верховного Суда РФ, отмечая, что права на результаты интеллектуальной деятельности или на приравненные к ним средства индивидуализации в понятие интеллектуальной собственности не включаются, под ней понимаются только сами результаты².

Как известно, до вступления в силу четвертой ГК РФ российский законодатель демонстрировал совершенно иной подход в решении этого вопроса. В соответствии с ранее действующим законодательством категория интеллектуальной собственности раскрывалась через понятие исключительных прав³, что можно было объяснить принятой в 1967 г. Конвенцией, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС)⁴, в которой содержание

¹ См.: Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС): закл. в г. Марракеше 15 апреля 1994 г. (с изм. от 6 декабря 2005 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26 марта 2009 г. «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 6; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 2019. № 7.

³ Согласно утратившей силу ст. 138 ГК РФ под интеллектуальной собственностью понималось «Исключительное право (интеллектуальная собственность) гражданина или юридического лица на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, индивидуализации продукции выполняемых работ или услуг (фирменное наименование, товарный знак, знак обслуживания и т.п.)».

⁴ См.: Конвенция, учреждающая Всемирную Организацию Интеллектуальной Собственности: подписана в Стокгольме 14 июля 1967 г., изменена 2 октября 1979 г. // СПС «КонсультантПлюс».

интеллектуальной собственности сводится к исключительным правам (интеллектуальная деятельность в производственной, научной, литературной и художественной областях). При этом в Соглашении ТРИПС применительно к правам используется выражение «права интеллектуальной собственности», а под интеллектуальной собственностью понимаются, скорее, охраняемые объекты [8].

Стоит отметить, что по этому вопросу в научной доктрине развернулась целая дискуссия. Как отмечает Г.Н. Черничкина: «Закрепление термина “интеллектуальная собственность” в международном акте и восприятие его в российском законодательстве привели к развитию научной дискуссии. Научные работы того времени об интеллектуальной собственности изобиловали дефинициями “объект интеллектуальной собственности”, “право интеллектуальной собственности” и вариантами их противопоставления или объединения с исключительным правом. В попытках внедрить в российскую правовую доктрину несовместимое с ней понятие в значении права высказывались предложения об условном характере термина или его обобщенном значении; предлагались правовые конструкции, раскрывающие содержание этого термина как обозначающего особый вид прав на нематериальные объекты — продукт интеллектуальной деятельности человека; формулировались точки зрения о правовой природе этих прав; осуществлялись попытки ответить на вопрос, а относятся ли эти права к предмету регулирования гражданского права» [9]. Не согласен, в частности, с современной законодательной позицией В.П. Мозолин, по словам которого «в разделе VII ГК РФ все поставлено с ног на голову», поскольку «понятие интеллектуальной собственности включает в себя как личные неимущественные права, неотделимые от автора, так и имущественные права на использование результата интеллектуальной деятельности» [10]. В учебной литературе приводятся подобные высказывания об «отсутствии разумного объяснения отступлению от общепризнанного подхода» [11, с. 13]. По мнению А.В. Даниленкова, в понятие «интеллектуальная собственность» входят интеллектуальные права в их совокупности [12]. Называет ошибочным законодательный подход также А.П. Сергеев, который отстаивает понимание рассматриваемой категории как совокупность личных и имущественных прав [13]. По словам ученых, нельзя буквально понимать каждое слово в словосочетании «интеллектуальная собственность», следует их рассматривать как единый термин, призванный обозначить совокупность прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации [14].

В целом основная аргументация противников законодательного подхода заключается в признании условности понятия «интеллектуальная собственность» и его закреплении в международных актах в значении права. На наш взгляд, недопустимо делать подобные выводы, основываясь исключительно на трактовке положений международных актов (которые, к слову, имеют дефекты логики¹), ссылаясь при этом на ранее действующее российское законодательство.

¹ В соответствии с п. 2–3 ст. 1 Парижской конвенции по охране промышленной собственности объектами охраны промышленной собственности являются патенты на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, товарные знаки, знаки обслуживания фирменные наименования и указания происхождения, а также пресечение недобросовестной конкуренции. Нельзя не заметить, что и в этом определении допущено неуместное включение в список охраняемых объектов «патента», который является формой охраны, а объекты — изобретения, полезные модели и т.д. (см.: Конвенция по охране промышленной собственности»: закл. в Париже 20 марта 1883 г. (в ред. от 2 октября 1979 г.) // Закон. 1999. № 7).

На наш взгляд, следует поддерживать современный подход отечественного законодателя: интеллектуальная собственность — это объекты охраны, интеллектуальное право — виды прав, которые используются при охране объектов и защите прав их владельцев. Право интеллектуальной собственности достаточно «молодая» часть российской системы права, в связи с чем теоретическое переосмысление многих положений, которые получают в дальнейшем законодательное закрепление, неизбежно.

Если гипотетически признать правоту противников законодательного подхода в части содержательного наполнения правовой категории «интеллектуальная собственность», сразу возникает ряд вопросов, на которые в доктрине ответы отсутствуют. В частности, если под интеллектуальной собственностью понимать не сами результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, а интеллектуальные права, тогда возникает, например, вопрос о соотношении категории «интеллектуальная собственность» и используемого, как в международных документах, так и в современной доктрине, понятия «промышленная собственность» с такими понятиями, как авторское, патентное и иное право.

Кроме того, термины «право» и «собственность» имеют совершенно различное терминологическое значение, не допускающее отождествлений. Уже поэтому собственность не может иметь своим смысловым содержанием право. Именно поэтому не выдерживает никакой критики доктринальное предложение о том, что термином «интеллектуальная собственность» охватываются как сами результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, так и возникающие в их отношении права¹. Следует отметить, что подобные логические ошибки можно наблюдать и в международных актах.

Помимо этого в научной доктрине критично было воспринято использование слова «собственность» в понятии «интеллектуальная собственность», что приводит к различного рода предположениям о соотношении классического права собственности и интеллектуальной собственности. Более того, правоведами предлагается также распространить в отношении результатов интеллектуальной деятельности положения о праве собственности [15], в том числе и по аналогии [16]. Поэтому неудивительно, что в научной доктрине на этот счет принято говорить об «условности» понятия «интеллектуальная собственность» [17], а по мнению Е. А. Суханова, понятие «интеллектуальная собственность» можно назвать «дважды условным» [18, с. 144–145].

Считаем, что заслуживает поддержки решение российского законодателя, который пошел по пути устранения смешения терминологии и заменил понятие «права интеллектуальной собственности» более правильным, на наш взгляд, термином «интеллектуальные права». В связи с этим Л. А. Маковский справедливо отмечает, что нет необходимости в дословном воспроизведении в отечественном законодательстве терминологии, используемой в международных актах, наиболее важным при имплементации представляется «полное и верное, без искажений, воплощение в законах государства-участника договора смысла содержащихся в договоре положений» [19]. Именно такой подход демонстрируют многие правовые системы².

¹ Согласно требованиям логики «перечисление при характеристике понятия взаимно несовместимых признаков оценивается как логическая ошибка».

² В частности, страны романо-язычных правовых систем, особенно испаноговорящие государства, преимущественно под термином «интеллектуальная собственность» понимают объекты

Итак, несмотря на отсутствие законодательной дефиниции понятия «интеллектуальная собственность» в российском законодательстве, его значение раскрывается в ст. 1225 ГК РФ через закрытый перечень объектов гражданских прав — в указанной статье в общей сложности поименовано шестнадцать объектов (авторского права, патентного права и т.д.). Таким образом, данный термин является обобщающим как объект гражданских прав в контексте ст. 128 ГК РФ, который не имеет ничего общего с собственностью и правом собственности.

Содержание ст. 1225 Кодекса позволяет утверждать, что охрану получают лишь указанные в названной статье результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации¹. Считаем необходимым поддержать законодателя в решении предоставления правовой охраны только тем объектам, которые прямо названы в законе «причина, по которой в ГК установлен исчерпывающий перечень результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, подлежащих правовой охране, вытекает из содержания признаваемых законом субъективных прав на эти объекты, прежде всего из сути исключительного права как «права-монополии» [21]. Установленный императивный запрет на его расширение за счет не предусмотренных в ГК РФ объектов призван обеспечить четкое понимание тех результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, которым законодатель предоставляет правовую охрану. Безусловно, рано или поздно возникают новые объекты, которые либо вписываются, либо не вписываются в поименованные объекты интеллектуальной собственности. В последнем случае законодатель вносит необходимые изменения в действующее законодательство, дополняя соответствующий перечень новыми объектами или исключая из него утратившие актуальность. Как отмечает Н.В. Щербак, процесс постоянного уточнения и конкретизации состава объектов интеллектуальной собственности «является логичным и закономерным, соответствующим общемировым тенденциям развития права интеллектуальной собственности. Наблюдается тенденция к расширению круга объектов интеллектуальной собственности, особенно в начале XXI в. под влиянием Четвертой промышленной революции и других факторов» [16].

Вместе с тем в юридической литературе справедливо указывается на изъян действующего законодательства: поскольку п. 1 ст. 1259 ГК РФ содержит открытый перечень произведений, круг объектов интеллектуальной собственности, поименованных в ст. 1225 ГК РФ, нельзя однозначно признать закрытым, ведь «для того чтобы конкретный объект авторского права охранялся, он должен

авторского права. Так, в ст. 2 Конвенции об охране патентов на изобретения, промышленных рисунков и образцов, товарных знаков и торговых марок и литературной и художественной собственности, заключенной 23 августа 1906 г. в Рио-де-Жанейро, было установлено, что образуетеся Союз американских государств, осуществляющий свою деятельность посредством двух Международных бюро, которые будут функционировать под названием «Бюро международного американского союза для защиты интеллектуальной и промышленной собственности». Данный подход был использован и с принятием в Монтевидео Договора «Об интеллектуальной собственности» от 4 августа 1939 г. Более того, закон Испании, регулирующий авторско-правовые отношения, до сих пор называется Законом об интеллектуальной собственности. В Великобритании и США в XIX в. словосочетание «интеллектуальная собственность» употреблялось в различных значениях: и в современном универсальном смысле, и в смысле авторского права, и в смысле промышленной собственности [20].

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

быть явно указан в законодательстве. В противном случае его охрана может зависеть от аргументов истца, ответчика и позиции суда» [22]. В свою очередь, в отсутствие легальной дефиниции понятия «произведение» невозможно с уверенностью отнести тот или иной результат интеллектуальной деятельности к объекту авторских прав. Данный недостаток компенсируется предлагаемыми в доктрине научными дефинициями указанного понятия, основанных на выявленных признаках произведения, в том числе на основе норм международных актов. В частности, анализ положений ст. 2 Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений¹ позволяет отметить такие признаки произведения, как его оригинальность и творческий характер деятельности автора по его созданию. Ряд норм ГК РФ (ст. 1257, 1259 и т.д.) также указывают на наличие «творческого труда» автора при создании произведения.

Стоит отметить, что в числе основополагающих элементов произведения еще дореволюционные ученые называли «продукт духовного творчества» [23], «выражение творческой мысли автора» [24], говоря также о «творческом произведении ума» [25]. Придерживаясь мнения о творческом характере произведения, правоведы советского периода указывают также на его комплексный характер [26], что находит выражение в совокупности «идей и образов, получивших свое объективное выражение в готовом труде» [27].

Современная доктрина также исходит из творческого характера произведения как объекта авторских прав, которое при этом должно быть выражено в объективной форме [28]. Указанные признаки произведения подтверждаются и судебной практикой. Более того, при рассмотрении конкретного дела суды должны исходить из принципа презумпции творчества — пока не доказано иное, результат интеллектуальной деятельности считается созданным творческим трудом². Однако это не дает ответа на вопрос о том, что же представляет собой творческий характер произведения как критерий правовой охраны последнего. На этот счет ни в доктрине, ни в судебной практике нет единой позиции³. Некоторые авторы называют критерий оригинальности в качестве прямо закрепленного российским правом порядком [31], что не вполне соответствует требованиям российского законодательства, однако находит отражение в судебной практике⁴.

Таким образом, содержащиеся в международных актах и в национальном законодательстве перечни представляют собой перечисление близких по своей природе объектов интеллектуальной собственности, характер которых не позволяет выявить единые классификационные критерии. Поэтому для их обобщения

¹ См.: Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (в ред. от 28 сентября 1979 г.) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9.

² См. п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7).

³ Анализ доктринальных источников позволяет выделить, по крайней мере, три основные позиции в отношении содержания и сущности творчества: сторонники первого подхода исходят из того, что внешне объективированный результат должен характеризоваться новизной и оригинальностью [27, с. 63; 29, с. 97]. Второй подход предполагает, что творческий характер проявляется в оригинальности творческого почерка, характерного для конкретного автора, на это указывали еще О.С. Иоффе, В.А. Дозорцев [28]. Третий подход позволяет учитывать, как оригинальность самого произведения, так и особенности личности автора [30, с. 56–62].

⁴ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 февраля 2021 г. № 5-КГ20-146-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

применяется условный термин «интеллектуальная собственность», обозначающий совокупность охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации. В свою очередь, данная совокупность структурирована по основанию юридической значимости выделяемых в них элементов, что позволяет отграничивать объекты интеллектуальной собственности друг от друга (объекты авторского права, патентного права и т.д.).

Изложенное также не позволяет сформулировать четкое определение понятия «интеллектуальная собственность», поскольку перечень охраняемых правом объектов интеллектуальной собственности становится все более разнообразней. Причем с развитием научно-технического прогресса и, как следствие, появлением новых объектов ни признак творчества, ни нематериальный характер объектов интеллектуальной собственности уже не позволяют четко отграничить появляющиеся новые объекты, созданные творческим трудом человека и не имеющих материального воплощения, от объектов интеллектуальной собственности [14]. По нашему мнению, формулирование обобщающего понятия интеллектуальной собственности лишено практического смысла. Являясь собирательным термином, призванным лишь обобщить под единым названием результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, оно может представлять только теоретический интерес, однако это никак не повлияет на определение места объектов интеллектуальной собственности в системе объектов гражданских прав.

Как известно, объекты интеллектуальной собственности в силу прямого указания в законе не могут быть вовлечены в гражданский оборот, для включения в который законодатель использует конструкцию интеллектуальных прав, которые включают в себя исключительное право имущественного характера, личные неимущественные права и иные права. Примечательно, что перечисленные права могут принадлежать различным лицам, что уже предполагает «расщепление» категории интеллектуальных прав. В юридической литературе отмечено, что «интеллектуальные права не являются субъективными правами, а выступают искусственной конструкцией, призванной объединить разнородные по своей природе гражданские права на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. Данная триада прав является не системой, а формальным набором» [32].

Для личных неимущественных прав, которые возникают только в отношении результатов интеллектуальной деятельности (право авторства (право признаваться автором произведения, исполнения, изобретения и т.д.), право на авторское имя (право использовать или разрешать использовать произведение, изобретение и т.д. под своим подлинным именем, под псевдонимом или анонимно), право на неприкосновенность произведения (запрет для всех иных лиц вносить любые изменения и дополнения)), характерны такие признаки, как отсутствие экономического (имущественного) содержания и неотделимость от личности автора. Так, по словам Л.А. Корнеевой, «некоторые виды прав, квалифицируемые законом как личные неимущественные, обладают способностями к переходу» [33]. А.Л. Маковский отмечал, что «достаточно сослаться на нормы... о квазиправе на авторское имя юридических лиц, предусмотренном для создателей сложных объектов (п. 4 ст. 1240), издателей энциклопедий и повременных изданий (п. 7 ст. 1260), изготовителей аудиовизуальных произведений (п. 4 ст. 1263), работо-

дателей (п. 3 ст. 1295), изготовителей баз данных (п. 2 ст. 1333) и защищаемом теми же способами, что и право гражданина на авторское имя (п. 2 ст. 1251). Наиболее интересными в этом отношении являются нормы ст. 1323 ГК, по сути дела уравнивающие изготовителей фонограмм, независимо от того, является таким изготовителем гражданин или организация, во всех их интеллектуальных правах, включая права на имя (наименование), на защиту фонограммы от искажения и на ее обнародование» [34]. Однако, как в ГК РСФСР 1964 г. (ст. 484) устанавливалась допустимость признания за юридическими лицами авторских прав в случаях и пределах, установленных законодательством, так и в действующем ГК РФ содержатся нормы, допускающие признание за юридическими лицами некоторых личных неимущественных прав. Равно как и иные интеллектуальные права, личные неимущественные права возникают только в случаях, прямо установленных законом¹.

Как прямо указано в действующем законодательстве, имущественной природой из всех интеллектуальных прав обладают только исключительные права — именно в таком качестве они поименованы в законе, — соответственно, исключительные права характеризуются имущественной (денежной) ценностью и оборотоспособностью. Возникающее в отношении каждого объекта интеллектуальной собственности исключительное право «подлежит передаче и отчуждению, может быть передано в обеспечение исполнения обязательства, может быть внесено в качестве взноса в уставный капитал коммерческих организаций» [35, с. 7]. Исключением, однако, является исключительное право на фирменное наименование, которое в силу прямого указания в законе (п. 2 ст. 1474 ГК РФ) необоротоспособно.

Таким образом, очевидно, что отечественный законодатель рассматривает систему интеллектуальных прав как обособленную от объектов интеллектуальной собственности правовую категорию, определяемую в ст. 1226 ГК РФ как субъективные права, реализуемые правообладателем в отношении таких объектов. При этом мы можем предположить, что, обладая имущественным характером и признаком оборотоспособности, исключительное право в системе объектов гражданских прав в контексте ст. 128 ГК РФ должно занять обособленное место наравне с результатами интеллектуальной деятельности и средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий. Помимо этого, правоведы характеризуют исключительные права так же как абсолютные права. Так, В.О. Калятин называет девять признаков исключительных прав: один из них определяет саму принадлежность возможности использования интеллектуальной собственности к категории субъективных гражданских прав; другой признак заключается в их имущественной природе, третий — в абсолютном характере исключительных прав и т.д. [36, с. 8–11]. Аналогичные признаки исключительных прав довольно часто перечисляются в юридической литературе. С.В. Зыков именует их базовыми и дополняет их такими признаками, как объем и срочность [37, с. 117–130]. В связи с этим А.Л. Маковский справедливо замечает, что понимание исключительного права только лишь как абсолютного права, как «права-запрета» отражают лишь его внешнюю сторону, определяя взаимоотно-

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

шения между правообладателем с другими лицами, но не дает ответа на вопрос об основаниях их исключительности [34].

Имущественный характер исключительного права как признак последнего прямо вытекает из содержания ст. 1226 ГК РФ, однако нельзя сказать, что данный признак является системообразующим критерием. Он может быть использован при отграничении исключительных прав от личных неимущественных прав, однако сложно его применить в отношении «иных прав», как третьей составляющей интеллектуальных прав. В законе перечень таких прав остается открытым, в качестве примера названы лишь некоторые из них. Иные интеллектуальные права обладают схожими чертами как с личными неимущественными, так и с имущественными правами. А в силу отсутствия четко сформулированного содержания исключительных прав порой не всегда со всей однозначностью можно признать то или иное право исключительным или «иным», поскольку рассматриваемые права характеризуются целым комплексом (совокупностью) признаков, присущих как имущественным, так и личным неимущественным правам [38, с. 43]. Примечательно также, что невозможно выявить общие критерии даже перечисленных в законе в качестве примера иных интеллектуальных прав, в связи с чем складывается впечатление, что законодатель отнес к данной категории права «по остаточному принципу» [39, с. 33–40]. Поскольку иные интеллектуальные права могут по своей природе иметь черты исключительных прав, имущественный признак исключительных прав может быть также применим и в отношении иных интеллектуальных прав¹. Например, явно имущественный характер носит право следования (право на получение определенного процента от перепродаж оригинала произведения), право на получение патента на изобретение, полезную модель и т.д.

В целях решения практических проблем признания конкретного интеллектуального права имущественным. Данное решение актуально для определения места права автора на вознаграждение в системе интеллектуальных прав [40, с. 4–14]. Следует проанализировать его с точки зрения наличия или отсутствия у него имущественного признака. К числу таких признаков, как нам представляется, могут быть отнесены: возможность денежной оценки интеллектуального права, а также допустимость перехода интеллектуального права от одного лица к другому или возможность распоряжения им.

Указанные характеристики, бесспорно, позволяют именовать имущественными исключительные права. Что касается категории иных интеллектуальных прав, то для некоторых из них законом предусмотрена возможность перехода от одних лиц к другим². Учитывая изложенное, полноценными объектами гражданских прав являются не только результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий. Самостоятельными объектами гражданских прав в контексте ст. 128 ГК РФ могут выступать также исключительные права и иные интеллектуальные права имущественного характера.

¹ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (в ред. от 24 декабря 2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

² В соответствии с п. 1 ст. 66.1 ГК РФ в качестве вклада участника хозяйственного товарищества или общества в его имущество могут быть подлежащие денежной оценке не только исключительные, но и иные интеллектуальные права. Право следования в силу прямого указания в законе неотчуждаемо, тем не менее переходит к наследникам автора на срок действия исключительного права на произведение (п. 3 ст. 1293 ГК РФ).

Библиографический список

1. Рагулина А.В., Никитова А.А. Интеллектуальная собственность: понятие, содержание и защита. М.: Ред. «Российской газеты», 2017. Вып. 21. 176 с.
2. Nozick R. Anarchy, State and Utopia. N.Y.: Basic Books, 1974. P. 178–182.
3. Hughes J. The Philosophy of Intellectual Property // Georgetown Law Journal. 1988. No. 77. P. 287–350.
4. Moore A.D. A Lockean Theory of Intellectual Property // Hamline Law Review. 1997. No. 21. P. 65–108.
5. Greenstein N. Striking the Right Chord: A theoretical Approach to balancing Artists' Intellectual Property Rights on Remix Audio-Sharing Platforms // Cornell Law Review. 2016. No. 1. P. 211–240.
6. Лабзин М.В. Научные концепции понимания права интеллектуальной собственности // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2014. № 8. С. 57–68.
7. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: монография / А.А. Богустов, В.Н. Глонина, М.А. Рожкова и др.; под общ. ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2018. 271 с.
8. Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров. М.: Статут, 2008. 731 с.
9. Черничкина Г.Н. К вопросу становления в российском законодательстве понятия «интеллектуальная собственность» // Современное право. 2018. № 1. С. 57–65.
10. Мозолин В.П. О концепции интеллектуальных прав // Журнал российского права. 2007. № 12. С. 100–109.
11. Рожкова М.А. Интеллектуальная собственность: основные аспекты охраны и защиты: учеб. пособие. М.: Проспект, 2015. 242 с.
12. Даниленков А.В. К вопросу о разграничении понятий «объекты интеллектуальной собственности» и «интеллектуальные права» // ИС. Промышленная собственность. 2022. № 10. С. 45–55.
13. Гражданское право: учебник: в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева. М.: ТК Велби, 2009. Т. 3. 1008 с.
14. Новоселова Л.А., Рожкова М.А. Интеллектуальная собственность: некоторые аспекты правового регулирования: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 128 с.
15. Новосельцев О.В. Интеллектуальная собственность в системе гражданского права: проблемы правопонимания // Интеллектуальная собственность. Актуальные проблемы теории и практики: сб. науч. тр. Т. 1 / под ред. В.Н. Лопатина. М.: Юрайт, 2008. С. 93–108.
16. Щербак Н.В. Экзистенциальные особенности гражданско-правового режима объектов авторского права и смежных прав // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 99–134.
17. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации: сб. ст. М.: Статут, 2003. 413 с.
18. Суханов Е.А. Гражданское право России — частное право / отв. ред. В.С. Ем. М.: Статут, 2008. 586 с.
19. Маковский Л.А. О кодификации гражданского права (1922–2006). М.: Статут, 2010. 734 с.
20. Матвеев А.Г., Синельникова В.Н. Объекты интеллектуальной собственности, получающие охрану в XXI веке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 2. С. 281–309.
21. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / Г.Е. Авилов, К.В. Всеволожский, В.О. Калятин и др.; под ред. А.Л. Маковского. М.: Статут, 2008. 715 с.
22. Судариков С.А. Право интеллектуальной собственности: учебник. М.: Проспект, 2010. 367 с.

23. *Шершеневич Г.Ф.* Авторское право на литературные произведения. Казань: Тип. Император. ун-та, 1891. 313 с.
24. *Канторович Я.А.* Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения. СПб.: Изд. юрид. книж. склада «Право», 1911. 424 с.
25. *Беляцкий С.А.* Новое авторское право в его основных принципах. СПб.: Изд. юрид. книж. склада «Право», 1912. 95 с.
26. *Серебровский В.И.* Вопросы советского авторского права. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. 283 с.
27. *Гордон М.В.* Советское авторское право. М.: Госюриздат, 1955. 232 с.
28. Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / О.А. Беляева, В.Г. Богдан, С.А. Бурлаков и др.; отв. ред. О.В. Гутников, С.А. Сеницын. М.: Инфотропик Медиа, 2023. Вып. 29. 160 с.
29. *Кашанин А.В.* Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 97.
30. *Копылов А.Ю.* Творчество как условие охраноспособности произведения // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 12. С. 56–62.
31. *Романов Г.В.* Критерии охраноспособности произведения в авторском праве // Российский юридический журнал. 2021. № 3. С. 79–93.
32. *Щербак Н.В.* Эволюция структуры авторских прав в современном гражданском законодательстве // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 133–145.
33. *Корнеева Л.А.* К вопросу о проблемах правового регулирования оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности // Юрист. 2023. № 5. С. 55–60.
34. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / Г.Е. Авилов, К.В. Всеволожский, В.О. Калятин и др.; под ред. А.Л. Маковского. М.: Статут, 2008. 715 с.
35. Право интеллектуальной собственности: учебник: в 4 т. / под общ. ред. Л.А. Новоселовой. Т. 1: Общие положения / Е.В. Бадулина, Д.А. Гаврилов, Е.С. Гринь [и др.]. М.: Статут, 2017. 510 с.
36. *Калятин В.О.* Интеллектуальная собственность (исключительные права): учебник для вузов. М.: НОРМА : ИНФРА-М, 2000. 459 с.
37. *Зыков С.В.* Система имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации // Российский юридический журнал. 2020. № 1. С. 117–130.
38. Право интеллектуальной собственности / под ред. И.А. Близнеца. М.: Проспект, 2016. 891 с.
39. *Серебрякова Д.* Имущественная составляющая интеллектуальных прав // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 4. С. 33–40.
40. *Иванов Н.* Право на вознаграждение в системе авторских и смежных прав // ИС. Авторское право и смежные права. 2016. № 10. С. 4–14.

References

1. *Ragulina A.V., Nikitova A.A.* Intellectual Property: Concept, Content and Protection. М.: Ed. Rossiyskaya Gazeta, 2017. Iss. 21. 176 p.
2. *Nozick R.* Anarchy, State and Utopia. N.Y.: Basic Books, 1974. P. 178–182.
3. *Hughes J.* The Philosophy of Intellectual Property // Georgetown Law Journal. 1988. No. 77. P. 287–350.
4. *Moore A.D.* A Lockean Theory of Intellectual Property // Hamline Law Review. 1997. No. 21. P. 65–108.
5. *Greenstein N.* Striking the Right Chord: A Theoretical Approach to Balancing Artists' Intellectual Property Rights on Remix Audio-Sharing Platforms // Cornell Law Review. 2016. No. 1. P. 211–240.

6. *Labzin M.V.* Scientific Concepts of Understanding Intellectual Property Law // Patents and Licenses. Intellectual Property Rights. 2014. No. 8. P. 57–68.
7. The Civilistic Concept of Intellectual Property in the System of Russian Law: monograph / A.A. Bogustov, V.N. Glonina, M.A. Rozhkova and others; under the general editorship of M.A. Rozhkova. M.: Statute, 2018. 271 p.
8. The Right of Ownership: Actual Problems / ed. V. N. Litovkin, E. A. Sukhanov, V. V. Chubarov. M.: Statute, 2008. 731 p.
9. *Chernichkina G.N.* On the Issue of the Formation of the Concept of “Intellectual Property” in Russian Legislation // Modern Law. 2018. No. 1. P. 57–65.
10. *Mozolin V.P.* On the Concept of Intellectual Property Rights // Journal of Russian Law. 2007. No. 12. P. 100–109.
11. *Rozhkova M.A.* Intellectual Property: Main Aspects of Protection and Safeguarding: manual. M.: Prospect, 2015. 242 p.
12. *Danilenkov A.V.* On the Issue of the Differentiation of the Concepts of “Intellectual Property Objects” and “Intellectual Rights” // IS. Industrial Property. 2022. No. 10. P. 45–55.
13. Civil Law: textbook: in 3 volumes / edited by A. P. Sergeev. M.: TK Velbi, 2009. Vol. 3. 1008 p.
14. *Novoselova L.A., Rozhkova M.A.* Intellectual Property: Certain Aspects of Legal Regulation: monograph. M.: Norm: INFRA-M, 2014. 128 p.
15. *Novoseltsev O.V.* Intellectual Property in the System of Civil Law: Problems of Legal Understanding // Intellectual Property. Actual Problems of Theory and Practice: collection of scientific works. Vol. 1 / ed. by V.N. Lopatin. M.: Yurait, 2008. P. 93–108.
16. *Shcherbak N.V.* Existential Features of the Civil Law Regime of Objects of Copyright and Related Rights // Bulletin of Civil Law. 2021. No. 6. P. 99–134.
17. *Dozortsev V.A.* Intellectual Property Rights. Concept. System. Tasks of Codification: collection of articles. M.: Statute, 2003. 413 p.
18. *Sukhanov E.A.* Civil Law of Russia — Private Law / ed. V. S. Em. M.: Statute, 2008. 586 p.
19. *Makovsky L.A.* On the Codification of Civil Law (1922–2006). M.: Statute, 2010. 734 p.
20. *Matveev A.G., Sinelnikova V.N.* Intellectual Property Objects Receiving Protection in the XXI Century // Bulletin of the Perm University. Legal Sciences. 2019. No. 2. P. 281–309.
21. Commentary on Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (title) / G. E. Avilov, K.V. Vsevolozhsky, V.O. Kalyatin and others; ed. by A.L. Makovsky. M.: Statute, 2008. 715 p.
22. *Sudarikov S.A.* Intellectual Property Law: textbook. M.: Prospect, 2010. 367 p.
23. *Shershenevich G.F.* Copyright for Literary Works. Kazan: publ.house Emperor. Univ., 1891. 313 p.
24. *Kantorovich Ya.A.* Copyright for Literary, Musical, Artistic and Photographic Works. St. Petersburg: Izd. Yurid. bookstore “Pravo”, 1911. 424 p.
25. *Belyatskin S.A.* New Copyright in Its Basic Principles. St. Petersburg: Izd. Yurid. bookstore “Pravo”, 1912. 95 p.
26. *Serebrovsky V.I.* Questions of Soviet Copyright. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1956. 283 p.
27. *Gordon M.V.* Soviet Copyright. M.: Gosyurizdat, 1955. 232 p.
28. Commentary on the Practice of Considering Economic Disputes (judicial arbitration practice) / O.A. Belyaeva, V.G. Bogdan, S.A. Burlakov et al.; ed. O.V. Gutnikov, S.A. Sinitsyn. M.: Infotropik Media, 2023. Issue 29. 160 p.
29. *Kashanin A.V.* Creative Character as a Condition for the Protectability of a Work in Russian and Foreign Copyright Law // Bulletin of Civil Law. 2007. No. 2. p. 97.
30. *Kopylov A.Yu.* Creativity as a Condition for the protectability of a Work // Property Relations in the Russian Federation. 2019. No. 12. P. 56–62.
31. *Romanov G.V.* Criteria for the Protectability of a Work in Copyright Law // Russian Law Journal. 2021. No. 3.

32. *Shcherbak N.V.* Evolution of Copyright Structure in Modern Civil Legislation // *Bulletin of Civil Law*. 2020. No. 1. P. 133–145.
33. *Korneeva L.A.* On the Problems of Legal Regulation of the Turnover of Rights to the Results of Intellectual Activity // *Lawyer*. 2023. No. 5. P. 55–60.
34. Commentary on Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (title) / G. E. Avilov, K.V. Vsevolozhsky, V.O. Kalyatin and others; ed. by A.L. Makovsky. M.: Statute, 2008. 715 p.
35. Intellectual Property Law: textbook: in 4 volumes / under the general editorship of L.A. Novoselova. Vol. 1: General provisions / E.V. Badulina, D.A. Gavrilov, E.S. Grin [et al.]. M.: Statute, 2017. 510 p.
36. *Kalyatin V.O.* Intellectual Property (Exclusive Rights): textbook for universities. M.: NORMA : INFRA-M, 2000. 459 p.
37. *Zykov S.V.* The System of Property Rights to the Results of Intellectual Activity and Means of Individualization // *Russian Law Journal*. 2020. No. 1. P. 117–130.
38. The Right of Intellectual Property / ed. by I.A. Gemini. M.: Prospekt, 2016. 891 p.
39. *Serebryakova D.* Property Component of Intellectual Rights // *IS. Copyright and Related Rights*. 2017. No. 4. P. 33–40.
40. *Ivanov N.* The Right to Remuneration in the System of Copyright and Related Rights // *IS. Copyright and Related Rights*. 2016. No. 10. P. 4–14.

Л.А. Блажнова

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ТРАДИЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Введение: пределы, темп и рациональные основания интеграции законодательных новелл в гражданское судопроизводство определяют главные направления научных исследований в области гражданского процесса. В связи с этим особую значимость приобретает проблема сбалансированного соотношения традиций и новаций. **Цель** — исследовать научные представления о механизме традиций в гражданском процессуальном праве посредством их расширения, разработать новые подходы к оценке потенциала гражданского процессуального права в аспекте сбалансированного соотношения традиций и новаций. **Методологическая основа:** эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации, теоретические методы формальной и диалектической логики. **Результаты:** анализ специальной литературы показал, что в науке гражданского процесса нет однозначного понимания правовых традиций, что предопределило обращение автора к теоретическим обобщениям ряда иных социальных наук, что позволило разработать авторское определение правовой традиции в гражданском процессе. **Выводы:** традиции гражданского судопроизводства можно определить как механизм хранения и передачи исторически сложившихся правовых обычаев, принципов и институтов гражданского процессуального законодательства.

Ключевые слова: традиции гражданского судопроизводства, регулятивный потенциал правовых традиций, роль устоявшейся судебной практики в разрешении конкретных юридических дел, традиция состязательности гражданского процесса, соотношение традиций и обычаев в цивилистике.

L.A. Blazhnova

THE CONCEPT AND ESSENCE OF TRADITION IN CIVIL PROCEEDINGS

Background: the limits, pace and rational grounds for the integration of legislative novelties into civil proceedings determine the main directions of scientific research in the field of civil procedure. In this regard, the problem of a balanced ratio of traditions and innovations is of particular importance. **Objective** — to investigate scientific ideas about the mechanism of traditions in civil procedural law by expanding them, developing new approaches to assessing the potential of civil procedural law in the aspect of balanced correlation of traditions and innovations. **Methodology:** empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. **Results:** the analysis of specialized literature showed that in the science of civil procedure there is no unambiguous understanding of legal traditions, which predetermined the author's appeal to theoretical generalizations of a number of other social sciences, which allowed to develop the author's definition of legal tradition in civil procedure. **Conclusions:** traditions of civil proceedings can be defined as a mechanism for storing and transmitting historically established legal customs, principles and institutions of civil procedural legislation.

© Блажнова Лариса Ахмедовна, 2024
Соискатель кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия);
e-mail: 7737777@mail.ru

© Blazhnova Larisa Akhmedovna, 2024
Applicant at the Department of Civil Procedure (Saratov State Law Academy)

Keywords: *traditions of civil proceedings, regulatory potential of legal traditions, the role of established judicial practice in resolving specific legal cases, the tradition of adversarial civil proceedings, the relationship of traditions and customs in civil law.*

Обращение к исследованию традиций в гражданском судопроизводстве позволяет подойти с качественно новых позиций к решению одной из актуальных задач современной гражданской процессуальной науки — познанию рациональных оснований целостности и целесообразности гражданского процесса, его институтов и связей. Решение этой задачи с позиций гражданской процессуальной традиции способствует разработке системы объективных научных представлений о пределах, темпах и обоснованности интеграции законодательных новелл в гражданское судопроизводство.

Вопрос о сущности феномена «традиция» исследуется в науке на протяжении длительного времени. Уже к концу XVIII — началу XIX столетия сложились два диаметрально противоположных взгляда на его роль в общественном развитии. Изучаемые философией, историей, социологией, этнографией, культурологией, правоведением, языкознанием и другими отраслями научного знания процессы передачи опыта от предыдущих поколений последующим трактуются и как положительный, и как отрицательный фактор в общественном развитии.

Сторонники традиционализма указывают на значимость традиций, выполняющих функции аккумулярующих конструкций, смыслообразующих начал и информационных проводников в организации и культурной самоидентификации общества и его отдельных членов [1; 2]. Антиконсерваторы, а также сторонники радикальных преобразований не признавали необходимости следования традициям как в силу их непознаваемости с помощью логических умозаключений, так и на том основании, что они (традиции) не учитывают реалий происходящего, препятствуют движению к прогрессу [3; 4].

В каждом из названных течений содержится рациональное зерно, которое имеет значение для научных изысканий в области традиций гражданского судопроизводства. Следует согласиться с тем, что традиции при условии их своевременного выявления и закрепления могут служить ориентиром для законодателей, правоприменителей, граждан. В то же время устаревшие правила или правила, введенные в ранг традиций без учета национальных особенностей правовой системы, неминуемо становятся преградой на пути развития гражданского судопроизводства.

Позднее были предприняты попытки системного анализа категории «традиция» как вида социальной связи, получили развитие теоретические представления о сущности, структуре и свойствах традиции [5; 6].

Относительно объекта правовой традиции, то есть тех элементов правовой реальности, которые передаются от поколения к поколению на различных этапах развития общества, существует множество точек зрения. Д.А. Пашенцевым на этом основании было высказано предложение о выделении узкого и широкого подхода к пониманию правовой традиции [7, с. 140]. В узком понимании правовые традиции отождествляются с правовыми обычаями. В широком понимании в состав объектов передачи социально значимого опыта включаются и иные элементы.

Критическое осмысление первой точки зрения можно провести на основании сравнения категорий «правовой обычай» и «правовая традиция». В юридиче-

ской науке эти понятия признаются либо синонимичными, либо различными по содержанию [8, с. 148; 9, с. 12–13]. Основные противоречия во мнениях ученых кроются в различном понимании нравственной, нормативной и, как следствие, регулятивной составляющей понятий.

Категория «традиция» не нашла отражения ни в гражданском процессуальном, ни в арбитражном процессуальном законодательстве. Вместе с тем и ГПК РФ, и АПК РФ указывают на возможность разрешения дела на основе обычаев делового оборота (ч. 1 ст. 11 ГПК РФ, ч. 1 ст. 13 АПК РФ)¹. Хотя данные нормы регламентируют использование обычаев гражданских, а не гражданских процессуальных правоотношений, они позволяют нам установить, что обычаям, в отличие от традиций, присущи такие признаки, как нормативность и регулятивность.

Кроме того, обычаи обладают свойством повторяемости в силу целесообразности и удобства их применения. Традиции же передаются из поколения в поколение в силу того, что одобрены обществом. Например, традиция состязательности связана с реализацией чувства справедливости, представлениями о том, что каждый человек должен доказать перед судом свою правоту и каждый по степени приложенных усилий должен получить эквивалентный результат судебного процесса.

Характерно, что в советский период традиция состязательного гражданского процесса была прервана установлением обязанности суда принимать активное участие в доказывании и установлении истины по делу. Угасание традиции было обусловлено тем, что были устранены условия ее существования — изменено законодательство, регулирующее доказательственную деятельность.

Однако возрождение традиции состязательности в процессе судебных преобразований последних десятилетий указывает на то, что традиция, угасшая вследствие объективных условий, остается в качестве образца в правовой культуре и обладает большим ценностным потенциалом для дальнейшего развития права [10, с. 78]. Поэтому правовую традицию следует охарактеризовать как ценностно-регулятивную составляющую правовой системы, обеспечивающую передачу правовых обычаев, институтов, доктрин, понятий, установок, ценностей и принципов построения правовой системы.

Таким образом, правовая традиция — это механизм хранения и передачи исторически сложившегося нормативно-ценностного комплекса, включающего правовые обычаи, принципы построения, институты, доктрины, понятия, установки и ценности правовой системы, обеспечивающий отбор, обобщение, систематизацию и дифференциацию образцов правового поведения и преемственность правовой культуры от предыдущих поколений к последующим.

Традиции гражданского судопроизводства, исходя из данного определения и специфики правоотношений по отправлению правосудия, можно определить как механизм хранения и передачи исторически сложившихся правовых обычаев, институтов и принципов гражданского процессуального права, доктрин, понятий, установок, ценностей в области организации судопроизводства, осуществления правосудия, правоприменительной практики и реализации полномочий субъектами гражданского процесса.

¹ См.: Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 14 апреля 2023 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532; 2023. № 16, ст. 2755; Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 18 марта 2023 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3012; 2023. № 12, ст. 1893.

Библиографический список

1. Бёрк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М.: Рудомино, 1993. 411 с.
2. Шатобриан Ф.Р. де. Опыт исторический, политический и нравственный о древних и новейших переворотах. СПб.: Тип. Мин-ва полиции, 1817. Ч. 1. 264 с.
3. Гегель Г.В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 477 с.
4. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: в 30 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1954. Т. 8. 705 с.
5. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 173 с.
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 573 с.
7. Пашенцев Д.А. Российские правовые традиции в социальной сфере (историко-правовой аспект) // Вестник СПбГУ. Сер.: 14, Право. 2018. № 2. С. 139–156.
8. Гойман В.И. Действие права (методологический анализ). М.: Наука, 1992. 182 с.
9. Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики: сб. науч. тр. Ростов н/Д: СКАГС, 1999. 367 с.
10. Сулипов Р.С. Правовые традиции России: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2013. 196 с.

References

1. Burke E. Reflections on the Revolution in France and Meetings of Some Societies in London Related to this Event. M.: Rudomino, 1993. 411 p.
2. Chateaubriand F.R. de. Historical, Political and Moral Experience About Ancient and Modern Coups. St. Petersburg: Printing house of the Ministry of Police, 1817. Part 1. 264 p.
3. Hegel G.V.F. Lectures on the Philosophy of History. St. Petersburg: Nauka, 1993. 477 p.
4. Marx K. The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte / K. Marx, F. Engels. Essays: in 30 v. 2nd ed. M.: Gospolitizdat, 1954. Vol. 8. 705 p.
5. Berdyaev N.A. The Meaning of History. M.: Mysl, 1990. 173 p.
6. Danilevsky N.Ya. Russia and Europe. M.: Book, 1991. 573 p.
7. Pashentsev D.A. Russian Legal Traditions in the Social Sphere (historical and legal aspect) // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 14, Law. 2018. No. 2. P. 139–156.
8. Goyman V.I. The Action of Law (methodological analysis). M.: Nauka, 1992. 182 p.
9. Maltsev G.V. An Essay on the Theory of Custom and Customary Law // Customary Law in Russia: Problems of Theory, History and Practice: Collection of scientific tr. Rostov n/D: SKAGS, 1999. 367 p.
10. Sulipov R.S. Legal Traditions of Russia: Theoretical and Legal Aspect: diss. ... cand. of Law. Barnaul, 2013. 196 p.

Гусейнли Имади Али Вугар оглы

МЕХАНИЗМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ (МУНИЦИПАЛЬНЫХ) ЗАКУПОК: ЭЛЕКТРОННАЯ И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Введение: рассматривается актуальный вопрос об интегративном единстве электронной и цифровой трансформации механизма осуществления государственных (муниципальных) закупок. Определяются стадии развития механизма осуществления государственных (муниципальных) закупок. **Цель** — выявить единство и взаимосвязь электронной и цифровой трансформации механизма осуществления государственных (муниципальных) закупок. **Методологическая основа:** общенаучные методы познания (анализ, синтез, аналогия, системный подход) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой). **Результаты:** выявлены позитивные моменты электронной и цифровой трансформации механизма осуществления государственных (муниципальных) закупок. **Выводы:** электронная и цифровая трансформации механизма осуществления государственных (муниципальных) закупок способствует развитию благоприятной конкурентной среды и малого и среднего предпринимательства, а также укреплению антикоррупционной дисциплины. Продолжается поиск оптимальной формы правовой регламентации цифровых закупочных отношений, поскольку непредсказуемость функционирования внеправовых регуляторов цифровых отношений в силу своей технологической составляющей не коррелирует с предсказуемостью правовых регуляторов.

Ключевые слова: механизм осуществления государственных (муниципальных) закупок, электронная, цифровая трансформация, способы определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) при осуществлении закупок товаров, цифровые отношения, внеправовые регуляторы, правовые регуляторы.

Huseynli Imadi Ali Vugar oglu

MECHANISM OF STATE (MUNICIPAL) PROCUREMENT: ELECTRONIC AND DIGITAL TRANSFORMATION

Background: the article considers the current issue of the integrative unity of electronic and digital transformation of the mechanism of state (municipal) procurement. The stages of development of the mechanism of state (municipal) procurement (electronic and digital transformation), the degree of correlation between the technological transformation of the mechanism and the current legislation on the contract system in the field of state (municipal) procurement are determined. **Objective** — to reveal the unity and interrelation of electronic and digital transformation of the mechanism of state (municipal) procurement. **Methodology:** general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, analogy, system method) and private scientific methods of jurisprudence (formal-legal, comparative-legal methods). **Results:** the author's position on the advantages of electronic and digital transformation of the mechanism of state (municipal) procurement is proposed. **Conclusions:** electronic and digital transformation of the mechanism of state (municipal)

© Гусейнли Имади Али Вугар оглы, 2024
Соискатель кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия);
e-mail: k_civil@ssla.ru

© Huseynli Imadi Ali Vugar oglu, 2024
Applicant at the Department of Civil Law (Saratov State Law Academy)

procurement contributes to the development of a favorable competitive environment and small and medium-sized businesses, as well as strengthening anti-corruption discipline. The search for the optimal form of legal regulation of digital procurement relations continues, since the unpredictability of the functioning of extra-legal regulators of digital relations due to their technological component does not correlate with the predictability of legal regulators.

Keywords: *mechanism of realization of state (municipal) procurements, electronic, digital transformation, methods of determination of suppliers (contractors, performers) in the course of goods procurement, digital relations, extra-legal regulators, legal regulators.*

В целях развития экономического сотрудничества и расширения торгово-экономических связей, эффективного функционирования зоны свободной торговли, формирования условий для свободного движения товаров и услуг в 2016 г. распоряжением Правительства РФ № 1124-р¹ был одобрен проект Протокола о правилах и процедурах регулирования сферы государственных закупок между государствами — участниками Договора о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 г. (далее — Протокол). А 28 мая 2017 г. был принят Федеральный закон № 99-ФЗ «О ратификации протокола между государствами — участниками Договора о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 года о правилах и процедурах регулирования государственных закупок»².

В Протоколе определяется система государственных закупок, включая цели, принципы и требования к государственным закупкам, а также правила организации и проведения государственных закупок. Последнее образует динамичную составляющую системы государственных (муниципальных) закупок, механизм осуществления государственных (муниципальных) закупок.

В соответствии с указаниями Протокола проводится полномасштабная разработка информационных технологий, способствующих повышению прозрачности осуществляемых закупок. Названные нововведения повлекли ряд изменений правовой основы системы государственных (муниципальных) закупок. В связи с этим в специальной литературе поднимались вопросы о трансформации механизма осуществления государственных (муниципальных) закупок в электронной форме.

С принятием Федерального закона от 31 декабря 2017 г. № 504-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”»³ после 1 июля 2018 г. в электронной форме проводятся все виды закупочных процедур.

С нашей точки зрения, проведение закупочных процедур в электронной форме обладает рядом преимуществ: устранение возможности сговора участников, повышение прозрачности проведения государственных (муниципальных) закупок при минимизации субъективизма при оценке заявок, экстерриториальный

¹ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 июня 2016 г. № 1124-р «О подписании Протокола о правилах и процедурах регулирования сферы государственных (муниципальных) закупок между государствами — участниками Договора о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 года» // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/docs/23325/> (дата обращения: 10.06.2024).

² См.: СЗ РФ. 2017. № 22, ст. 3068; Договор о зоне свободной торговли: подписан 18 октября 2011 г. в Санкт-Петербурге // Бюллетень международных договоров. 2013. № 1.

³ См.: Российская газета. 2018. 10 января.

и вневременный характер подачи документов в системе государственных (муниципальных) закупок, мобильность проведения закупочной процедуры, раскрытие информации о цене по результатам проведения закупочной процедуры.

В октябре 2019 г. Председатель Совета Федерации Федерального Собрания РФ В.И. Матвиенко отмечала, что негативную роль в неэффективности государственных и муниципальных закупок играет «перегруженность и нестабильность контрактного законодательства». По ее словам, с момента принятия Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в его текст только в 2013 г. «60 раз вносились изменения. Дополнительно действует более 130 подзаконных актов»¹.

Как видится, неэффективность осуществления государственных и муниципальных закупок, в том числе в электронной форме, связана с многоаспектностью имущественных общественных отношений и действий органов публичной власти, являющихся объектом механизма осуществления государственных закупок. Однако первопричиной неэффективности осуществления государственных и муниципальных закупок выступает предметная природа механизма осуществления госзакупок, имеющая технологическую основу. Как известно, казуистичность правового регулирования создает препятствия для цифровизации государственных закупок, так как отсутствует ясность и однозначность в понятиях, определяющих действия, которые должны быть алгоритмизированы. Поэтому Коллегией Евразийской экономической комиссии распоряжением от 23 августа 2022 г. № 140 был утвержден перечень мер по полноценной цифровизации государственных (муниципальных) закупок в государствах — членах Евразийского экономического союза², в числе которых необходимость совершенствования программно-аппаратных комплексов веб-порталов (электронных торговых площадок); создание в государствах-членах информационных систем (ресурсов); доработка (разработка) программно-аппаратных комплексов веб-порталов (электронных торговых площадок) для работы с электронными цифровыми подписями (электронными подписями), изготовленными в соответствии с законодательством других государств-членов (в том числе с использованием доверенной третьей стороны в случае, если это предусмотрено законодательством либо международными договорами государства-члена), и размещение на веб-порталах (электронных торговых площадках); создание (модернизация) и обеспечение функционирования в интегрированной информационной системе Евразийского экономического союза следующих информационных ресурсов, в том числе позволяющих формировать содержащиеся в них сведения в формате открытых данных; и пр.

Считаем, что перечень приведенных мер по полноценной цифровизации государственных (муниципальных) закупок приведет к положительному эффекту для совершенствования процесса осуществления государственных закупок в связи с приведенными аргументами в пользу электронного формата осуществления государственных (муниципальных) закупок.

¹ См.: Матвиенко предложила провести ревизию законодательства о госзакупках. URL: <https://ria.ru/20191024/1560161047.html> (дата обращения: 10.06.2024).

² См.: Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 29.09.2024).

Из анализа положений Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 22 июня 2024 г.)¹ и Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (в ред. от 8 августа 2024 г.)² механизм осуществления государственных (муниципальных) закупок в электронной форме персонифицируется через способы определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) при осуществлении закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Последние дифференцируются на открытый и закрытый электронные конкурсы, открытый и закрытый электронные аукционы, электронный запрос котировок, электронный запрос предложений и выступают конкурентными способами определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) при осуществлении закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Открытый конкурс в электронной форме — способ определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), при котором информация о таком конкурсе доводится до сведения неограниченного круга лиц путем размещения извещения в Единой информационной системе (далее — ЕИС).

В целом открытый конкурс в электронной форме является основной формой для проведения торгов. Законом о контрактной системе предоставляется возможность использования других форм закупок исключительно в определенных в нем случаях. Открытый конкурс в электронной форме подразумевает информирование о его проведении, которое доступно неограниченному кругу лиц, в имеющейся единой информационной системе. Государственный контракт заключается с победителем конкурса, который предложил самую привлекательную цену за оказание каких-либо услуг, выполнение работ или поставку товара.

Открытый аукцион в электронной форме — способ определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), при котором информация о таком конкурсе доводится до сведения любым лицам через ЕИС с указанием времени, места, сроков и требований к участникам закупок.

Требования к участникам закупочной деятельности устанавливаются единые, могут быть также установлены дополнительные требования. Проведение такого конкурса происходит при помощи оператора определенной электронной площадки либо специализированной организации, на которой происходит процедура проведения аукциона. Чтобы участвовать в аукционе лица должны пройти регистрацию в ЕИС и аккредитацию у оператора определенной электронной площадки либо специализированной организации.

Особенностью приведенных способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) при осуществлении закупок товаров, работ и услуг выступает механизм осуществления государственных (муниципальных) закупок с помощью платформы ЕИС, трансформируемый в формат закупочных имущественных отношений, электронную форму. В связи с этим создается ряд преимуществ для алгоритмизации здоровой предпринимательской среды, снижающих негативные эффекты осуществления предпринимательской деятельности.

¹ См.: Российская газета. 2013. 12 апреля; 2024. 25 июня.

² См.: СЗ РФ. 2011. № 30, ч. 1, ст. 4571; 2024. № 33, ч. 1, ст. 4928.

Благодаря платформе ЕИС улучшаются показатели конкурентной среды и антикоррупционной составляющей: мониторинг работоспособности ЕИС, видеофиксация в режиме реального времени действий участников контрактной системы, хранение информации о них в ЕИС и на электронных площадках — все это позволяет координировать деятельность участников госзакупок. Формирование ЕИС является неоспоримой перспективой для развития малого и среднего предпринимательства, поскольку обязательная регистрация в Единой информационной системе (ЕИС) в сфере закупок и включение информации о поставщиках в Единый реестр участников закупок (ЕРУЗ) упрощает доступ малого и среднего предпринимательства к госзакупкам.

Следует отметить, что электронная трансформация механизма осуществления государственных (муниципальных) закупок продолжается и переходит в новый цифровой формат в силу эволюции технологического этапа общественных отношений.

По мнению ученых, новый этап развития корпоративных и государственных (муниципальных) закупок ознаменован использованием прогрессивных информационных технологий для создания умной системы закупок, основанной на применении блокчейна, умных контрактов и нейросетей [1, с. 35–39].

На наш взгляд, стадии развития механизма осуществления государственных (муниципальных) закупок обусловлены развитием контрактной системы. Так, на фоне цифровой трансформации появились новые технологии, открывающие широкие возможности для публичных закупок, — это интеллектуальные контракты на основе блокчейна, основанные на так называемой технологии распределенного реестра (DLT) [2, с. 22–31].

Основными направлениями цифровой трансформации механизма осуществления государственных (муниципальных) закупок выступает развитие нейросетей и алгоритмов искусственного интеллекта, функций юридического цифрового интерфейса.

Из корпоративной практики цифровой трансформации механизма осуществления государственных (муниципальных) закупок можно привести следующие примеры. В ПАО «Газпром» на основе использования нейросетей и алгоритмов искусственного интеллекта проведена каталогизация закупок с помощью системы «Антирутина Корпорация». В свою очередь, сотовым оператором «МегаФон» успешно апробируется функция юридического цифрового интерфейса для проверки документации госзакупок «Анализ закупки за час».

В настоящее время наблюдается тенденция увеличения количества контрактов по таким способам закупок, как конкурс с ограниченным участием в электронной форме и открытый конкурс в электронной форме¹.

Резюмируя сказанное, обозначим, что процессы электронной и цифровой трансформации механизма осуществления государственных (муниципальных) закупок свидетельствуют о бесспорных перспективах дальнейшего пути развития законодательства в сфере государственных (муниципальных) закупок. Нельзя не обратить внимание, что развитие контрактного законодательства оказывает обоюдное влияние на развитие законодательства в сфере государ-

¹ См.: Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (дата обращения: 29.09.2024).

ственных (муниципальных) закупок. Однако остается открытым вопрос о выборе оптимальной формы правовой регламентации цифровых закупочных отношений, поскольку непредсказуемость функционирования внеправовых регуляторов цифровых отношений в силу своей технологической составляющей не коррелирует с предсказуемостью правовых регуляторов. Последнее целенаправляет на дальнейшее исследование обозначенной проблематики.

Библиографический список

1. Бакулина А.А., Карпова С.В. Цифровизация в сфере закупок: особенности и эффективность // Проблемы современной экономики. 2020. № 3(75). С. 32–42.
2. Каранатова Л.Г., Кулев А.Ю. Инновационное развитие контрактной системы: переход к умным закупкам // Управленческое консультирование. 2020. № 2. С. 19–34.

References

1. Bakulina A.A., Karpova S.V. Digitalization in the Sphere of Procurement: Features and Efficiency // Problems of Modern Economics. 2020. No.3(75). P. 32–42.
2. Karanatova L.G., Kulev A.Yu. Innovative Development of the Contract System: Transition to Smart Procurement // Management Consulting. 2020. No. 2. P. 19–34.

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2024-4-119-126
УДК 343.36

А.В. Голикова

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОВОКАЦИЮ ПОДКУПА

Введение: в статье предлагается анализ диспозиции ст. 304 УК РФ, служащей средством предупреждения возможного негативного воздействия на лиц, осуществляющих экономическую или государственную деятельность. Терминологическая и логическая особенности нормативной конструкции не позволяют однозначно трактовать состав данного преступления. **Цель** — рассмотреть сложившуюся ситуацию относительно проблемных аспектов квалификации провокации подкупа. **Методологическая основа:** системный и структурный подходы, формально-логический метод, сравнение. **Результаты:** критическое осмысление текста закона приводит к формированию предложения, корректирующего описание основных признаков состава рассматриваемого преступления. **Выводы:** авторская редакция диспозиции ст. 304 УК РФ позволяет более точно толковать и применять положения закона.

Ключевые слова: провокация подкупа или взятки, передача подкупа, искусственное создание доказательств.

A.V. Golikova

CRIMINAL LIABILITY FOR BRIBERY PROVOCATION

Background: the article offers an analysis of the disposition of Art. 304 of the Criminal Code of the Russian Federation, which serves as a means of preventing possible negative impact on persons engaged in economic or state activities. Terminological and logical peculiarities of the normative construction do not allow to unambiguously interpret the corpus delicti of this crime. **Objective** — to consider the current situation regarding problematic aspects of qualification of bribery provocation. **Methodology:** systemic and structural approaches, formal-logical method, comparison. **Results:** a critical understanding of the text of the law leads to the formation of a proposal that corrects the description of the main features of the corpus delicti of the crime in question. **Conclusions:** the author's wording of the disposition of Article 304 of the Criminal Code of the Russian Federation allows for a more accurate interpretation and application of the provisions of the law.

Keywords: provocation of bribery or bribery, transfer of bribery, artificial creation of evidence.

© Голикова Арина Владимировна, 2024
Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: golikova@mail.ru
© Golikova Arina Vladimirovna, 2024
Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Criminal and Penal Enforcement Law (Saratov State Law Academy)

Диспозиция ст. 304 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее — УК РФ) содержит запрет на провокацию коррупционной сделки, чье содержание не раскрывается в тексте уголовного закона. В ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»² (далее — Закон № 144-ФЗ) провокация определяется как действия органов (должностных лиц), осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, по подстрекательству, склонению, побуждению в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий. Таким образом, провокация раскрывается через другие правовые категории, используемые законодателем в УК РФ. Раскрытие ее сущности посредством обращения к уголовному закону лишь отчасти отвечает на вопрос о том, что же такое провокация как вид действия.

Согласно ч. 3 ст. 33 УК РФ, подстрекательство заключается в удачном склонении другого человека к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом. Содержание дефиниции «склонение» также относится к предмету дискуссий на страницах специальной литературы [1], потому что не ограничивается характеристикой вида соучастия в совершении преступления, поскольку описывает объективную сторону деяний, запрещенных в Уголовном кодексе РФ (ч. 1 ст. 1101, 1512, 2051, 230, 2821). Так, в ст. 1101 и 230 сохраняется смысл, присущий рассматриваемой категории в институте соучастия. В ст. 2051, 2811, 2821 «склонение» наряду с «вербовкой» также считается способом подстрекательства к преступной деятельности. Широко склонение трактуется за счет включения в него, кроме традиционных, способов в виде уговора, подкупа, угрозы, действий по устранению препятствий к использованию запрещенных предметов, составляющих обычно функции пособника. Таким образом, сущность склонения к преступному поведению заключается в побуждении к общественно опасному поведению другого человека путем стимулирования его сознания.

Между тем во всех представленных нормативных источниках не закрепляется, какая именно провокация подлежит уголовно-правовой оценке — удавшаяся или неудавшаяся. Традиционно необходимый уровень общественной опасности такие действия приобретают при успешном воздействии на визави, если речь идет о подстрекательстве к преступному поведению. В случаях сделки (действие ст. 304 УК РФ распространяется как раз на такую модель поведения) склонение будет считаться успешным при приятии материальных благ получателем, но тогда оно образует состав оконченного преступления, предусмотренного ст. 290, либо ст. 204, либо ст. 2005 рассматриваемого Кодекса. В ситуациях, когда имеет место неоконченное подстрекательство, в ч. 5 ст. 34 УК РФ предписывается наказывать «неудачника» за приготовление к совершению преступления, и лишь при условии склонения — к тяжкому или особо тяжкому преступлению (ч. 1 ст. 30). Возникает закономерный вопрос, если существует механизм привлечения виновных за любое склонение к совершению преступления (как удавшееся, так и неудавшееся), то в чем тогда смысл установления уголовной ответственности по ст. 304 УК РФ? Действительно ли провокация преступления является синонимом подстрекательства к нему?

¹ См.: Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 25 октября 2024 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954; 2024. № 44, ст. 6490.

² См.: СЗ РФ. 1995. № 33, ст. 3349; 2023. № 1, ч. 1, ст. 85.

Опираясь на ряд предписаний Закона № 144-ФЗ, путем систематического толкования отличие выявить не удастся. Оперативный эксперимент, как отмечено в ст. 8 указанного нормативного акта, осуществляется в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, а также для выявления и установления лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших их. Таким образом, любые действия по побуждению других лиц сотрудниками правоохранительных органов к совершению преступления до начала этими людьми хотя бы подготовки к общественно опасному посягательству относятся к незаконным, подстрекательским. Б.В. Волженкин писал, что оперативный эксперимент правомерен, когда субъект сам, без какой-либо инициативы со стороны лиц, пытающихся его уличить, начинает предварительную преступную деятельность, в которой его обоснованно подозревают и которую путем проведения оперативного эксперимента стремятся пресечь и этим же образом выявить преступника и раскрыть уже совершившееся преступление [2, с. 274].

В пределах предписаний УК РФ отличие в признаках объективной стороны между склонением при подстрекательстве и склонением при провокации обнаружить невозможно. Иными словами, провокация — это неудавшееся склонение (подстрекательство) должностных лиц к получению взятки или подкупа. С учетом небольшой степени общественной опасности основных составов преступлений, предусмотренных в ст. 290, 204, 2005 УК РФ, ответственность за такое могла бы наступить лишь в случаях совершения подготовки к квалифицированным видам указанных деяний.

В рассматриваемом аспекте уместно обсудить причину, по которой действия виновного лица не увенчались успехом, так как от нее будет зависеть квалификация попытки по ст. 304 УК РФ или по иным статьям. Согласно тексту уголовного закона единственный вариант, допускаемый диспозицией данной статьи — отсутствие согласия потерпевшего на принятие материальных благ.

Неполучение взятки или подкупа возможно при провокации по причине непонимания должностным лицом, что доставленные ему предметы имеют материальную ценность и не воспринимаются им как подкуп. Например, злоумышленник во время посещения кабинета должностного лица оставил на столе несколько бумажных акций, а чиновник в силу престарелого возраста решил, что это рекламные листовки. Получается, что с его стороны нет вины в получении этих предметов. Согласно п. 32 постановления Пленума ВС РФ от 9 июля 2013 г. № 24¹, лицо, соответствующее признакам потерпевшего от преступления, закрепленного в ст. 304 УК РФ, принимает предлагаемые ему материальные блага, но оно либо не понимает их предназначения (то есть не осознает, что это подкуп), либо прекрасно осведомлено о цели их появления в его жизни, но не согласно с этим фактом. В связи с тем, что указанные действия совершаются без ведома или вопреки желанию потерпевшего, уголовная ответственность не возникает ввиду отсутствия события преступления (п. 1 ч. ст. 24 УПК РФ²).

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. 2023. 17 июля.

² См.: Уголовный процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 29 мая 2024 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52, ст. 4921; 2024. № 23, ч. 1, ст. 3048.

Если принявшее взятку или подкуп лицо сделало это сознательно и добровольно, хотя и в результате склонения со стороны виновного, то формально состоялось получение взятки либо подкупа и должна наступать ответственность по ст. 290 и 291, или 204, или 2005 УК РФ для всех участников этой сделки. Данное предположение оспаривается, так как возникает вопрос о допустимости доказательств совершения указанных видов преступлений, полученных за счет провокации (точнее, действий по подстрекательству к преступлению).

Согласно ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. При проведении оперативного эксперимента (как и любого другого оперативно-розыскного мероприятия) субъектам мероприятий запрещено провоцировать совершение преступлений (ст. 5 Закона № 144-ФЗ). Следовательно, нарушение существенного условия легитимности проведения оперативного эксперимента лишает все доказательства, добытые в его результате, правового статуса, а вопрос ответственности получателя подкупа или взятки снимается в связи с отсутствием состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ).

Единственным свидетельством активного участия в незавершенной коррупционной сделке (момент окончания обозначен законодателем термином «передача» предмета подкупа без получения его другой стороной) может служить наличие предварительной преступной деятельности со стороны лица, указанного в составе ст. 304 УК РФ, в качестве потерпевшего. Тогда ее применение исключается, а вменяется уже этому «потерпевшему» соответствующая стадия совершения деяния, запрещенного ст. 290, или 204, или 2005 УК РФ.

Момент окончания преступления, предусмотренного в ст. 304 УК РФ, — это передача взятки или подкупа без получения. Способы передачи денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав, используемые при совершении преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, не имеют значения для квалификации.

Отграничение провокации взятки или подкупа от фальсификации доказательств по уголовному делу (ст. 303 УК РФ) при концептуальной схожести составов (действия, запрещенные ст. 304 УК РФ могут быть приготовлением к фальсификации доказательств) проводится по способу совершения. Попытка передачи денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав потерпевшему без его согласия, как мы уже отмечали, — это неудавшееся подстрекательство и норма, специальная по отношению к ст. 303 УК РФ. Аналогично проводим разграничение с заведомо ложным доносом. При совершении преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, отсутствует предоставление информации о преступнике или преступлении, есть лишь попытка заставить совершить должностное лицо уголовно-наказуемые действия либо инсценировать их совершение потерпевшим.

В дополнение ко всему изложенному отметим, что правовая оценка попытки передачи взятки или подкупа опосредуется двумя аспектами: наличием либо отсутствием осведомленности потерпевшего о грядущей сделке, запрещенной ст. 290, 204, 2005 УК РФ, и специальной целью виновного.

Сложная формулировка, которую использовал законодатель для описания субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, включает в себя две взаимоисключающие цели. Их квалификационное значение

заключается в том, чтобы отсечь возможность привлечения лица, создающего провокацию взятки или подкупа, к уголовной ответственности по ст. 291, 204, 2005 УК РФ, так как цели совершения этих преступлений и провокации взаимоисключающие. В связи с этим не разделяем предложения [3, с. 61] об устранении указанного признака состава из диспозиции ст. 304 УК РФ.

Одна из этих целей показывает связь запрещаемого законодателем поведения с объектом уголовно-правовой охраны — интересами правосудия и заключается в намерении искусственного создания доказательств совершения преступления. «Искусственность» их создания — термин, которым законодатель специально подчеркнул, во-первых, противозаконный, но не связанный с обманом (в отличие от фальсификации или подлога) путь получения недопустимых доказательств, а во-вторых, противоестественность появления такого рода улик, связанная со специальным приложением усилий виновным для создания условий, в которых потерпевший будет выглядеть лицом, совершающим преступление, предусмотренное ст. 290, или ст. 204, или ст. 2005 УК РФ. Между тем намерения дать взятку или подкупить потерпевшего у злоумышленника нет.

В этом и проявляется искусственность или неистинность сведений, которые путем провокации получает виновное лицо. Наличие специализированной цели, возникшей до попытки передачи взятки или подкупа, отграничивает исследуемый состав преступления от истинного подстрекательства к коррупционной сделке. В любом случае создание «декоративных» условий для совершения должностным лицом уголовно наказуемого деяния происходит не просто так, не шутки ради, а для дискредитации потерпевшего. Фактически можно вести речь о двух видах целей в рамках рассматриваемого состава: ближайшая (создание искусственных сведений о псевдопреступлении) и две альтернативные отдаленные (шантаж и фальсификация доказательств). Подобные законодательные конструкции сложно анализируются, а с учетом признаков бланкетности и ссылочности диспозиции ст. 304 УК РФ приобретают свойство неоднозначного толкования.

Указанный недостаток породил большое количество предложений по корректировке признаков состава, часть из которых связаны с желанием трансформировать множественность целей путем внедрения их ближайшей в признаки объективной стороны. Например, «действия, направленные на искусственное создание доказательств получения должностным лицом взятки либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, предмета подкупа» [4, с. 117], где чрезмерно широкий по смыслу оборот «действия, направленные на...» не позволяет отличить провокацию от реальной подготовки к взятке или подкупу.

Предложение по возможному описанию посягательства расширяет способы совершения провокации, дополняя попытку передачи созданием условий для склонения должностного лица на совершение преступления: «Провокация взятки либо коммерческого подкупа, т.е. попытка передачи должностному лицу либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера в целях искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа, а равно искусственное создание обстановки и условий дачи взятки либо осуществления коммерческого подкупа в тех же целях» [5, с. 87]. Недостатком представленной фразы стоит

назвать максимальное сходство с подготовкой к правомерному оперативному эксперименту. В данном случае акцент ставится не на частичном выполнении объективной стороны подкупа или взятки, а на создании условий (что, конечно, приводит к мысли о приготовлении к преступлению).

С позиции актуальных тенденций в науке уголовного права о запрете провокации любого преступления как способе дискредитации человека, расширение способов ее осуществления выглядит логичным, например «инсценировка преступления». Совершение деяния, создающего видимость причастности другого лица к общественно опасному посягательству [6], предполагает широкий спектр действий, чрезмерно за счет терминов «общественно опасное деяние», «причастность», «видимость», не имеющих конкретного нормативного наполнения.

Другой уточненный вариант определения признаков деяния, запрещенного ст. 304 УК РФ, выглядит следующим образом: «Провокация преступления — умышленные односторонние действия виновного, направленные на склонение другого лица к совершению преступления с целью его последующего изобличения в совершенном преступлении перед правоохранительными органами» [7], не позволяет однозначно просчитать юридические последствия такого изобличения для обеих сторон.

Предложение дефиниции: «Провокация преступления, то есть склонение лица к совершению преступления в целях привлечения его к уголовной ответственности» [8, с. 11], с одной стороны, снимает вопросы относительно квалификации успешного и неуспешного подстрекательства, с другой — создает проблему правовой оценки потерпевшего, который благополучно совершил требуемое уголовно наказуемое деяние. Кроме того, отграничение классического подстрекательства от провокации только на основании цели привлечения к ответственности сомнительно, так как соучастники иногда заранее готовы к тому, чтобы «подставить исполнителя» под уголовную ответственность, например из корыстных побуждений. Однако реальность совершенного совместно преступления от этого не исчезает. Использование в тексте оборота «цель привлечения к ответственности» может трактоваться как отсылка к специальному субъекту преступления, то есть к лицу, уполномоченному на принятие такого решения в отношении потерпевшего, а значит ограничению круга лиц, способных наказуемо провоцировать посягательства.

Не оспаривая саму идею расширения уголовной ответственности, установив ее за провокацию любого преступления (это не включено в предмет нашего исследования), появляется риск потерять институт подстрекательства к совершению преступления.

Вопрос о множественности целей совершения провокации связан с институтом неоконченного преступления. Если есть цель использования искусственно созданных доказательств, значит собирался воспользоваться ситуацией. Безусловно, в тех случаях, когда виновный до его изобличения смог использовать полученные при провокации сведения в рамках шантажа или предоставления неистинных сведений в сфере правосудия, его поведение можно квалифицировать по ст. 163, 302, 303, 299, 306 УК РФ. Создание искусственных доказательств совершения взятки или подкупа виновным было этапом приготовления к другим преступлениям. Исходя из правил квалификации по стадиям совершения умышленных преступлений, каждая следующая стадия поглощает предыдущую.

Следовательно, успешное завершение деяния, предусмотренного ст. 304 УК РФ, с последующим достижением указанных в законе целей оценивается по статьям Кодекса, которые описывают пути их достижения.

Возникает закономерный вопрос: требуется ли дополнительная квалификация по этим статьям в случае, когда искомые виновным сведения в результате провокации были получены, а распорядиться ими сообразно целям он не успел?

Приготовление всегда осуществляется к конкретному преступлению, а значит этот аспект подлежит отдельному доказыванию. Если в наличии будут подтвержденные данные, что виновный создавал дискредитационную информационную базу для незаконного привлечения потерпевшего к уголовной ответственности, то может вменяться и приготовление к этому преступлению (ст. 299 УК РФ), так как категория позволяет. В отношении иных видов посягательств, ради совершения которых провоцировалось получение взятки, факт приготовления, даже верифицированный, не станет основанием уголовной ответственности из-за малой общественной опасности таких деяний, недостаточной для применения ч. 2 ст. 30 УК РФ.

Обобщая изложенное относительно состава преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, предлагаем изложить ее в следующей редакции:

«Провокация взятки.

Искусственное создание доказательств получения взятки либо коммерческого подкупа путем передачи лицу, указанному в ч. 1 ст. 290, 204, 2005 настоящего Кодекса, вопреки его воле денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера.»

В данной формулировке акцентирован объект уголовно-правовой охраны — правосудие, так как указано на искусственное создание доказательств. Одновременно термины, характеризующие объективную сторону в дефиниции, служат разграничению провокации и фальсификации доказательств, запрещенной в ст. 303 УК РФ. Момент окончания посягательства обозначен передачей денег, ценных бумаг, иного имущества или оказанием услуг имущественного характера в порядке стимулирования участия в коррупционной сделке, отличающими провокацию от состава дачи взятки или получения взятки, завершающимися фактом получения взятки или подкупа. Используется прием формирования ссылочной диспозиции при описании признаков потерпевших от данного преступления, для унификации приемов юридической техники в пределах одного правового предписания. Выделяется отношение потерпевшего к навязываемой коррупционной сделке не за счет отсутствия согласия на участие в ней, а путем указания на отсутствие соответствующего волеизъявления либо явно отрицательной реакции.

Библиографический список

1. *Кашкаров А.А.* Уголовно-правовая характеристика склонения и вовлечения в преступную деятельность // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7, № 2. С. 141–146.
2. *Волженкин Б.В.* Служебные преступления: учеб.-практ. пособие. М.: Юристъ, 2000. 367 с.
3. *Ермаков С.В.* Вопросы уголовно-правовой квалификации по статье 304 УК РФ действий сотрудников оперативных подразделений, допустивших провокацию // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 2(89). С. 59–64.

4. *Борков В.Н.* Преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами правоохранительных органов: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2012. 125 с.
5. *Спектор Л.А.* Провокация взятки либо коммерческого подкупа // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Сер. Общественные науки. 2005. № 4. С. 82–87.
6. *Кузьмин С.С., Мальцева С.Н., Геранин В.В.* Уголовно-правовое обеспечение оперативного эксперимента // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5, № 5. С. 429–434.
7. *Тищенко А.В.* Разграничение провокации преступления от института соучастия // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2014. № 5. С. 89–91.
8. *Дизер О.А.* Провокация преступления: уголовно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. 23 с.

References

1. *Kashkarov A.A.* Criminal and Legal Characteristics of Declension and Involvement in Criminal Activity // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences. 2021. Vol. 7, no. 2. P. 141–146.
2. *Volzhenkin B.V.* Official Crimes: Textbook-practice manual. M.: Jurist, 2000. 367 p.
3. *Ermakov S.V.* Issues of Criminal Law Qualification Under Article 304 of the Criminal Code of the Russian Federation of Actions of Employees of Operational Units Who Committed Provocation // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2(89). P. 59–64.
4. *Borkov V.N.* Crimes Against Justice Committed by Law Enforcement Officials: monograph. Омск: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012. 125 p.
5. *Spector L.A.* Provocation of a Bribe or Commercial Bribery // Izvestiya vuzov. The North Caucasus region. Series Social Sciences. 2005. No. 4. P. 82–87.
6. *Kuzmin S.S., Maltseva S.N., Geranin V.V.* Criminal Law Provision of Operational Experiment // Bulletin of Science and Practice. 2019. Vol. 5, no. 5. P. 429–434.
7. *Tishchenko A.V.* Differentiation of Provocation of Crime from the Institution of Complicity // Business in Law. Economics and Law Journal. 2014. No. 5. P. 89–91.
8. *Dizer O.A.* Provocation of a Crime: a Criminal-Legal Aspect: extended abstract ... diss. cand. of Law. Омск, 2022. 23 p.

К.С. Погодин

ПРОБЛЕМЫ ПЕНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ И ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

Введение: в настоящей статье рассматривается вопрос интеграции в уголовный закон нового отягчающего обстоятельства — совершения преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. **Цель** — на основе анализа статистических данных о преступлениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, сделать вывод о повышении степени общественной опасности таких деяний и разработать предложение об интеграции в уголовный закон нового отягчающего обстоятельства, которое будет в полной мере отвечать задачам, принципам и целям уголовного закона. **Методологическая основа:** общенаучные методы (диалектический анализ, синтез, индукция, дедукция, логический), частнонаучные методы (формально-юридический и статистический). **Выводы:** в условиях стремительной цифровизации повышение степени общественной опасности преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, очевидно. Увеличение темпов роста преступлений указанной категории свидетельствует о необходимости интеграции в уголовный закон качественно нового отягчающего обстоятельства.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные сети, отягчающие обстоятельства, преступления в сфере информационных технологий, цифровизация преступности, киберпреступность, профилактика IT-преступности.

K.S. Pogodin

PROBLEMS OF PENALIZATION OF CRIMES COMMITTED THROUGH THE USE OF ELECTRONIC AND INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS

Background: this article examines the integration into criminal law of a new aggravating circumstance — the commission of an offense using information and telecommunications networks. **Objective** — based on the analysis of statistical data on crimes committed with the use of information and telecommunications technologies, to draw a conclusion about the increase in the degree of public danger of such acts and to develop a proposal for the integration into the criminal law of a new aggravating circumstance that will fully meet the objectives, principles and purposes of the criminal law. **Methodology:** general scientific methods (dialectical analysis, synthesis, induction, deduction, logical), private scientific methods (formally legal and statistical). **Conclusion:**

© Погодин Кирилл Сергеевич, 2024,

Прокурор отдела по надзору за уголовно-процессуальной деятельностью органов следствия управления по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью (прокуратура Пензенской области), юрист 1 класса, аспирант факультета подготовки научных кадров (Университет прокуратуры Российской Федерации); e-mail: furialskil@gmail.com

© Pogodin Kirill Sergeevich, 2024,

Prosecutor of the Department for Supervision of Criminal Procedural Activities of investigative bodies of the Department for Supervision of Criminal Procedural and Operational Investigative Activities (Prosecutor's Office of the Penza region), 1st class lawyer, postgraduate student of the Faculty of Training Scientific Personnel (University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)

In the context of rapid digitalization, the increase in the degree of public danger of crimes committed through the use of information and telecommunications technologies is evident. The increase in the growth rate of crimes in this category demonstrates the need to integrate.

Keywords: *information and telecommunication networks, aggravating factors, crimes committed by using information technologies, digitalization of crime, cybercrime, IT crime prevention.*

Определяя вид и размер наказания за то или иное дивергентное поведение, суд прежде всего исходит из характера и степени общественной опасности содеянного, личности виновного, а также учитывает смягчающие и отягчающие обстоятельства, влияние назначенного наказания на исправление осужденного и условия жизни его семьи. Безусловно, каждая из указанных категорий имеет важное значение для решения судьбы лица, виновного в совершении преступления. Вместе с тем именно на обстоятельствах, отягчающих наказание, сосредоточено пристальное внимание законодателя.

Если проанализировать общие начала назначения наказания, то становится понятно, что в большинстве своем они не имеют конкретной формы. По сути, они являются диспозитивными, так как предлагают правоприменителю самому определить, что попадает под то или иное понятие. Например, положения ч. 2 ст. 61 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) позволяют при назначении наказания учесть в качестве смягчающих обстоятельств иные, не предусмотренные ч. 1 ст. 61 УК РФ, фактически безгранично расширяя ее содержание.

Вместе с тем одна из категорий, перечисленных в ч. 3 ст. 60 УК РФ, не является диспозитивной. Законодатель четко и понятно определил перечень обстоятельств, отягчающих наказание, которые ухудшают положение осужденного, так как влияют на вид и размер наказания, а также правила его назначения не в пользу виновного. При этом расширительной трактовке указанный в ст. 63 УК РФ список не подлежит, что свидетельствует об императивном характере правовой нормы.

В уголовно-правовой доктрине исчерпывающий (закрытый) перечень обстоятельств, отягчающих наказание, не получил одобрения среди ученых, которые считают, что такой прием в определенной степени не учитывает быстро меняющиеся условия общественной жизни [1, с. 153–161]. Однако это не означает, что перечень отягчающих обстоятельств не может быть как расширен, так и сокращен. Совсем недавно вступил в силу федеральный закон, согласно которому п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ признан утратившим силу¹. Одновременно с этим рядом федеральных законов дополнено содержание п.п. «л»², «п»³, а также введен п. «с» ч. 1 ст. 63 УК РФ⁴.

¹ См.: Федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 210-ФЗ «О признании утратившим силу пункта “о” части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 25, ст. 4399.

² См.: Федеральный закон от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 39, ст. 6535.

³ См.: Федеральный закон от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ 2022. № 10, ст. 1395.

⁴ См.: Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 1, ч. 1, ст. 33.

Изложенный пример законотворческого процесса позволяет сделать вывод, что с учетом требований современного общества, сложившейся криминогенной ситуации в нем, а также качественного изменения тех или иных общественных отношений, необходимость в том или ином отягчающем обстоятельстве может как возникнуть, так и отпасть.

Необходимо определить, что же понимается под «отягчающими обстоятельствами». Это такие факты, события, явления объективного и субъективного характера, которые характерны для довольно обширного круга преступлений и непременно повышают степень общественной опасности совершенного преступного деяния и (или) личности преступника, причем направленность их влияния не может меняться в зависимости от каких-либо иных обстоятельств дела и, следовательно, обуславливает целесообразность назначения более строгого наказания в пределах санкции уголовного закона [2, с. 40–45].

Именно с принадлежностью к обширному кругу преступлений и повышением степени общественной опасности содеянного связана необходимость интеграции того или иного отягчающего обстоятельства в уголовный закон.

Стоит отметить, что в настоящее время цифровизация всех сфер общественной жизни достигает максимальных показателей. Преступления, совершаемые с использованием цифровых технологий, составляют значительную долю от общего числа общественно опасных деяний, а степень их опасности с каждым годом только повышается.

В январе–декабре 2022 г. зарегистрировано 522,1 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 0,8 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 25,8 % в январе–декабре 2021 г. до 26,5 %.¹ При этом в январе–мае 2023 г. зарегистрировано 261 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 27,5 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 24,9 % в январе–мае 2022 г. до 32,1 %.²

Представленные статистические данные свидетельствуют о значительной доле преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий, и в связи с этим повышении степени их общественной опасности.

В настоящее время порядка тридцати пяти составов преступлений в УК РФ содержат в своей юридической конструкции в качестве обязательного либо квалифицирующего признаков их совершение с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей. Динамика роста рассматриваемых преступных деяний, а также последовательная интеграция данного квалифицирующего признака в отдельные составы преступлений свидетельствуют о том, что все больше общественно-опасных деяний совершается с использованием

¹ См.: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–май 2023 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 12.06.2024).

² См.: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/39336121/> (дата обращения: 12.06.2024).

цифровых технологий. Вместе с тем значительное количество преступлений, при совершении которых используются информационно-телекоммуникационные сети, не содержат в своей юридической конструкции такого специфического квалифицирующего признака. Так, преступление, предусмотренное п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств), может быть совершено как с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, так и без них. Например, из обстоятельств уголовного дела в отношении Ч., обвиняемого в совершении кражи, то есть тайного хищения чужого имущества с банковского счета¹, следует, что Ч. обнаружил на улице утерянную незнакомой ему П. банковскую карту, оснащенную системой бесконтактного платежа. Взяв указанную карту, злоумышленник получил незаконным образом доступ к управлению безналичными денежными средствами, после чего в различных магазинах совершил оплату товаров путем прикладывания банковской карты к экваторийному терминалу без введения пин-кода, похитив таким образом принадлежащие П. денежные средства в общей сумме 3 291,37 рубля. Приговором Октябрьского районного суда г. Пензы Ч. осужден к наказанию в виде лишения свободы сроком на 1 год с применением ст. 73 УК РФ с условно испытательным сроком 1 год 6 месяцев.

В этом случае злоумышленник, найдя на улице утерянную потерпевшим банковскую карту и с ее помощью оплачивая бесконтактным способом в различных торговых точках покупки, своими действиями совершил классическую кражу с банковского счета.

Однако в иной ситуации, если похититель посредством своего мобильного телефона, персонального компьютера или какого-либо иного технического устройства получает доступ к банковскому счету потерпевшего без непосредственного контакта с ним, то содеянное также будет квалифицироваться по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Степень общественной опасности совершенного описанным способом преступления будет намного выше, чем в первом, так как злоумышленник использует для облегчения совершения деяния специальные технические устройства, предоставляющие ему доступ к банковскому счету потерпевшего посредством сети «Интернет». За совершение такого деяния Павловский городской суд Нижегородской области приговорил осужденного к реальному наказанию в виде лишения свободы на срок 2 года 6 месяцев 4 дня с отбыванием в исправительной колонии строгого режима (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ)².

Судом также было установлено, что, отбывая наказание в виде лишения свободы в исправительном учреждении, зная паспортные данные потерпевшей и используя находящийся в его пользовании мобильный телефон и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», осужденный подключился к интернет-ресурсу «Сбербанк-онлайн» от имени потерпевшей, после чего тайно похитил находящиеся на ее банковском счете денежные средства в общей сумме

¹ См.: Приговор Октябрьского районного суда г. Пензы от 24 ноября 2021 г. № 1-558/21. URL: https://oktyabrsky--pnz.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=98830522&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 12.06.2024).

² См.: Приговор Павловского городского суда Нижегородской области от 1 марта 2023 г. № 1-7/2023 (1-148/2022) УИД 52RS0018-01-2022-000465-38. URL: https://pavlovsky--nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=99137852&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 12.06.2024).

12 тыс. рублей путем перевода их на находящийся в его пользовании абонентский номер.

В этом случае в описании преступного деяния непосредственно указано, что злоумышленник совершает преступление с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», однако соответствующий квалифицирующий признак юридической конструкцией содеянного не предусмотрен.

По нашему мнению, такой квалифицирующий признак позволил бы суду дифференцированно подойти к вопросу назначения наказания.

Стоит отметить, что в рассматриваемых примерах осужденным назначен хоть и одинаковый вид наказания, однако применены различные правила его назначения: в первом случае — условное осуждение, во втором — реальное лишение свободы, что свидетельствует о понимании различия юридически одинаковых, но по своей общественной опасности разных преступлений, в том числе с учетом наличия отягчающего наказание обстоятельства — рецидива преступления. Вместе с тем повышенную общественную опасность создает и совершение данного деяния с использованием информационно-телекоммуникационной сети.

Другим не менее ярким примером необходимости вменения рассматриваемого квалифицирующего признака является преступление, предусмотренное ст. 159 УК РФ. Злоумышленники используют преступную схему, позволяющую скрываться из поля зрения правоохранительных органов, минимизируя риски быть обнаруженными. Посредством так называемых фишинговых сайтов мошенники вводят потерпевших в заблуждение относительно оплаты товаров. Ничего не подозревающие граждане вводят данные своих банковских карт и коды подтверждения операций на поддельных сайтах, в то время как преступники посредством специальных компьютерных программ получают эту информацию и используют ее для перевода денежных средств на «дроп-карту», оформленную на третье лицо.

Информационно-телекоммуникационные сети в таком случае выступают единственным способом совершения преступления. При этом приведенная схема совершения преступления позволяет злоумышленнику максимально долго быть незамеченным и продолжать совершение общественно опасных действий в информационном пространстве.

Вместе с тем диспозиция ст. 159 УК РФ не имеет в своем содержании такого квалифицирующего признака как «совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей».

Динамика развития рассматриваемого признака и значительная трудоемкость процесса его интеграции в каждый из составов, где используются информационно-телекоммуникационные сети, свидетельствуют, что уголовный закон нуждается во введении качественно нового отягчающего обстоятельства, которое позволило бы осуществить дифференцированный подход к назначению наказания за преступления, совершаемые с использованием цифровых технологий.

Именно поэтому предлагается интегрировать в Общую часть УК РФ новое отягчающее наказание обстоятельство, изложив ст. 63 УК РФ в следующей редакции: «т) совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.».

Вместе с тем некоторые авторы не согласны с изложенной позицией, утверждая, что в таком случае будет нарушаться принцип справедливости назначения

наказания. Так, Л.Г. Литвяк и Е.Н. Пирогова считают, что если бы совершение преступления посредством информационно-телекоммуникационных сетей являлось бы толькоотягчающим обстоятельством и не было закреплено в качестве признака квалифицированного состава, то это на квалификацию никак не повлияло бы, а отразилось только на выборе вида и размера наказания. Ученые придерживаются мнения, что если законодатель уже ужесточил ответственность за использование информационно-телекоммуникационных сетей в соответствующих статьях Особенной части УК РФ, то ему следует быть последовательным и добавить такой квалифицирующий признак в другие преступления, отмечая, что существующее положение вещей требует корректировки [3, с. 93–96].

Не соглашаясь с мнением указанных авторов, отметим, что признание совершения преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей отягчающим обстоятельством ни в коей мере не будет умалять значение квалифицированных составов преступлений и нарушать принцип справедливости назначения наказания. В соответствии с ч. 2 ст. 63 УК РФ, если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания. Таким образом, при наличии квалифицирующего признака действия лица должны быть квалифицированы именно по соответствующей части статьи Особенной части УК РФ без ссылки на ст. 63 УК РФ.

Аналогичная ситуация при определении наличия отягчающего обстоятельства прослеживается при совершении злоумышленником преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества (преступной организации). Когда преступление совершается при наличии данного квалифицирующего признака, который отражен в диспозиции статьи Особенной части УК РФ, то данное обстоятельство не учитывается в качестве отягчающего. Одновременно с этим, если квалифицирующий признак в диспозиции статьи отсутствует, то оно, безусловно, должно учитываться как отягчающее.

Именно такие правила предлагается применить по аналогии и к отягчающему обстоятельству — совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Это позволит как влиять на вид и размер наказания назначаемого лицам, которые совершили преступления, не содержащие в своей конструкции квалифицирующего признака «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей», и одновременно с этим не повлияет на правила назначения наказания по квалифицированным составам.

В 2020 г. уже предпринимались попытки по закреплению отмеченного отягчающего обстоятельства, однако комиссия Правительства РФ по законопроектной деятельности не поддержала депутатскую инициативу. В качестве оснований для отказа указано, что пояснительная записка не содержит убедительных сведений о свойствах преступления, совершенного указанным способом, и о совершившем его лице, которые свидетельствуют о повышении степени общественной опасности данного деяния и личности виновного¹.

¹ См.: В кабмине против идеи сделать использование IT-технологий отягчающим обстоятельством в УК // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7677189> (дата обращения: 12.06.2024).

Однако приведенные статистические показатели свидетельствуют о динамике роста количества преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. За семь месяцев 2023 г. показатели киберпреступности практически выровнялись с цифрами 2020 г. Если в январе–декабре 2020 г. было зарегистрировано 510,4 тыс. преступлений отмеченной категории, то за январь–июль 2023 г. уже зафиксировано 371,4 тыс. фактов таких криминальных проявлений, что на 27,9 % больше, чем за аналогичный период прошлого года.

Довод о том, что уровень информатизации современного общества и распространенности использования технических устройств в жизнедеятельности людей не влечет повышения общественной опасности преступления в настоящее время утратил свою актуальность. Все больше противоправных посягательств совершается в информационном пространстве с использованием специальных технических устройств.

Стоит также привести пример последней законодательной инициативы комитета Государственной Думы РФ по молодежной политике о привлечении к уголовной ответственности так называемых треш-стримеров. Депутаты предложили внести дополнения в ряд статей УК РФ (об умышленном причинении вреда здоровью, побоях, истязаниях, похищении человека и незаконном лишении свободы), добавив в них новый квалифицирующий признак – совершение преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или сети «Интернет»¹.

Совершение преступления само по себе является актом проявления дивергентного поведения, направленным на отрицание общепризнанных норм и правил, закрепленных уголовным законом. Однако использование доступа к информационно-телекоммуникационным сетям не только облегчает совершение общественно опасного деяния, но и способствует поощрению такого поведения, что создает благоприятные условия для роста киберпреступности.

Треш-стримы проводятся для неопределенного круга лиц в целях извлечения дохода и повышения популярности. Нередко их целевой аудиторией являются несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет. Когда в процессе трансляции совершаются противоправные действия, в том числе запрещенные уголовным законом, они, безусловно, должны влечь более тяжкие правовые последствия для лиц, их совершивших. За такие деяния необходимо наказывать строже, чем за аналогичное деяние, совершенное вне информационного пространства. Обеспечить изложенное позволит признание в действиях виновного в качестве отягчающего наказания обстоятельства совершения преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, которой в данном случае будет являться сеть «Интернет», а также использование специального технического устройства — персонального компьютера.

Указанная законодательная инициатива была поддержана, и в уголовный закон интегрировано новое отягчающее обстоятельство — «совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая

¹ См.: В Думе предложили запретить треш-стримерам доступ к интернету на год // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/04/04/2023/642c487c9a79476f2d9820c3> (дата обращения: 12.06.2024).

сеть «Интернет»)). Аналогичное обстоятельство предусмотрено в качестве квалифицирующего признака в ряде составов преступлений, совершенных против личности, жизни и здоровья¹.

Отмеченная деятельность по интеграции в уголовное законодательство нового отягчающего обстоятельства свидетельствует о назревшей в правовом поле проблеме – стремительном развитии преступности в информационном пространстве и отсутствии законодательного регулирования новых общественных отношений, возникающих в процессе цифровизации всех сфер общественной жизни.

Вместе с тем уже имплементированное в уголовный закон новое отягчающее обстоятельство не является унифицированным, охватывает лишь конкретные составы преступлений и связано только с публичной демонстрацией совершения преступления в цифровом пространстве.

Именно поэтому интеграция в уголовный закон такого отягчающего обстоятельства, как совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, будет в полной мере соответствовать задачам и принципам УК РФ, целям наказания, а также динамике стремительного развития общественных отношений, связанных с использованием цифровых технологий, в том числе путем публичной демонстрации через сеть «Интернет».

Библиографический список

1. Кузнецов А.П. Обстоятельства, отягчающие наказание // Пенитенциарная наука. 2019. № 2. С. 153–161.
2. Горбунова Л.В. Обстоятельства, отягчающие наказание. Их значение и соотношение с квалифицирующими признаками // Марийский юридический вестник. 2015. № 2(13). С. 40–45.
3. Литвяк Л.Г., Пирогова Е.Н. К вопросу о понятии электронных или информационно-телекоммуникационных сетей для целей уголовного закона // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11-2. С. 93–96.

References

1. Kuznetsov A.P. Circumstances Aggravating Punishment // Penitentiary Science. 2019. No. 2. P. 153–161.
2. Gorbunova L.V. Circumstances Aggravating Punishment. Their Significance and Correlation with Qualifying Signs // Mari Legal Bulletin. 2015. No. 2(13). P. 40–45.
3. Litvyak L.G., Pirogova E.N. On the Question of the Concept of Electronic or Information and Telecommunication Networks for the Purposes of Criminal Law // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. 2020. No. 11-2. P. 93–96.

¹ См.: Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 33, ч. 1, ст. 4914.

А.А. Кушхов

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ (НА ПРИМЕРЕ США)

Введение: значительные усилия российских правоохранительных органов по противодействию киберпреступности дают определенные результаты, однако рост числа таких общественно опасных деяний продолжается. Современные преступники постоянно адаптируются к обстановке, имеют устойчивые связи с иностранными соучастниками, изучают действующее законодательство, чтобы минимизировать риск привлечения к ответственности. Для эффективного противостояния им необходимо учитывать позитивный зарубежный опыт в этом вопросе. **Цель** — определить перспективы совершенствования уголовно-правового обеспечения безопасности электронной информации на основе опыта США как страны с богатой историей борьбы с киберпреступностью. **Методологическая основа:** догматический, сравнительно-правовой, диалектический методы, дедукция и индукция, абстрагирование и обобщение. **Результаты:** в целях единообразного толкования охраняемой законом компьютерной информации на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда РФ необходимо конкретизировать, какие именно действия законного владельца электронной информации говорят о том, что им предприняты меры к ее охране. **Выводы:** в США наблюдается достаточно низкий уровень кодификации в сфере информационной безопасности, проецирование такого опыта на российское право не представляется возможным. На уровне охранительного законодательства в США также не выявлено норм, которые следовало бы перенять в отечественный уголовный закон в целях устранения пробела криминализации. Заслуживает одобрения принятый в США подход к делению киберпреступлений на категории, где компьютерное устройство выступает в качестве цели, орудия или средства преступления. Подобное толкование логично распространить и на сферу электронной информации.

Ключевые слова: электронная информация, кибербезопасность, компьютерные преступления, информационная безопасность, цифровизация.

A.A. Kushkhov

FOREIGN EXPERIENCE OF ENSURING SECURITY OF ELECTRONIC INFORMATION BY CRIMINAL LEGAL MEANS (ON THE EXAMPLE OF THE USA)

Background: significant efforts by Russian law enforcement agencies to counter cybercrime have yielded some results, but the number of such socially dangerous acts continues to grow. Modern criminals are constantly adapting to the situation, have stable ties with foreign accomplices, and study the current legislation to minimize the risk of prosecution. To effectively confront them, it is necessary to take into account positive foreign experience in this matter. **Objective** — to determine the prospects for improving the criminal-legal provision of electronic information security based on the experience of the USA as a country with a rich history of combating cybercrime. **Meth-**

© Кушхов Алан Аскерович, 2024
Аспирант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: alan199707@mail.ru

© Kushkhov Alan Askerovich, 2024

Postgraduate at the Department of Criminal and Penal Enforcement Law (Saratov State Law Academy)

odology: dogmatic, comparative legal, dialectical methods, deductions and inductions, abstraction and generalization. **Results:** for the purpose of uniform interpretation of legally protected computer information at the level of explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, it is necessary to specify which actions of the legal owner of electronic information indicate that he has taken measures to protect it. **Conclusions:** United States has a rather low level of codification in the field of information security, it is not possible to project such experience into Russian law. At the level of protective legislation, the United States has also not identified any norms that should be adopted into domestic criminal law in order to close the criminalization gap. The approach adopted in the United States to the division of cybercrime into categories where a computer device acts as the purpose, instrument or means of the crime is commendable. It is logical to extend this interpretation to the sphere of electronic information.

Keywords: electronic information, cybersecurity, computer crimes, information security, digitalization.

Значительные усилия российских правоохранительных органов, направленные на противодействие преступлениям с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, дают определенные результаты: за 2023 г. было раскрыто на 21 % больше киберпреступлений, чем годом ранее. Однако в целом негативная тенденция в рассматриваемой сфере все еще преобладает: наблюдается существенный рост таких общественно опасных деяний — в 2023 г. на территории России совершено 676,9 тыс. преступлений (прирост на 29,7 % за год), каждое второе из них — тяжкое и особо тяжкое¹. К сожалению, тенденция сохраняется и в 2024 г.: за январь–май МВД РФ констатирует прирост данных преступных деяний на 16,5 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года². Материальный ущерб, причиняемый преступлениями, совершаемыми в информационно-телекоммуникационной сфере, сопоставим с вредом от международного терроризма и деятельности организованной преступности [1, с. 54–55]. Велики и иные общественно опасные последствия этих деяний, включая репутационный вред, подрыв авторитета правоохранительных органов, ограниченных в возможностях противостояния компьютерным преступлениям. Современные преступники оперативно адаптируются к обстановке, знакомятся с действующим законодательством, чтобы минимизировать риск быть привлеченным к ответственности. В результате эффективно бороться с «элитой» преступного мира, потеснившей обычных мошенников, считавшихся в преступной иерархии «королями», можно, лишь своевременно учитывая ошибки и перенимая удачные решения других государств.

В силу исторических особенностей США имеют богатый (почти сорокалетний) опыт противодействия киберпреступности. Несмотря на то, что борьба с данным негативным явлением выступает в качестве одного из ключевых аспектов формирования современной государственной политики США в вопросах обеспечения национальной безопасности [2, с. 12; 3], в американском законодательстве отсутствует определение преступлений против электронной информации и в сфере

¹ См.: Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2023 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5095078> (дата обращения: 25.07.2024).

² См.: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–май 2024 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/51988292> (дата обращения: 25.07.2024).

информационных технологий. Согласно сложившейся в праве США позиции под киберпреступностью понимается любая преступная деятельность, в которой задействован компьютер, сетевое устройство или сеть¹. Основные же понятия, необходимые для борьбы с правонарушениями в сфере информационных технологий, закреплены в Законе о конфиденциальности электронных коммуникаций (ЕСРА), принятом еще в 1986 г.² В нем содержатся основные определения в области информационного права (системы электронной связи, электронного хранилища, услуги электронной связи и т.д.).

В 1986 г. американским Конгрессом был принят Закон о компьютерном мошенничестве и злоупотреблениях (CFAA)³ в качестве отдельного закона для борьбы с компьютерными преступлениями. В целом он направлен на обеспечение защиты компьютеров от незаконного проникновения, угрозы, ущерба, шпионажа, коррупционного использования и применения в качестве орудия для мошенничества [4, с. 3–7]. В дальнейшем этот правовой акт многократно претерпевал изменения, хотя все еще вызывает критику американских юристов. В частности, они обращают внимание на проблему неопределенности понятия «защищенная информация». Например, недавно федеральные прокуроры США обвинили журналиста и медиа-консультанта Тимоти Бёрка в федеральных преступлениях, связанных с незаконным сбором конфиденциальной информации. Бёрк пояснил, что получил доступ к трансляциям с помощью общедоступных данных. Его конфиденциальный источник указал на публично опубликованные учетные данные, позволяющие войти в систему, принадлежащую потоковому сервису LiveU. Далее у Бёрка появилась возможность просматривать и загружать «незашифрованные, широкоэвещательные, общедоступные через интернет» прямые трансляции⁴. По сути, Бёрк воспользовался ненадлежащей защитой интернет-сервисом своих данных, не используя никаких прямо запрещенных способов, не прибегая к услугам хакеров. Получается, широкая сфера применения CFAA позволяет использовать его как против злоумышленников, так и против журналистов, собирающих открытую информацию.

В отечественном уголовном праве рассматриваемый вопрос нашел отражение в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”»⁵. В нем поясняется, что в качестве охраняемой законом компьютерной информации для целей ст. 272 УК РФ должна признаваться как информация, для которой законом установлен специальный режим правовой защиты (государственная, коммерческая, служебная, личная, семей-

¹ См.: *Brush K., Rosencrance L., Cobb M.* Definition cybercrime. URL: <https://www.techtarget.com/searchsecurity/definition/cybercrime> (дата обращения: 25.05.2024).

² См.: Electronic Communications Privacy Act of 1986 (ECPA). URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/2510> (дата обращения: 25.05.2024).

³ См.: 18 U.S.C. § 1030. Computer Fraud and Abuse Act of 1986 (CFAA). URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1030> (дата обращения: 21.02.2024).

⁴ См.: *Макарычев М.* Журналиста из США обвинили в заговоре из-за кражи данных об интервью Карлсона // Официальный сайт Российской газеты. 2024. 23 февраля. URL: <https://rg.ru/2024/02/23/zhurnalista-iz-ssha-obvinili-v-zagovore-iz-za-krazhi-dannyh-ob-interviu-karlsona.html> (дата обращения: 24.02.2024).

⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 3.

ная или иная тайна), так и другая информация, если ее обладатель установил средства защиты, направленные на обеспечение ее целостности, доступности. Соответственно, возникает вопрос: какого уровня должны быть средства защиты, чтобы у получающего доступ заинтересованного лица возникло понимание, что он имеет дело с охраняемой информацией в электронной форме? Очевидно, в дальнейшем следует конкретизировать упомянутый пункт постановления Пленума, указав на наглядные примеры таких действий: использование владельцем информации шифрования, паролей, биометрической защиты, физической защиты компьютера, в частности размещение в запираемой комнате или шкафу.

Другие законы США, применимые к киберпреступлениям, включают упомянутый выше Закон ЕСРА, который обеспечивает защиту сообщений при хранении и передаче¹. В соответствии с разд. II ЕСРА, разд. 18 Кодекса Соединенных Штатов Америки (United States Code — далее U.S.C.) § 2702 уголовным нарушением является умышленный доступ без разрешения (или превышение разрешенного уровня доступа) к объекту, предоставляющему услуги электронной связи. ЕСРА также запрещает преднамеренный перехват электронных сообщений при передаче в соответствии с Законом о прослушивании телефонных разговоров (разд. I ЕСРА), разд. 18 U.S.C. § 2511, с некоторыми исключениями для правоохранительных органов, поставщиков услуг и других лиц (работодателей). Закон об экономическом шпионаже 1996 г.² и Закон о защите коммерческой тайны 2016 г.³ являются дополнительными источниками потенциальных санкций за кражу коммерческой тайны и другой ценной интеллектуальной собственности.

Федеральным уголовным законодательством США запрещены под угрозой уголовного наказания наиболее опасные формы посягательств на информационную безопасность⁴. К таковым относятся следующие деяния.

Взлом (несанкционированный доступ). Закон CFAA является основным законодательным механизмом для судебного преследования за киберпреступления, включая хакерство, а также охватывает некоторые связанные с вымогательством преступления (при использовании программ-вымогателей). Большинство таких деяний в России подпадает под действие гл. 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» УК РФ. Однако есть и специальная норма, например, предусмотренная для случаев незаконного оборота паролей (наказание установлено в виде тюремного заключения сроком до одного года). В Российской Федерации такие действия будут рассматриваться как приготовление к преступлению, что влечет уголовную ответственность только в случае приготовления к тяжкому и особо тяжкому преступлению.

Атаки типа «отказ в обслуживании» (в частности, DOS-атака) трактуются как умышленное нанесение ущерба путем передачи информации и могут нарушать Закон CFAA, а также разд. 18 U.S.C. § 1030 (a) (5) (A).

¹ См.: Electronic Communications Privacy Act of 1986 (ЕСРА), 18 U.S.C. § 2510–2523. URL: <https://bja.ojp.gov/program/it/privacy-civil-liberties/authorities/statutes/1285> (дата обращения: 21.05.2024).

² См.: 18 U.S.C. § 1831–1839. Economic Espionage Act of 1996. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-104publ294/pdf/PLAW-104publ294.pdf> (дата обращения: 21.05.2024).

³ См.: 18 U.S.C. § 1836–1139. Defend Trade Secrets Act of 2016. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-114publ153/html/PLAW-114publ153.htm> (дата обращения: 21.05.2024).

⁴ См.: *McNicholas E., Angle K. Cybersecurity Laws and Regulations*. 2023. URL: <https://iclg.com/practice-areas/cybersecurity-laws-and-regulations/usa> (дата обращения: 25.05.2024).

Фишинг наказывается по разд. 18 U.S.C. § 1030 (a) (5) (A) или представляет собой мошенничество с использованием электронных средств (разд. 18 U.S.C. § 2702).

Заражение ИТ-систем вредоносными программами (включая программы-вымогатели, шпионские программы, черви, трояны и вирусы) рассматривается как умышленное нанесение ущерба путем передачи информации (разд. 18 U.S.C. § 1030 (a) (5) (A)). Распространение, продажа или предложение для продажи оборудования, программного обеспечения или других инструментов с целью использования их для совершения киберпреступлений — разд. 18 U.S.C. § 1030 (a) (5) (A) или соответствующих законов о компьютерных преступлениях. В России аналогичная норма имеется в ст. 273 УК РФ, но касается только программного обеспечения. Владение в преступных целях иным высокотехнологичным оборудованием и инструментами может говорить о наличии приготовления к преступлению.

Кража личных данных или мошенничество с личными данными (например, в связи с устройствами доступа). Такие деяния наказываются в соответствии с федеральным законом о краже личных данных (разд. 18 U.S.C. § 1028), а также многочисленными законами штата.

Электронная кража (например, нарушение конфиденциальности действующим или бывшим сотрудником, или уголовно наказуемое нарушение авторских прав) может влечь ответственность в силу ряда законов — CFAA; об экономическом шпионаже (разд. 18 U.S.C. § 1030 (a) (2) либо § 1831–1839).

Несанкционированное тестирование на проникновение (эксплуатация ИТ-системы без разрешения ее владельца для определения ее уязвимостей и слабых мест) может нарушить Закон CFAA, если в результате тестировщик получает данные или наносит ущерб.

Компьютерное мошенничество предусмотрено разд. 18 U.S.C. § 1030(c)(4). Другие федеральные законы могут применяться для различных видов мошенничества, например за мошенничество с использованием электронных средств (разд. 18 U.S.C. § 1343), за кражу коммерческой тайны (§ 1832), за нарушение авторских прав (§ 2319) и за мошенничество с использованием кредитных карт (§ 1029).

Существуют три варианта причинения ущерба компьютеру: умышленное причинение путем сознательной передачи данных на защищенный компьютер, неосторожное причинение либо небрежное причинение путем преднамеренного доступа к защищенному компьютеру (разд. 18 U.S.C. 1030(a)(5)).

Вымогательство (разд. 18 U.S.C. 1030(c)). Параллельно с федеральным законодателем регионы в США ведут масштабную нормотворческую работу по противодействию киберпреступности. В штате Вирджиния принят закон, согласно которому расширяется перечень компьютерных преступлений и предусматривается ответственность для любого лица, которое без намерения получить какую-либо выгоду злонамеренно отправляет электронное сообщение, содержащее ложное представление, рассчитанное на то, чтобы заставить другого человека тратить деньги. В России потребности в изменении закона в данной части нет, так как существует ст. 165 УК РФ — причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, хотя она и редко применяется на практике.

В Нью-Йорке запрещается сознательное использование компьютера с намерением получить доступ к электронной информации (компьютерное вторжение):

§ 156.10 Уголовного кодекса штата Нью-Йорк¹. Говоря уголовно-правовым языком, состав компьютерного вторжения (взлома) сконструирован по типу усеченного, момент его окончания перенесен на более раннюю стадию: само использование компьютера с преступными намерениями, независимо от успешности влечет оценку содеянного как оконченного преступления.

В мае 2022 г. Министерство юстиции США фактически осуществило частичную декриминализацию компьютерных преступлений, объявив о пересмотре своей политики относительно нарушений Закона о компьютерном мошенничестве и злоупотреблениях². Было принято решение, что добросовестное исследование безопасности не должно влечь наказание. Добросовестное исследование безопасности означает доступ к компьютеру исключительно в целях тестирования, исследования или исправления недостатка, уязвимости в системе безопасности. Подобная деятельность должна осуществляться так, чтобы избежать любого вреда отдельным лицам или обществу в целом, а полученная информация использоваться в первую очередь для обеспечения безопасности соответствующего класса устройств, машин или онлайн-сервисов, а также их владельцев, пользователей. Одновременно в новой политике признается, что заявления о проведении исследований в области безопасности не является «индальгенцией» для тех лиц, кто действует недобросовестно (например, обнаружение уязвимостей в устройствах с целью дальнейшего вымогательства имущества у владельцев). Как видно, обозначенная проблема с разграничением преступного и не преступного поведения в США обусловлена формальным определением категории преступления, в отличие от формально-материального отечественного определения, учитывающего не только противоправность, но и общественную опасность деяния.

Таким образом, Штаты имеют почти сорокалетнюю историю законодательства, но одновременно достаточно низкий уровень кодификации в области информационной безопасности, которую регламентирует огромное количество как федеральных, так и местных правовых актов. Проецирование такого опыта на российское право не представляется возможным.

В качестве положительного опыта систематизации борьбы с киберпреступлениями следует отметить подход Министерства юстиции США к делению таких на три категории: преступления, где компьютерное устройство выступает целью (например, для получения доступа к сети) либо орудием преступления (например, для запуска атаки типа «отказ в обслуживании» — DoS) или средством (неодушевленным «соучастником») преступления (например, использование компьютера для хранения незаконно полученных данных). Подобный подход к триединой сути компьютерных преступлений логично распространить и на сферу электронной информации.

На уровне охранительного законодательства в США не выявлено норм, которые следовало бы перенять в отечественный уголовный закон в целях устранения пробела в криминализации. Однако, как и в США, в России нет точного определения охраняемой законом компьютерной информации. Данное в постановлении Пленума Верховного Суда РФ разъяснение, безусловно, поможет юридической

¹ См.: Penal Law of New York. URL: <https://ypdcrime.com/penal.law/> (дата обращения: 21.02.2024).

² См.: Department of Justice Announces New Policy for Charging Cases under the Computer Fraud and Abuse Act. URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/department-justice-announces-new-policy-charging-cases-under-computer-fraud-and-abuse-act> (дата обращения: 25.02.2024).

практике, однако не дает точной градации, ясного ориентира, какие действия законного владельца электронной информации говорят о том, что им приняты меры к ее охране. Для этой цели требуется конкретизировать разъяснения, указав на примеры мер, применяемых законным владельцем информации. Соответственно, п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”» рекомендуется дополнить предложением: «В частности, об этом может свидетельствовать использование шифрования, паролей, биометрической защиты, физическая защита компьютера — размещение в запираемой комнате или шкафу».

Библиографический список

1. *Пейзак А. В.* Противодействие киберпреступности в США // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2022. № 4(12). С. 54–59.
2. *Ахмедов Р. М.* Регламентация виртуального пространства и противодействие киберпреступности в США // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 12–15.
3. *Акуит В. С., Левкин В. А.* Борьба с киберпреступностью в России и США // Лоббирование в законодательстве. 2024. Т. 3, № 2. С. 23–27.
4. *Almuqrin, Abdullah & Kustron, Konnie.* Fighting Cybercrime: a Comparison of the Cybercrime Laws in Saudi Arabia and the United States // International Journal of Computer Science Engineering and Information Technology Research (IJCEITR). 2015. № 5. P. 1–8.

References

1. *Peyzak A. V.* Countering Cybercrime in the USA // Society, Law, Statehood: a Retrospective and Perspective. 2022. No. 4(12). P. 54–59.
2. *Akhmedov R. M.* Regulation of Virtual Space and Countering Cybercrime in the USA // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2. P. 12–15.
3. *Aquit V. S., Levkin V. A.* Combating Cybercrime in Russia and the USA // Lobbying in Legislation. 2024. Vol. 3, no. 2. P. 23–27.
4. *Almuqrin, Abdullah & Kustron, Konnie.* Fighting Cybercrime: a Comparison of the Cybercrime Laws in Saudi Arabia and the United States // International Journal of Computer Science Engineering and Information Technology Research (IJCEITR). 2015. No. 5. P. 1–8.

П.В. Павлов

ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНАЯ И ИНАЯ ВРЕДНОСНАЯ ФАЛЬСИФИКАЦИЯ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ

Введение: в работе анализируются проблемы межотраслевого взаимодействия уголовного и административно-деликтного права по вопросам юридической оценки общественно опасных и иных вредоносных форм фальсификации в сфере охраны интересов личности. **Цель** — разработать модели преодоления общественно опасных и иных проявлений фальсификации. **Методологическая основа:** диалектический метод как универсальный инструмент познания в сочетании с методом формально-юридического анализа. **Результаты:** отдельные административные деликты, отражающие проявления фальсификации в сфере охраны интересов личности, по форме и содержанию достигают уровня смешения с соответствующими составами преступлений. Упомянутая проблема в первую очередь затронула явления клеветы и нарушения избирательных прав, прав на участие в референдуме и общероссийском голосовании. **Выводы:** целесообразна оптимизация механизма правовой охраны личности на нормотворческом и правоприменительном уровнях, способствующих устранению противоречий между смежными нормами уголовного и административного права (ст. 1281 УК РФ и ст. 5.61.1 КоАП РФ; ст. 142 УК РФ и ст. 5.46 КоАП РФ).

Ключевые слова: права личности, фальсификация, клевета, подделка подписей, общественная опасность, вредоносность.

P.V. Pavlov

SOCIALLY DANGEROUS AND OTHER HARMFUL FALSIFICATION IN THE SPHERE OF PROTECTING PERSONAL INTERESTS

Background: the work analyzes the problems of interbranch interaction of criminal and administrative-tort law on issues of legal assessment of socially dangerous and other harmful forms of falsification in the sphere of protection of personal interests. **Objective** — to develop models for overcoming socially dangerous and other manifestations of falsification. **Methodology:** dialectical method as a universal tool of cognition in combination with the method of formal-legal analysis. **Results:** some administrative torts reflecting manifestations of falsification in the sphere of protection of personal interests, in form and content reach the level of mixing with the corresponding corpus delicti of crimes. First of all, the mentioned problem affected the phenomena of defamation and violation of electoral rights, rights to participate in referendum and nationwide voting. **Conclusions:** it is advisable to optimize the mechanism of legal protection of the individual at the normative and law enforcement levels, contributing to the elimination of contradictions between related norms of criminal and administrative law (article 1281 of the Criminal Code of the RF and article 5.61.1 of the CAO RF; article 142 of the Criminal Code of the RF and article 5.46 of the CAO RF).

Keywords: personal rights, falsification, libel, forgery of signatures, public danger, harmfulness.

© Павлов Павел Витальевич, 2024

Соискатель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: skr.pavlov@gmail.com

© Pavlov Pavel Vitalievich, 2024

Applicant at the Department of Criminal and Penal Enforcement Law (Saratov State Law Academy)

Набирающая обороты тенденция сближения отраслей уголовного и административно-деликтного права актуализирует вопросы разграничения признаков отдельных преступлений и административных проступков. Количество смежных деяний, получающих оценку в нормах охранительных отраслей права, постоянно увеличивается, между тем законодатель явно увлекся заимствованием уголовно-правовых идей для нужд законодательства об административных правонарушениях. Некоторые административные деликты по форме и содержанию достигают уровня смешения с соответствующими составами преступлений [1, с. 161]. Обозначенная проблема не обошла стороной комплекс норм, ориентированных на удержание правоисполнителей от общественно опасных и иных вредоносных проявлений фальсификации. В связи с этим существует объективная необходимость разграничения соответствующих составов преступлений и административных правонарушений.

Говоря об общественно опасных проявлениях искажения истины, направленных против интересов личности, остановимся на ключевой проблеме юридической оценки клеветы. Небезызвестно, что в декабре 2020 г. КоАП РФ был дополнен нормой о клевете (ст. 5.61.1), диспозиция которой полностью дублирует признаки состава преступления, закрепленного в ч. 1 ст. 1281 УК РФ. Отличие между уголовно-правовым и административно-деликтным запретами можно обнаружить только в характеристике признаков правоисполнителей, обязанных воздерживаться от распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. Законодатель при этом избрал весьма специфический способ описания субъекта клеветы как элемента административного проступка. Вывод о нем следует не из диспозиции, а из санкции нормы, закрепленной в ст. 5.61.1 КоАП РФ. Наказанию за клевету по законодательству об административных правонарушениях может быть подвергнуто исключительно юридическое лицо.

Из смысла закона вытекает, что распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, представляет общественную опасность только при условии, если оно допущено физическим лицом. Абсолютно аналогичное деяние, совершенное от имени юридического лица, образует состав административного правонарушения.

Учитывая, что уголовное право признает в качестве носителя общественной опасности конкретного человека, на первый взгляд полученные выводы являются вполне закономерными. Однако под ними завуалирован серьезный пробел в правовой оценке анализируемого деяния. Получается, что распространение клеветнических измышлений лицом, находящимся в статусе официального представителя какой-либо организации, ни при каких обстоятельствах не способно достичь уровня общественной опасности. Абсурдность сформулированного заключения очевидна. Использование субъектом деликта своего профессионального статуса должно не нивелировать, а увеличивать общественную опасность посягательства на охраняемый объект. Сказанное подтверждается тем, что клевета, совершенная с использованием своего служебного положения, образует квалифицированный состав преступления, предусмотренный ч. 3 ст. 1281 УК РФ.

К сожалению, пояснительная записка к проекту федерального закона № 954048-7 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части совершенствования законодательства

в сфере защиты чести и достоинства граждан» не содержит комментария по рассматриваемому вопросу¹. Сложно судить о том, что по задумке законодателя должно служить основанием отграничения вредоносной клеветы от ее общественно опасного аналога.

Небогата по административно-деликтной оценке анализируемого деяния и правоприменительная практика. При этом она свидетельствует о том, что суды склонны признавать правоту органов прокуратуры, преимущественно приходящих к выводу о невозможности установления в поведении представителей соответствующих юридических лиц признаков клеветы. Например, предметом рассмотрения с позиции ст. 5.61.1 КоАП РФ становилось следующее суждение главы Кузнечихинского сельского поселения Ярославского муниципального района, высказанное им в отзыве на иск: «Массовое содержание С. собак в пределах принадлежащего ей земельного участка нарушает права и законные интересы других жителей деревни. Имеются факты нарушения тишины и покоя граждан, в том числе в ночное время. Распространяется специфический запах, особенно в весеннее и осеннее время года». В ответ на это С. обратилась в прокуратуру Ярославского района Ярославской области с требованием провести проверку на наличие в приведенных высказываниях признаков состава административного деликта, предусмотренного ст. 5.61.1 КоАП РФ. Однако заместитель прокурора вынес мотивированное определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении. Суд оставил его без изменения, специально подчеркнув, что позиция администрации сельского поселения по гражданскому делу не может являться распространением сведений, порочащих честь и достоинство гражданина².

В судебной практике имеется близкий по смыслу прецедент: Б. обнаружил распространение среди жителей многоквартирного дома Орджоникидзевского района г. Перми, в котором он проживал, информационного сообщения за подписью председателя ТСЖ, якобы содержащего заведомо ложные, клеветнические сведения, порочащие его честь и достоинство. Данное обстоятельство послужило основанием для обращения Б. в прокуратуру Орджоникидзевского района г. Перми с заявлением о привлечении юридического лица (ТСЖ) к административной ответственности по ст. 5.61.1 КоАП РФ. Вместе с тем надзорный орган подчеркнул, что указанное сообщение подписано председателем ТСЖ и из его содержания не усматривается, что оно обращено от имени товарищества собственников жилья³.

Надо полагать, что подобные исходы рассмотрения дел о наличии в действиях юридических лиц признаков клеветы будут превалировать в правоприменительной практике. Трудно представить, каким образом и с какой целью именно организация, а не ее конкретный уполномоченный представитель, может посягнуть на честь, достоинство или деловую репутацию человека.

Напрашивается предположение, что при установлении административно-деликтного запрета на клевету законодатель исходил из возможности совершения

¹ Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 26.07.2024).

² См.: Решение Кировского районного суда г. Ярославля Ярославской области от 12 августа 2021 г. по делу № 12-657/2021 // СПС «Гарант» (дата обращения: 26.01.2023).

³ См.: Решение Орджоникидзевского районного суда г. Перми Пермского края от 8 июля 2021 г. по делу № 12-166/2021 // СПС «Гарант» (дата обращения: 26.01.2023).

данного деяния не только на основании частной мотивации руководителя юридического лица, но и в результате некоего решения членов его коллегиального органа. Между тем смоделировать подобную правовую ситуацию, подпадающую под действие ст. 5.61.1 КоАП РФ, сложно даже на гипотетическом уровне. Если от имени компании члены ее правления, наблюдательного или иного совета умышленно придают огласке информацию клеветнического толка в отношении другого человека, то содеянное достигает уровня общественной опасности. Описанное деяние логично оценить в качестве распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, с использованием своего служебного положения. В приведенном казусе немаловажно констатировать наличие такого отягчающего обстоятельства, как совершение преступления группой лиц по предварительному сговору.

Главную причину конфликта дефинитивного содержания ст. 1281 УК РФ и ст. 5.61.1 КоАП РФ выявить нетрудно. Объективная сторона составов клеветы по уголовному и административно-деликтному праву полностью унифицированная. Отсюда закономерен вывод о том, что отражающее ее признаки деяние причиняет вред чести, достоинству и деловой репутации человека в объеме, определяющем его существенность. На характер причиняемого вреда интересам отдельной личности не может принципиально влиять то обстоятельство, осуществляет ли клевету физическое лицо или уполномоченный представитель юридического лица.

Исходя из направления проводимого исследования будет научно некорректным формулировать какие-либо конкретные рекомендации по оптимизации законодательства об административных правонарушениях, вытекающие из существа выявленного противоречия. Вопрос о целесообразности установления административной ответственности юридических лиц за клевету рекомендуется обсудить специалистам в области административно-деликтного права.

Следующая проблематика, заслуживающая внимания в анализируемом ключе, касается разграничения общественно опасной и иной вредоносной фальсификации в сфере реализации человеком избирательных прав, права на участие в референдуме и общероссийском голосовании. Ее суть обозначена самим законодателем в содержании ст. 5.46 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за подделку подписей избирателей и участников референдума при условии, «если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния».

В специальной литературе авторы указывают на два противоречивых момента, касающихся разграничения преступной и некриминальной подделки подписей избирателей и участников референдума. Первый из них обнаружен М.А. Дамм, по мнению которой, «чтобы привлечь лицо по ст. 5.46 КоАП РФ, мы должны исключить в его действиях наличие признаков преступления, предусмотренного не только ч. 2 ст. 142 УК РФ, но и ч. 1 той же статьи УК. Вот здесь-то и кроется основная проблема. Если считать, что под уполномоченным лицом в ст. 5.46 КоАП РФ законодатель имеет в виду любое лицо, уполномоченное заверять подписи (подписные листы) избирателей, а таковыми, как указано выше, является лицо, осуществляющее сбор подписей, уполномоченный представитель кандидата, избирательного объединения, инициативной группы проведения референдума, либо кандидат или его доверенное лицо, то, за исключением первого и последнего, — эти лица являются субъектами преступления, предусмотренного ч. 1

ст. 142 УК РФ. Следовательно, их действия при заверении ими заведомо ложных подписей (подписных листов) всегда будут содержать признаки уголовно наказуемого деяния по ч. 1 ст. 142 УК РФ, поскольку заверение заведомо ложных подписей (подписных листов) — это тоже фальсификация избирательных документов. И такие действия должны будут квалифицироваться по ч. 1 ст. 142 УК РФ, а не по ст. 5.46 КоАП РФ, как этого следовало бы ожидать исходя из логики законодателя» [2, с. 33].

Выявленная проблема вне всяких сомнений представляет интерес для юридической науки и правоприменительной практики. Вместе с тем сложно согласиться с М.А. Дамм в том, что решение проблемы сосредоточено на понимании признаков субъекта подделки подписей избирателей и участников референдума. Подобное заключение было бы закономерным только в том случае, если бы состав преступления, описанный ч. 2 ст. 142 УК РФ, являлся квалифицированным видом состава преступления, обозначенного в ч. 1 той же статьи. На самом деле ситуация складывается иначе. Как обосновывалось ранее, ч. 1, 2 и 3 ст. 142 УК РФ отражают составы преступлений, связанные с фальсификацией избирательных документов, документов референдума, документов общероссийского голосования, но являющиеся юридически самостоятельными. Поэтому какие-либо основания для постановки вопроса о необходимости разграничения преступления и административного правонарушения, предусмотренных соответственно ч. 1 ст. 142 УК РФ и ст. 5.46 КоАП РФ, отсутствуют. В формулировке «если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния», использованной законодателем в ст. 5.46 КоАП РФ, явно имеется в виду преступление, описанное ч. 2 ст. 142 УК РФ. Сделанный вывод подтверждает многолетняя практика применения указанных норм уголовного и административно-деликтного права.

Второе противоречие на уровне межотраслевого взаимодействия уголовного закона и законодательства об административных правонарушениях по вопросам оценки фальсификаций в изучаемой области рассматривается Е.М. Якимовой, А.А. Сошиным и С.Н. Слободчиковой. Оно касается использования в качестве основания разграничения преступного деяния и административного деликта, предусмотренных ч. 2 ст. 142 УК РФ и ст. 5.46 КоАП РФ, такой оценочной категории, как «существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства». С точки зрения законодателя при возникновении обозначенного последствия подделка подписей избирателей или участников референдума достигает уровня общественной опасности. Его отсутствие свидетельствует о наличии в содеянном признаков административного правонарушения. Указанные авторы по этому поводу отмечают: «Оценочность критерия в вышеуказанных ситуациях оправданна, однако возникает вопрос о том, насколько такие формулировки позволяют четко разграничить смежные составы преступлений и административных правонарушений» [3, с. 22].

Один из удачных вариантов решения поднятой проблемы предложила Н.Ю. Турищева. По ее мнению, признак «существенность» применительно к диспозиции состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 142 УК РФ, «определяется в зависимости от результатов процедуры регистрации кандидата (списка кандидатов) на основании представленных подписей. Так, если кандидат (список кандидатов) получит отказ в регистрации вследствие значительного числа недостоверных

подписей, содержащихся в его подписных листах, это повлечет существенное нарушение прав и законных интересов данного кандидата, политической партии. Если же отказ в регистрации по указанным основаниям получат несколько кандидатов (списков), что приведет к невозможности дальнейшего продолжения избирательной кампании, такую ситуацию следует расценивать как существенное нарушение охраняемых законом интересов общества или государства» [4, с. 109]. Следуя такой логике, в ситуации, когда подделка подписей избирателей или участников референдума не приводит к отказу в регистрации кандидата или политической партии, содеянное образует состав административного правонарушения.

Из всей совокупности выводов, полученных по итогам исследования проблем разграничения общественно опасной и иной вредоносной фальсификации в сфере охраны интересов личности, автор считает нужным заострить внимание научной общественности на следующих из них.

1. Представляется нецелесообразным установить административную ответственность за клевету для юридических лиц (ст. 5.61.1 КоАП РФ). Умышленное распространение руководителем организации или членами ее коллегиального органа заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство человека или подрывающих его репутацию, достигает уровня общественной опасности. Описанное деяние содержит признаки состава клеветы с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 1281 УК РФ), а в некоторых случаях такжеотягчающее обстоятельство — совершение преступления группой лиц по предварительному сговору.

2. Признак «существенность» применительно к диспозиции состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 142 УК РФ, рекомендуется определять в зависимости от результатов процедуры регистрации кандидата (списка кандидатов) на основании представленных подписей. В случае, когда подделка подписей избирателей или участников референдума приводит к отказу в регистрации кандидата или политической партии, содеянное образует состав преступления. В противоположной ситуации деяние не достигает уровня общественной опасности и оценивается на основании законодательства об административных правонарушениях (ст. 5.46 КоАП РФ).

Сформулированные выводы создают основу для дальнейшего поиска и анализа проблем межотраслевого взаимодействия уголовного и административно-деликтного права по вопросам оценки фальсификации.

Библиографический список

1. Блинов А. Г. Модель взаимодействия регулятивных и охранительных отраслей законодательства, обеспечивающих реализацию права человека на здоровье // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 1(156). С. 157–164.
2. Дамм М. А. К вопросу о субъекте фальсификации избирательных документов, документов референдума // Всероссийский криминологический журнал. 2009. № 1. С. 30–34.
3. Якимова Е. М., Сошин А. А., Слободчикова С. Н. Некоторые проблемы разграничения преступлений и административных правонарушений, посягающих на избирательные права граждан // Избирательное право. 2019. № 1. С. 18–22.
4. Турищева Н. Ю. Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. М.: Юрид. центр Пресс, 2010. 451 с.

References

1. *Blinov A.G.* Model of Interaction Between Regulatory and Protective Branches of Legislation, Ensuring the Realization of the Human Right to Health // Bulletin of the Saratov State Legal Academy. 2024. No. 1(156). P. 157–164.
2. *Damm M.A.* On the Subject of Falsification of Electoral Documents, Referendum Documents // All-Russian Criminological Journal. 2009. No. 1. P. 30–34.
3. *Yakimova E.M., Soshin A.A., Slobodchikova S.N.* Some Problems of Delimitation of Crimes and Administrative Offenses That Affect the Electoral Rights of Citizens // Electoral Law. 2019. No. 1. P. 18–22.
4. *Turishcheva N.Yu.* Crimes Against Electoral Rights and the Right to Participate in the Referendum. M.: Legal Center Press, 2010. 451 p.

Э.Р. Сулюкманов

ПРОБЕЛЫ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Введение: статья посвящена проблеме восполнения пробелов в регулировании транспортной безопасности. События в аэропорту г. Махачкалы в 2023 г. повлекли возбуждение уголовного дела по статье о массовых беспорядках. Учитывая мотивы действий правонарушителей, характер вреда, данные деяния следует квалифицировать и как нарушение транспортной безопасности. **Цель** — выявить пробелы в уголовно-правовом регулировании транспортной безопасности и обосновать необходимость приведения его в соответствие с законодательством о транспортной безопасности. **Методологическая основа:** анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. **Результат:** сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и по восполнению пробелов в правовом регулировании. **Выводы:** имеются основания квалифицировать действия в аэропорту и как массовые беспорядки, и как деяния, посягающие на нарушение транспортной безопасности, что имеет признаки терроризма. Содержащиеся в УК РФ составы о теракте и диверсии подлежат изменению в части уточнения и усиления уголовной ответственности за деяния, направленные на посягательство на транспортную безопасность.

Ключевые слова: массовые беспорядки, террористический акт, противоправные деяния, транспортная безопасность, аэропорт.

E.R. Sulyukmanov

GAPS IN THE CRIMINAL AND LEGAL REGULATION OF TRANSPORT SECURITY

Background: the article is devoted to the problem of filling gaps in the regulation of transport security. The events at the airport in Makhachkala in 2023 led to the initiation of a criminal case under the article on mass riots. Taking into account the motives of the offenders' actions and the nature of the harm, these acts should also be qualified as a violation of transport security. **Objective** — identify gaps in the criminal-legal regulation of transport security and justify the need to bring it in line with the legislation on transport security. **Methodology:** analysis and synthesis, induction and deduction, comparative legal and formal legal methods. **Results:** proposals for improving the legislation and filling gaps in legal regulation were formulated. **Conclusions:** there are grounds to qualify the actions at the airport both as mass riots and as acts encroaching on the violation of transport security, which has signs of terrorism. The elements of terrorism and sabotage contained in the Criminal Code of the Russian Federation should be amended in terms of clarification and strengthening of criminal responsibility for acts aimed at encroachment on transportation security.

Keywords: mass riots, terrorist act, illegal acts, transport security, airport.

© Сулюкманов Эмиль Рамилевич, 2024
Аспирант кафедры публичной политики и истории государства и права Юридического института (Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы); e-mail: 1142220410@rudn.ru
© Sulyukmanov Emil Ramilevich, 2024
Postgraduate at the Department of Public Policy and History of State and Law of the Law Institute (P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia)

Транспортная безопасность имеет большую социальную значимость, учитывая, что миллионы людей ежедневно летают самолетами, ездят поездами, спускаются в метро, то есть так или иначе нуждаются в передвижении транспортом. Нарушение транспортной безопасности, недостатки ее обеспечения могут обернуться очень серьезными последствиями, о чем свидетельствуют известные теракты на транспорте, имевшие место как в России, так и в других странах.

Трудно переоценить значение аэропортов в жизнедеятельности современного общества, а также катастрофичность последствий терактов и диверсий, производимых на данных объектах транспортной инфраструктуры. Так, 24 января 2011 г. в подмосковном аэропорту Домодедово произошел теракт, в результате которого погибло 37 человек. Именно тогда возникли вопросы к системе безопасности аэропорта, которая дала серьезный сбой. Спустя четыре года после взрыва было возбуждено уголовное дело по ст. 238 УК РФ¹ в отношении сразу нескольких должностных лиц, руководивших аэропортом в январе 2011 г.² Статья 238 УК РФ содержит санкции за производство, хранение, перевозку либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

Теперь, когда законодательство о транспортной безопасности является детально разработанным, стало очевидным, что в 2011 г. в аэропорту Домодедово серьезный сбой случился именно с системой транспортной безопасности. И в УК РФ не хватало составов, которые следовало применять именно при нарушении транспортной безопасности аэропорта как особого вида безопасности. Статья 263.1 Кодекса (нарушение требований в области транспортной безопасности) была включена в его состав в феврале 2014 г., то есть спустя три года после описываемых событий.

Однако новые события по-прежнему дают поводы задуматься об огромной значимости транспортной безопасности и существующих законодательных пробелах. Так, вечером 29 октября 2023 г. несколько тысяч человек собрались у аэропорта Махачкалы. Они выступили против прибытия самолета из Израиля. Затем часть участников акции с антисемитскими лозунгами прорвалась в аэропорт. Некоторые участники вышли на взлетную полосу³. По сообщениям РБК, ущерб в аэропорту после произошедших там беспорядков предварительно оценивается в 285 млн руб.⁴ Министерство здравоохранения Дагестана сообщило о десяти пострадавших в ходе беспорядков, двое из которых были в тяжелом состоянии. Среди раненых также есть полицейские⁵. Позднее эти цифры уточнялись в сторону увеличения. Аэропорт возобновил прием и отправку воздушных судов только с 14:00 по московскому времени 30 октября 2023 г.⁶

В действиях участников беспорядков очевидны противоправные деяния: причинен вред здоровью граждан, имущественному комплексу аэропорта нанесен серьезный ущерб. Данные деяния Следственный комитет России квалифицировал

¹ См.: Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 6 апреля 2024 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954; 2024. № 15, ст. 1972.

² См.: URL: <https://lenta.ru/articles/2021/01/24/domodedovo> (дата обращения: 09.05.2024).

³ См.: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6310495> (дата обращения: 16.03.2024).

⁴ См.: URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/10/2023/65411d7a9a79472f477fea69> (дата обращения: 16.03.2024).

⁵ См.: URL: <https://rg.ru/2023/10/30/reg-skfo/minzdrav-policejskie-i-grazhdanskie-postradali-pri-besporiadkah-v-mahachkale> (дата обращения: 16.03.2024).

⁶ См.: URL: <https://ria.ru/20231030/makhachkala-1906165928.html> (дата обращения: 09.05.2024).

по ч. 1, 2 ст. 212 УК РФ, то есть организация массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти, а равно подготовка лица для организации таких массовых беспорядков или участия в них и участие в массовых беспорядках¹.

Между тем дагестанскими судами было рассмотрено 242 дела об административных правонарушениях по ст. 19.3 (неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции), 20.1 (мелкое хулиганство) и 20.2 (нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования) КоАП РФ.

Но учитывает ли приведенная квалификация этих преступлений и правонарушений всю социальную опасность произошедшего? Не остался ли ряд деяний за пределами этой квалификации? На наш взгляд, квалифицируя действия участников погромов как организацию массовых беспорядков, правоохранительные органы не учли фактора нарушения транспортной безопасности.

Как известно, акционерному обществу «Международный аэропорт “Махачкала”» как юридическому лицу был причинен имущественный ущерб, что можно квалифицировать как разрушение транспортных коммуникаций. В дополнение к созданию ситуации, устрашающей население и создающей опасность гибели людей, изложенное вполне соответствует признакам теракта. Следует принять во внимание, что аэропорт является объектом транспортной инфраструктуры с зоной транспортной безопасности с соответствующим режимом. Таким образом, массовые беспорядки, произошедшие на объекте транспортной инфраструктуры, напрямую касаются проблемы обеспечения транспортной безопасности. В данном случае возникает вопрос применения превентивных мер.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» (в ред. от 24 июля 2023 г.)², транспортная безопасность — это состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства, под которыми понимается противоправное действие (бездействие), в том числе террористический акт, угрожающее безопасной деятельности транспортного комплекса, повлекшее за собой причинение вреда жизни и здоровью людей, материальный ущерб либо создавшее угрозу наступления таких последствий.

Исходя из изложенного, можно констатировать, что при квалификации противоправных деяний, совершенных в аэропорту г. Махачкалы, правоохранительные органы ограничиваются составами, предусмотренными УК РФ. При этом соответствующие нормы названного ранее федерального закона остаются за пределами их внимания и не учитываются при квалификации деяний в аэропорту.

По нашему мнению, изложенная проблема недооценки значимости законодательства о транспортной безопасности имеет принципиальное значение ввиду того, что деяния, совершенные в махачкалинском аэропорту, при учете норм о транспортной безопасности, должны быть квалифицированы полнее, не ограничиваясь только квалификацией о массовых беспорядках, но с учетом

¹ См.: URL: <https://sledcom.ru/news/item/1835050> (дата обращения: 16.03.2024).

² См.: СЗ РФ. 2007. № 7, ст. 837; 2023. № 31, ч. 3, ст. 5813.

заведомо террористического характера действий, направленных на подрыв или ослабление транспортной безопасности.

Мы подошли к допущению, что в деяниях погромщиков в махачкалинском аэропорту могли быть признаки терроризма. Л.Ю. Таова отмечает, что «сегодня терроризм на транспорте демонстрирует тенденцию к интенсификации именно благодаря стремительному развитию транспортной составляющей, обеспечивающей стабильную связь между различными регионами планеты и являющейся одной из самых важных составляющих процесса глобализации» [1, с. 157]. Далее автор делает вывод о том, что терроризм на транспорте — это специально организованный вид насилия, направленный на реализацию экстремистской идеологии, вызванной чрезвычайно агрессивными мероприятиями организованных субъектов, осуществляемой с транспортных средств или в транспортных средствах [1, с. 157].

В контексте норм Федерального закона «О транспортной безопасности», а также в контексте событий в махачкалинском аэропорту, считаем, что Л.Ю. Таова сузила сферу проведения агрессивных мероприятий организованными субъектами. С нашей точки зрения, эта сфера не ограничивается транспортными средствами, а касается в целом зоны транспортной безопасности, понятие которой шире понятия «транспортное средство». Например, С.Н. Зайкова отмечает, что в научной литературе словосочетание «объекты транспорта» также используется в двух значениях: и как транспортные средства и как объекты транспортной инфраструктуры [2, с. 89], что, конечно же, шире, чем понятие «транспортное средство» в его буквальном значении, и наиболее отвечает интересам обеспечения транспортной безопасности.

На основании изложенного и с учетом положений Федерального закона «О транспортной безопасности» действия погромщиков, выражающиеся в агрессивных мероприятиях организованных субъектов, возможно, были специально организованными и направленными на реализацию экстремистской идеологии.

Так, по информации «Российской газеты», МВД России объявило в розыск предполагаемого администратора Telegram-канала «Утро Дагестан» А. Абакарова, которого подозревают в координации массовых беспорядков в Махачкале¹. Следственному комитету РФ стало известно о призывах выйти на акции протеста, которые в тот день стали массово распространяться через различные социальные сети. В свою очередь, администрацию провокационного канала, которая стояла за этими призывами, подозревают в связях с враждебными России спецслужбами.

Ввиду изложенного очевидна не только экстремистская, но и террористическая направленность таких действий в соответствии со ст. 205 УК РФ, которая понимает под террористическим актом «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями».

¹ См.: URL: <https://rg.ru/2023/11/14/reg-skfo/mvd-obiavilo-v-rozysk-administratora-telegram-kanala-utro-dagestan-abakarova.html?ysclid=lpts5raa15782083472> (дата обращения: 16.03.2024).

Между тем в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (в ред. от 3 ноября 2016 г.) указывается, что «под иными действиями, устрашающими население и создающими опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в статье 205 УК РФ следует понимать действия, сопоставимые по последствиям со взрывом или поджогом, например... разрушение транспортных коммуникаций... вооруженное нападение на... сотрудников правоохранительных органов; захват и (или) разрушение зданий, вокзалов, портов...»¹.

Как было отмечено ранее, со стороны участников погромов имеются действия, устрашающие население и создающие опасность гибели человека, причиняющие значительный имущественный ущерб (вооруженное нападение на сотрудников правоохранительных органов, захват и разрушение коммуникаций здания аэропорта). Лица, совершившие такие деяния, подстрекались из-за рубежа в целях дестабилизации ситуации в России.

Таким образом, отметим наличие пробелов в правовом регулировании в связи с применением закона о транспортной безопасности, с недооценкой его значения при квалификации деяний, направленных против транспортной безопасности. На наш взгляд, уголовное законодательство нуждается в дополнении некоторых составов нормами, направленными на предотвращение деяний против транспортной безопасности.

Так, А.И. Рарог выделяет абсолютную пробельность, которая означает, что какая-то социально значимая проблема, требующая уголовно-правового регулирования, не нашла отражения в российском уголовном законодательстве, и относительную (неполную, частичную) пробельность уголовного закона, которая состоит в том, что вопрос, входящий в сферу уголовно-правового регулирования, разрешен в нормах права неполно или недостаточно конкретно [3, с. 194].

Заявлять об абсолютной пробельности оснований нет, так как законодатель уже ввел в Уголовный кодекс РФ ст. 263.1, предусматривающую нарушение требований в области транспортной безопасности, то есть объективировал деяния против транспортной безопасности как общественно опасные. Однако субъективная сторона данного преступления подразумевает неосторожность лица, совершившего данное деяние, в случае наступления таких тяжелых последствий, как причинение тяжкого вреда здоровью человека, причинение крупного ущерба либо смерти человека. На обеспечение транспортной безопасности также направлена ст. 267 УК РФ — приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения. Субъективная сторона данного состава также подразумевает неосторожность лица, совершившего деяние, в случае наступления аналогичных последствий. Однако совершение террористического акта по неосторожности невозможно, теракт совершается только по прямому умыслу. Таким образом, уже имеющиеся статьи не распространяются на деяния, носящие заведомо террористическую направленность. Ввиду изложенного следует констатировать относительную пробельность уголовного закона, выражающуюся в недооценке законодателем деяний против транспортной безопасности именно как формы

¹ См.: Российская газета. 2012. 17 февраля; 2016. 16 ноября.

террористической активности. Согласно Федеральному закону «О транспортной безопасности» террористические акты признаны формой актов незаконного вмешательства, направленных против объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств. На основании изложенного введение соответствующих дополнений в уголовные нормы приведет уголовное законодательство в соответствие с законодательством о транспортной безопасности, установит баланс между ними.

Так, для реакции на деяния, содержащие признаки терроризма и диверсии, законодатель предусмотрел не только уголовный состав о террористическом акте, приведенный ранее, но и состав о диверсии, то есть «совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо на нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды, если эти действия совершены в целях подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации».

С одной стороны, данные составы вполне соответствуют признакам акта незаконного вмешательства, которые были предусмотрены Федеральным законом «О транспортной безопасности», с другой — ввиду обострения террористической и диверсионной активности, направленной против нашей страны, а также вследствие ощутимости вреда, наносимого такими действиями, необходимо дополнить названные ранее статьи квалифицирующими составами для усиления ответственности за деяния, направленные на нарушение транспортной безопасности, повлекшие вред либо создавшие угрозу наступления таких последствий. Данные меры также обеспечат связь между законодательством о транспортной безопасности и уголовным законодательством, позволят быстро применять меры противодействия нарушениям транспортной безопасности, что повысит эффективность самой транспортной безопасности. Необходимо вывести на новый уровень транспортную безопасность, что будет иметь значение как для правоприменителей, так и для потенциальных нарушителей.

Как уже отмечалось, Уголовный кодекс РФ содержит ст. 263.1 и 267, однако их составы по степени общественной опасности уступают составам о теракте или диверсии. Поэтому в части усиления ответственности за нарушение транспортной безопасности, выведения такой ответственности на новый уровень необходимо дополнить именно составы о теракте и диверсии.

Такой подход к реагированию на новые вызовы и угрозы вовсе не нов. Так, в апреле 2023 г. статьи о террористическом акте и диверсии были дополнены новыми квалифицирующими составами, предусматривающими повышенную ответственность за посягательство на объекты использования атомной энергии, потенциально опасные биологические объекты либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических веществ или патогенных биологических агентов.

Таким образом, меры реагирования должны предвосхищать события, а не быть реакцией на уже случившееся. С учетом стратегической важности транспортной безопасности, количества объектов транспортной инфраструктуры, находящихся под потенциальным риском, считаем, что ст. 205 и 281 УК РФ

подлежат соответствующим изменениям, учитывающим степень такого риска и тяжесть последствий в случае реализации преступного умысла, направленного на причинение вреда объектам транспортной инфраструктуры.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

уголовное законодательство после теракта в аэропорту Домодедово стало меняться в направлении определения норм ответственности за нарушение транспортной безопасности;

в настоящее время вследствие повышения террористической и диверсионной активности, направленной против важнейших российских объектов транспортной инфраструктуры, стали очевидны пробелы в уголовных составах о теракте и диверсии;

ввиду того, что в такой важнейшей сфере, как транспортная безопасность, пробелы и коллизии не допустимы, необходимо восполнить пробелы в уголовных составах о теракте и диверсии в части уточнения и усиления уголовной ответственности за деяния, направленные на посягательство на транспортную безопасность;

внесение изменений повысит значимость транспортной безопасности для правоприменителей, что положительно скажется на эффективности функционирования института транспортной безопасности.

Библиографический список

1. *Таова Л.Ю.* Терроризм на транспорте как угроза современному обществу // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12. С. 156–158.
2. *Зайкова С.Н.* Транспортная безопасность в Российской Федерации: понятие и система // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 3(140). С. 81–92.
3. *Рарог А.И.* Пробелы в уголовном законодательстве России // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2008. С. 194–197.

References

1. *Taova L.Y.* Terrorism in Transport as a Threat to Modern Society // Theory and Practice of Social Development. 2014. No. 12. P. 156–158.
2. *Zaikova S.N.* Transport Security in the Russian Federation: Perception and System // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2021. No. 3(140). P. 81–92.
3. *Rarog A.I.* Gaps in the Criminal Legislation of Russia // Gaps in the Russian legislation. Law Journal. 2008. P. 194–197.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI 10.24412/2227-7315-2024-4-156-161
УДК 343.1

Н.А. Кирдина, Г.Б. Петрова

ПРАВОВЫЕ ПРЕПЯТСТВИЯ ВСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОЕ ДЕЛО РОДСТВЕННИКОВ И БЛИЗКИХ ЛИЦ ПОТЕРПЕВШЕГО, СМЕРТЬ КОТОРОГО НАСТУПИЛА НЕ ВСЛЕДСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Введение: обязанность государства не только предотвращать и пресекать преступления, способные причинить вред и нравственные страдания личности, но и обеспечивать потерпевшему от преступления возможность отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами. Государство гарантирует защиту прав потерпевших от преступлений, в том числе путем обеспечения им адекватных возможностей отстаивать свои интересы в судебном разбирательстве. Понимание правоприменителя о конкретных способах восстановления нарушенных прав потерпевших формируется на основе уголовно-процессуальных норм и актов их толкования. В ситуации, когда смерть потерпевшего не связана с преступлением, до вынесения итогового процессуального решения по уголовному делу возникают не урегулированные законом вопросы замещения его другими лицами. Исследование и теоретическое осмысление вопроса правовой природы статуса правопреемников умершего в процессе производства по делу потерпевшего является актуальным. **Цель** — для устранения законодательного пробела представить на теоретическом и законодательном уровнях самостоятельный процессуальный статус таких участников уголовного судопроизводства, как близкие и иные родственники, близкие лица умершего потерпевшего. **Методологическая основа:** общенаучный диалектический метод познания, а также структурно-функциональный, логический, частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительного правоведения, нормативного моделирования). **Результаты:** дано теоретическое представление о сущности и правовой природе статуса близких родственников, иных родственников и близких лиц потерпевшего, создающее основу для введения на законодательном уровне новой процессуальной фигуры наследного представителя потерпевшего. **Выводы:** обоснована необходимость введения дополнительных гарантий доступа к правосудию близких родственников и при необходимости иных родственников и близких лиц умершего потерпевшего. В качестве одного из вариантов устранения обозначенных проблем правового регулирования предложено введение особой процессуальной фигуры — наследного представителя потерпевшего.

© Кирдина Наталия Анатольевна, 2024

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: nataliyakirdina@yandex.ru

© Петрова Галина Борисовна, 2024

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: petrova.gala2010@yandex.ru

© Kirdina Natalia Anatolyevna, 2024

Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Criminal Procedure (Saratov State Law Academy)

© Petrova Galina Borisovna, 2024

Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Criminal Procedure (Saratov State Law Academy)

Ключевые слова: потерпевший, родственники потерпевшего, обеспечение прав потерпевшего, процессуальный статус потерпевшего, гарантии доступа к правосудию, наследный представитель.

N.A. Kirdina, G.B. Petrova

LEGAL OBSTACLES TO THE ENTRY INTO CRIMINAL
PROCEEDINGS OF RELATIVES AND CLOSE PERSONS
OF A VICTIM WHOSE DEATH DID NOT RESULT FROM A CRIME

Background: *it is the duty of the State not only to prevent and suppress crimes that may cause harm and moral suffering to the individual, but also to ensure that the victim of a crime is able to assert his or her rights and legitimate interests by any means not prohibited by law. The State shall guarantee the protection of the rights of victims of crime, including by ensuring that they have adequate opportunities to assert their interests in court proceedings. The law enforcer's understanding of specific ways of restoring the violated rights of victims is formed on the basis of criminal procedural norms and acts of their interpretation. In the situation when the death of the victim is not related to the crime, before the final procedural decision on the criminal case there are issues of substitution of the victim by other persons, which are not regulated by law. The study and theoretical understanding of the issue of the legal nature of the status of legal successors of the deceased in the process of proceedings on the victim is relevant.* **Objective** — *in order to eliminate the legislative gap, to present at the theoretical and legislative levels an independent procedural status of such participants of criminal proceedings as close and other relatives, close persons of a deceased victim.* **Methodology:** *general scientific dialectical method of cognition, as well as structural-functional, logical, private-scientific methods (formal-legal, comparative jurisprudence, normative modeling).* **Results:** *a theoretical understanding of the essence and legal nature of the status of close relatives, other relatives and close persons of the victim is given, creating the basis for the introduction at the legislative level of a new procedural figure of the hereditary representative of the victim.* **Conclusions:** *the necessity to introduce additional guarantees of access to justice for close relatives and, if necessary, other relatives and close persons of the deceased victim. The introduction of a special procedural figure — the hereditary representative of the victim — is proposed as one of the options for eliminating the identified problems of legal regulation.*

Keywords: *victim, relatives of the victim, ensuring the rights of the victim, the procedural status of the victim, guarantees of access to justice, hereditary representative.*

Конституционное положение об охране права потерпевшего от преступлений и обеспечении права на доступ к правосудию, судебную защиту и компенсацию причиненного преступлением вреда (ст. 52 Конституции РФ) определяет такое построение правового регулирования статуса потерпевшего, при котором приоритетным является охрана законных интересов потерпевшего, уважение его чести и достоинства, повышение доверия потерпевшего к правосудию по уголовным делам. В связи с этим, давая разъяснения в постановлении от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (в ред. от 16 мая 2017 г.)¹, Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) обращает внимание на долг государства не только предотвращать и пресекать посягательства, способные причинить физический, имущественный вред и нравственные страдания

¹ См.: Российская газета. 2010. 7 июля; 2017. 24 мая.

ния личности, но и обеспечивать потерпевшему от преступления возможность отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами. Обязанность государства гарантировать защиту прав потерпевших от преступлений, в том числе путем обеспечения им адекватных возможностей отстаивать свои интересы в суде, вытекает, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС РФ), также из ст. 21 (ч. 1) Конституции РФ, согласно которой достоинство личности охраняется государством и ничто не может быть основанием для его умаления¹.

Процессуальный статус потерпевшего как участника уголовного процесса формируется исходя из его фактического положения как пострадавшего от преступления², однако «для реализации всей полноты процессуальных возможностей потерпевшего требуется официальное придание лицу такого статуса»³. Именно процессуальное оформление данного статуса создает условия для доступа лица, пострадавшего от преступления, к правосудию. Закон в императивной форме предписывает компетентному должностному лицу не только констатировать, но и обосновывать факт признания лица потерпевшим в официальном документе — постановлении (а суду — в определении) (ч. 1 ст. 42, ч. 4 ст. 7 УПК РФ). Отказ в признании лица потерпевшим, а также бездействие дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, проявляющееся в непризнании лица потерпевшим в указанные в ч. 1 ст. 42 УПК РФ сроки, могут быть обжалованы этим лицом в досудебном производстве по уголовному делу прокурору, руководителю следственного органа или в судебном порядке (ст. 124 и 125 УПК РФ).

Исходя из того, что потерпевшим признается физическое лицо (потерпевшие — юридические лица в данной статье не рассматриваются), которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред (ч. 1 ст. 42 УПК РФ), никакие иные лица, в том числе близкие родственники потерпевшего, на чьи права и законные интересы преступление не было непосредственно направлено, по общему правилу, процессуальными возможностями по их защите

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 12 мая 2022 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.О. Никитина» // Российская газета. 2022. 27 мая.

² См.: Подобную теоретико-правовую позицию неоднократно высказывал Конституционный Суд РФ в ряде своих решений, в частности в постановлении от 11 ноября 2014 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1 Федерального закона “О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок” и части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.В. Курочкина, А.Б. Михайлова и А.С. Русинова» // СЗ РФ. 2014. № 47, ст. 6632; определениях: от 18 января 2005 г. № 131-О «По запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 24, ст. 2424; от 17 ноября 2011 г. № 1555-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Смирновой Валентины Михайловны на нарушение ее конституционных прав положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; от 25 апреля 2019 г. № 655-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кузнецова Василия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 20, пунктом 5 части первой статьи 24, частями первой и третьей статьи 147, частью первой статьи 318 уголовного-процессуального кодекса российской федерации». Документ опубликован не был. Там же; и др.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 12 мая 2022 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.О. Никитина» // Российская газета. 2022. 27 мая.

не наделяются¹. Исключение составляют ситуации, когда последствием преступления явилась смерть пострадавшего лица. В таком случае в силу ч. 8 ст. 42 УПК РФ права потерпевшего переходят к одному из близких родственников (п. 4 ст. 5 УПК РФ) и (или) близких лиц (п. 3 ст. 5 УПК РФ) погибшего, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве — к одному из родственников (п. 37 ст. 5 УПК РФ).

Конституционный Суд РФ неоднократно выражал теоретико-правовую позицию относительно защиты прав таких лиц (правопреемников). Кроме того, и Пленум ВС РФ давал толкование содержанию нормы ч. 8 ст. 42 УПК РФ². Однако уголовно-процессуальный закон предписывает возможность перехода прав потерпевшего, погибшего в результате преступления к его близким родственникам, иным родственникам или близким лицам, но при этом не уточняется ни сама процедура подобного перехода, ни получаемый указанными лицами в результате такой трансформации статус. Пленум Верховного Суда РФ в упомянутом постановлении дает толкование данной норме и разъясняет, что эти лица должны быть на основании мотивированного решения суда признаны потерпевшими. Но можно ли говорить о полном совпадении правовой природы данных потерпевших с теми потерпевшими, классическое определение которых содержится в ч. 1 ст. 42 УПК РФ? Во-первых, по общему правилу, в силу публичного характера уголовного судопроизводства в подавляющем большинстве случаев лица признаются потерпевшими независимо от их волеизъявления. Близкие же лица и родственники погибшего в результате преступления могут заявить о невозможности своего участия. Напротив, если сразу несколько лиц желают признания их потерпевшими в описываемой ситуации, то они вправе заявить о своем желании и обратиться с просьбой о предоставлении им прав потерпевшего³. Во-вторых, потерпевший как лицо, которое непосредственно пострадало от преступного деяния, реализует свой собственный процессуальный интерес. При этом защита прав и законных интересов всех переживающих за потерпевшего близких «осуществляется в результате восстановления прав лица, пострадавшего от преступления»⁴. Лица, признанные потерпевшими в силу ч. 8 ст. 42 УПК РФ, не подменяют погибшего потерпевшего. Они не могут, например, давать от его имени показания. Вовлеченный в сферу уголовного судопроизводства потерпевший (родственник либо близкое лицо) погибшего фактически руководствуется, на наш взгляд, своими собственными интересами и (или) своими собственными, субъективными представлениями о существовавших интересах того лица, права которого перешли к нему. Следовательно, потерпевшие потерпевшим рознь. Скрупулезный подход к данному вопросу приводит к выводу о том, что точнее и логичнее было бы определить на законодательном уровне для указанных в ч. 8 ст. 42 УПК РФ лиц самостоятельный процессуальный статус.

Правоприменительная практика подсказывает наличие еще одного пробела, который касается отстаивания и необходимости восстановления нарушенных

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (в ред. от 16 мая 2017 г.) // Российская газета. 2010. 7 июля; 2017. 24 мая.

² См.: Там же.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Там же.

прав потерпевшего, смерть которого наступила не как следствие совершенного в отношении него преступления, а в результате болезни, по старости, то есть естественным путем либо в результате другого преступления, совершенного в отношении него, и пр. Смысл и содержание ч. 8 ст. 42 УПК РФ приводят к выводу о том, что законные интересы и нарушенные права таких лиц остаются без должной защиты со стороны государства. Но вряд ли можно говорить в подобной ситуации о достижении уголовным процессом своего назначения. Во всяком случае, исходя не из буквального содержания конкретной нормы, исключающей признание определенного круга заинтересованных лиц потерпевшими, а так сказать из духа закона, смерть лица не должна быть юридическим фактом прекращающим защиту и обеспечение прав умершего и после ее наступления. Смерть лица при производстве по уголовному делу является препятствием для собственной способности реализовать свое процессуальное положение, однако не означает, что государство должно оставить без защиты его нарушенные права и законные интересы. В связи с этим должна осуществляться компенсация утрачиваемых средств такой защиты. Для восстановления нарушенных преступлением прав, включая возмещение причиненного преступлением ущерба, необходим такой механизм правового регулирования, посредством которого к участию в производстве по уголовному делу будет допущен близкий родственник умершего лица. Поэтому близкие родственники и (или) близкие лица, а при их отсутствии один из родственников должны иметь адекватные возможности для отстаивания нарушенных прав и интересов умершего в суде и для реализации конституционного права на доступ к правосудию и возмещение причиненного преступлением ущерба. Близким родственникам, близким лицам и родственникам умершего потерпевшего при наделении их самостоятельным процессуальным статусом должна предоставляться совокупность прав, дающих возможность выступать в уголовном процессе в качестве активных участников и, в частности, лично или через представителя представлять доказательства и участвовать в формировании доказательственной базы, заявлять ходатайства, отводы, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения должностных лиц, осуществляющих расследование (например, на незаконное или необоснованное постановление о приостановлении следствия или дознания), и т.д.

Справедливо утверждение М.А. Гаврилова, что «уголовно-процессуальное законодательство должно предусматривать основания, условия, процедуру перехода прав потерпевшего, умершего не в связи с совершенным преступлением, к другим лицам» [1, с. 515].

Однако, как отмечают в теории уголовного процесса, вопрос о статусе таких лиц сегодня по-разному решается в ходе практической деятельности ввиду правовой неопределенности [2, с. 209–210; 3, с. 98]. Так, на практике следователи, дознаватели признают их потерпевшими¹ либо представителями потерпевших. Абсолютно обоснованно отмечает А.А. Патрушева, что с точки зрения правовой природы представительства это невозможно, так как права представителя производны от прав представляемого им лица и представительство предполагает возможность представителя согласовывать свои действия с доверителем и учитывать его интересы [4, с. 237]. Институт представителя связан с обеспечением

¹ См, например, апелляционное постановление от 24 мая 2017 г. № 22-2645/2017 по делу № 22-2645/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/y5LPJC01qr61/>

права частных лиц, отстаивающих свои интересы со стороны обвинения, на квалифицированную юридическую помощь [5, с. 350–352]. Участие любого родственника (близкого лица) умершего потерпевшего в уголовном судопроизводстве будет осуществляться через призму его личных, не согласованных с потерпевшим представлений о необходимости и мере восстановления социальной справедливости. В данной ситуации сложно избежать сочетания представляемого интереса с личным. Признание названных лиц представителями лишает их права иметь собственного представителя, ограничивая тем самым их процессуальные возможности по реализации своего процессуального интереса по уголовному делу. На наш взгляд, разрешение подобного вопроса данным образом неприемлемо.

Учитывая сказанное, авторы настоящей статьи видят необходимость введения дополнительных гарантий доступа к правосудию близких родственников и при необходимости иных родственников и близких лиц потерпевшего, смерть которого наступила не вследствие преступления, и предлагают в качестве одного из вариантов устранения обозначенных проблем правового регулирования введение особой процессуальной фигуры — наследного представителя потерпевшего. Понятие и статус наследного представителя потерпевшего будет предметом следующей публикации авторов.

Библиографический список

1. *Гаврилов М.А.* Некоторые вопросы прекращения уголовного дела за примирением сторон в случае смерти потерпевшего // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4(34). С. 511–516.
2. *Мисник И.В.* Неопределенность процессуального статуса родственников потерпевших, умерших во время уголовного судопроизводства // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3(15). С. 208–213.
3. *Комова Ю.В.* Проблемы правопреемства некоторых участников уголовного судопроизводства // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 1. С. 98–105.
4. *Патрушева А.А.* Правовое положение лиц, которым переходят права умершего потерпевшего // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15, № 2. С. 234–239.
5. *Чекулаев Д.П.* Участники уголовного судопроизводства, отстаивающие интересы обвинения // Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 3-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2021. С. 350–352.

References

1. *Gavrilov M.A.* Some Issues of Termination of a Criminal Case for Reconciliation of the Parties in the Event of the Death of the Victim // Bulletin of the Kazan Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4(34). P. 511–516.
2. *Misnik I.V.* Uncertainty of the Procedural Status of Relatives of Victims Who Died During Criminal Proceedings // Forensic Science: Yesterday, Today, tomorrow. 2020. No. 3(15). P. 208–213.
3. *Komova Yu.V.* Problems of Succession of Some Participants in Criminal Proceedings // Judicial Power and Criminal Process. 2019. No. 1. P. 98–105.
4. *Patrusheva A.A.* Legal Status of Persons to whom the Rights of a Deceased Victim Are Transferred // Bulletin of the Omsk Legal Academy. 2018. Vol. 15, No. 2. P. 234–239.
5. *Chekulaev D.P.* Participants in Criminal Proceedings Defending the Interests of the Prosecution // Course of criminal proceedings / ed. by L.V. Golovko. 3rd ed., revised and suppl. M.: Statute, 2021. P. 350–352.

Н.А. Соловьева, А.А. Дехерт

**ИНТЕГРИРОВАННОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ
ВЗЫСКАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИЗДЕРЖЕК**

Введение: статья посвящена исследованию вопроса о справедливости взыскания издержек с осужденного как принципа уголовного процесса и принципа уголовного права. На протяжении развития института процессуальных издержек решением проблем их взыскания занимались многие отечественные и зарубежные ученые, но, как правило, в рамках одной отрасли права. **Цель** — изучить возмещение судебных издержек через призму уголовного права и уголовного процесса. Такой подход обусловлен неопределенностью в установлении справедливых пределов объема возмещаемых средств при однозначном признании необходимости возмещения и позволяет глубже проникнуть в суть явления. **Методологическая основа:** общенаучные методы (системный анализ, интерпретация), специальные методы (юридико-технический и сравнительно-правовой). **Результаты:** выявлены противоречия отдельных нормативных положений, регламентирующих порядок взыскания процессуальных издержек с осужденного, таких как бесплатный переводчик или учет имущественного положения. **Выводы:** существующий порядок взыскания процессуальных издержек с осужденного не безупречен и нуждается в совершенствовании. Действующее законодательство не позволяет государственным органам в необходимом объеме компенсировать дополнительные расходы на уголовное судопроизводство. Представляется необходимым продолжить модернизацию законодательства в части взыскания процессуальных издержек, изучая и используя в числе прочего опыт зарубежных дружественных государств, что позволит обеспечить надлежащие эффективность и справедливость уголовного процесса.

Ключевые слова: принцип справедливости, процессуальные издержки, расходы, эффективность уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальное право, уголовно-процессуальное законодательство.

N.A. Solovyova, A.A. Dechert

**THE INTEGRATED MEANING OF THE PRINCIPLE OF FAIRNESS
IN THE RECOVERY OF CRIMINAL PROCEDURAL COSTS**

Background: the article is devoted to the study of the question of the fairness of collecting costs from a convicted person as a principle of criminal procedure and the principle of criminal law. Throughout the development of the institute of procedural costs, many domestic and foreign scientists have been engaged in solving the problems of their recovery, but, as a rule, within

© Соловьева Наталья Алексеевна, 2024

Кандидат юридический наук, заведующий кафедрой процессуального права и криминалистики (Волгоградский государственный университет); e-mail: natalisoul13@mail.ru

© Дехерт Андрей Андреевич, 2024

Аспирант кафедры процессуального права и криминалистики (Волгоградский государственный университет); e-mail: dekhert@volsu.ru

© Solovyova Natalia Alekseevna, 2024

Candidate of Law, Head of the Department of Procedural Law and Criminalistics (Volgograd State University)

© Dekhert Andrey Andreevich, 2024

Postgraduate student of the Department of Procedural Law and Criminalistics (Volgograd State University)

*the framework of one branch of law. **Objective** — examine the reimbursement of court costs through the prism of criminal law and criminal procedure. This approach is due to the uncertainty in setting fair limits on the amount of funds to be reimbursed while unambiguously recognizing the need for reimbursement, and allows for a deeper insight into the phenomenon. **Methodology**: general scientific methods (system analysis, interpretation), special methods (legal-technical and comparative-legal). **Results**: contradictions of certain normative provisions regulating the procedure for the recovery of procedural costs from a convicted person, such as a free translator or accounting for property status, have been revealed. **Conclusions**: the existing procedure for the recovery of procedural costs from a convicted person is not perfect and needs to be improved. The current legislation does not allow the State authorities to compensate for the additional costs of criminal proceedings to the required extent. It seems necessary to continue the modernization of legislation regarding the recovery of procedural costs, studying and using, among other things, the experience of friendly foreign states, which will ensure proper efficiency and fairness of the criminal process.*

Keywords: the principle of justice, procedural costs, expenses, efficiency of criminal proceedings, criminal procedure law, criminal procedure legislation.

Институт судебных издержек традиционно рассматривается в уголовно-процессуальном праве, однако между ним и институтом наказания в уголовном праве наличествует очевидная связь. Как справедливо отмечает Л.В. Головкин, «уголовный процесс существует только для применения материального уголовного права» [1, с. 40]. Потому и вопрос принадлежности процессуальных издержек следует рассматривать в совокупности материального и процессуального права.

Разрешением проблемы определения места института процессуальных издержек в теории права задавались многие правоведы на протяжении всего периода его существования. Французские исследователи рассматривали судебные издержки в общей части уголовного права [2]. Немецкие правоведы анализировали учение об издержках исключительно в процессуальном праве, сопоставляя при этом основы материального и процессуального права. Так, по мнению Р. Хиппиля, обязанность оплатить судебные издержки имеет для человека такое же значение, как и дополнительный штраф — это «полное зло» может превысить «пределы справедливого возмездия» [3]. Э. Шмидт соглашался, ссылаясь на «незаслуженное вторичное наказание» в таких случаях [4].

Н.С. Таганцев к особому виду возмещения убытков, обязанность за которое возлагается на лицо, учинившее правонарушение, относил и уплату судебных издержек. Отечественный классик юриспруденции также ставил вопрос о необходимости возмещения процессуальных издержек с осужденного в пределах уголовного права [5, с. 848].

Разрешая вопрос о справедливости взыскания процессуальных издержек с осужденного, в любом случае следует обращаться к положениям материального права, прежде всего к принципам. Так, в ч. 1 ст. 6 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее — УК РФ) раскрывается содержание справедливости — соответствие наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Подобные правила применимы и к процессуальным издержкам. Так, в зависимости от характера

¹ См.: Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 6 апреля 2024 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954; 2024. № 15, ст. 1972.

и степени общественной опасности преступления может зависеть размер процессуальных издержек (например, сложность дела вызывает необходимость производства экспертизы), от обстоятельств совершения преступления — привлечение к рассмотрению уголовного дела различных участников уголовного судопроизводства, затраты на привлечение которых в конечном итоге возлагаются на осужденного. Личность осужденного напрямую влияет на взыскание или невзыскание с него процессуальных издержек (ч. 8 ст. 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее — УПК РФ)).

По мнению О.Л. Васильева, «справедливость является принципом уголовного процесса, поскольку соответствует всем критериям, по которым основополагающие начала в соответствии с теоретическими критериями относятся к принципам уголовного судопроизводства» [6, с. 10]. Справедливость часто рассматривается как философская категория, однако ее роль нельзя преуменьшать, ведь о справедливом или несправедливом вспоминается только в случаях столкновения интересов различных индивидов, то есть в состоянии конфликта [7, с. 55].

Идеи справедливости влияют на формирование различных подходов к определению сущности процессуальных издержек. В частности, большинство ученых исходят из того, что осужденный в принципе не может повлиять на размер понесенных процессуальных издержек. Тезис, указывающий на невозможность осужденному воздействовать на сторону обвинения, способной самостоятельно принимать решения о проведении тех или иных следственных действий, а также на суд, принимающий решение о назначении экспертизы по делу, имеет логичное основание. Однако в современных условиях не реализуется в полном объеме (например, осужденный способен влиять на размер возмещаемых процессуальных издержек при отказе от защитника по назначению) [8, с. 95].

Обязанность осужденного оплатить издержки не преследует материальную цель наказания, а является общей задачей отправления правосудия, не зависящей от санкции, и должна быть возложена на осужденного в дополнении к наказанию. Скорее всего, наличие такой обязанности служит исключительно фискальным интересам государства.

Обязательства по выплате штрафа в порядке исполнения наказания и возмещения процессуальных издержек имеют одинаковые последствия для осужденного. Как правило, они требуются и взыскиваются одновременно органом, осуществляющим принудительное исполнение, и оба приводят к ограничению экономической свободы. Однако существуют различия: если осужденный не в состоянии заплатить, то штраф становится заменой наказанию в виде лишения свободы (ч. 5 ст. 46 УК РФ). Процессуальные издержки не заменяются иным видом компенсации расходов государства, а полностью отменяются для осужденного в случае, например, его имущественной несостоятельности (ч. 6 ст. 132 УПК РФ). Если доктрина уголовного права усматривает в наказании особое социально-этическое суждение о недостойности, то оно выражается прежде всего в обвинительном приговоре, тогда как общественное порицание, связанное с правовым последствием (денежным) штрафа, скорее всего, окажется в значительной степени фикцией в правовой действительности, что вряд ли может

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 6 апреля 2024 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; 2024. № 15, ст. 1972.

служить основанием для различной оценки двух обязательств по уплате. Тем не менее разница между наказанием и обязанностью возместить расходы незначительна, даже если осужденный приговорен к лишению свободы, а не к штрафу. Так, обязанность возмещать расходы в дополнение к наказанию в виде лишения свободы является еще большим бременем, чем в дополнение к штрафу, учитывая низкий потенциал заработка в местах лишения свободы. Обязательство по оплате расходов должно приниматься во внимание при определении вида и размера наказания, поскольку в противном случае на осужденное лицо может быть возложено бремя, выходящее за рамки характера и степени общественной опасности преступления.

Возможность у осужденного оплатить расходы — это обстоятельство, которое должно быть учтено при назначении соответствующего наказания. Нарушение же повлечет увеличение общей нагрузки на осужденного, которое все еще соразмерно степени общественной опасности совершенного им преступления. Однако ввиду сравнительно низких размеров процессуальных издержек по отношению к размеру назначаемых штрафов невозможно и предполагать превышение допустимых пределов.

Из сказанного следует, что при вынесении приговора необходимо учитывать судебные издержки. В конечном итоге это требование вытекает из принципа справедливости. О необходимости совершенствования законодательства с целью формирования уверенности населения в справедливом процессе осуществления правосудия высказывается В.С. Латыпов [9, с. 392]. В связи с этим необходимо задаться следующими вопросами: возможно ли назвать существующий порядок взыскания процессуальных издержек с осужденного справедливым? являются ли справедливыми существующие исключения, связанные с взысканием процессуальных издержек с осужденного?

Отказ от возложения на осужденного бремени возмещения процессуальных издержек с защитника по назначению оправдывается предварительным отказом подозреваемого или обвиняемого от защитника даже в случае его принудительного участия в производстве по уголовному делу (ч. 4 ст. 132 УПК РФ). Данное положение законодательства представляется справедливым в той части, что осужденный приобретает право самостоятельно определять возложение на него бремени возмещения части процессуальных издержек. Учитывая случайный характер возникновения процессуальных издержек, данное исключение не вписывается в общую концепцию порядка возмещения осужденным расходов, не предусматривающей дачи осужденному права выбора. Например, не имеет значения, по чьему ходатайству назначается производство судебной экспертизы в экспертных учреждениях, поскольку, как по инициативе стороны обвинения, так и по решению стороны защиты, осужденный в любом случае возмещает расходы, вызванные производством экспертизы (п. 7 ч. 2 ст. 131 УПК РФ). Следовательно, признать ч. 4 ст. 132 УПК РФ справедливой возможно для тех, кто отказывался от защитника, однако признать ее справедливой нельзя по отношению к тем осужденным, которые давали согласие на его участие. Представляется, что независимо от решения подозреваемого или обвиняемого отказаться от защитника или согласиться на его участие в производстве по уголовному делу следует взыскивать процессуальные издержки. Данный подход не нарушает общую логику порядка взыскания процессуальных издержек, так

как при производстве экспертизы не спрашивается мнение о необходимости ее проведения, поэтому в целях обеспечения защиты прав подозреваемого/обвиняемого при назначении защитника не следует учитывать его мнения (в случае принудительного назначения защитника). В свою очередь, когда защитник не назначается, то необходимость в возмещении ему процессуальных издержек полностью исчерпывается.

Рассмотрим ч. 5 ст. 132 УПК РФ, согласно которой «в случае реабилитации лица процессуальные издержки возмещаются за счет средств федерального бюджета». Данные положения не вызывают сомнений в части возложения на оправданного обязанности по возмещению процессуальных издержек, поскольку иное нарушало бы ряд принципов уголовного судопроизводства, в частности, принцип справедливости. Справедливым также представляется правило, закрепленное в ч. 6 ст. 132 УПК РФ, согласно которому по усмотрению суда освобождается осужденный от обязанности по возмещению процессуальных издержек ввиду его имущественной несостоятельности. К типичным случаям освобождения от оплаты процессуальных издержек по рассматриваемому основанию В.Н. Перекрестов относит «тяжелое материальное положение, состояние здоровья, наличие инвалидности, отсутствие места работы и заработка, многодетная мать, воспитывающая детей без отца и другие» [10, с. 115]. Несправедливо данное положение в отношении тех, чье финансовое положение позволяет компенсировать расходы государства, с одной стороны, а с другой, обременять несостоятельного осужденного финансовой обязанностью, которую он точно компенсировать не сможет, не имеет никакого смысла. Еще больший вред принесет наложение подобной обязанности на лицо, чье имущественное состояние отразится на материальном положении находящихся на его иждивении лиц.

Наряду с рассматриваемыми положениями следует рассмотреть и ч. 8 ст. 132 УПК РФ, в которой предусматривается порядок возложения обязанности возмещения процессуальных издержек на законных представителей несовершеннолетних. В данном случае применимо то же правило, что и при несостоятельности осужденного, ведь возложение имущественной обязанности не имеет смысла ввиду невозможности исполнения.

Возложение на осужденных солидарной имущественной ответственности в соответствии с характером вины, степенью ответственности за преступление представляется справедливым. Однако вызывает сомнение причина выяснения судом имущественного положения осужденных при распределении процессуальных издержек между ними (ч. 7 ст. 132 УПК РФ). Если представить ситуацию, при которой преступление совершено, например, тремя лицами и двое из них признаны несостоятельными, то бремя возмещения процессуальных издержек будет целиком возложено исключительно на одного осужденного, независимо от характера вины и степени его ответственности. Если представить менее категоричную ситуацию, при которой преступление совершено также тремя лицами, но все они находятся в различных экономических категориях. Возможно ли в таком случае распределение между ними обязанности по возмещению процессуальных издержек непропорционально? По нашему мнению, учет имущественного положения осужденного при распределении размеров процессуальных издержек не отвечает принципу справедливости, поскольку ставит в разное положение осужденных в зависимости от их имущественного положения. «Прин-

цип справедливости в этом случае может применяться только при проявлении паралогизма судом» [11, с. 40].

Обязанность по возмещению процессуальных издержек может быть возложена на заявителя по частному обвинению (ч. 9 ст. 132 УПК РФ). Своеобразно законодатель разрешил ситуацию, при которой по делам частного обвинения стороны примиряются — процессуальные издержки взыскиваются с одной или обеих сторон [12, с. 321]. Следует согласиться с точкой зрения А.В. Ильина, предполагающего, что «возможность полного или частичного взыскания процессуальных издержек с частного обвинителя должна быть обусловлена только лишь вынесением судом оправдательного приговора ввиду отсутствия события преступления и доказанности факта злоупотребления им правом на осуществление уголовного преследования другого лица» [13, с. 70]. Такой подход в полной мере соответствует принципу справедливости, поскольку обязанность по возмещению процессуальных издержек не будет возложено на лицо, которое не является виновным.

Если говорить о перспективах совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства, то в первую очередь необходимо изучить возможность регулирования в законе порядка возмещения процессуальных издержек, возникающих в связи с преодолением противодействия уголовному преследованию (подобный опыт вполне эффективно реализуется в республиках Беларусь и Казахстан), а также необходимость регламентации вопросов, связанных с возмещением процессуальных издержек наследниками умершего обвиняемого (согласно п. 1 ст. 1175 ГК РФ¹, наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя). Указанные нововведения не будут противоречить принципу справедливости, поскольку в первом случае размер процессуальных издержек станет зависеть от продолжительности противодействия уголовному преследованию, а во втором — соотноситься с существующими положениями о порядке принятия наследства.

Таким образом, институт процессуальных издержек прошел длительный путь, будучи частью как материального, так и процессуального права. В период активных дискуссий, возникавших вокруг рассматриваемой категории, большинством исследователей была осознана необходимость законодательного регулирования порядка возмещения подобных расходов. Процессуальные издержки действительно во многом возможно признать дополнительным или «вторым» наказанием для осужденного, однако их правовая природа видится в ином ключе (процессуальном, а не материальном). Существующий порядок взыскания процессуальных издержек с осужденного небезупречен и содержит ряд не соответствующих принципу справедливости положений. Сложившаяся ситуация не позволяет государству в необходимом объеме компенсировать дополнительные расходы на уголовное судопроизводство. Очевидно одно — институт процессуальных издержек не должен быть предан забвению, поскольку посредством его реализации возможно компенсировать часть расходов государства, которая вызывается исключительно нарушением уголовно-правовых запретов. Дальнейшая модернизация положений о процессуальных издержках позволит обеспечить надлежащие эффективность и справедливость уголовного процесса.

¹ См.: Гражданский кодекс РФ (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г.) // СЗ РФ. 2001. № 49, ст. 4552; 2024. № 33, ч. 1, ст. 4933.

Библиографический список

1. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1280 с.
2. *Helie F.* Théorie du Code pénal, par Chauveau, Adolphe... et Faustin Hélie,.... Edition 3, Tome 1. E, Legrand et Descauriet (Paris), 1837. 576 p.
3. *Hippel R.* Der deutsche Strafprozeß. Lehrbuch. Marburg, 1941. 736 p.
4. *Schmidt Eb.* Lehrkommentar zur Strafprozessordnung und zum Gerichtsverfassungsgesetz. Vandenhoeck, 1964. 338 p.
5. Русское уголовное право. Часть Общая: лекции / [соч.] Н.С. Таганцева. 2-е изд., пересмотр. и доп. СПб. : Гос. тип., 1902. С. 816–1460.
6. *Васильев О.Л.* Теоретические аспекты действия принципа справедливости на досудебных стадиях российского уголовного процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 45 с.
7. *Мирза Л.С.* Iustitia (правосудие и справедливость в уголовном процессе) // *Lex Russica*. 2008. Т. 67, № 1. С. 54–71.
8. *Дехерт А.А.* Взыскание процессуальных издержек с осужденного: пережиток процессуальной фикции причинно-следственной связи или современный способ оптимизации расходов государства? // Наука и инновации. Искусственный интеллект в современном мире: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 27 февраля 2024 г.). Краснодар: ФГБУ «Российское энергетическое агентство» Минэнерго России Краснодарский ЦНТИ — филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2024. С. 92–99.
9. *Латыпов В.С.* Содействие отправлению правосудия в уголовном процессе России: концептуальные и нормативно-правовые основы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2023. 507 с.
10. *Перекрыстов В.Н., Голоскокова А.В., Дербенько Т.Ю.* Особенности взыскания процессуальных издержек // Вопросы современной юриспруденции. 2016. № 10(60). С. 113–117.
11. *Азарова Е.С.* Влияние внутреннего убеждения суда на оценку доказательств: цивилизационный подход // Правовая парадигма. 2023. Т. 22, № 1. С. 47–55.
12. *Соловьева Н.А., Перекрыстов В.Н., Шинкарук В.М.* Взыскание уголовно-процессуальных издержек по делам частного обвинения // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2017. № 3(23). С. 321–326.
13. *Ильин А.В., Ключникова М.А.* Процессуальные издержки по делам частного обвинения // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 4(45). С. 68–70.

References

1. The Course of the Criminal Procedure / ed. by L.V. Golovko. 2nd ed., rvised. M.: Statute, 2017. 1280 p.
2. *Helie F.* Théorie du Code pénal, par Chauveau, Adolphe... et Faustin Hélie, Edition 3, Tome 1. E, Legrand et Descauriet (Paris), 1837. 576 p.
3. *Hippel R.* The German Criminal Trial. Textbook. Marburg, 1941. 736 p.
4. *Schmidt Eb.* Lehrkommentar zur Strafprozessordnung und zum Gerichtsverfassungsgesetz. Vandenhoeck, 1964. 338 p.
5. Russian Criminal Law. General part: lectures / [Op.] N.S. Tagantseva. 2nd ed., revised and supplemented - St. Petersburg: State Type, 1902. P. 816–1460.
6. *Vasiliev O.L.* Theoretical Aspects of the Principle of Justice at the Pre-Trial Stages of the Russian Criminal Procedure: extended abstract diss. ... Doc. of Law. M., 2018. 45 p.
7. *Mirza L.S.* Iustitia (Justice and Fairness in Criminal Proceedings) // *Lex Russica* (Russian law). 2008. Vol. 67, no. 1. P. 54–71.
8. *Dekhert A.A.* Recovery of Procedural Costs from a Convicted Person: a Relic of the Procedural Fiction of a Causal Relationship or a Modern Way to Optimize Government Spending? // Science and Innovation. Artificial Intelligence in the Modern World : Proceedings of the Inter-

national Scientific and Practical Conference text electronic edition (Krasnodar, February 27, 2024). Krasnodar: Federal State Budgetary Institution “Russian Energy Agency” of the Ministry of Energy of the Russian Federation Krasnodar Central Research Institute — branch of the Federal State Budgetary Institution “REA” of the Ministry of Energy of the Russian Federation, 2024. P. 92–99.

9. *Latypov V.S.* Assistance to the Administration of Justice in the Criminal Process of Russia: Conceptual and Regulatory Foundations: extended abstract diss.... Doc.of Law. Ufa, 2023. 507 p.

10. *Perekrestov V.N., Goloskokova A.V., Derbenko T.Y.* Features of Recovery of Procedural Costs // *Issues of Modern Jurisprudence*. 2016. No. 10(60). P. 113–117.

11. *Azarova E.S.* The Influence of the Court’s Internal Conviction on the Assessment of Evidence: a Civilizational Approach // *Legal Paradigm*. 2023. Vol. 22, no. 1. P. 47–55.

12. *Solovyova N.A., Perekrestov V.N., Shinkaruk V.M.* Recovery of Criminal Procedural Costs in Cases of Private Prosecution // *Bulletin of the North Caucasian Institute of Humanities*. 2017. No. 3(23). P. 321–326.

13. *Ilyin A.V., Klyuchnikova M.A.* Procedural Costs in Cases of Private Prosecution // *Bulletin of the Vladimir Law Institute*. 2017. No. 4(45). P. 68–70.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И КРИМИНОЛОГИЯ

DOI 10.24412/2227-7315-2024-4-170-178
УДК 343.85

М.А. Желудков, А.Н. Варыгин

БЕЗОПАСНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ЛИЧНОСТИ КАК СРЕДСТВО БОРЬБЫ С КОРЫСТНОЙ ЦИФРОВОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Введение: правовые и иные формы реализации биометрических и иных персональных данных физических лиц нередко опаздывают в своем развитии в силу недостаточного уровня развития как системы понятий, так и приемов решения поставленных задач в этой области общественных отношений. Кроме того, развитие системы персональных данных далеко небезопасно в силу недооценки угроз преступного характера. В современном цифровом обществе фотографии, голос и видеоизображение человека могут использоваться не только для безопасности или контроля общественного порядка, но и в преступных целях, создавая угрозы как для самой личности, так и для всего общества в целом. В этих условиях требуются криминологические исследования проблем безопасного использования персональных данных граждан для их защиты от корыстных преступных посягательств, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. **Цель** — определить существуют ли в российском обществе элементы должного правового обеспечения защиты фото- и видеоизображений физического лица, отвечающие задачам противодействия цифровой преступности с учетом функционирования в стране новой единой биометрической системы (ЕБС). **Методологическая основа:** сравнительно-правовой и формально-логический методы исследования, анализ и синтез, индукция и дедукция, логический, системный, структурно-функциональный, лингвистический, формально-юридический методы. **Результаты:** при сборе всех персональных данных, а не только биометрического характера следует законодательно закрепить оформление письменного согласия на получение изображений и голоса физического лица, если впоследствии полученные сведения предполагается использовать для любых целей идентификации конкретного человека (кроме обеспечения безопасности общества и государства). **Выводы:** предлагается ряд мер

© Желудков Михаил Александрович, 2024

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции» (Тамбовский государственный технический университет), профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kandydat1@yandex.ru

© Варыгин Александр Николаевич, 2024

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: VAN808@yandex.ru

© Zheludkov Mikhail Aleksandrovich, 2024

Doctor of Law, Associate Professor, Professor at the Department of Criminal Law and Applied Informatics in Jurisprudence (Tambov State Technical University), Professor at the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology (Saratov State Law Academy)

© Varygin Alexander Nikolaevich, 2024

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology (Saratov State Law Academy)

защиты биометрических данных человека, такие как многофакторная аутентификация лица; использование дополнительной проверки по SMS-уведомлению, кодам и паролям; закрепление различных форм ответственных лиц и организаций, осуществляющих обработку и хранение информации; введение новых мер эффективной защиты электронных документов; создание новой концепции социальной организации данного процесса и отдельного свода нормативных правил, охватывающих все необходимые аспекты представленной группы общественных отношений.

Ключевые слова: биометрические персональные данные, фото- и видеоизображение, идентификация личности, системы видеонаблюдения с программами распознавания лиц, цифровая преступность, методы защиты от корыстных преступных посягательств.

M.A. Zheludkov, A.N. Varygin

SECURE USE OF BIOMETRIC PERSONAL DATA AS A MEANS OF COMBATING SELF-SERVING DIGITAL CRIME

Background: legal and other forms of realization of biometric and other personal data of natural persons are often late in their development due to the insufficient level of development of both the system of concepts and methods of solving the set tasks in this field of public relations. Besides, the development of the personal data system is far from being safe due to the underestimation of criminal threats. In modern digital society, photos, voice and video images of a person can be used not only for security or control of public order, but also for criminal purposes, creating threats both to the individual and to the society as a whole. Under these conditions, criminological research is required on the problems of safe use of personal data of citizens for their protection from selfish criminal attacks committed with the use of information and communication technologies. **Objective** — to determine whether there are elements of proper legal protection of photo and video images of a natural person in Russian society that meet the challenges of combating digital crime, taking into account the functioning of the new unified biometric system (UBS) in the country. **Methodology:** comparative legal and formal logical methods of research, analysis and synthesis, induction and deduction, logical, systemic, structural and functional, linguistic, formal legal methods. **Results:** it was reasonably concluded that when collecting all personal data, not only of biometric nature, it should be legally enshrined the execution of written consent to obtain images and voice of a natural person, if subsequently the obtained information is supposed to be used for any purposes of identification of a particular person (except for ensuring the security of society and the state). **Conclusions:** a number of measures are proposed to protect human biometric data, such as multi-factor authentication of a person; use of additional verification by SMS notification, codes and passwords; consolidation of various forms of responsible persons and organizations engaged in processing and storing information; introduction of new measures for effective protection of electronic documents; creation of a new concept of social security-the organization of this process and a separate set of regulatory rules covering all necessary aspects of the presented group of public relations.

Keywords: biometric personal data, photo and video images, identity identification, video surveillance systems with face recognition programs, digital crime, methods of protection against mercenary criminal encroachments.

Современное цифровое взаимодействие в обществе уже невозможно без использования систем искусственного интеллекта. Открывая интернет и набирая в поисковике «нейросеть для обработки голоса, текста или изображения на фотографии, видео файлов», появляется не менее 20 функционалов для обработки и генерации речи и изображения. Например, в конце 2023 г. для пользователей

был представлен синтезатор речи OpenVoice¹, возможности которого позволяют создать клон речи любого человека из полученных нескольких секунд его разговора и затем на его основе создать новую озвучку голоса на большинстве языков народов мира, в том числе на русском языке. Использование таковой и других программ цифровой обработки изображения и звука позволяет в цифровом пространстве создавать цифровую копию любого человека в ситуации, в том числе негативного свойства.

В результате отсутствия эффективных норм регулирования данного процесса использование полученных сведений в сети Интернет, защита от незаконного использования биометрических персональных данных физического лица находится на весьма низком уровне. В последние годы наблюдается негативная тенденция использования новых чат-ботов с искусственным интеллектом в противоправных целях. Любой человек может воспользоваться чат ботом для получения информации, отправить свою или чужую фотографию, создать видео- или фотоизображение. Причем на уровне нормативного обеспечения данного процесса присутствуют лишь частные попытки толкования понятийного аппарата, без конкретных гипотез и методологических документов подобного рода для защиты биометрических персональных данных личности.

Например, в 2020 г. были внесены изменения в Закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Согласно ст. 5.6 Закона банкам предоставлено право собирать биометрическую информацию и использовать единую информационную систему персональных данных (единая биометрическая система)². Для кредитных учреждений появилась возможность реализации биометрии при совершении различных операций с денежными средствами. Человек на основе своего фотоизображения на экране, голосового звука может теперь не использовать наличные деньги или банковские карточки, а получать любые товары и услуги без дополнительной процедуры проверки или кодирования. С одной стороны, налицо произвольная воля человека по использованию своих биометрических данных, с другой — новая форма социального взаимодействия, при которой банковская структура получает возможность использовать биометрические данные больших групп людей по своему усмотрению.

В 2023 г. постановлением Правительства РФ № 405³ установлены правила получения согласия физлица в форме электронного документа на размещение его биометрических персональных данных в региональном сегменте единой биометрической системы (ЕБС), на передачу его биометрии в систему из ее региональных сегментов, на обработку таких данных в ЕБС, а также согласия на обработку

¹ См.: OpenVoice — универсальный подход к мгновенному клонированию голоса. URL: <https://huggingface.co/spaces/myshell-ai/OpenVoice> (дата обращения: 07.06.2024).

² См.: Федеральный закон РФ от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (в ред. от 29 мая 2024 г.) // СЗ РФ. 2001. № 33, ч. 1, ст. 3418; 2024. № 23, ч. 1, ст. 3057.

³ См.: Постановление Правительства РФ от 17 марта 2023 г. № 405 «Об утверждении Правил получения согласия, указанного в пункте 6 части 5 статьи 26 Федерального закона “Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации”, и формы согласия физического лица на размещение его биометрических персональных данных в региональном сегменте единой биометрической системы» // СЗ РФ. 2023. № 13, ст. 2265.

персональных данных и биометрии для проведения аутентификации. Проблема заключается в том, что сбор подобных данных осуществлялся уже длительное время до принятия указанных документов и создана достаточно большая база таких данных без согласия физических лиц.

Более 60 % опрошенных студентов юридических вузов ответили, что у них существует страх потери своих биометрических данных. Подобный опрос и другие исследовательские данные показывают, что существует потенциальная угроза совершения преступных, прежде всего корыстных деяний с помощью использования персональных данных граждан. По сведениям Роскомнадзора, в 2023 г. зафиксировано более 200 различных потерь персональных данных и в открытый доступ попали сотни миллионов логинов, фамилий, имен, адресов электронной почты, телефонов, серий и номеров паспортов, сведений о счетах в банках физических лиц. Полученные данные используются мошенниками для последующей разработки способов обмана потенциальной жертвы преступления (звонок от руководителя и органов правопорядка, пересылка в чате сообщения, предложение от медицинских или мобильных операторов и др.). Общий ущерб от подобных деяний (количество которых растет) превышает сотни миллиардов рублей. Можно привести множество примеров аналогичных преступлений, но в данной статье мы не ставили цель раскрыть их содержание, важно понять, существует ли пробел в праве или в правоприменении, который создает условия, способствующие совершению корыстных цифровых преступлений.

Следует отметить, что среди ученых идут неугасающие споры относительно того, какая именно информация относится к персональным данным физического лица. Сделано предположение, что «под персональными данными понимается только та информация, которая с достоверностью позволяет идентифицировать конкретное лицо. При этом законодатель не устанавливает конкретного перечня такой информации, оставляя разрешение данного вопроса на усмотрение правоприменителя» [1, с. 20].

Биометрические персональные данные являются разновидностью персональных данных. Обратимся к содержанию понятия биометрических персональных данных, ориентируясь на Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»¹, — это сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность (биометрические персональные данные) и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных, могут обрабатываться только при наличии согласия в письменной форме субъекта персональных данных за исключением случаев, перечисленных в ч. 2 этой же статьи. Постановлением Правительства РФ от 30 июня 2018 г. № 772 к биометрическим данным физического лица отнесены «данные изображения лица человека, полученные с помощью фотовидеоустройств и данные голоса человека, полученные с помощью звукозаписывающих устройств»².

¹ См.: Федеральный закон РФ от 25 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 6 февраля 2023 г.) // СЗ РФ. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3451; 2023. № 6, ст. 915.

² См.: Постановление Правительства РФ от 30 июня 2018 г. № 772 «Об определении состава сведений, размещаемых в единой информационной системе персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение, биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица, включая вид биометрических персональных данных,

Попробуем ответить на вопрос, существует ли в российском обществе элементы правового обеспечения защиты таких данных, как фото- и видеоизображения физического лица, отвечающие целям и задачам противодействия цифровой преступности с учетом принятия новой единой биометрической системы.

К сожалению, в современном цифровом мире фотографии голос и видеоизображение человека могут использоваться не только в целях безопасности или развития, но и в преступных целях, создавая угрозы как для самой личности, так и для всего общества. Как указывалось ранее, новые программы искусственного интеллекта могут похитить голос и изображение любого человека единожды при попадании его в объектив видеокамеры или получив его из других источников. Возможно также похищение подобных данных на стадии получения или занесения в базу данных системы ЕБС. В этом отношении использование технических средств обеспечения безопасности биометрических данных решает только одну проблему — защиту конкретной системы хранения данных. Существуют и другие угрозы для процесса использования биометрических данных личности, в том числе до попадания в систему ЕБС, которые и попытаемся изучить в рамках данного исследования.

Исходя из указанных ранее правовых актов, все фото- и видеоизображения физического лица должны быть признаны биометрическими данными конкретного человека. Однако подобный подход на практике создает коллизию норм права и правоприменения. Человек живет в обществе, которое бурно развивается в цифровом мире и где его постоянно снимают на видеокамеры и фотографируют на различных мероприятиях личного или общественного характера. Подобные видео- и фотоизображения размещаются в свободном доступе в интернет-источниках, социальных сетях. Голосовые данные лица также возможно получить в виде выступлений или с помощью простого звонка по телефону. Телефонные звонки легко закамуфлировать под деятельность известных сотовых компаний или кредитных учреждений. Важный вопрос безопасности заключается в том, на каком этапе персональные данные становятся биометрическими и следует ли относить все фактические фотовидеоизображения и голосовые данные человека к биометрии персональных данных.

Для ответа на данный вопрос вновь приходится обращаться к разъяснениям органов власти. В постановлении Правительства РФ от 4 марта 2010 г. № 125 к биометрическим персональным данным отнесены не все фотографии, а только «цветные цифровые фотографические изображения лица владельца документа и изображения папиллярных узоров 2 пальцев рук владельца документа (биометрические персональные данные владельца документа)»¹. Таким образом, в содержании персональных данных личности появляется биологическая идентификация человека с помощью изображения папиллярных узоров и цветных цифровых фото на документе, правда, не на законодательном уровне, а в постановлении Правительства РФ.

а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (в ред. от 23 марта 2024 г.) // СЗ РФ. 2018. № 28, ст. 4234; 2024. № 14, ст. 1904.

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 4 марта 2010 г. № 125 «О перечне персональных данных, записываемых на электронные носители информации, содержащиеся в основных документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, по которым граждане Российской Федерации осуществляют выезд из Российской Федерации и въезд в Российскую Федерацию» (в ред. от 10 февраля 2014 г.) // СЗ РФ. 2010. № 10, ст. 1103; 2014. № 7, ст. 688.

Учитывая, что подобные разъяснения не решали всех проблем практического применения биометрии персональных данных, потребовалось новое разъяснение от органов Роскомнадзора. В 2022 г. данный орган надзора дает свое толкование использования фотографических изображений: «Обработка фотографических изображений, которые законодательным актом Российской Федерации отнесены к биометрическим персональным данным, должна осуществляться с согласия в письменной форме, с соблюдением требований, предусмотренных ч. 4 ст. 9 Закона о персональных данных. В иных случаях обработка фотографических изображений осуществляется в случаях, установленных ст. 6 Закона о персональных данных»¹. В этом отношении названный орган снимает с себя ответственность за содержательный аспект понимания биометрических персональных данных человека, призывает к определению их на уровне законодательного звена.

Зададимся вопросом, а влияет ли содержание понятия на их правоприменительное использование и важно ли обращать внимание на то, что одни и те же данные могут быть признаны на определенном этапе только персональными, а другие биометрическими? Ответ на данный вопрос изложен в одном глаголе «обязан», который отнесен к биометрическим данным человека. Отсутствие правовой обязанности получать согласие лица в письменной форме при использовании всех персональных данных предопределяет потенциальные угрозы для защиты биометрических данных, так как согласие на обработку персональных данных может быть дано в любой форме, которая позволяет подтвердить это согласие. Вход на определенный сайт и размещение там своего фото уже может быть квалифицировано как согласие лица на обработку его персональных данных.

Обратим внимание и на расширение возможностей общественных и личных систем видеонаблюдения с программами распознавания лиц как потенциальной угрозы потери личных персональных, а иногда и биометрических данных человека. Подобные программы сегодня повсеместно устанавливаются при реализации аппаратно-программного комплекса «Безопасный город». По данным, полученных из открытых источников, в настоящее время только по Москве подключена система распознавания лиц на сотни тысяч видеокамер. Система работает с 2017 г., но ее эффективность по обеспечению безопасного пространства постоянно подтверждается аналитическими данными органов внутренних дел².

Однако оценка указанной системы с точки зрения безопасности персональных данных показывает не только вопросы ее ценностного развития, но и целый ряд противоречивого правового регулирования. Отсутствуют четкие правила по их установке и использованию, отсылка вновь идет к закону о персональных данных. Существует потенциальная опасность, что персональные данные будут использоваться не по назначению. На данный аспект обращают внимание не только ученые или практики, но и простые граждане. В частности, в 2019 г. было

¹ См.: Письмо Роскомнадзора от 29 августа 2022 г. № 08-78032 «О том, что цветное цифровое фотографическое изображение лица владельца документа, удостоверяющего личность гражданина РФ, является биометрическими персональными данными владельца документа». URL: https://rpra.ru/npa/08-78032_29.08.2022 (дата обращения: 25.06.2024).

² См.: Рудов А. Безопасный город: распознавание лиц на страже порядка. URL: <https://www.comnews.ru/digital-economy/content/202455/2019-10-21/2019-w43/bezopasnyu-gorod-raspoznavanie-lic-strazhe-poryadka> (дата обращения: 09.04.2021); Лидерами по числу видеокамер с распознаванием лиц стали Москва, Подмосковье и Санкт-Петербург: статья в интернет-источнике. URL: https://dzen.ru/a/ZOTBTEYTBXRRT8_9 (дата обращения: 12.05.2024).

вынесено судебное решение по иску гражданки России, проживающей в Москве. Предметом искового заявления было требование «о признании незаконными действий, и придания обязанности в системе безопасности не применять технологии распознавания лиц на территории г. Москвы, удалить биометрические персональные данные из базы данных изображений конкретного гражданина»¹.

В удовлетворении иска было отказано в двух судебных инстанциях. Аргументы суда были основаны на требовании безопасности всего общества, а также положения о том, что «граждане не относятся к непосредственным объектам видеонаблюдения, к объектам видеонаблюдения относятся: территории и объекты. Департамент информационных технологий города Москвы, который получает данную информацию, не проводит мероприятий, направленных на установление личности конкретного гражданина. В едином центре хранения данных отсутствуют персональные данные граждан (ФИО и пр.), а также биометрические персональные данные (радужная оболочка глаз, рост, вес и пр.), которые необходимы для установления личности гражданина. Само по себе получение изображения не является способом сбора персональных (биометрических) данных заявительницы, поскольку не использовалось непосредственно для определения личности. При отсутствии процедуры идентификации личности видеоизображения граждан не могут считаться биометрическими персональными данными. Соответственно, отсутствует необходимость получать письменное согласие гражданина на обработку биометрических персональных данных»².

Таким образом, получено судебное толкование разделения законного и незаконного использования биометрических и иных персональных данных физического лица. Оно не снимает вопросы получения биометрических данных или их понятийного содержания, в этом судебном документе сделан основной упор на целевое назначение получения изображения — обеспечение безопасности объекта, а не идентификация личности.

В Российской Федерации системы использования биометрии человека еще только находятся в начале своего развития, а за рубежом, понимая возникающую проблему нарушения прав и свобод граждан, уже начинают сокращать научные исследования и процесс внедрения новых подобных систем в практическое использование³.

Наше исследование, кроме пробелов нормативного и иного обеспечения использования биометрических и иных персональных данных человека, выявило и проблемы правоприменительного регулирования данного процесса. Отразим только некоторые из них, создающие реальную опасность криминального характера в этой области общественных отношений.

Во-первых, не урегулирован процесс использования биометрических данных, которые распространяются в публичных информационных источниках (выступление на различных мероприятиях, фотографии в социальных сетях и на официальных сайтах, фото- и видеоподтверждения проведенного мероприятия). Подобные изображения повсеместно используются мошенниками при звонках

¹ См.: Информация по административному делу № 33а-0707/2020. URL: <https://www.mosgorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-admin/details/6c9dfe4c-ecc7-4626-90f4-dea208d54b5f> (дата обращения: 12.05.2024).

² См.: Там же.

³ См.: Технология распознавания лиц в розничной торговле: новые возможности или новые угрозы? URL: <https://www.brother.ru/blog/business/2020/b01-facial-recognition-in-retail> (дата обращения: 10.04.2024).

от руководителей учреждений для запугивания сотрудников и последующего хищения денежных средств.

Во-вторых, сайт государственных услуг позволяет сегодня осуществить вход в личный кабинет с помощью биометрических данных, но не отражает практического процесса их замены и дополнительной процедуры контроля при взломе подобной информации и последующем ее использовании в преступных или иных незаконных целях.

В-третьих, при биометрической идентификации возможно использование маски человека и звука его голоса, записанного на цифровые источники информации. Вновь замечаем, что не определены дополнительные методы защиты от преступников, например в виде особых кодовых слов проверки или SMS-контроля для подтверждения использования биометрии человека.

В-четвертых, если по системе ЕБС более или менее ясно, где будет храниться база биометрических данных физического лица, то по различным частным и государственным организациям не определена обязанность сдавать все полученные данные клиентов в данную систему или создавать свой сервер для хранения информации. Отсутствуют методические и иные рекомендации, где четко прописаны уровень доступа и контроля данных систем.

В-пятых, для поиска преступников в правоохранительных органах реализованы различные идентификационные базы по биометрии (отпечатки пальцев, фотографии, ДНК и др.). Подобные системы не имеют общего правового режима с гражданскими биометрическими базами хранения информации.

В-шестых, современные системы искусственного интеллекта, применяемые в программах распознавания лиц, могут в режиме реального времени проверить различные базы данных и, сопоставив его местоположение с электронной картой местности, проследить все передвижения личности. Большинство подобных сведений имеет материальную ценность (бизнес готов платить информацию по конкурентам, а жены или мужа — по неверным супругам). Остается открытым вопрос, как будет обеспечена тайна личной жизни в конкретном случае?

В-седьмых, в средствах массовой информации создаются постоянные убеждения для граждан, провоцируя потенциальный страх, что персональные данные могут попасть в открытый доступ при их потере из собранной базы. В этом отношении не налажено профилактическое информирование процесса, в обществе нет понимания того, почему простой человек должен сдавать свои биометрические данные и кто будет отвечать за их открытое использование и последующую утрату.

В-восьмых, существуют нерешенные правоприменительные вопросы незаконного использования фото- и видеоданных, которые содержатся в социальных сетях (ВКонтакте, WhatsApp, Telegram и др.). Понятно, что эти данные первоначально были предоставлены в сеть при регистрации самими пользователями. Однако эти сведения не являются общедоступными, обрабатываемыми организациями персональными данными, содержащимися в открытых источниках. Соответственно, необходимо получение согласия граждан на использование их данных. Точная идентификация лица будет иметь место в случае соотнесения информации с фамилией, именем и отчеством (при наличии) лица, что является основным идентификатором гражданина в гражданском обороте, поскольку гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем (п. 1 ст. 19 ГК РФ).

Таким образом, при сборе всех персональных данных (не только биометрического характера) следует законодательно закрепить оформление письменного согласия на получение изображений и голоса физического лица, если впоследствии полученные сведения предполагается использовать для любых целей идентификации конкретного человека (кроме обеспечения безопасности общества и государства). В случае если изображение получено без целей последующего использования (например, камера снимает объект территории), то письменного согласия на получение персональных данных не требуется, если впоследствии не будет запущен процесс идентификации. За основу оценки выводим целевое назначение использования подобных данных, если проводится идентификация личности при обработке фото- и видеоизображений, то их следует относить к биометрическим, в остальных случаях они относятся к персональным данным.

Считаем, что согласие в письменном виде следует получать не только при определении личности, но и при других формах и средствах использования персональных данных, где личность может быть впоследствии идентифицирована по другим документам или техническими формами искусственного интеллекта (пропускной режим в организации, покупка в супермаркетах, обучение нейросетей и др.).

Правовые, технические, организационные и информационные формы обеспечения реализации биометрических и иных персональных данных имеют существенный момент опоздания в своем развитии, в том числе вследствие недооценки угрозы преступного характера и недостаточного уровня развития системы понятий и приемов решения поставленных задач в исследуемой области общественных отношений. Если считать процесс реализации системы биометрических персональных данных личности неизбежным и необходимым для дальнейшего развития цифровой жизни людей и общества, то необходимо признать и те трудности, которые возникают при применении данной системы. Личные контакты лиц в обществе заменяются киберконтактами, что влечет развитие новых способов социального контроля. Поэтому необходимо задействовать в процессе реализации биометрии человека следующие методы защиты: многофакторность аутентификации лица; использование дополнительной проверки по SMS-уведомлению, кодам и паролям; закрепление различных форм ответственных лиц и организаций, осуществляющих обработку и хранение информации; введение новых мер эффективной защиты электронных документов; создание новой концепции социальной организации данного процесса и отдельного свода нормативных правил, охватывающих все необходимые аспекты представленной группы общественных отношений.

Эти и другие, не раскрытые в статье вопросы, призывают к дальнейшей дискуссии по данной проблематике.

Библиографический список

1. Буркова А.Ю. Определение понятия «персональные данные» // Право и экономика. 2015. № 4. С. 20–24.

References

1. *Burkova A.Yu.* Definition of the Concept of "Personal Data" // Law and Economics. 2015. No. 4. P. 20–24.

Е.В. Битюцкий, Н.И. Свечников

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ПРОИЗВОДСТВУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, СОВЕРШЕННОМУ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППОЙ

Введение: проблема противодействия незаконному производству наркотических средств и психотропных веществ, совершенному организованной группой, является одной из важнейших проблем в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков, так как данный вид преступлений обуславливает совершение иных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. **Цель** — проанализировать существенные особенности данных преступлений, позволяющие доказать наличие организованного характера в деятельности преступной группы, занимающейся незаконным производством наркотиков. **Методологическая основа:** общенаучные и частнонаучные методы исследования, в том числе сравнительно-правовой и социологический методы. **Результаты:** проведено комплексное рассмотрение проблем противодействия незаконному производству наркотических средств и психотропных веществ, совершенному организованной группой, что позволило выявить обстоятельства, подлежащие доказыванию по данным преступлениям. **Выводы:** основной целью сотрудников правоохранительных органов должны быть выявление и пресечение деятельности именно организаторов незаконного производства наркотиков.

Ключевые слова: наркотические средства, незаконный оборот наркотических средств, производство наркотических средств.

E.V. Bityutsky, N.I. Svechnikov

PROBLEMS OF COUNTERING THE ILLEGAL PRODUCTION OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES COMMITTED BY AN ORGANIZED GROUP

Background: the problem of countering the illegal production of narcotic drugs and psychotropic substances committed by an organized group is one of the most important problems in the fight against drug trafficking in general, as this type of crime causes the commission of other crimes in the field of drug trafficking. **Objective** — analysis of the essential features of these crimes, allowing to prove the presence of an organized nature in the activities of a criminal group engaged in the illegal production of drugs. **Methodology:** general scientific and specific scientific research methods, including comparative legal and sociological methods. **Results:** a comprehensive review

© Битюцкий Евгений Владимирович, 2024

Кандидат юридических наук, доцент кафедры «Правоохранительная деятельность» (Пензенский государственный университет); e-mail: b-2m@mail.ru

© Свечников Николай Иванович, 2024

Кандидат юридических наук, кандидат технических наук, заведующий кафедрой «Правоохранительная деятельность» (Пензенский государственный университет); e-mail: nikols1558@yandex.ru

© Bityutsky Evgeniy Vladimirovich, 2024

Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Law Enforcement Activity (Penza State University)

© Svechnikov Nikolay Ivanovich, 2024

Candidate of Law, Candidate of Technical Sciences, Head of the Department of Law Enforcement Activity (Penza State University)

*of the problems of countering the illegal production of narcotic drugs and psychotropic substances committed by an organized group was carried out, which made it possible to identify the circumstances to be proved for these crimes. **Conclusions:** the main goal of law enforcement officials should be to identifying and suppression the activities of the organizers of illegal drug production.*

Keywords: narcotic drugs, illegal drug trafficking, production of narcotic drugs.

Состояние наркопреступности в России в течение последних трех десятилетий, несмотря на стабильно высокое количество выявляемых преступлений, остается очень динамичным и чутко реагирует на разного рода социальные, политические, экономические и иные преобразования. Так, изменения во внешнеполитической обстановке и экономической сфере, введение значительного количества ограничений и санкций со стороны ряда иностранных государств, ужесточение пограничного и таможенного контроля, усиление мер охраны Государственной границы и механизмов обеспечения безопасности государства оказали прямое влияние не только на изменение уровня преступности в Российской Федерации в целом, но и на состояние сферы незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в частности.

С одной стороны, указанные обстоятельства способствовали снижению уровня контрабанды названных веществ. Подтверждением тому служат статистические данные. Так, за январь–декабрь 2019 г. было зарегистрировано 510 преступлений, предусмотренных ст. 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)¹, за аналогичный период 2020 г. — 362 преступления², 2021 г. — 695 преступлений³, 2022 г. — 286 преступлений⁴, что на 58,8 % меньше, чем в предыдущем периоде. Наблюдается более чем двукратное снижение количества данных преступлений с 2022 г. Более того, с января по декабрь 2023 г. было зарегистрировано лишь 275 преступлений⁵, что на 3,8 % меньше аналогичных показателей предыдущего отчетного периода.

В январе–декабре 2019 г. раскрыто 295 преступлений, предусмотренных ст. 229.1 УК РФ, в аналогичном периоде 2020 г. — всего 171⁶, 2021 г. — 194⁷, 2022 г. — 171⁸, 2023 г. — 186 преступлений⁹.

¹ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/1748898> (дата обращения: 26.04.2024).

² См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2020 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/2041459> (дата обращения: 26.04.2024).

³ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2021 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/2315310> (дата обращения: 26.04.2024).

⁴ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5130663> (дата обращения: 26.04.2024).

⁵ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2023 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5095078> (дата обращения: 26.04.2024).

⁶ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2020 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/2041459> (дата обращения: 26.04.2024).

⁷ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2021 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/2315310> (дата обращения: 26.04.2024).

⁸ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5130663> (дата обращения: 26.04.2024).

⁹ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2023 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5095078> (дата обращения: 26.04.2024).

Для рассмотрения по существу в суд было направлено: в январе–декабре 2019 г. — 295 преступлений¹, в аналогичном периоде 2020 г. — 167², 2021 г. — 192³, 2022 г. — 167⁴, 2023 г. — 178 преступлений⁵.

Между тем с 2021 г. стал заметен рост не только количества зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным производством наркотиков (рис. 1), но и количества лиц, которые их совершили.

Если в период с января по декабрь 2019 г. было зарегистрировано 351 подобное преступление⁶, то в аналогичном периоде 2020 г. — 500⁷, 2021 г. — 581 преступление⁸, а за 2022 г. — 829 подобных преступлений⁹ (на 42,7 % превышает аналогичный период). Вместе с тем за январь–декабрь 2023 г. зарегистрировано 850 преступлений¹⁰, что пусть и незначительно, но на 2,5 % превышает показатели предыдущего года. За январь–март 2024 г. уже зарегистрировано 237 подобных преступлений¹¹.

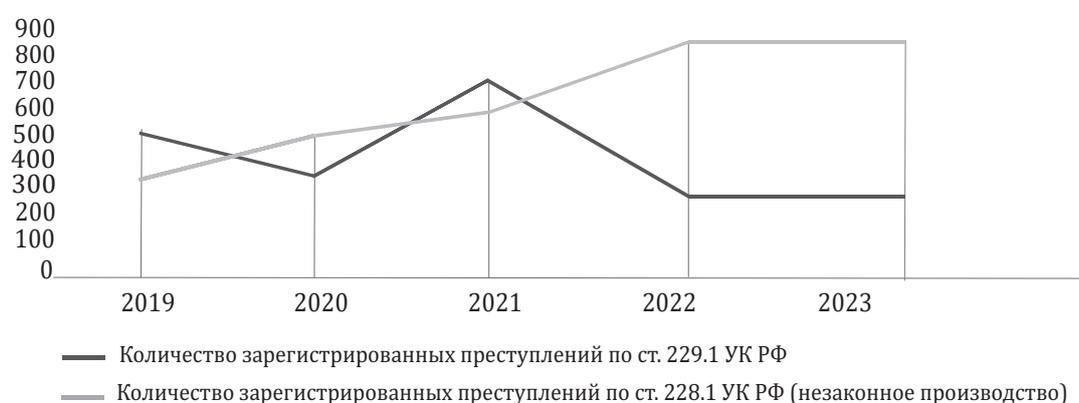

Рис. 1. Динамика количества зарегистрированных преступлений, связанных с контрабандой и незаконным производством наркотических средств, психотропных веществ

¹ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/1748898> (дата обращения: 26.04.2024).

² См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2020 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/2041459> (дата обращения: 26.04.2024).

³ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2021 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/2315310> (дата обращения: 26.04.2024).

⁴ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5130663> (дата обращения: 26.04.2024).

⁵ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2023 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5095078> (дата обращения: 26.04.2024).

⁶ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/1748898> (дата обращения: 26.04.2024).

⁷ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2020 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/2041459> (дата обращения: 26.04.2024).

⁸ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2021 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/2315310> (дата обращения: 26.04.2024).

⁹ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5130663> (дата обращения: 26.04.2024).

¹⁰ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2023 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5095078> (дата обращения: 26.04.2024).

¹¹ См.: Состояние преступности в России за январь–март 2024 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5623006> (дата обращения: 26.04.2024).

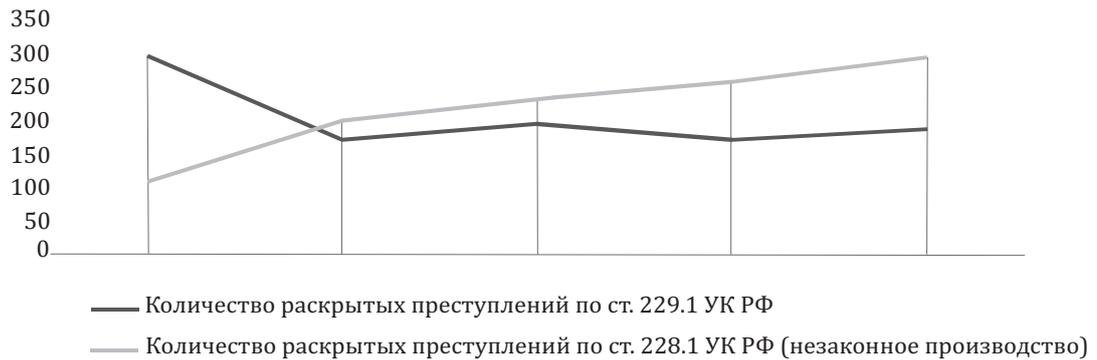

Рис. 2. Динамика количества раскрытых преступлений, связанных с контрабандой и незаконным производством наркотических средств, психотропных веществ

Анализ приведенных статистических данных позволяет предположить, что рост количества данных преступлений продолжится в течение 2024 г.

Тем не менее заметен активный рост количества раскрытых преступлений, связанных с незаконным производством наркотиков. Так, за январь–декабрь 2019 г. было раскрыто 108 преступлений и выявлено 130 лиц, их совершивших¹; за аналогичный период 2020 г. данные показатели составили 198 преступлений и 200 лиц², за 2021 г. — 229 преступлений и 303 лица³, за 2022 г. — 255 преступлений и 362 лица⁴, за 2023 г. — 293 преступления и 399 лиц⁵, за январь–март 2024 г. — уже 104 преступления и 114 лиц⁶ (рис. 2).

Таким образом, перечисленные социально-экономические и внешнеполитические изменения обусловили факт переориентации направления деятельности лиц, вовлеченных в незаконный оборот наркотиков в России, с организации каналов их незаконного поступления из иностранных государств на организацию незаконного производства наркотических средств и психотропных веществ (далее — незаконного производства наркотиков) уже непосредственно на территории Российской Федерации. Подобная переориентация была вызвана не только необходимостью соблюдения данными лицами мер конспирации для снижения рисков разоблачения, то есть во избежание выявления и пресечения их преступной деятельности при доставке наркотиков из-за рубежа, но и желанием разрешить логистические проблемы и оптимизировать механизмы незаконного сбыта наркотиков, конкурируя при этом с другими незаконными производителями и сбытчиками в целях борьбы за конечного потребителя незаконно произведенных веществ.

¹ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/1748898> (дата обращения: 26.04.2024).

² См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2020 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/2041459> (дата обращения: 26.04.2024).

³ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2021 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/2315310> (дата обращения: 26.04.2024).

⁴ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5130663> (дата обращения: 26.04.2024).

⁵ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2023 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5095078> (дата обращения: 26.04.2024).

⁶ См.: Состояние преступности в России за январь–март 2024 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5623006> (дата обращения: 26.04.2024).

В контексте общего количества зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ, количество выявленных фактов незаконного производства наркотиков не представляется значительным.

Так, с января по декабрь 2019 г. удельный вес незаконного производства наркотиков (351 преступление) от общего количества зарегистрированных преступлений по ст. 228.1 УК РФ (113 303 преступления) составил лишь 0,31 %¹.

В период с января по декабрь 2020 года удельный вес незаконного производства наркотиков (500 преступлений) от общего количества зарегистрированных преступлений по статье 228.1 УК РФ (113 439 преступлений) составил 0,44 %².

В период с января по декабрь 2021 года удельный вес незаконного производства наркотиков (581 преступление) от общего количества зарегистрированных преступлений по статье 228.1 УК РФ (104 355 преступлений) составил 0,56 %³.

В период с января по декабрь 2022 года удельный вес незаконного производства наркотиков (829 преступлений) от общего количества зарегистрированных преступлений по статье 228.1 УК РФ (112 069 преступлений) немного вырос и составил 0,74 %⁴.

В период с января по декабрь 2023 года удельный вес незаконного производства наркотиков (850 преступлений) от общего количества зарегистрированных преступлений по статье 228.1 УК РФ (127 369 преступлений) составил 0,67 %⁵.

Подобные относительно низкие показатели могут создать ложное представление в обществе о том, что в реализации общегосударственной политики борьбы с незаконным оборотом наркотиков факты выявления, пресечения и раскрытия их незаконного производства не играют важной роли.

Однако стоит понимать, что каждому факту выявления, пресечения и раскрытия подобных преступлений часто предшествует долгий процесс осуществления оперативно-разыскной деятельности, сопровождающийся тесным взаимодействием оперативных сотрудников со следователями, сотрудниками иных подразделений правоохранительных органов, специалистами и гражданами. Ввиду высокого уровня конспирации со стороны лиц, принимающих участие в процессе незаконного производства наркотиков, выявление, пресечение и раскрытие данных преступлений представляют определенную сложность даже для опытных сотрудников оперативных подразделений правоохранительных органов, в первую очередь, органов внутренних дел и органов Федеральной службы безопасности России как главных субъектов борьбы с незаконным оборотом наркотиков. В данном контексте представляется нелогичным сравнение по объему и сложности проводимых оперативно-разыскных мероприятий процесса выявления и раскрытия незаконного производства наркотиков, чаще всего совершаемого организованной группой, и, например, процесса выявления

¹ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/1748898> (дата обращения: 26.04.2024).

² См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2020 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/2041459> (дата обращения: 26.04.2024).

³ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2021 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/2315310> (дата обращения: 26.04.2024).

⁴ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5130663> (дата обращения: 26.04.2024).

⁵ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2023 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5095078> (дата обращения: 26.04.2024).

и раскрытия незаконного хранения рядовым потребителем наркотиков в значительном размере, без цели сбыта.

Безусловно, оба преступления представляют определенную общественную опасность, поэтому не могут оставаться без внимания со стороны правоохранительных органов, которые обязаны их выявлять, пресекать и раскрывать, однако каждый факт незаконного производства наркотиков, выявленный, пресеченный и раскрытый правоохранительными органами, играет основополагающую роль в общенациональной борьбе с незаконным оборотом наркотиков, поскольку представляет собой ликвидацию целого канала незаконного поступления на территорию одного или нескольких регионов наркотических средств или психотропных веществ, как тех, производство которых не отличается особой сложностью (например, мефедрон), так и тех, синтез которых достаточно сложен и многостадийен (например, метадон и МДМА) [1, с. 112]. В контексте борьбы с незаконным оборотом наркотиков на федеральном и даже на международном уровне представляется более эффективным именно противодействие незаконному производству наркотиков. Таким образом, проблема противодействия данным преступлениям является одной из важных в обеспечении государственной безопасности России, так как данный вид незаконной деятельности несет угрозу для всех компонентов национальной безопасности и, как верно отмечалось многими учеными и действующими сотрудниками правоохранительных органов, «эта угроза эквивалентна применению оружия массового поражения»¹.

Анализ приведенных статистических данных январь 2019 – март 2024 г. свидетельствует о том, что количество выявленных лиц, совершивших рассматриваемые преступления, в каждом отчетном периоде превышало количество раскрытых преступлений, что свидетельствует о преобладании именно группового характера совершенных преступлений.

Преступность в сфере незаконного оборота наркотиков в России, особенно в сфере их незаконного производства, уже давно приобрела организованный характер. Данный вывод подтверждается статистическими данными, согласно которым в течение последних пяти лет отмечается рост количества раскрытых преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных организованной группой либо преступным сообществом (преступной организацией).

Так, в январе–декабре 2019 г. среди всех преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков было раскрыто 5 791 преступление², в аналогичном периоде 2020 г. — 6 496 (+ 12,2 %) ³, в 2021 г. — 7 643 (+ 17,7 %) ⁴, в 2022 г. — 9 293 (+ 21,6 %) ⁵, в 2023 г. — 12 874 (+ 38,5 %) ⁶ (рис. 3).

¹ См., например: Распространение наркотиков в России несет непосредственную угрозу безопасности страны, считают в ФСБ // ФСБ России. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/comment/remark/single.htm%21id%3D10309970%40fsbComment.html> (дата обращения: 01.05.2024).

² См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/1748898> (дата обращения: 26.04.2024).

³ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2020 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/2041459> (дата обращения: 26.04.2024).

⁴ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2021 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/2315310> (дата обращения: 26.04.2024).

⁵ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5130663> (дата обращения: 26.04.2024).

⁶ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2023 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5095078> (дата обращения: 26.04.2024).

Рис. 3. Динамика количества раскрытых преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных в составе организованных групп и организованных преступных сообществ

Организованная группа, занимающаяся незаконным производством наркотиков, представляет собой действительно специфическое преступное формирование, во многом не похожее на организованные группы, совершающие иные преступления.

Чаще всего преступная деятельность подобных групп осуществляется бесконтактным способом. Руководителем группы при строгом соблюдении мер конспирации выбирается соответствующий, наиболее оптимальный способ совершения преступления с учетом находящихся в его распоряжении в конкретный момент ресурсов. Подобные руководители часто организуют весь процесс незаконного производства: дистанционно (посредством интернет-мессенджеров и приложений, социальных сетей) подбирают и приглашают новых членов преступной группы, организуют бесконтактную передачу им необходимого оборудования, прекурсоров, технологий и инструкций по процессу незаконного производства, информации о возможности приобретения тех или иных составляющих; координируют действия членов преступной группы, распределяют функциональные обязанности между ними (производитель, фасовщик, закладчик и т.д.), контролируют соблюдение участниками группы мер конспирации. Кроме того, указанные «организаторы» (или «кураторы») дают указания непосредственным производителям наркотического средства или психотропного вещества по их дальнейшей расфасовке и размещению в тайниках, собирают еженедельные отчеты о проделанной членами группы работе. Нередко установление и задержание данных лиц представляют повышенную сложность для сотрудников правоохранительных органов, так как они находятся преимущественно за рубежом и не осуществляют прямой контакт с иными соучастниками или наркотическими средствами.

Таким образом, одним из наиболее распространенных способов совершения подобных преступлений является создание собственной подпольной нарколаборатории, для этого требуется: во-первых, привлечение соответствующих специалистов-химиков либо обучение не имеющих подобного опыта лиц основам незаконного производства наркотиков; во-вторых, приобретение необходимого оборудования; в-третьих, аренда либо приобретение в собственность подходяще-

го помещения; в-четвертых, создание канала доставки произведенного наркотика лицам, выполняющим функции «оптовых» закладчиков.

Судебная практика свидетельствует об увеличении количества преступлений в сфере незаконного производства наркотических средств и психотропных веществ, совершенных в составе организованных групп, чаще всего созданных не «снизу» (то есть непосредственного самими участниками группы), а «сверху» — некими «организаторами» или «кураторами», то есть хорошо законспирированными неустановленными лицами, по характеру выполняемых ролей являющимися фактически руководителями организованных преступных групп и вовлекающими непосредственных исполнителей в их состав.

Организаторами подобных преступных групп выступают лица, хорошо осведомленные об актуальной ситуации на российском и даже международном наркорынке, об имеющихся на нем тенденциях спроса тех или иных наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, о возможных направлениях развития незаконного производства и организации дальнейшего сбыта наркотиков.

Их цель, безусловно, заключается в получении значительной финансовой выгоды в течение неограниченного периода. Вернее, в течение того времени, пока незаконная деятельность по производству наркотиков не будет пресечена сотрудниками правоохранительных органов.

Так, судебная практика свидетельствует о том, что чаще всего период деятельности организованных групп, занимающихся незаконным производством наркотиков, в среднем не превышает полугодя¹, хотя встречаются единичные случаи функционирования в течение более длительного периода, например свыше года².

Незаконная деятельность организованных групп по производству наркотиков всегда реализуется с целью их дальнейшего незаконного сбыта, чаще всего, посредством сохраняющих анонимность интернет-платформ и мессенджеров, где создаются автоматизированные магазины (чат-боты), содержащие «витрины», то есть информацию о предлагаемых наркотических средствах (их видах и цене), о способах оплаты (включая электронные платежи) и реквизитах (в том числе использование криптовалюты), о местах возможного оборудования тайников с наркотиками, а также о возможностях трудоустройства (о предлагаемых вакансиях в организованной группе, об условиях работы и размере незаконного вознаграждения за выполняемую преступную роль).

В целом анализ судебной практики при разрешении вопроса о наличии или отсутствии признака совершения данных преступлений в составе организо-

¹ См.: Приговор Свердловского областного суда от 8 февраля 2024 г. по делу № 2-5/2024 // Свердловский областной суд. URL: https://oblsud--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=14016500&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 01.05.2024); приговор Свердловского областного суда от 12 июля 2023 г. по делу № 2-10/2023 // Свердловский областной суд. URL: https://oblsud--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=9192681&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 01.05.2024).

² См.: Приговор Пензенского областного суда от 21 июля 2021 г. по делу №2-4/2021 // Пензенский областной суд. URL: https://oblsud--pnz.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=4826830&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 01.05.2024).

ванной группы свидетельствует о необходимости доказывания следующих обстоятельств:

наличие руководителя группы («организатора», «спонсора»);
осуществление тщательной подготовки к совершению преступления;
наличие заранее разработанного плана совместной преступной деятельности;
объединение всех участников преступной группы как установленных, так и неустановленных единым умыслом, направленным на совершение преступления организованной группой;

распределение функций между членами группы («руководителями», «технологами», «курьерами», «оптовыми закладчиками» и «производителями») при подготовке к совершению преступлений и осуществлении преступного умысла;

осведомленность участников о характере деятельности группы, заключающейся в производстве наркотиков;

устойчивость и сплоченность членов преступной группы;

наличие общей финансовой основы, обеспеченной одним или несколькими участниками группы;

осознание участниками группы распределения ролей между ними и руководителем в процессе осуществления преступного умысла;

выполнение участниками группы «специальных действий» в процессе совершения преступления, например получение специальных познаний для производства наркотиков кустарным способом; приобретение специальных веществ, реактивов, приспособлений, оборудования; осуществление необходимого ремонта в помещении, предназначенном для производства наркотика; выполнение активных действий по производству наркотиков и достижение результата в виде готового продукта; осуществление контроля данного производства;

совместность, согласованность действий участников группы и их направленность на достижение единой цели, а также серийный и законспирированный характер деятельности;

неизменность преступных целей, связанных с незаконным производством наркотиков, получением в связи с этим материального дохода и удовлетворением своих материальных потребностей, к достижению которых стремились все соучастники;

осуществление координации действий с помощью средств связи (с использованием СИМ-карт, оформленных в целях конспирации на иных лиц) как между собой, так и с руководителями¹, в том числе принятие согласованных и совместных решений по тем или иным вопросам деятельности группы, связанным с производством наркотиков и их последующим сбытом;

осуществление противоправной деятельности в течение определенного периода (чаще всего — нескольких месяцев);

соблюдение членами группы мер конспирации, минимизирующих риск обнаружения соучастников.

В связи с изложенным представляется целесообразным перечислить и наиболее значимые криминалистические характеристики незаконного производства наркотических средств, совершенного организованной группой:

¹ См.: Приговор Пензенского областного суда от 21 июля 2021 г. по делу № 2-4/2021 // Пензенский областной суд. URL: https://oblsud--pnz.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=4826830&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 01.05.2024).

реализация избранных способов незаконного производства наркотиков обусловлена прежде всего соответствующей формой преступной деятельности организованной группы, количеством входящих в ее состав членов и их финансовым уровнем, а также комплексом других криминалистических факторов;

с точки зрения выявления и раскрытия наибольшую сложность вызывают преступные действия организованных групп, занимающихся незаконным производством наркотиков в целях последующего их незаконного сбыта бесконтактным способом, так как даже установление нескольких членов данной группы, выполняющих роли производителей или «оптовых закладчиков», не гарантирует возможности последующего установления и привлечения к уголовной ответственности непосредственно самого организатора (или организаторов) преступной группы и иных лиц, находящихся выше рядовых членов в преступной иерархии [2, с. 673].

Безусловно, в случае выявления и пресечения сотрудниками правоохранительных органов незаконной деятельности подпольной нарколаборатории фактически ликвидируется канал незаконного поступления наркотиков, однако хорошо законспирированные руководители организованной группы, избежавшие уголовной ответственности, могут подыскать новых исполнителей их преступного умысла и организовать подобную лабораторию уже на территории другого региона.

В связи с изложенным можно с уверенностью утверждать, что незаконное производство наркотических средств и психотропных веществ, совершенное организованными группами, отличается повышенной степенью общественной опасности даже в сравнении с иными преступлениями в сфере незаконного оборота наркотиков.

Таким образом, целью сотрудников правоохранительных органов должны быть выявление и пресечение деятельности именно организаторов незаконного производства наркотиков, поэтому борьба с данными преступлениями требует:

во-первых, привлечения к их выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию уголовного дела самых опытных и высококвалифицированных сотрудников правоохранительных органов;

во-вторых, взаимного обмена положительной практикой, способами и методиками их выявления и раскрытия между всеми заинтересованными субъектами правоохранительной деятельности, в первую очередь, между органами внутренних дел и органами ФСБ России;

в-третьих, консолидации усилий правоохранительных органов, иных государственных органов, научного сообщества и, конечно же, общественности по всему комплексу вопросов борьбы с данными преступлениями.

Библиографический список

1. *Васильева Н.А.* Современные тенденции незаконного производства наркотиков как объекта криминалистического изучения // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 3. С. 112–126.
2. *Балчиймаа Ю.Б.* Способы совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, связанные с их производством // Проблемы совершенствования российского законодательства: сб. тезисов Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. курсантов, слушателей и студентов. Барнаул: Изд-во Барнаул. юрид. ин-та МВД России, 2023. С. 673–674.

References

1. *Vasilyeva N.A.* Modern Trends in the Illegal Production of Drugs as an Object of Forensic Study // Current Problems of Russian Law. 2022. No.3. P. 112-126.
2. *Balchiima Yu.B.* Methods of Committing Crimes in the Sphere of Drug Trafficking Related to Their Production // Problems of Improving Russian Legislation. Collection of abstracts of the All-Russian (with international participation) scientific conference of cadets, listeners and students. Barnaul: Publishing House of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. P. 673–674.

Р.А. Севостьянов, А.В. Шатилов

РАЗВИТИЕ ИНТЕЛЛЕКТА У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ФАКТОР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Введение: в статье рассматриваются вопросы развития интеллекта у несовершеннолетних в контексте предупреждения преступного поведения. Отмечается важность развития критичности к своему поведению и его последствиям как качества, способствующего выбору наиболее рациональной активности в определенной ситуации. Обозначены методы, формы и средства развития интеллекта. **Цель** — выявить место и роль интеллектуального развития в системе детерминант преступного поведения, поиск наиболее адекватного подхода к интеллектуальному воспитанию несовершеннолетних с позиций выработки критического отношения к собственному поведению и его последствиям, направленного на предупреждение антисоциальных форм активности. **Методологическая основа:** совокупность диалектического и системного методов изучения проблемы, в соответствии с которыми все предметы и явления существующей реальности подлежат изучению с разных позиций во взаимодействии с окружающими их компонентами объективного мира. **Результаты:** аргументирован авторский подход к профилактической работе, направленной на развитие интеллектуальных характеристик у несовершеннолетних, в контексте предупреждения общественно опасного поведения. Предложены методы, формы и средства работы с несовершеннолетними. **Выводы:** интеллект является важной составляющей психологического развития человека, который, опираясь на критичность по отношению к поведению и его последствиям, выступает серьезным фактором предупреждения преступного поведения.

Ключевые слова: индивидуальная профилактика преступности, интеллектуальные характеристики преступника, личность преступника, предупреждение преступлений.

R.A. Sevostyanov, A.V. Shatilov

DEVELOPMENT OF INTELLIGENCE IN JUVENILES AS A FACTOR IN PREVENTING CRIMINAL BEHAVIOR

Background: the article deals with the development of intelligence in juveniles in the context of preventing criminal behavior. The importance of the development of criticality to their behavior and its consequences as a quality that contributes to the choice of the most rational activity in a particular situation is noted. Methods, forms and means of intelligence development are outlined. **Objective** — to identify the place and role of intellectual development in the system of determinants of criminal behavior, the search for the most adequate approach to the intellectual education of mi-

© Севостьянов Роман Александрович, 2024

Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: postmeister@yandex.ru

© Шатилов Алексей Валерьевич, 2024

Кандидат юридических наук, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки (Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации); e-mail: shatilovalekseyy@rambler.ru

© Sevostyanov Roman Aleksandrovich, 2024

Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology (Saratov State Law Academy)

© Shatilov Aleksey Valerievich, 2024

Candidate of Law, Lecturer at the Tactical and Specialized Training Department (Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

nors from the position of developing a critical attitude to their own behavior and its consequences, aimed at preventing antisocial forms of activity. **Methodology:** a set of dialectical and systemic methods of studying the problem, in accordance with which all objects and phenomena of the existing reality are subject to study from different positions in interaction with the surrounding components of the objective world. **Results:** the author's approach to preventive work aimed at the development of intellectual characteristics in minors in the context of preventing socially dangerous behavior is argued. Methods, forms and means of work with minors are proposed. **Conclusions:** intelligence is an important component of human psychological development, which, based on criticality in relation to behavior and its consequences, acts as a serious factor in the prevention of criminal behavior.

Keywords: individual crime prevention, intellectual characteristics of a criminal, personality of a criminal, prevention of crimes.

Знания о личности преступника выступает неоспоримой догмой для развития теории и практики криминологической науки [1, с. 279–282]. Именно человек совершает преступления, является носителем криминальной идеологии, а также основных детерминант, провоцирующих преступное поведение, поэтому внимание криминологии сосредоточено на нем, как на центральном звене научного обобщения и анализа.

Человеческая личность многогранна. Она включает биологические, морально-этические, психологические, социально-ролевые и другие взаимосвязанные компоненты [2, с. 312–314]. Все они оказывают существенное влияние друг на друга, поэтому должны рассматриваться комплексно, как единая система, образующая данную многогранную категорию. Вместе с тем отдельные элементы следует изучать и самостоятельно, что позволит углубить научные знания в том или ином направлении. Однако одно лишь изучение личности, оторванное от важных практических выводов, вряд ли имеет большой научный смысл. Ю.М. Антонян справедливо отмечает, что «криминология обязана не только объяснять личность преступника, но и создавать методики профилактического воздействия на нее» [3, с. 117]. Только в этом случае изучение личностных компонентов будет оправдано, а все глубокие изыскания обретут реальный смысл.

Важнейшим компонентом человеческой психики является интеллект, который, наряду с эмоциями и волей, образует триаду личностных качеств, являющуюся основой для формирования человека как значимой социальной единицы.

В психологической науке под интеллектом принято понимать «относительно устойчивую структуру способностей, в основе которых лежат процессы, обеспечивающие переработку разнокачественной информации и осознанную ее оценку. В широком смысле интеллект — это совокупность всех познавательных функций индивида: от ощущения и восприятия до мышления и воображения. В узком смысле под интеллектом часто понимают мышление» [4, с. 7].

Значимой составляющей интеллекта является способность человека к абстрактному мышлению, предоставляющему возможность оторваться от реальности и построить модель развития той или иной жизненной ситуации. Развитие абстрактного мышления предполагает высокую критичность к своему поведению, предвидение его результата, следовательно, и способность субъекта к выбору наиболее оптимального варианта поведения.

Высокий уровень развития интеллекта позволяет контролировать эмоции, в частности сдерживать гнев, агрессию и другие проявления, которые могут

представлять не только опасность для самого человека, но и для окружающих его людей.

Неразвитый интеллект, сочетаясь с моральным дефицитом, является весьма благоприятным условием для антиобщественной активности. Слабая оценка возможных последствий своих действий, сниженный контроль своего эмоционального состояния, а также избыточная зависимость от чужого мнения создают значимые предпосылки для совершения преступления.

Кроме того, неразвитый интеллект способствует ригидности (неподвижности) мышления, являющейся основой для застревания на сверхценных идеях (мести, ненависти, ревности и т.п.), что нередко может послужить фактором, способствующим преступному поведению.

Из интервьюирования психолога уголовно-исполнительной системы следует, что сниженный интеллект является характерной чертой значительного числа осужденных. Неспособность мыслить критически часто ведет человека к алкоголизации и наркотизации, поиску сиюминутных удовольствий, толкает на необдуманные поступки, которые нередко пересекают грани закона.

Особое внимание в криминологической науке уделяется изучению преступности несовершеннолетних. Это связано с тем, что подростковая криминальная активность создает предпосылки для преступности взрослых. Помимо этого, важность изучения данной сферы связана и с еще сохраняющейся возможностью позитивно повлиять на личность несовершеннолетнего правонарушителя с целью недопущения совершения им преступлений в будущем, что существенно осложнено в отношении взрослых сформированных личностей.

«В настоящее время преступность несовершеннолетних — это одна из самых актуальных проблем, стоящих перед государством и обществом» [5, с. 115]. В 2023 г. было выявлено 22 340 несовершеннолетних, совершивших преступления [6, с. 62]. Е.А. Пашенко отмечает отставание в интеллектуальном развитии несовершеннолетних как серьезный фактор, детерминирующий преступное поведение [7, с. 54–55].

Выборочное исследование преступлений, совершенных лицами с невысоким уровнем интеллекта, показало следующие результаты. Во-первых, отмечена доминанта лиц с низким уровнем интеллекта среди преступников, совершивших ситуационные насильственные деяния (74,2 %). Во-вторых, обращает на себя внимание примитивизм криминальной активности исследуемой категории лиц, что проявляется в хаотичности действий, их неспланированности, спонтанности (69,3 %). В-третьих, выявлен более высокий уровень рецидива у лиц с низким уровнем интеллектуального развития — 68 % (у лиц со средним уровнем — 61 %).

Развитие интеллекта у человека должно осуществляться на протяжении всей жизни. Это особенно важно в подростковом возрасте, когда происходит формирование личности в целом, а подаваемый материал, как правило, является первичным для человека и хорошо усваивается. Вектор настоящего исследования направлен на раскрытие вопросов, относящихся к развитию интеллекта у несовершеннолетних, и отнесение данного фактора к одному из важных аспектов профилактики преступного и иного девиантного поведения.

Целью работы по повышению уровня интеллектуального развития несовершеннолетних является формирование у них способности к абстрактному мышлению, предполагающему умение моделировать жизненную ситуацию,

относиться критически к своему поведению, предвидеть возможные его последствия, избегать нежелательного результата, понимать выгоду от выбора наиболее рационального пути.

Обязательный элемент работы по развитию интеллекта у несовершеннолетних — включение моральной составляющей, которая «красной нитью» должна пронизывать всю данную деятельность. В качестве задач данной деятельности следует назвать: формирование у несовершеннолетних высокого уровня логического мышления, способностей мыслить критически и избегать зависимости от чужого деструктивного влияния, развитие способности принимать оптимальные решения, согласующиеся с интересами окружающих и закона.

Методами работы с несовершеннолетними по развитию интеллекта выступает система наиболее общих способов решения задач по развитию интеллекта: убеждение, приучение, поощрение, воспитание на личном примере и др.

К формам активности, развивающим интеллект у несовершеннолетних, следует отнести: практические (походы, экскурсии и т.п.), словесные (конференции, лекции, семинары), наглядные (выставки, стенды и т.п.).

Средства развития интеллекта представлены конкретными мероприятиями или формами работы: учеба в школе по всем дисциплинам, учеба в рамках программ дополнительного образования по развитию интеллектуальных, творческих и иных способностей, интеллектуальные интерактивные игры, игры, развивающие логическое мышление, просмотры фильмов на познавательную тематику и последующее их конструктивное обсуждение, чтение научно-популярной и исторической литературы, тематические беседы по различным направлениям, посещение музеев, выставок, посещение культурных мероприятий (кинозалов, театров, концертов, цирковых представлений с последующим обсуждением), участие в познавательных проектах и т.п.

Говоря о развитии интеллекта у подростка, отметим, что оно должно сопровождаться привитием нравственных качеств. В противном случае одно лишь совершенствование мыслительных ресурсов не является полноценной гарантией формирования законопослушной личности.

На основании изложенного резюмируем, во-первых, интеллект является важным фактором, сдерживающим преступное поведение индивида; во-вторых, развитие интеллекта актуально на протяжении всей человеческой жизни, но прежде всего в подростковый период — время становления личности; в-третьих, развитие интеллекта — комплексная задача семьи, школы, общества и государства, предполагающая постоянное, систематическое воздействие в позитивных целях, сочетающая разные методы, формы и средства воздействия; в-четвертых, развитие интеллекта у несовершеннолетнего в сочетании с привитием нравственной основы должно стать серьезным препятствием на пути выбора преступного способа удовлетворения собственных потребностей.

Библиографический список

1. Акчурин А.В. Предпосылки возникновения и развитие современных представлений о личности преступника // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2018. Т. 43, № 2. С. 279–282.
2. Везетцу В.В., Буря Л.В. Проблема определения компонентов структуры личности // *Проблемы современного педагогического образования*. 2020. № 66-1. С. 312–314.

3. *Антонян Ю.М.* Личность преступника и исправление осужденных // Вестник РГГУ. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. № 2. С. 117–127.
4. *Меренкова В.С., Пронина А.Н., Ельникова О.Е., Комлик Л.Ю., Фаустова И.В.* Словарь психологических терминов. Елец: Гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2016. 100 с.
5. *Окутина Н.Н., Забелич Л.В.* Преступность несовершеннолетних в России: состояние и меры профилактики // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1(99). С. 114–121.
6. Состояние преступности в России в январе–декабре 2023 г. С. 52.
7. *Пащенко Е.А.* Криминогенность отставания психического развития несовершеннолетних // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 2. С. 64–65.

References

1. *Akchurin A.V.* Prerequisites for the Emergence and Development of Modern Ideas About the Personality of a Criminal // *Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law.* 2018. Vol. 43, no. 2. P. 279–282.
2. *Vesetiu V.V., Burya L.V.* The Problem of Determining the Components of the Personality Structure // *Problems of modern pedagogical education.* 2020. No. 66-1. P. 312–314.
3. *Antonyan Y.M.* The Identity of the Criminal and the Correction of Convicts // *Bulletin of the Russian State University. Series Economics. Management. Law.* 2019. No. 2. P. 117–127.
4. *Merenkova V.S., Pronina A.N., Yelnikova O.E., Komlik L.Y., Faustova I.V.* Dictionary of Psychological Terms. Yelets: I.A. Bunin State University, 2016. 100 p.
5. *Okutina N.N., Zabelich L.V.* Juvenile Delinquency in Russia: Condition and Preventive Measures // *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2023. No. 1(99). 114–121 p.
6. State of Crime in Russia in January-December 2023. 52 p.
7. *Pashchenko E.A.* Criminogenicity of Mental Retardation in Minors // *North Caucasian Legal Bulletin.* 2009. No. 2. P. 64–65.

Н.В. Спесивов, А.А. Титов

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И РОЛИ ПРОКУРОРА В РЕАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Введение: в условиях активной санкционной политики недружественных государств, неблагоприятных внешнеполитических и экономических факторов особую актуальность и значимость приобретают вопросы перестройки социально-экономических процессов государства, обеспечения технологического суверенитета, продовольственной безопасности, что напрямую связано с улучшением инвестиционного климата. Данные направления находятся в зоне пристального внимания органов прокуратуры, в том числе защита прав добросовестных предпринимателей и инвесторов. **Цель** — рассмотреть законодательные основы и правоприменительную практику реализации инвестиционных проектов в некоторых субъектах Российской Федерации. Обозначить роль органов прокуратуры в вопросах защиты прав инвесторов. **Методологическая основа:** совокупность общенаучных методов, метода системного анализа законодательства и правоприменительной практики, а также формально-юридического метода. **Результаты:** исследованы сущность, особенности и характер заключения концессионных соглашений, соглашений о государственно-частном партнерстве (муниципально-частном партнерстве). Рассмотрено региональное нормотворчество в сфере инвестиционной деятельности на примерах Республики Крым и Саратовской области. **Выводы:** проведенный анализ инвестиционного законодательства выявил сходства и различия заключения концессионных соглашений, соглашений о государственно-частном и муниципально-частном партнерстве. Соблюдение баланса прав и обязанностей инвестора и государства (субъектов РФ, муниципалитетов) в лице уполномоченных органов непосредственно связано с инвестиционной привлекательностью региона, следовательно, с созданием благоприятного инвестиционного климата. Наделение регионов полномочиями в сфере нормативно-правового регулирования инвестиционных отношений, как правило, влечет издание большого числа законодательных актов, влияющих на состояние законности в рассматриваемой сфере общественных отношений. В связи с этим прокурорский надзор в сфере реализации инвестиционных проектов требует от прокурорских работников не только знания федеральных, региональных норм, но и понимания экономических процессов, а в некоторых случаях — тонкостей технико-экономических характеристик инвестиционных проектов, что требует специальных познаний.

Ключевые слова: прокурорский надзор, инвестиционное право, инвестиционные проекты, санкции, концессионные соглашения, государственно-частное партнерство.

© Спесивов Никита Владимирович, 2024
Кандидат юридических наук, доцент, директор Института прокуратуры (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: nikita_spesivov@bk.ru

© Титов Александр Александрович, 2024
Кандидат юридических наук, советник РНКБ Банк (ПАО); e-mail: etotitov@ya.ru

© Spesivov Nikita Vladimirovich, 2024
Candidate of Law, Associate Professor, Director of the Institute of the Prosecutor's Office (Saratov State Law Academy)

© Titov Aleksandr Aleksandrovich, 2024
Candidate of Law, Counsellor of RNKB Bank (PJSC)

N.V. Spesivov, A.A. Titov

ON THE IMPROVEMENT OF NORMATIVE-LEGAL REGULATION
OF INVESTMENT ACTIVITY AND THE ROLE OF THE PROSECUTOR
IN THE IMPLEMENTATION OF INVESTMENT PROJECTS

Background: under the conditions of active sanctions policy of unfriendly states, unfavorable foreign policy and economic factors, the issues of restructuring the socio-economic processes of the state, ensuring technological sovereignty, food security, which is directly related to the improvement of the investment climate, are of particular relevance and importance. These areas are in the zone of close attention of the prosecutor's office, including the protection of the rights of bona fide entrepreneurs and investors. **Objective** — to consider the legislative framework and law enforcement practice of investment project implementation in some constituent entities of the Russian Federation. To outline the role of prosecutor's offices in the protection of investors' rights. **Methodology:** a set of general scientific methods, the method of system analysis of legislation and law enforcement practice, as well as the formal legal method. **Results:** the essence, features and nature of concession agreements, agreements on public-private partnership (municipal-private partnership) are investigated. The regional rule-making in the sphere of investment activity is considered on the examples of the Republic of Crimea and Saratov region. **Conclusions:** the analysis of the investment legislation allowed to draw a conclusion about the similarities and differences in the conclusion of concession agreements, public-private and municipal-private partnership agreements. The authors determined that the balance of rights and obligations of the investor and the state (subjects of the Russian Federation, municipalities) represented by authorized bodies is directly related to the investment attractiveness of the region, hence, to the creation of a favorable investment climate. As a rule, granting the regions powers in the sphere of normative-legal regulation of investment relations entails the issuance of a large number of legislative acts affecting the state of legality in the considered sphere of public relations. In this regard, prosecutor's supervision in the sphere of investment projects implementation requires from prosecutors not only knowledge of federal and regional norms, but also understanding of economic processes, and in some cases — the subtleties of technical and economic characteristics of investment projects, which requires special knowledge.

Keywords: prosecutorial supervision, investment law, investment projects, sanctions, concession agreements, public-private partnership.

Внешнеполитические и экономические факторы, обусловленные открытой санкционной политикой недружественных России государств, ставят перед Российской Федерацией в целом и регионами в частности задачи по обеспечению экономического суверенитета, реализации мер, направленных на сбалансированное развитие регионов и динамичное социально-экономическое развитие страны, в том числе в контексте расширения и укрепления внешнеэкономических связей между государствами-партнерами, хозяйственных связей между субъектами РФ и бизнеса.

С учетом особенностей геополитической обстановки в последние годы инвестиционная деятельность стала особенно важным драйвером развития отечественной экономики как на федеральном, так и на региональном уровнях. Как обозначено в Указе Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»¹, стратеги-

¹ См.: СЗ РФ. 2017. № 20, ст. 2902.

ческий потенциал России, стабильность экономики и ее конкурентоспособность напрямую связаны с инвестициями, а «улучшение инвестиционного климата, формирование благоприятных условий для привлечения частных инвестиций в эту сферу научно-технической и инновационной деятельности, в том числе с использованием механизмов государственно-частного партнерства, развитие механизмов и инструментов инвестиционно-ориентированной государственной финансовой политики, предусматривающей в том числе увеличение нормы накопления, а также привлечение накоплений для реализации инвестиционных проектов» являются одними из ключевых задач по их достижению.

Современные вызовы и угрозы экономической безопасности указанный стратегический документ связывает в том числе с «недостаточным объемом инвестиций в реальный сектор экономики, обусловленным неблагоприятным инвестиционным климатом, высокими издержками бизнеса, избыточными административными барьерами, неэффективной защитой права собственности».

В связи с этим полагаем, что в современных реалияхкратно возрастает роль прокурорского надзора за исполнением законов об инвестиционной деятельности, которая является важным направлением надзора за исполнением федерального законодательства.

Особое внимание к данной тематике подчеркнуто уже традиционным присутствием на площадке Петербургского международного экономического форума представительства Генеральной прокуратуры РФ и личным участием Генпрокурора Игоря Краснова в мероприятиях данного форума¹.

Как верно отмечает Ш.М. Абдул-Кадыров: «Устранение административных барьеров, совершенствование нормативно-правовой базы, обеспечение принятия целевых программ развития малого и среднего бизнеса, их финансирования, соблюдения контролирующими органами прав хозяйствующих субъектов — все это важнейшие составляющие защиты прав предпринимателей, в том числе инвесторов» [1, с. 72].

Определяя рассматриваемую отрасль прокурорского надзора, Е.Е. Черных, В.А. Трофимов предлагают понимать ее как «осуществляемую от имени Российской Федерации специфическую деятельность органов прокуратуры, состоящую, во-первых, в правовом контроле соблюдения установленного законом порядка передачи денежных средств или иного имущества в денежной оценке одним лицом, именуемым инвестором, другому лицу — реципиенту инвестиций с целью извлечения прибыли; во-вторых, в совокупности действий, осуществляемых органами прокуратуры с целью проверки соблюдения финансовыми субъектами норм права в процессе образования, распределения и использования финансовых ресурсов для своевременного получения полной и достоверной информации о ходе реализации государственных экономических процессов; в-третьих, в системе мер законодательного, исполнительного и контролирующего характера, осуществляемых органами прокуратуры для стимулирования инвестиционной активности и на этой основе экономического роста страны» [2, с. 225].

Нормативно-правовое регулирование инвестиционной деятельности представлено массивом законодательства федерального и регионального уровня, а также актами органов местного самоуправления.

¹ См.: URL: <https://rg.ru/2024/06/07/krasnov-prokurory-vernuli-gosudarstvu-bolee-100-predpriyatij-na-13-trln-rublej.html> (дата обращения: 21.06.2024).

Что касается федерального уровня, то нормы, регулирующие правоотношения в сфере инвестиций, инвестиционные инструменты и механизмы их реализации содержатся в специализированных законах, важнейшими из которых являются федеральные: от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»¹, от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»², от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»³, от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴.

Следует отметить, что законы «О концессионных соглашениях» (далее — Закон № 115-ФЗ) и «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон № 224-ФЗ) объединяет общая цель — привлечение инвестиций в российскую экономику. Однако существенные их различия заключаются в характере финансирования, его объекте и наличии права собственности на объект таких соглашений.

В науке верно отмечается, что «соглашения о государственно-частном партнерстве и соглашения о муниципально-частном партнерстве, как правило, основываются на объединении ресурсов публичного партнера (Российской Федерации, либо субъекта Российской Федерации, либо муниципального образования) и частного партнера (российского юридического лица), с которым заключено соглашение (ст. 3 Закона № 224-ФЗ)» [3].

Бремя расходов в концессионном соглашении лежит на концессионере, — лице, который реконструирует или создает объект (ст. 3 Закона № 115-ФЗ). Следует отметить, что у частного партнера право собственности на объект соглашения о государственно-частном или муниципально-частном партнерстве возникнуть может, в то время как право собственности на объект концессионного соглашения всегда принадлежит концеденту, то есть Российской Федерации, либо субъекту Российской Федерации, либо муниципальному образованию.

Рассматриваемые виды соглашений объединяет то, что законодатель устанавливает перечни существенных условий, которые должны в них включаться. Это условия о предмете договора, указанные в ст. 432 ГК РФ, а также существенные условия, обозначенные в ст. 10 Закона № 115-ФЗ и ст. 12 Закона № 224-ФЗ, в том числе определяющие способы обеспечения исполнения обязательств. Следовательно, при отсутствии указанных условий инвестиционные соглашения могут быть признаны незаключенными.

Между тем нормативное регулирование на региональном и местном уровнях представляет особый интерес в рамках настоящей темы, поскольку субъекты Федерации, будучи наделенными полномочиями о регулировании инвестиционной деятельности на своей территории, издадут значительное количество

¹ См: СЗ РФ. 2005. № 30, ч. 2, ст. 3126; 2024. № 31, ст. 4456.

² См: СЗ РФ. 2007. № 31, ст. 4006; 2024. № 23, ч. 1, ст. 3053.

³ См: СЗ РФ. 2010. № 31, ст. 4179; 2024. № 29, ч. 2, ст. 4101.

⁴ См: СЗ РФ. 2015. № 29, ч. 1, ст. 4350; 2024. № 31, ст. 4456.

правовых актов, которые влияют как на инвестиционную привлекательность регионов, так и на состояние законности в данной сфере.

В качестве примера такого регионального нормативно-правового регулирования инвестиционной деятельности является постановление Совета министров Республики Крым от 7 октября 2014 г. № 368 «О некоторых вопросах реализации инвестиционных проектов на территории Республики Крым» (в ред. от 8 декабря 2021 г.) (вместе с Порядком рассмотрения обращений инвесторов, заключения, изменения и расторжения соглашений о реализации инвестиционных проектов, мониторинга и сопровождения инвестиционных проектов на территории Республики Крым, Положением о специализированной организации по привлечению инвестиций и работе с инвесторами в Республике Крым, Порядком сопровождения специализированной организацией по привлечению инвестиций и работе с инвесторами в Республике Крым инвестиционных проектов по заключенным соглашениям о реализации инвестиционных проектов на территории Республики Крым, Порядком принятия обязательств инвестора в рамках соглашений о реализации инвестиционных проектов на территории Республики Крым, Методикой расчета обязательств инвестора в рамках соглашений о реализации инвестиционных проектов на территории Республики Крым)¹. В указанных актах содержатся как прямые обязанности инвестора (уплачивать налоги и другие обязательные платежи, установленные законодательством Российской Федерации и Республики Крым и нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований в Республике Крым; выполнять требования государственных стандартов, норм, правил и других нормативов, установленных законодательством Российской Федерации и Республики Крым; соблюдать установленные нормы и требования, предъявляемые к осуществлению инвестиционной деятельности и др.), так и перечень действий, на которые инвестор не имеет права (передавать, сдавать земельный участок (объект имущества) в субаренду (поднаем), передавать свои права и обязанности по договору аренды другому лицу, предоставлять его в безвозмездное пользование, а также вносить арендные права в качестве вклада в уставной капитал хозяйственных товариществ и обществ или паевого взноса в производственный капитал; использовать объект имущества, земельный участок в целях, не связанных с реализацией инвестиционного проекта; на выкуп (приобретение права собственности) без торгов объектов имущества, полученных для реализации инвестиционного проекта по Инвестиционному соглашению и др.).

Тем самым, при проведении прокурорских проверок на предмет соблюдения требований закона в части реализации инвестиционных проектов на территории Республики Крым следует исходить из того, что указанные в нормативных актах требования к инвесторам являются исчерпывающими. Иные нормы, каких большинство, предъявляют определенные требования в большей степени к представительным органам власти субъекта и иным уполномоченным органам (в данном случае — к Корпорации развития Республики Крым), поскольку на них лежит обязанность оказания содействия инвесторам в реализации проектов, которые направлены на экономическое развитие региона.

¹ См: URL: <https://lenino.rk.gov.ru/documents/d68a0087-213f-4cc0-95ff-56e355751c37> (дата обращения: 21.06.2024).

Таким образом, соблюдение баланса прав и обязанностей инвестора и уполномоченных государственных органов, является залогом благоприятного инвестиционного климата и привлекательности региона. При этом надзор в данной сфере требует от прокуроров не только знания федеральных, региональных нормативных актов, но и понимания самих экономических процессов, а в некоторых случаях специальных познаний, например тонкостей технико-экономических характеристик инвестиционных проектов.

С учетом федеративного устройства России, регионы при построении системы своих органов исполнительной власти учитывают множество критериев, один из которых инвестиционная привлекательность. Соответственно, чем ниже очевидная инвестиционная привлекательность региона, тем больше эффективности требуется от региональных органов власти в вопросе повышения внимания инвесторов.

Так, Саратовская область является одним из немногих регионов России, где помимо министерства экономического развития и корпорации развития области действует министерство инвестиционной политики. В Саратовской области принято значительное количество правовых актов в анализируемой сфере, среди которых отметим следующие: Закон Саратовской области от 28 июня 2007 г. № 116-ЗСО «О режиме наибольшего благоприятствования для инвесторов в Саратовской области», Закон Саратовской области от 1 августа 2007 г. № 131-ЗСО «О ставках налога на прибыль организаций в отношении инвесторов, осуществляющих инвестиционную деятельность на территории Саратовской области», постановление Правительства Саратовской области от 24 июля 2017 г. № 377-П «О формировании единого информационного пространства Саратовской области в сфере инвестиционной деятельности», постановление Правительства Саратовской области от 22 февраля 2007 г. № 63-П «О ежегодном областном конкурсе “Инвестор года”», постановление Правительства Саратовской области от 28 октября 2013 г. № 579-П «О Регламенте действий органов исполнительной власти области по сопровождению инвестиционных проектов, реализуемых и (или) планируемых к реализации на территории Саратовской области», постановление Правительства Саратовской области от 27 октября 2016 г. № 588-П «О мерах по реализации Закона Саратовской области “О режиме наибольшего благоприятствования для инвесторов в Саратовской области”», постановление Губернатора Саратовской области от 8 июня 2022 г. № 185 «О создании Инвестиционного комитета при Губернаторе Саратовской области»¹.

Проведенный анализ нормативных актов, принятых органами власти Саратовской области и Республики Крым, показал, что в первом случае имеется большее количество норм, направленных на повышение интереса инвесторов и на поощрение уже действующих на территории региона субъектов инвестиционной деятельности. Более того, Саратовская область в обновленном национальном рейтинге инвестиционного климата занимает 13-е место, в то время как Республика Крым — 5-е².

Как справедливо замечает Н.Д. Бут, «повышение эффективности деятельности прокуратуры по противодействию нарушениям, представляющим угрозу финан-

¹ См.: URL: <https://saratov.gov.ru/gov/auth/mininvest/> (дата обращения: 21.06.2024).

² См.: URL: https://asi.ru/government_officials/rating/ (дата обращения: 21.06.2024).

совому суверенитету государства, финансовой и экономической безопасности, возможно только при наличии надлежащей правовой базы» [4, с. 15].

Говоря о проверке уже реализуемых инвестиционных проектов, следует отметить, что прокуроры, как правило, не ставят перед собой задачу анализа хода реализации заявленного инвестором при подписании инвестиционного соглашения календарного плана реализации инвестпроекта, а также достижения поставленных в технико-экономическом обосновании проекта показателей (таких как количество созданных рабочих мест, объем капитальных инвестиций и т.д.). Однако данные вопросы могут быть предметом внимания банков, предоставляющих инвесторам кредитование, особенно, если оно выражено в форме проектного финансирования. В связи с этим имеется значительный потенциал для выстраивания взаимодействия между банковским сектором и органами прокуратуры.

В заключение отметим, что в условиях внешних и внутренних ограничений, вызванных санкционной политикой и иными неблагоприятными факторами, содержащими угрозы экономической безопасности России, одной из приоритетных стратегических задач государства является формирование устойчивого инвестиционного климата в российских регионах. Исходя из этого, защита прав добросовестных инвесторов как ключевых участников рассмотренных в работе процессов крайне восприимчивых к внешним и внутренним ограничениям, создающим правовые, административные и иные барьеры, является одной из приоритетных задач органов прокуратуры.

Библиографический список

1. *Абдул-Кадыров Ш.М.* Практические аспекты защиты прав субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 1(69). С. 72–76.
2. *Черных Е.Е., Трофимов В.А.* Об определении понятия «прокурорский надзор за инвестиционной деятельностью» // Вестник Нижегородской академии МВД России. Сер. Юридическая наука и практика. 2011. № 3(16). С. 223–226.
3. Прокурорский надзор за исполнением законов об инвестиционной деятельности: пособие / под общ. ред. Н.Д. Бут. М.: Ген. прокуратура Рос. Федерации; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2020. 110 с.
4. *Бут Н.Д.* Актуальные направления обеспечения законности в условиях внешне-политических угроз // Организация прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав граждан в связи с принимаемыми в Российской Федерации мерами по поддержке экономики и социальной сферы, а также в связи с введением отдельных ограничений на осуществление финансово-хозяйственной и иной деятельности: сб. матер. науч.-практ. семинара (Москва, 14 июня 2023 г.) / под науч. ред. Н.Д. Бут. М.: Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2023. 116 с.

References

1. *Abdul-Kadyrov Sh.M.* Practical aspects of protecting the rights of subjects of entrepreneurial and investment activities // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2019. No. 1 (69). P. 72–76.
2. *Chernykh E.E., Trofimov V.A.* On the definition of the concept of «prosecutor's supervision of investment activities» // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 3 (16). P. 223–226.

3. Prosecutor's supervision over the implementation of laws on investment activities: manual / under the general. ed. N.D. But // Prosecutor General's Office of the Russian Federation; University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. M., 2020. 110 p.

4. *But N.D.* Current directions of ensuring the rule of law in the context of foreign policy threats // Organization of prosecutorial supervision over the execution of laws, observance of citizens' rights in connection with measures taken in the Russian Federation to support the economy and social sphere, as well as in connection with the introduction of certain restrictions on the implementation of financial, economic and other activities: collection of materials of the scientific and practical seminar (Moscow, June 14, 2023) / ed. board; under scientific ed. N.D. But; University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. M., 2023. 116 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2024-4-203-211
УДК 347.366

М.А. Перепелица

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ

Введение: защита прав потребителей финансовых услуг и повышение их доступности названы одной из пяти главных целей развития финансового рынка в Основных направлениях развития финансового рынка РФ на 2024 год и период 2025 и 2026 годов¹, значимость которой с каждым годом повышается, выходя на глобальный уровень — обеспечение национального развития государства. Это, в свою очередь, обуславливает все более активное внедрение в сектор банковских услуг (по сути, гражданско-правовых) публично-императивных начал и всепроникающего надзора со стороны государства в лице Центрального банка Российской Федерации. **Цель** — обосновать вывод об объективной необходимости усиления публично-правового регулирования и внедрения императивных требований на рынке банковских услуг на современном этапе. **Методологическая основа:** анализ научной литературы, законодательных актов, официальных документов Банка России и сравнительный метод, применяемый при изучении новых норм и правил, принятых ввиду перехода под императивное государственное регулирование и контроль банковского сектора. **Результаты:** аргументирована позиция автора о том, что только государственное регулирование и надзор за рынком банковских услуг может обеспечить действительную защиту прав потребителей этих услуг, создать доверительную и стабильную среду взаимодействия. **Вывод:** усиление государственного контроля посредством Центрального банка РФ за рынком банковских услуг создаст основы для устойчивого в долгосрочной перспективе существования денежно-кредитной системы государства, что является важным элементом национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: рынок банковских услуг, права потребителей финансовых услуг, публично-правовое регулирование, критерии мошеннических финансовых операций, превентивное и реактивное направление деятельности Банка России.

© Перепелица Мария Александровна, 2024
Доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права (Кубанский государственный университет); e-mail: perepelitsa.doc@gmail.com
© Perepelitsa Maria Aleksandrovna, 2024
Doctor of Law, Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law (Kuban State University)

¹ См.: URL: <https://www.cbr.ru/onfinmarket> (дата обращения: 07.08.2024).

M.A. Perepelitsa

CURRENT TRENDS IN LEGAL REGULATION
OF THE BANKING SECTOR OF FINANCIAL SERVICES

Background: protection of the rights of consumers of financial services and increasing their availability are named as one of the five main goals of the development of the financial market in the Basic Guidelines for the Development of the Financial Market of the Russian Federation for 2024 and the Period of 2025 and 2026, the importance of which increases every year, reaching the level of global issues of ensuring the national development of the state. This, in turn, determines the increasingly active introduction of public imperative principles and all-pervasive supervision by the state represented by the Central Bank of the Russian Federation into the banking services sector (essentially civil law). **Objective** — to substantiate the conclusion about the objective necessity of strengthening public-law regulation and introduction of imperative requirements in the market of banking services at the present stage. **Methodology:** analysis of scientific literature, legislative acts, official documents of the Bank of Russia and the comparative method used in the study of new norms and rules in view of the transition to imperative state regulation and control of the banking sector. **Results:** the author's position that only state regulation and supervision of the banking services market can provide real protection of the rights of consumers of these services, create a trusting and stable environment of interaction was argued. **Conclusions:** strengthening state control through the Central Bank of the Russian Federation over the banking services market will create the basis for the long-term sustainable existence of the state monetary system, which is an important element of the national security of the Russian Federation.

Keywords: banking services market, financial services consumer rights, public law regulation, criteria for fraudulent financial transactions, preventive and reactive activities of the Central Bank of the Russian Federation.

Экономические угрозы, с которыми столкнулась Российская Федерация (санкционное давление, ограничение доступа к рынку внешних заимствований, блокировка (а по факту кража) зарубежных активов, попытки обрушения национальной валюты и др.), усилили необходимость поиска и стимулирования развития внутренних источников финансирования экономики. Одним из таких потенциальных внутренних резервов является банковский сектор финансовых услуг, точнее, его функциональная возможность по трансформации сбережений и временно свободных средств граждан (бизнеса) в инвестиции, крайне необходимые в настоящий момент национальной экономике.

Следует сказать, что только за счет активной деятельности потребителей банковских услуг можно увеличить внутренние инвестиционные возможности национальной экономики, где банки участвуют в качестве посредников, получая свою прибыль от такого участия. Для этого необходимо создать стабильные и доверительные отношения в банковском секторе между его участниками и, что является очень важным, усилить защиту прав наиболее слабой стороны правоотношений — потребителей. Несмотря на огромную проделанную работу в сфере защиты прав потребителей финансовых (в том числе банковских) услуг (создание института Финансового уполномоченного, Союза защиты прав потребителей финансовых услуг, Экспертных советов по защите прав инвесторов в составе ЦБ), в данном секторе остались нерешенными старые и развились новые проблемы, влекущие в целом серьезную опасность для денежно-кредитной системы государства. Это постоянное совершенствование видов мошенни-

чества на рынке банковских услуг, маскировка недобросовестных практик под «крайне необходимые» услуги для потребителей, агрессивные формы рекламы банковских услуг, финансовая неграмотность потребителей банковских услуг и др. Разумеется, что эти угрозы снижают степень активности потенциальных и действующих потребителей банковских услуг. Решить перечисленные проблемы без жесткого государственного регулирования, без усиления надзора и контроля со стороны Центрального банка Российской Федерации (далее — ЦБ РФ, Банк России) невозможно. Поэтому следует согласиться с обоснованной позицией в науке финансового права, доказывающей публично-правовую суть института защиты прав потребителей финансовых (банковских) услуг. «Защита прав потребителей в правовом смысле предполагает отход от классического принципа гражданского оборота: принципа равенства сторон в договоре... Государство и общество предоставляют такому потребителю дополнительные средства защиты для сглаживания несправедливости отношений с другой стороной договора» [1, с. 464–465].

О необходимости увеличения публично-правового регулирования в сфере предоставления банковских услуг говорится в работах таких ученых, как Е.В. Покачалова, М.П. Спиридонова [2, с. 128–138], Н.В. Неверова [3, с. 102–109], А.И. Григорьева, Х.В. Белогорцева (Пешкова) [4, с. 65–72], И.В. Глазунова, М.А. Парахуда [5, с. 57–64]. Сделанные данными специалистами выводы, а также законодательные (правотворческие) инициативы, выдвигаемые и принимаемые в последнее время (2023–2024), свидетельствуют о современной тенденции увеличения государственного регулирования и контроля в лице ЦБ РФ за сектором банковских услуг с целью защиты прав потребителей и гарантирования их финансовых интересов.

В науке финансового права выделяют превентивное и реактивное направление правового регулирования защиты прав потребителей в сфере банковских услуг [6, с. 134]. Превентивное означает самостоятельное выявление ЦБ РФ на рынке финансовых услуг практик и угроз, которые могут навредить интересам потребителей таких услуг, и осуществление работы над их устранением. Реактивное имеет место тогда, когда уже поступила жалоба или обращение от потребителя финансовой услуги, по результатам рассмотрения которой принимаются меры надзорного реагирования (сам термин «реактивное» означает реакцию ЦБ РФ на имеющиеся нарушения финансового законодательства).

Превентивный и реактивный аспекты деятельности ЦБ РФ на высшем уровне закреплены в федеральных законах от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. от 23 апреля 2024 г.)¹ и от 4 августа 2023 г. № 442-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»². При этом приоритет отдается превентивному регулированию, так как оно по своему содержанию включает предупреждающие и предохранительные действия, снижающие риски наступления нежелательных последствий или полной их нейтрализации. Выявление и предупреждение наступления рисков в деятельности

¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 28, ст. 2790; 2024. № 18, ст. 2410.

² См.: Российская газета. 2023. 8 августа.

финансовых организаций на ранних этапах позволяет не допустить накопления проблем, которые могут привести к значительным финансовым потерям как потребителей, так и самих организаций.

К уже применяемым действиям ЦБ РФ в сфере превентивного регулирования можно отнести следующие.

1. Поведенческий надзор, то есть надзор за тем как финансовые организации взаимодействуют с потребителем. В рамках данного надзора ЦБ РФ анализирует практики продажи финансовых продуктов и услуг и формирование доверительной информационной среды, при которой важное значение имеет полная и качественная информация, получаемая потребителем при использовании финансовой услуги (сервиса). Например, из последних важных нововведений по данному вопросу является принятие Федерального закона от 24 июля 2023 г. № 359-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О потребительском кредите (займе)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ в части совершенствования порядка расчета полной стоимости потребительского кредита (далее — ПСК) и указания его полной суммы на сайтах и в офисах. Данная норма (вступившая в силу с 21 января 2024 г.) обязывает банки включать в расчет ПСК все расходы заемщика по оплате услуг кредитора и третьих лиц, если получение таких услуг является фактическим условием предоставления кредита (это могут быть дополнительные страховки, юридическое обслуживание, смс-уведомления). Особое внимание обращается на процентную политику по кредиту: если предусмотрено две ставки, применяемые в зависимости от поведения заемщика, то необходимо рассчитать и сообщить должнику предельную стоимость в двух вариантах — минимальную и максимальную. Следует отметить, что ЦБ РФ начиная с 2013 г. рекомендовал финансовым организациям осуществлять указанные действия, однако рекомендация до сих пор не приобрела обязательный характер. Это объяснимо, ведь кредитная политика банков была построена на заманивании заемщиков выгодными условиями при одновременном утаивании неблагоприятных. Только публичное императивное регулирование данной сферы может позволить достичь поставленной задачи — формирование доверительной среды на рынке банковских услуг между его участниками и гарантирование соблюдения прав потребителей.

2. Надзор за соблюдением новых правил защиты клиентов банков от мошеннических операций. В этом аспекте банкам со стороны ЦБ РФ указано соблюдать так называемый механизм охлаждения, означающий, что по явно мошенническим операциям банк не должен переводить деньги в течение нескольких дней (двух дней). Дело в том, что финансовая грамотность большинства потребителей повышается значительно медленнее, чем совершенствуется финансовое мошенничество в цифровой среде, где работают кибермошенники и перед которыми, как показала практика последних двух лет, оказались безоружными большое количество граждан. По данным Банка России, преступникам удалось провести 1,17 млн успешных операций в 2023 г. (на 33 % больше, чем в 2022 г.) и украсть 15,8 млрд рублей, а в первом квартале 2024 г. — 4,3 млрд рублей². Такая статисти-

¹ См.: Российская газета. 2023. 1 августа.

² См.: Центральный банк Российской Федерации. Обзор операций, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций. URL: <https://www.cbr.ru/press/event> (дата обращения: 07.08.2024).

ка свидетельствует о серьезной неподготовленности потребителей финансовых услуг в данной области. Поднимать уровень их финансовых знаний, конечно же, необходимо, но времени на этот процесс осталось мало. Поэтому для исправления ситуации необходимо жесткое участие публичного субъекта власти (ЦБ РФ, уполномоченных государственных органов). 24 июля 2023 г. был принят Федеральный закон № 369-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О национальной платежной системе”»¹ (далее — Закон № 369-ФЗ), в соответствии с которым оператор денежных средств обязан осуществить проверку наличия признаков осуществления перевода денежных средств без добровольного согласия клиента или с согласия клиента, полученного под влиянием обмана или при злоупотреблении доверием до момента их списания. Признаки осуществления перевода без добровольного согласия клиента устанавливаются Банком России и размещаются на его официальном сайте в Интернете. Если такие признаки выявляются, то оператор по переводу денежных средств приостанавливает выполнение платежа на два дня либо отказывает вообще в проведении соответствующей операции (зависит от вида платежного инструмента). Клиенту предоставляются два дня, чтобы «остыть» (сам порядок так и называется механизм охлаждения) и принять более разумное и взвешенное решение.

Наиболее действенным барьером защиты клиента банка в ситуации с денежным мошенничеством является норма Закона № 369-ФЗ о том, что банки обязаны возвращать клиентам переведенные мошенникам деньги в том случае, если банк допустил перевод средств на мошеннический счет, который находится в специальной базе ЦБ РФ, и не проверил финансовую операцию как подозрительную и мошенническую (эти критерии и индикаторы уже систематизированы ЦБ РФ и работа в этом направлении продолжается). Сделать это необходимо в течение 30 календарных дней после получения заявления от пострадавшего. В тот же срок возмещение производится, если банк (оператор) не проинформировал клиента о рискованности выполняемой операции, совершенной без добровольного согласия клиента. Данная норма вступила в действие с 25 июля 2024 г. Таким образом, только публичное регулирование и надзор со стороны государства в лице ЦБ РФ может преобразовать финансовые организации, оказывающие кредитные услуги, из пассивных посредников по денежным переводам, которым, если говорить откровенно, выгодна закредитованность своих клиентов, даже возникшая в связи действиями финансовых мошенников, в активных и заинтересованных борцов с мошенническими операциями в банковской сфере (ведь теперь речь идет о возмещении денежных средств за счет самих банков). Только усиление публичного регулирования и контроля за банковским сектором со стороны государства посредством ЦБ РФ и других государственных органов повышает ответственность банков и уровень доверия к банковской системе со стороны клиентов.

3. Надзор за соблюдением новых правил дополнительной защиты средств граждан — «сервис второй руки», защита от закредитованности, кредитные каникулы. В первом случае речь идет о механизме дополнительной верификации финансовых операций, которые по желанию клиентов начнут одобрять их родственники или доверенные лица. Акцент делается на пожилых клиентов банков, которые могут назначить себе доверенное лицо для проверки своих денежных

¹ См.: Российская газета. 2023. 1 августа.

операций. Между тем любое другое лицо, независимо от возраста и состояния здоровья, также может воспользоваться данным защитным механизмом. В настоящее время «сервис второй руки» носит рекомендательный характер, но ЦБ РФ стремится сделать его обязательным на уровне закона. Банки будут обязаны согласовывать кредиты и денежные переводы клиентов с их родственниками, чтобы предотвратить мошенничество. Доверенное лицо в течение 12 часов должно будет подтвердить или отклонить операцию. В случае отсутствия реакции банк откажет в проведении трансакции.

Защита от закредитованности — это защита потребителя от самого себя. Требование ЦБ РФ об ужесточении ограничений на кредитование заемщиков с высокой долговой нагрузкой¹ является обязательным. С одной стороны, заемные средства способствуют благополучию граждан, но только в случае соблюдения ими финансовой дисциплины и недопущения чрезмерного роста задолженности относительно получаемых доходов. С другой стороны, доводят долговую нагрузку до такого показателя, когда заемщик может попасть под угрозу обращения взыскания на его имущество или признания его банкротом. Поэтому был введен новый стандарт — показатель долговой нагрузки (далее — ПДН), определяющий взаимосвязь между доходом физического лица и возможностью погашения кредитов. Сегодня данный показатель применяется банками в обязательном порядке при решении вопроса о предоставлении кредита и его условий. Однако у этой меры есть и вторая задача — кредитование заемщиков с высокой долговой нагрузкой может привести к снижению достаточности капитала банка — важного показателя для оказания им услуг на финансовом рынке. Если этот показатель упадет ниже определенного уровня, у банка может быть отозвана лицензия, так как его деятельность становится потенциально опасной для остальных потребителей банковских услуг. Это же положение распространяется и на микрофинансовые организации (далее — МФО). ПДН как правило должен составлять от 50 до 80 % от дохода потребителя². В этом же смысле следует понимать и законопроект, запрещающий банкам в одностороннем порядке повышать лимит по кредитным картам.

Существенным положительным изменением в правовом статусе заемщика в сфере защиты его прав стало введенное на постоянной основе с 1 января 2024 г. право на кредитные каникулы по потребительским кредитам³. Механизм кредитных каникул был введен в 2020 г. в связи с распространением коронавирусной инфекции, возобновлен в марте 2022 г. как поддержка заемщиков из-за введенных санкций, продлен до 31 декабря 2023 г. и по итогу установлен на постоянной основе. Как видим, инициатива по защите прав потребителей в банковской сфере исходила от публичного субъекта (ЦБ РФ), а не от самих банков, которые за внушительный период времени работы с клиентами в этом направлении так и не смогли самостоятельно предложить возможность кредитных каникул для лиц, столкнувшихся с временными жизненными трудностями. Ответ здесь очевиден — банкам это невыгодно.

¹ См.: Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 601-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О потребительском кредите (займе)” // Российская газета. 2023. 9 января.

² См.: Там же.

³ См.: Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 348-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Парламентская газета. 2023. 31 июля.

Реактивное направление правового регулирования со стороны ЦБ РФ являются маркером для более серьезного анализа деятельности финансовой организации, в отношении которой подается значительное количество жалоб и обращений от их клиентов. Так, ЦБ РФ для удобства и доступности использования потребителями размещает на официальном сайте, во-первых, список благонадежных финансовых организаций, автоматически отсекая недобросовестных, во-вторых, в разделе «Противодействие недобросовестным практикам» публикует список компаний с выявленными признаками нелегальной деятельности на финансовом рынке (компании с признаками финансовой пирамиды, нелегального кредитора и пр.). Все это гарантирует потребителям банковских услуг защиту их прав еще до получения такой услуги, а сам банковский сектор объективно «очищается» от недобросовестных участников, оставляя профессионалов, повышающих статус банковской системы.

4. ЦБ РФ создает различные возможности для подачи обращений и жалоб потребителями финансовых услуг: по телефону контактного центра, через сайт Банка России, мобильное приложение «ЦБ-онлайн», по записи на личный прием¹. С 1 июля 2024 г. вступил в силу Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 442-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», согласно которому в Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России)» была введена гл. XI «Порядок рассмотрения Банком России обращений граждан». Данный порядок значительно упрощает процедуру обращения физических лиц в Банк России в случае нарушения их прав, свобод и законных интересов финансовыми организациями. Сказанное свидетельствует об усилении публичной составляющей в деятельности ЦБ РФ на рынке банковских услуг.

В заключение отметим, что современные тенденции правового регулирования сектора банковских услуг характеризуются ростом публичных императивов и требований со стороны властвующих субъектов (ЦБ РФ), что является объективным и уже необходимым процессом на современном этапе развития государства. Только государственное регулирование и надзор за рынком банковских услуг позволит обеспечить защиту прав потребителей этих услуг, создать доверительную и стабильную среду взаимодействия и, что самое главное, по итогу, создаст устойчивое в долгосрочном смысле существование денежно-кредитной системы страны. Последнее представляет собой важный элемент национальной безопасности государства. А это значит, что работа в данном направлении только начата и будет иметь тенденцию к последующему усилению, что свидетельствует о начальном этапе исследования обозначенного в статье вопроса.

Библиографический список:

1. Финансовое право: учебник / отв. ред. Е.Ю. Грачева, О.В. Болтинова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2022. 624 с.

¹ См.: Указание Банка России от 11 октября 2017 г. № 4580-У «О порядке организации и проведении личного приема граждан в Общественной приемной Банка России в центральном аппарате Банка России» // Вестник Банка России. 2017. 18 октября.

2. Покачалова Е.В., Спиридонова М.П. Особенности защиты прав потребителей финансовых услуг в условиях цифровой экономики // Защита прав потребителей финансовых услуг: проблемы теории и практики: сб. науч. тр. по матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 8 декабря 2022 г.) / под общ. ред. Е.В. Покачаловой, А.С. Покачаловой, Е.А. Малыхиной. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2023. С. 128–138.

3. Неверова Н.В. О направлениях Банка России в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг // Защита прав потребителей финансовых услуг: проблемы теории и практики: сб. науч. тр. по матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 8 декабря 2022 г.) / под общ. ред. Е.В. Покачаловой, А.С. Покачаловой, Е.А. Малыхиной. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2023. С. 102–109.

4. Григорьева А.И., Белогорцева (Пешкова) Х.В. Интересы потребителей банковских услуг: гарантированность соблюдением принципов банковской деятельности в контексте финансового мониторинга и борьбы с коррупцией // Защита прав потребителей финансовых услуг: проблемы теории и практики: сб. науч. тр. по матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 8 декабря 2022 г.) / под общ. ред. Е.В. Покачаловой, А.С. Покачаловой, Е.А. Малыхиной. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2023. С. 65–72.

5. Глазунова И.В., Парахуда М.А. Центральный банк Российской Федерации как орган по защите прав потребителей финансовых услуг // Защита прав потребителей финансовых услуг: проблемы теории и практики: сб. науч. тр. по матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 8 декабря 2022 г.) / под общ. ред. Е.В. Покачаловой, А.С. Покачаловой, Е.А. Малыхиной. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2023. С. 57–64.

6. Леднева Ю.В. Споры о защите прав потребителей финансовых услуг, связанные с заключением договора страхования при предоставлении кредита // Комментарий судебной практики. Вып. 26 / отв. ред. К.Б. Ярошенко. М.: ИЗИСП при Правительстве РФ: юридическая фирма «Контракт», 2020. С. 134–145.

References

1. Financial Law: textbook / ed. by E.Y. Gracheva, O.V. Boltinova. 2nd ed., revised and suppl. M.: Prospect, 2022. 624 p.

2. Pokachalova E.V., Spiridonova M.P. Features of Consumer Protection of Financial Services in the Digital Economy // Protection of Consumer Rights of Financial Services: Problems of Theory and Practice: a collection of scientific papers based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference ((Saratov, December 8, 2022) / under the general ed. E.V. Pokachalova, A.S. Pokachalova, E.A. Malykhina; Saratov: Publishing House of the Saratov State Academy of Law, 2023. P. 128–138.

3. Neverova N.V. On the Directions of the Bank of Russia in the Field of Consumer Protection of Financial Services // Protection of the Rights of Consumers of Financial Services: Problems of Theory and Practice: a collection of scientific papers based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference ((Saratov, December 8, 2022) / under the general ed. E.V. Pokachalova, A.S. Pokachalova, E.A. Malykhina; Saratov: Publishing House of the Saratov State Academy of Law, 2023. P. 102–109.

4. Grigorieva A.I., Belogortseva (Peshkova) H.V. Interests of Consumers of Banking Services: Ensuring Compliance with the Principles of Banking in the Context of Financial Monitoring and Combating Corruption // Protection of the Rights of Consumers of Financial Services: Problems of Theory and Practice: a collection of scientific papers based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference ((Saratov, December 8, 2022) / under the general ed. E.V. Pokachalova, A.S. Pokachalova, E.A. Malykhina; Saratov: Publishing House of the Saratov State Academy of Law, 2023. 2023. P. 65–72.

5. Glazunova I.V., Parakhuda M.A. The Central Bank of the Russian Federation as a Body for the Protection of the Rights of Consumers of Financial Services // Protection of the Rights of Consumers of Financial Services: Problems of Theory and Practice: a collection of scientific

papers based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference ((Saratov, December 8, 2022) / under the general ed. E.V. Pokachalova, A.S. Pokachalova, E.A. Malykhina; Saratov: Publishing House of the Saratov State Academy of Law, 2023. P. 57–64.

6. *Ledneva Yu.V.* Disputes on the Protection of the Rights of Consumers of Financial Services Related to the Conclusion of an Insurance Contract When Providing a Loan //Commentary on Judicial Practice. Issue 26 / ed. by K.B. Yaroshenko. M.: IZISP under the Government of the Russian Federation: Law Firm “Contract”, 2020. P. 134–145.

М.Н. Садчиков

НАЛОГОВО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Введение: актуальность темы исследования обусловлена необходимостью формирования эффективной правовой базы для реализации налоговой политики Российского государства в условиях санкций. **Цель** — выявить особенности налогово-правового регулирования на современном этапе развития Российской Федерации и выработать предложения, направленные на повышение эффективности налогово-правовой политики. **Методологическая основа:** анализ, диалектический и сравнительно-правовой методы познания. Для достижения поставленной цели проведен анализ изменений актов законодательства о налогах и сборах за релевантный период, выявлены цели изменений и критерии эффективности принимаемых норм. **Результаты:** были обобщены основные направления налогово-правовой политики Российского государства в условиях санкций, выявлены некоторые проблемы чрезвычайного налогового нормотворчества, среди которых особое место занимает оценка эффективности чрезвычайных норм налогового права. **Выводы:** необходимо создание механизма оценки эффективности норм налогового права, принимаемых в условиях санкционного давления иностранных государств. Задача носит комплексный характер для представителей различных направлений научного знания, в том числе правовой науки.

Ключевые слова: налог, политика, санкции, льгота, эффективность.

M.N. Sadchikov

TAX AND LEGAL POLICY UNDER SANCTIONS

Background: the relevance of the research topic is conditioned by the need to form an effective legal framework for the implementation of the tax policy of the Russian state in the conditions of sanctions. **Objective** — to identify the features of tax and legal regulation at the current stage of development of the Russian Federation and to develop proposals aimed at improving the effectiveness of tax and legal policy. **Methodology:** analysis, dialectical and comparative-legal methods of cognition. In order to achieve the set goal the analysis of changes in the acts of legislation on taxes and fees for the relevant period was carried out, the objectives of changes and criteria of effectiveness of the adopted norms were identified. **Results:** the main directions of the tax and legal policy of the Russian state in the context of sanctions were summarized, some problems of emergency tax rulemaking were identified, among which a special place is occupied by the assessment of the effectiveness of emergency norms of tax law. **Conclusions:** it is necessary to create a mechanism for assessing the effectiveness of tax law norms adopted under the sanctions pressure of foreign countries. The task is complex for representatives of various areas of scientific knowledge, including legal science.

Keywords: tax, policy, sanction, preference, effectiveness.

© Садчиков Михаил Николаевич, 2024

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: taxprofy@mail.ru

© Sadchikov Mikhail Nikolaevich, 2024

Doctor of Law, Associate Professor at the Department of Finance Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva (Saratov State Law Academy)

Налогово-правовая политика является одним из дискуссионных направлений науки налогового права. Так, дискуссионным представляется вопрос о предмете науки налогового права в данной отрасли общественных наук. Некоторые вопросы подлежат исследованию как с позиции экономической, так и с позиции правовой науки. Например, вопрос о глобальном налоге на богатство, всесторонне исследованный в книге французского экономиста Томаса Пикетти «Капитал в XXI веке», непосредственно связан с такими категориями и понятиями налогового права как «справедливость налогообложения», «функции налогообложения», «принцип равенства» и др. [1]. Представляется верным мнение Д.М. Щекина о том, что в сферу правового анализа входит налоговая политика, для которой правовая наука, наравне с экономической и иными науками, выполняет важную методологическую функцию [2, с. 18].

В экономической науке выделяют модели налоговой политики (социально-напряженная, либерально-ограниченная) [3, с. 272], типы и формы налоговой политики (фискальный, фискально-перераспределительный, регулирующий, др.) [4, с. 29]. Выбор модели, типа и формы проводимой государством налоговой политики зависит от ряда обстоятельств.

Налогово-правовая политика государства, являясь частью общей государственно-правовой политики, согласуется с целями и задачами, которые в целом стоят перед государством в соответствующий период его развития. Эволюционное развитие общества и государства прерывается обстоятельствами чрезвычайного характера, которые требуют трансформации обычных механизмов регулирования общественных отношений. К таким обстоятельствам могут быть отнесены внутренние конфликты, угрожающие целостности государства, внешние угрозы, обстоятельства природного, техногенного и эпидемиологического характера.

Правовая система Российского государства включает юридические механизмы, направленные на своевременное и эффективное реагирование государства на подобные вызовы. Примерами таких механизмов являются юридические конструкции, основанные на Федеральном конституционном законе от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»¹, Федеральном конституционном законе от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»², Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»³.

Изменения в способах навязывания своей воли в международных отношениях, применяемых некоторыми государствами, способствуют разработке новых инструментов противодействия такому вмешательству во внутренние дела государства. Юридические средства и инструменты противодействия недобросовестной политики некоторых государств формируют правовую общность — санкционное право [5–7].

Санкционное право состоит из норм различной правоотраслевой принадлежности, объединенных единой целью — эффективным противостоянием недружественным действиям отдельных государств. Частью такого комплексного правового образования являются нормы налогового права. В рамках санкционного права налоги продолжают выполнять свои основные функции: фискальную и регулирующую. Однако правовое регулирование установления

¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 5, ст. 375.

² См.: СЗ РФ. 2001. № 23, ст. 2277.

³ См.: СЗ РФ. 2006. № 11, ст. 1146.

и взимания налогов претерпевает некоторые изменения, обусловленные целью санкционного права.

Особая роль в формировании и реализации специальных экономических мер в условиях внешнего санкционного давления принадлежит Президенту РФ. В соответствии с п. 1 ст. 4 Федерального закона от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах»¹ решение о применении специальных экономических мер принимает Президент РФ. Глава государства также принимает решение в части специального (чрезвычайного) регулирования, направленного на противодействие недружественным действиям иностранных государств и отдельных лиц.

Для целей повышения устойчивости российской экономики в условиях санкций сформирован специальный орган государственного управления — Правительственная комиссия, к задачам которой относится формирование плана действий по поддержке отдельных отраслей экономики, в том числе предоставление отсрочки (налоговых каникул) по уплате налогов и иных мер финансовой и административной поддержки².

Особенности фискальной функции в условиях санкционного давления заключается в отступлении от некоторых принципов налогообложения. Так, отступлением от принципов плановости финансовой деятельности, равенства и регулярности налогообложения является налог на сверхприбыль³. Возможность установления налогов разового характера была включена в Налоговый кодекс РФ Федеральным законом от 4 августа 2023 г. № 415-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и статью 270 части второй Налогового кодекса Российской Федерации»⁴. Данный чрезвычайный налог выполняет исключительно фискальную функцию и, как представляется, не должен являться средством перераспределения национального дохода на постоянной основе. Согласно пояснительной записке Правительства РФ к законопроекту №379248-8 ожидаемый размер поступлений в федеральный бюджет от налога на сверхприбыль составляет 300 млрд рублей.

Следуя положениям Федерального закона от 4 августа 2023 г. № 415-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и статью 270 части второй Налогового кодекса Российской Федерации», налогоплательщиками налога на сверхприбыль за некоторыми исключениями признаются российские организации крупного бизнеса, средняя арифметическая величина прибыли которых за 2021 и 2022 гг. превышает среднюю арифметическую величину прибыли за 2018 и 2019 гг. Негативными последствиями уплаты налога на сверхприбыль для таких организаций выступает снижение инвестиционной привлекательности, сокращение возможностей для инвестиционной деятельности, необходимость корректировки планов развития.

¹ См.: СЗ РФ. 2007. № 1, ч. 1, ст. 44.

² См.: Постановление Правительства РФ от 17 сентября 2018 г. № 1100-44 «О Правительственной комиссии по повышению устойчивости российской экономики в условиях санкций» // СЗ РФ. 2018. № 10, ст. 1484; Постановление Правительства РФ от 21 января 2022 г. № 25-2 «Об утверждении Положения о Правительственной комиссии по повышению устойчивости российской экономики в условиях санкций» // СЗ РФ. 2022. № 10, ст. 1485.

³ См.: Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 414-ФЗ «О налоге на сверхприбыль» // СЗ РФ. 2023. № 32, ч. 1, ст. 6146.

⁴ См.: СЗ РФ. 2023. № 32, ч. 1, ст. 6147.

Регулирующая функция налогов в аспекте санкционного права направлена на создание более благоприятных условий налогоплательщикам, деятельность которых связана с отраслями, требующим развития в связи с санкциями. Аргументированным представляется мнение А.С. Титова о том, что Российское государство находится в условиях существенного внешнеэкономического давления, что требует принятия стабилизирующих решений в области налогообложения [8, с. 28].

За 2022–2023 гг. были введены следующие меры налоговой поддержки.

Перечень технологического оборудования, ввоз которого не подлежит налогообложению налогом на добавленную стоимость, пересматривается (расширяется) с учетом внутреннего спроса на оборудование, аналоги которого не производятся в Российской Федерации¹. Данная мера дополнена предоставлением тарифной льготы в отношении технологического оборудования, ввозимого для реализации инвестиционных проектов на территории Российской Федерации. Ввоз такого оборудования, включая комплектующие и запасные части к нему, а также сырья и материалов освобождается от уплаты ввозной таможенной пошлины².

В целях развития отечественного грузового флота реализация судов, зарегистрированных в Российском международном реестре, подлежит налогообложению налогом на добавленную стоимость по ставке 0 %³.

Самостоятельное направление государственной поддержки представляет отрасль информационных технологий. Президент РФ поручил Правительству РФ принять меры, направленные на развитие информационных технологий, в частности, установить для аккредитованных организаций ставку по налогу на прибыль в размере 0 % до 31 декабря 2024 г. и освободить данные организации от государственного контроля (надзора), в том числе от налогового и валютного контроля и муниципального контроля на срок до трех лет⁴. Во исполнение поручения главы государства Правительством РФ был разработан проект федерального закона с соответствующими положениями, который был принят Федеральным

¹ См.: Постановление Правительства РФ: от 7 февраля 2024 г. № 128 «О внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2009 г. № 372» // СЗ РФ. 2024. № 7, ст. 969; от 11 марта 2023 г. № 376 «О внесении изменений в перечень технологического оборудования (в том числе комплектующих и запасных частей к нему), аналоги которого не производятся в Российской Федерации, ввоз которого на территорию Российской Федерации не подлежит обложению налогом на добавленную стоимость» // Там же. 2023. № 12, ст. 2029; от 27 мая 2022 г. № 956 «О внесении изменений в перечень технологического оборудования (в том числе комплектующих и запасных частей к нему), аналоги которого не производятся в Российской Федерации, ввоз которого на территорию Российской Федерации не подлежит обложению налогом на добавленную стоимость» // Там же. 2022. № 23, ст. 3784.

² См.: Постановление Правительства РФ от 9 мая 2022 г. № 839 «О порядке предоставления тарифной льготы в виде освобождения от уплаты ввозной таможенной пошлины в отношении технологического оборудования, комплектующих и запасных частей к нему, сырья и материалов, ввозимых для исключительного использования на территории Российской Федерации в рамках реализации инвестиционных проектов, соответствующих приоритетному виду деятельности (сектору экономики) Российской Федерации, и об освобождении от предоставления обеспечения исполнения обязанности по уплате таможенных пошлин в отношении указанных товаров» // СЗ РФ. 2022. № 21, ст. 3437.

³ См.: Федеральный закон от 21 ноября 2022 г. № 443-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 части первой, часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 48, ст. 8310.

⁴ См.: Указ Президента РФ от 2 марта 2022 г. № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 10, ст. 1468.

Собранием, подписан и обнародован Президентом РФ¹. Поддержку получили также организации, закупающие российское радиоэлектронное оборудование и программы для ЭВМ, включая базы данных. Если расходы на приобретение российского оборудования и программ ЭВМ относятся к сфере искусственного интеллекта, то их первоначальная стоимость для целей налогообложения увеличивается на коэффициент 1,5². Данный федеральный закон предусматривает также инвестиционный налоговый вычет по налогу на прибыль организаций по нормативу 100 % расходов на оплату работ (услуг) по установке, тестированию, адаптации, модификации российских программ для ЭВМ и баз данных и (или) объектов основных средств, включенных в единый реестр российской радиоэлектронной продукции.

Санкционные аспекты нашли свое отражение и в международном налоговом праве. В соответствии с п. 4 ст. 3 Федерального закона от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах»³ к специальным экономическим мерам относится приостановление действия международных торговых договоров и иных международных договоров Российской Федерации в области внешнеэкономических связей. Президент РФ Указом от 8 августа 2023 г. № 585 приостановил действия некоторых положений международных договоров по вопросам налогообложения⁴.

Обзор изменений законодательства о налогах и сборах позволяет прийти к следующим выводам.

Изменения обусловлены обстоятельствами чрезвычайного характера и отличаются от ординарных методов и инструментов налоговой политики.

Некоторые изменения вызывают вопрос об их соответствии основным началам законодательства о налогах и сборах. В частности, налог на сверхприбыль предполагает отступление от принципов плановости финансовой деятельности и равенства налогообложения. Сокращает возможности налогоплательщиков в осуществлении инвестиций.

Основными направлениями налогового стимулирования в Российской Федерации являются информационные технологии и обеспечение отечественной экономики технологичным оборудованием, аналоги которого не производятся в Российской Федерации.

Думается, что для целостности юридической конструкции налогового регулирования в чрезвычайных условиях необходим мониторинг принимаемых норм на предмет их эффективности. Насколько отступления от ординарного порядка регулирования и связанные с этим негативные последствия оправданы целями чрезвычайного регулирования и степенью их достижения?

В данном случае необходимо ответить на вопрос о том, какая ожидается эффективность от таких чрезвычайных норм права. По нашему мнению, целесообразен

¹ См.: Федеральный закон от 26 марта 2022 г. № 67-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 2 Федерального закона “О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2022. № 13, ст. 1956.

² См.: Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 29, ч. 3, ст. 5290.

³ См.: СЗ РФ. 2007. № 1, ч. 1, ст. 44.

⁴ См.: Указ Президента РФ от 8 августа 2023 г. № 585 «О приостановлении Российской Федерацией действия отдельных положений международных договоров Российской Федерации по вопросам налогообложения» // СЗ РФ. 2023. № 33, ст. 6468.

плюралистический подход к пониманию эффективности права [9, с. 202]. Поскольку норма налогового права регулирует экономические отношения, то в первую очередь нужно оценивать экономическую и юридическую эффективность. Весьма кратко и емко данная мысль изложена В.В. Момотовым: «Если экономика — это рациональность, то право — это прежде всего справедливость» [10, с. 31].

Экономическая эффективность налоговых расходов определяется в соответствии с постановлением Правительства РФ от 12 апреля 2019 г. № 439 «Об утверждении Правил формирования перечня налоговых расходов Российской Федерации и оценки налоговых расходов Российской Федерации»¹. Считаем, что указанный в данном постановлении метод оценки эффективности налоговых расходов применим только в части налоговых льгот, направленных на развитие отечественных инвестиционных технологий, поскольку данная задача носит долгосрочный характер.

Сложной задачей представляется оценка эффективности введения налога на сверхприбыль. Фискальную эффективность и эффективность с позиции «качества юридической конструкции» можно определить, сопоставив налоговые доходы федерального бюджета от поступления налога на сверхприбыль и планируемые доходы, необходимые для покрытия бюджетного дефицита (300 млрд рублей). Думается, что эффективность налога на сверхприбыль необходимо рассматривать не только в аспекте покрытия бюджетного дефицита.

В некоторых государствах Европейского Союза взимается налог на сверхприбыль, однако он выполняет регулирующую функцию — перераспределение непредвиденных доходов предприятий отдельных отраслей экономики с целью сглаживания диспропорций в экономике. В исследовании Европейского парламента по налогу на сверхприбыль ставится вопрос о риске снижения инвестиционной активности в связи с неправильным определением налоговой базы². Среди негативных аспектов в исследовании также отмечается снижение доверия к налоговой системе, возрастание неопределенности. Таким образом, одним из критериев эффективности налога на сверхприбыль выступает правильность установления налоговой базы, то есть определения той части прибыли налогоплательщика, получение которой действительно обусловлено причинами необычного характера, чтобы изъятие корпоративных финансов не сказалось негативно на деятельности налогоплательщика.

Аналитика российского налога на сверхприбыль, проводимая представителями экономической науки, свидетельствует о том, что данный обязательный платеж в большей мере преследует фискальные цели и в меньшей степени выполняет перераспределительную функцию [11].

Таким образом, представляется необходимым создание механизма оценки эффективности норм налогового права, принимаемых в условиях санкционного давления иностранных государств. Данная задача носит комплексный характер для представителей различных направлений научного знания, в том числе правовой науки.

¹ См.: СЗ РФ. 2019. № 16, ст. 1946.

² См.: Nicolay K., Spix J., Steinbrenner D., Woelfing N. 2023. The effectiveness and distributional consequences of excess profit taxes or windfall taxes in light of the Commission's recommendation to Member States, publication for the Subcommittee on tax matters, Policy Department for Economic, Scientific and Quality of Life Policies, European Parliament, Luxembourg. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2023/740076/IPOL_STU\(2023\)740076_EN.pdf#page63](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2023/740076/IPOL_STU(2023)740076_EN.pdf#page63) (дата обращения: 01.02.2024).

Библиографический список

1. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.
2. *Щекин Д.М.* Новые вызовы, стоящие перед Россией, и ответ на них в налоговой политике // Закон. 2022. № 11. С. 18–29.
3. *Аронов А.В., Кашин В.А.* Налоговая политика и налоговое администрирование: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Магистр, НИЦ ИНФРА-М, 2019. 544 с.
4. Налоговая политика. Теория и практика: учебник для магистрантов, обучающихся по специальностям «Финансы и кредит», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», «Мировая экономика» / И.А. Майбуров [и др.]; под ред. И.А. Майбурова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 519 с.
5. *Кулешова Н.Н., Трыканова С.А.* Политико-правовой дискурс о развитии санкционного права как подотрасли международного публичного права // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 32. С. 416–421.
6. *Шахназаров Б.А.* Санкционное право: понятие, предмет, метод, нормативный состав // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 7. С. 143–149.
7. *Тосуян Г.А., Экмалян А.М., Санникова Л.В., Пашенцев Д.А.* Экономические санкции и развитие финансового законодательства России // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86, № 1. С. 35–42.
8. *Титов А.С.* Особенности государственной налоговой политики на современном этапе // Финансовое право. 2022. № 5. С. 27–29.
9. *Кожокар И.П.* Эффективность права в категориальном аппарате теории права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 48. С. 196–225.
10. *Момотов В.В.* Экономическая эффективность права как цель правового регулирования // Журнал российского права. 2022. № 1. С. 29–35.
11. *Самойленко И.В.* Налог на сверхприбыль: необходимость и методика расчета // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 3. С. 65–70.

References

1. *Piketty T.* Capital in the XXI Century. M.: Ad Marginem Press, 2015. 592 p.
2. *Shchekin D.M.* New Challenges Facing Russia and the Answer to Them in Tax Policy // Law. 2022. No. 11. P. 18–29.
3. *Aronov A.V., Kashin V.A.* Tax Policy and Tax Administration: a textbook. 2nd ed. M.: Master, SIC INFRA-M, 2019. 544 p.
4. *Tax Policy.* Theory and Practice: a textbook for magicians studying in the specialties “Finance and Credit”, “Accounting, Analysis and Audit”, “World Economy” / I.A. Maiburov [et al.]; ed. IA Maiburova, M.: UNITY-DANA, 2017. 519 p.
5. *Kuleshova N.N., Trykanova S.A.* Political and Legal Discourse on the Development of Constitutional Law as a Sub-Branch of International Public Law // Innovation. Science. Education. 2021. No. 32. P. 416–421.
6. *Shakhnazarov B.A.* Sanctions Law: Concept, Subject, Method, Normative Composition // Actual Problems of Russian Law. 2022. Vol. 17, no. 7. P. 143–149.
7. *Tosunyan G.A., Ekmalyan A.M., Sannikova L.V., Pashentsev D.A.* Economic Sanctions and the Development of the Financial Legislation of Russia // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2016. Vol. 86, no. 1. P. 35–42.
8. *Titov A.S.* Features of State Tax Policy at the Present Stage // Financial law. 2022. No. 5. P. 27–29.
9. *Kozhokar I.P.* The Effectiveness of Law in the Categorical Application of the Theory of Law // Bulletin of the Perm University. Legal Sciences. 2020. No. 48. P. 196–225.
10. *Momotov V.V.* Economic Efficiency of Law as a Goal of Legal Regulation // Journal of Russian Law. 2022. No. 1. P. 29–35.
11. *Samoylenko I.V.* The Tax on Excess Profits: Necessity and Methodology of Calculation // Business. Education. Law. 2023. No. 3. P. 65–70.

DOI 10.24412/2227-7315-2024-4-219-223
УДК 004

Ю.Н. Мильшин, А.М. Ахтямов

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ДАННЫХ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Введение: в статье рассматривается применение биометрических данных с использованием искусственного интеллекта, анализируются вопросы создания их синтеза. **Цель** — разработать предложения по совершенствованию использования искусственным интеллектом биометрических данных. **Методологическая основа:** системный подход, общенаучные и специально-юридические методы познания. **Результаты:** выявлены проблемы использования искусственного интеллекта и предложены способы защиты граждан от злоупотребления искусственным интеллектом биометрическими данными и использования их синтеза. **Выводы:** предлагаются комплексные меры как юридического, так и технологического характера, направленные на защиту биометрических данных человека от нейронных сетей. Аргументируется создание единой сети, которая позволит объединять базы данных, системы наблюдения, мониторинга, а также накапливать и анализировать полученную информацию.

Ключевые слова: искусственный интеллект, программное обеспечение, биометрические данные, синтез.

Yu.N. Milshin, A.M. Akhtyamov

TOWARD THE USE OF BIOMETRIC DATA BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Background: the paper deals with the application of biometrics using artificial intelligence, analyzing creation of synthesis. **Objective** — to develop proposals to improve the use of biometric data by artificial intelligence. **Methodology:** a systematic approach, general scientific and special legal methods of cognition. **Results:** problems of using of artificial intelligence are identified and ways to protect citizens from the misuse of biometric data by artificial intelligence and the use of its synthesis are proposed. **Conclusions:** complex measures of both legal and technological nature are proposed to protect human biometric data from neural networks. It is argued that a unified network will be created, which will allow to unite databases, surveillance and monitoring systems, as well as to accumulate and analyze the obtained information.

Keywords: artificial intelligence, software, biometric data, synthesis.

© Мильшин Юрий Николаевич, 2024
Кандидат юридических наук, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Milshin_yri@mail.ru
© Ахтямов Александр Михайлович, 2024
Аспирант (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: al.axtmv@gmail.com
© Milshin Yuri Nikolaevich, 2024
Candidate of Law, Professor at the Department of Information Law and Digital Technologies (Saratov State Law Academy)
© Akhtyamov Aleksandr Mikhailovich, 2024
Postgraduate student (Saratov State Law Academy)

В XVII в. технический прогресс позволил человеку покорить окружающую среду для удовлетворения собственных потребностей, и уже в XX в. на определенном этапе изобретение новых технологических устройств привело к созданию ранее неизвестного явления — искусственного интеллекта. В настоящее время основной интерес заключается в дальнейшем развитии данной технологии, следуя которому, современная наука и техника активно внедряют системы искусственного интеллекта в различные сферы человеческой деятельности. Особое внимание уделяется нейронным сетям, основой которых выступает принцип машинного обучения.

Работа искусственного интеллекта включает в себя быстрые итерации обработки больших объемов данных с использованием интеллектуальных алгоритмов, которые позволяют программам автоматически обучаться на основе закономерностей и функций, содержащихся в данных [1]. Сам искусственный интеллект является сложной областью с множеством теорий, технологий и разработок, формирующих нейронные сети, основой принцип которых заключается в сборе данных, их дальнейшей обработке, извлечении «уроков» и автоматическом выводе результата на основе этих данных [2]. Стоит отметить, что под данными следует понимать не только текст, поскольку современные нейронные сети достигли возможности работать с различными форматами, такими как текст, аудио, графика и др. И именно эти возможности искусственного интеллекта создают определенные проблемы в области лицензирования.

Понятия искусственного интеллекта и технологий искусственного интеллекта трактуются законодателем следующим образом: под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Элементы, входящие в комплекс технологических решений, — это информационно-коммуникационная инфраструктура (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации); программное обеспечение (в том числе то, в котором используются методы машинного обучения); процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [3].

В Российской Федерации существует определенное правовое регулирование в отношении искусственного интеллекта и постепенно расширяются возможности его использования в различных сферах общественной жизни. Однако при внедрении новых технологий необходимо проявлять осторожность, чтобы избежать нарушения прав и свобод человека, защитить конфиденциальность информации и учесть интересы всех групп населения. В целом государственная политика в этой области является сбалансированной с учетом стратегического планирования и предварительной оценки использования новых технологий. В современных реалиях многие российские юристы замечают, что Конституция РФ, несомненно, имеет высший правовой статус и закрепляет важнейшие социальные, политико-правовые ценности, определяющие направление развития государства. Однако она не полностью учитывает права человека и гражданина, связанные с использованием цифровых технологий, ведь, как отмечает Т.С. Масловская, Основной Закон РФ представляет собой конституцию доцифровой эпохи [4].

В 2023 г. нейронные сети достигли уровня, позволяющего обрабатывать голос любого человека и воспроизводить любой текст, записанный этим голосом после предварительной обработки, и этот процесс называется синтезом речи. Проблема использования голосовых данных вызвала большой интерес и противоречия со стороны Союза дикторов России в августе 2023 г. Они отметили, что отсутствие законодательной защиты приводит к «краже» голосов, которые могут быть использованы как организациями, так и частными лицами в коммерческих и некоммерческих целях. Это также открывает возможности злоупотребления голосами дикторов в преступных целях. Таким образом, возникают правовые проблемы, связанные с использованием голосовых данных людей без их согласия или против их воли. Разработчики систем синтеза речи утверждают, что для создания голосового клона достаточно небольшого фрагмента записи [5]. В интернете уже существует множество сайтов, которые предлагают создавать синтез на основе небольших аудиофайлов.

На данный момент использование технологий синтеза речи окружено несколькими правовыми проблемами. Основная проблема связана с отсутствием права собственности или авторства на голос человека, поскольку голос не признается нематериальным активом по Гражданскому кодексу РФ, следовательно, его использование не регулируется правом собственности, что порождает проблемы для «владельцев» голоса. Кроме того, готовый синтез речи не покрывается авторским правом, поскольку его создание не соответствует результатам человеческого творчества. В связи с этим следует обратить внимание на программное обеспечение, используемое для создания синтеза речи. В настоящее время многие программы позволяют как синтезировать голос по запросу, так и выбирать из большой базы готовых голосов. Однако эти программы широко доступны и свободно распространяются.

Учитывая возможные риски внедрения технологий искусственного интеллекта, необходимо понимать важность данного вопроса, в частности имеется потребность развития системы фотографирования, записи видео, с целью повышения уровня безопасности. Стоит подчеркнуть, что в связи со сложностью самой темы искусственного интеллекта защита биометрических данных человека от нейронных сетей требует подхода, перекликающегося одновременно между несколькими специальностями, то есть включающего юридические меры, технологические знания и общее повышение осведомленности общества о проблеме.

Вследствие сказанного предлагаем следующие меры:

защитить права человека при использовании его биометрических данных, как на готовых записях, так и в возможной перспективе использования технологий нейросети, позволяющих создавать новую информацию. Исходя из этого необходимы законодательные ограничения на сбор, использование и распространение данных о голосе и лице человека, а именно установить конкретные правила для предприятий, организаций или иных субъектов гражданского права о необходимости получения согласия от физического лица на использование их данных в коммерческих и некоммерческих целях, а также четкое определение того, какие данные могут быть использованы и на каких условиях;

усилить защиту данных от нецелевого использования или от фальсификации (законодательно должны быть установлены строгие правила обязательного удаления и утилизации данных голоса и лица и иных биометрических данных

после их использования); маркировать результаты работы нейросети, чтобы не вводить людей в заблуждение и отличать, что делается человеком, а что искусственным интеллектом;

предусмотреть контроль и надзор над разработкой, использованием и распространением нейросетей, в частности обрабатывающие данные голоса и лица. Это может включать обязательное получение специального разрешения, лицензии или сертификата для разработки таких систем. Обязательно уведомлять пользователей о том, что их данные могут быть обработаны нейросетями;

установить правовые нормы использования нейронных сетей (законодательно регламентировать строгие правила использования нейронных сетей для защиты личности и неприкосновенности частной жизни человека или его профессиональной деятельности, например, требуя прямого согласия пользователя на использование его биометрических данных в коммерческих целях). Для готовых экземпляров биометрических данных необходимо законодательно разграничить редактирование этих данных в качестве переработки или обработки. В договоре о синтезе речи обязано фигурировать разрешение на переработку материала в целях создания синтеза или нейросети и обязательно должен быть указан перечень мест, где его использование возможно. Это позволит ограничить действия договоров, подписанных ранее, на отчуждение прав на исполнение, если в них не было указано создание синтеза или использование для нейросетей;

создать специальный государственный орган по защите вышеупомянутых данных, который будет нести ответственность за оценку, проверку и контроль условий использования данных голоса и лица. В качестве альтернативы можно создать специальный отдел при Министерстве культуры или Роскомнадзоре, который будет заниматься вопросами нейросетей и синтезов авторского права и прав исполнителей. Данные структурные подразделения могли бы рассматривать жалобы на разные сайты, программы и ресурсы, проверять документы от организаций, вести надзор и заниматься штрафами, контролем и блокировкой сайтов, не только связанных с голосом, но и с изображением, музыкой и видео. В целях повышения эффективности работы указанных систем следует создать единую сеть, которая будет объединять базы данных, системы наблюдения, мониторинга, накапливать и анализировать полученную информацию [6].

Разработка законодательства в рассматриваемой области является сложным процессом и достижение оптимального баланса между инновациями и защитой прав человека требует широкого привлечения экспертов в различных областях, включая юристов, экспертов по информационной безопасности и этике. Информационные и биометрические технологии обладают большим потенциалом и используются во многих сферах жизни, но существуют значительные риски, связанные с защитой персональных данных [7, с. 206]. Использование предложенных рекомендаций по защите личной информации и контролю за ее использованием при внедрении персональных данных и биометрических технологий может обеспечить необходимый уровень безопасности и защищенности граждан.

Библиографический список

1. Таран В.Н. Анализ методов защиты информации в информационных системах // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования:

сб. науч. ст. Междунар. конф. (Барнаул, 14–17 ноября 2017 г.). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2017 С. 940–942.

2. *Горохов А.В., Мартынов В.А., Гаврин В.А.* Искусственный интеллект // Вопросы студенческой науки. 2022. № 4(68). С. 159–162.

3. *Бурнин С.С.* Понятие и структура искусственного интеллекта // *Ius Publicum Et Privatum*. 2021. № 2. С. 45–50.

4. *Масловская Т.С.* Цифровая сфера и конституционное право: грани взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 18–22.

5. *Гатчин Ю.А., Сухостат В.В., Куракин А.С., Донецкая Ю.В.* Теория информационной безопасности и методология защиты информации. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Ун-т ИТМО, 2018. 100 с.

6. *Зоз В.А., Шроль А.Р.* Использование технологий искусственного интеллекта в правоохранительных органах // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. № 2. С. 201–204.

7. *Карцан И.Н.* Биометрические данные: новые возможности и риски // Современные инновации, системы и технологии. 2023. № 3. С. 201–211.

References

1. *Taran V.N.* Analysis of Information Protection Methods in Information Systems // Lomonosov readings in Altai: Fundamental Problems of Science and Education: collection of scientific articles of the International Conference (Barnaul, November 14–17, 2017). Barnaul: Publishing House of the Altai State University, 2017 P. 940–942.

2. *Gorokhov A.V., Martynov V.A., Gavrin V.A.* Artificial Intelligence // Questions of Student Science. 2022. No. 4 (68). P. 159–162.

3. *Burynin S.S.* The Concept and Structure of Artificial Intelligence // *Ius Publicum Et Privatum*. 2021. No. 2. P. 45–50.

4. *Maslovskaya T.S.* Digital Sphere and Constitutional Law: Facets of Interaction // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 9. P. 18–22.

5. *Gatchin Yu.A., Sukhostat V.V., Kurakin A.S., Donetskaya Yu.V.* Theory of Information Security and Methodology of Information Protection. 2nd ed., revised and suppl. St. Petersburg: ITMO University, 2018. 100 p.

6. *Zoz V.A., Shrol A.R.* The Use of Artificial Intelligence Technologies in Law Enforcement Agencies // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences. 2021. No. 2. P. 201–204.

7. *Kartsan I.N.* Biometric Data: New opportunities and Risks // Modern Innovations, Systems and Technologies. 2023. No. 3. P. 201–211.

Е.О. Соломатин

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПО ПРАВУ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И РОССИИ

Введение: экспоненциальное развитие искусственного интеллекта несет новые вызовы, в том числе в юридической сфере. Возникает необходимость создания научной и правовой базы для эффективного применения технологий искусственного интеллекта. С 1 августа 2024 г. вступил в силу так называемый Закон Европейского Союза (ЕС) об искусственном интеллекте. В России также формируются инициативы полноценного законодательного регулирования искусственного интеллекта. **Цель** — сопоставить ряд особенностей подходов к пониманию и классификации искусственного интеллекта в России и ЕС, сделать предложения в части совершенствования российской нормативно-правовой базы с учетом зарубежного опыта правового регулирования. **Методологическая основа:** общенаучные и специальные юридические методы познания. Формально-догматический метод позволил изучить нормативно-правовые акты России и ЕС, доктринальные подходы и сформулировать научные определения. Сравнительно-правовой метод исследования применялся при сопоставлении правового регулирования России и ЕС. **Результаты:** исследованы понятие «искусственный интеллект» и его характеристики по праву России и ЕС, представлен авторский взгляд в отношении вопросов правового регулирования искусственного интеллекта в будущем. **Выводы:** России необходима разработка комплексного правового регулирования искусственного интеллекта на базе текущих стратегических и программных документов. В связи с наличием схожих подходов к пониманию искусственного интеллекта, правовой опыт ЕС может быть полезен при формировании российского законодательства.

Ключевые слова: искусственный интеллект, машинное обучение, база данных, объекты гражданских прав, программа для ЭВМ, экспериментальные правовые режимы.

E.O. Solomatin

CONCEPT AND CLASSIFICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE UNDER THE LAW OF THE EUROPEAN UNION AND RUSSIA

Background: the exponential development of artificial intelligence brings new challenges, including in the legal sphere. There is a need to create a scientific and legal framework for the effective application of artificial intelligence technologies. On August 1, 2024, the so-called European Union (EU) Artificial Intelligence Act came into force. In Russia, initiatives for full-fledged legislative regulation of artificial intelligence are also being formed. **Objective** — to compare a number of features of approaches to the understanding and classification of artificial intelligence in Russia and the EU, to make proposals in terms of improving the Russian regulatory framework taking into account the foreign experience of legal regulation. **Methodology:** general scientific and special legal methods of cognition. Formal-dogmatic method allowed us to study normative legal acts of Russia and the EU, doctrinal approaches and form scientific definitions. Comparative-legal method of research was used in comparing the legal regulation of Russia and the EU. general scientific and special legal methods of cognition. The formal dogmatic method made **Results:** the concept of “Artificial Intelligence”

© Соломатин Евгений Олегович, 2024

Преподаватель права (Школа № 2123 им. Мигеля Эрнандеса); e-mail: eo.solomatin@gmail.com

© Solomatin Evgenii Olegovich, 2024

Law teacher (Miguel Hernandez School No. 2123)

and its characteristics under Russian and EU law were studied, and the author's view on the issues of legal regulation of artificial intelligence in the future was presented. **Conclusions:** Russia needs to develop a comprehensive legal regulation of artificial intelligence on the basis of current strategic and program documents. Due to the presence of similar approaches to the understanding of artificial intelligence, the EU legal experience may be useful in the formation of Russian legislation.

Keywords: artificial intelligence, machine learning, database, objects of civil rights, computer program, experimental legal regimes.

Очевидно, что сегодня законодательство не успевает за инновациями, и стоит признать, что в связи со слабой разработанностью вопроса о правовом регулировании технологий искусственного интеллекта в науке общество сталкивается с обоснованными опасениями, связанными с неопределенностью отношений в данной области. Трудно переоценить значимость как принятых, так и разрабатываемых нормативных правовых актов в сфере искусственного интеллекта в России и Европейском Союзе (далее — ЕС), поскольку очевидна необходимость использовать потенциал инновационных технологий на благо общества и в то же время противодействовать опасностям, которые они могут представлять. На данный момент в Российской Федерации существуют стратегические документы, предусматривающие будущее направление правового регулирования, Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, акты, создающие экспериментальные режимы. Параллельно идет разработка полноценного законодательного регулирования искусственного интеллекта¹.

Перед российскими юристами поставлена особая задача, поэтому Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. предусматривает, что к 2030 г. в Российской Федерации должна функционировать гибкая система нормативно-правового регулирования в области искусственного интеллекта².

Представляется актуальным обратить внимание на правовой опыт ЕС в части формирования законодательства об искусственном интеллекте. 1 августа 2024 г. вступил в силу Регламент Европейского Парламента и Совета, закрепляющий Гармонизированные правила об искусственном интеллекте и внесении изменений в соответствующие законодательные акты ЕС — Закон ЕС об искусственном интеллекте. России необходим аналогичный комплексный закон, регулирующий процесс разработки и применения искусственного интеллекта, а также предусматривающий защиту прав и свобод человека от рисков, связанных с его использованием.

Существуют разнообразные концептуальные подходы к интерпретации понятия искусственного интеллекта. Те или иные дефиниции и объяснения в значительной степени зависят от целей выработки понятия и его применения [1, с. 5]. Одни ученые характеризуют искусственный интеллект как определенную вычислительную машину, обладающую свойствами разума [2, с. 4] и сознания [3, с. 13]. Другие понимают под ним самоорганизующиеся компьютерно-программ-

¹ См.: В России разрабатывают закон об искусственном интеллекте // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230628/zakon-1880810358.html> (дата обращения: 09.02.2024).

² См. п.п. 50, 51 Указа Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2019. № 41, ст. 5700).

ные, киберфизические или био-кибернетические системы (юниты), наделенные антропоморфно-разумными мыслительными способностями [4, с. 30].

В основе определения искусственного интеллекта в праве ЕС лежит вытекающий из изложенного ранее тезис, согласно которому признается отсутствие единой дефиниции и понятие «искусственный интеллект» часто используется как собирательный термин для различных компьютерных приложений, основанных на технологиях, наделенных способностями, свойственными человеческому интеллекту. Закон ЕС об искусственном интеллекте — это первая в истории попытка ввести горизонтальное регулирование искусственного интеллекта в рамках интеграционного объединения. Очевидно, выбор регламента в качестве формы принимаемого Закона ЕС об искусственном интеллекте сделан неслучайно. Основная задача состоит в том, чтобы избежать фрагментации правового регулирования. Это важно как для защиты прав и свобод человека от злоупотребления искусственным интеллектом, так и для того, чтобы избежать каких-либо необоснованных запретов в отношении инновационных решений, которые могли бы ограничить технологический прогресс. В документе дается определение понятию «система искусственного интеллекта» в качестве программного обеспечения, разработанного с использованием информационно-коммуникационных технологий и способного для заданного набора целей, определенных человеком, генерировать выходные данные, такие как контент, прогнозы, рекомендации или решения, влияющие на сферу, с которой они взаимодействуют (ст. 3(1) Закона ЕС об искусственном интеллекте). С точки зрения юридической техники, было принято весьма удачное решение предусмотреть в приложении 1 к Закону ЕС об искусственном интеллекте различные подходы, которые могут использоваться при разработке искусственного интеллекта (включая машинное обучение, индуктивное (логическое) программирование, базы знаний, статистические подходы, методы поиска и оптимизации, глубокое обучение и иные). Этот перечень может дополняться без необходимости принятия нового документа, а лишь путем внесения изменений в будущий регламент.

Российское нормативное определение искусственного интеллекта содержится в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»¹ (далее — Указ Президента РФ № 490). «Искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе то, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» (подп. «а» п. 5 Указа Президента РФ № 490). Иными словами, под искусственным интеллектом понимается технологическое решение, которое способно имитировать интеллектуальную (разумную) деятельность человека и получать хотя бы минимально сопоставимые результаты. В подп. «м» п. 5 названного Указа также

¹ См.: СЗ РФ. 2019. № 41, ст. 5700.

уточняется, что именно понимается под техническим решением: «технология, программа для электронно-вычислительных машин (программа для ЭВМ), база данных или их совокупность, а также сведения о наиболее эффективных способах их использования». Из данного определения можно сделать вывод, что в российском праве формируется отношение к искусственному интеллекту как к объекту гражданских прав, поскольку технологическим решением признается программа для электронно-вычислительных машин (программа для ЭВМ). В соответствии с Гражданским кодексом РФ (ст. 1225), это технологическое решение является охраняемым результатом интеллектуальной деятельности¹, следовательно, объектом гражданских прав, так как результаты интеллектуальной деятельности упоминаются именно в таком качестве (ст. 128)².

Что касается подходов к классификации искусственного интеллекта, то в рассматриваемых правовых режимах наблюдается больше различий, чем сходств. Весьма интересная классификация предусмотрена Законом ЕС об искусственном интеллекте. Составители документа применили подход, основанный на оценке риска систем искусственного интеллекта. Так, проводится различие между видами использования искусственного интеллекта, которые создают неприемлемый риск, высокий, низкий или минимальный риск. Список запрещенных практик содержится в разд. 2 документа и включает все те системы искусственного интеллекта, использование которых считается неприемлемым как противоречащее ценностям ЕС, например путем нарушения основных прав. Запреты распространяются на системы искусственного интеллекта, связанные с подсознательными методами, недоступными сознанию человека, направленными на причинение вреда, использующие любую из уязвимостей определенной группы лиц, на те, которые могут применяться государственными органами или от их имени для оценки или классификации благонадежности физических лиц в течение определенного периода на основе их социального поведения или известных либо прогнозируемых личных характеристик, а также использующие удаленную биометрическую идентификацию в режиме реального времени в общедоступных местах в целях обеспечения соблюдения законов, за исключением случаев целенаправленного поиска жертв преступлений, предотвращения угрозы или судебного преследования (ст. 5 Закона ЕС об искусственном интеллекте). Высокорискованный искусственный интеллект (например, биометрическая идентификация и категоризация физических лиц, управление и эксплуатация критически важной инфраструктурой, управление миграцией, предоставлением убежища и пограничным контролем) подлежит дополнительным проверкам и контролю со стороны уполномоченных органов. Так, перед размещением на рынке или вводом в эксплуатацию системы искусственного интеллекта высокой степени риска поставщик или уполномоченный представитель должен зарегистрировать эту систему в соответствующей базе данных ЕС (ст. 49 Закона ЕС об искусственном интеллекте). К системам искусственного интеллекта с низкими рисками относятся в числе прочих чат-боты, для ведения которых необходимо оповещение пользователя о том, что он общается с искусственным интеллектом. Такие системы подле-

¹ См.: Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 13 июня 2023 г.) // СЗ РФ. 2006. № 52, ч. 1, ст. 5496; 2023. № 25, ст. 4424.

² См.: Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 24 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2023. № 31, ч. 3, ст. 5773.

жат минимальным проверкам и контролю. Приведенная классификация и меры представляются вполне обоснованными. Ученые-юристы позитивно оценивают такое деление, поскольку при работе с системами искусственного интеллекта необходимо грамотно управлять рисками их использования и осуществлять мониторинг оптимизации различных общественных процессов [5, с. 63–72].

В российской правовой системе также классифицирован искусственный интеллект. Различаются понятия «искусственный интеллект» и «технологии искусственного интеллекта» (к которым относятся компьютерное зрение, обработка естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальная поддержка принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта) (ст. 5 Указа Президента РФ № 490), поскольку сам по себе искусственный интеллект может составлять часть различного рода технологий. Предусмотрены также подвиды перспективных методов искусственного интеллекта: автономное решение различных задач, автоматический дизайн физических объектов, автоматическое машинное обучение, алгоритмы решения задач на основе данных с частичной разметкой и (или) незначительных объемов данных, обработка информации на основе новых типов вычислительных систем, интерпретируемая обработка данных, другие методы¹.

Сравнивая классификации, предусмотренные нормативными актами России и ЕС, можно сделать вывод, что в России вектор регулирования направлен на проектную деятельность и создание новых технологий, в то время как в ЕС прослеживается уклон в сторону риск-ориентированного подхода и защиты человека от возможных опасных последствий искусственного интеллекта. Вероятно, стоит двигаться в сторону сближения этих двух подходов в целях унификации законодательства в сфере искусственного интеллекта, поскольку последствия его применения могут иметь значение для всего мира.

На основе анализа доктринальных источников и законодательства России и ЕС можно сделать следующие выводы теоретического и практического характера.

1. Сегодня представляется невозможным вывести единое определение, охватывающее все аспекты искусственного интеллекта, поэтому необходимо придерживаться вариативных теоретических и практических концепций.

2. Понятия искусственного интеллекта в России и ЕС имеют общие черты, которые базируются на схожих доктринальных установках. Можно позитивно оценить то, что составители правовых актов стремятся построить гибкое правовое регулирование, пытаясь учесть будущие технологические разработки.

3. В Законе ЕС об искусственном интеллекте принято удачное решение в части формулирования понятия искусственного интеллекта: в отдельное приложение выделены сферы, охватывающие разные степени риска его использования, которые могут в дальнейшем дополняться.

4. При сопоставлении определений искусственного интеллекта в российской правовой системе и в ЕС наблюдается сходство в том, что есть четкое разграничение понятий «искусственный интеллект» и технологий (подходов), которые за ним стоят.

5. В России на данный момент прослеживается тенденция отнесения искусственного интеллекта к объектам гражданских прав, а в ЕС этот вопрос пока остается открытым.

¹ См.: Приказ Минэкономразвития России «Об утверждении критериев определения принадлежности проектов к проектам в сфере искусственного интеллекта» от 29 июня 2021 г. № 392 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 29.07.2021.

6. Исходя из имеющихся классификаций искусственного интеллекта, в России вектор регулирования направлен на проектную деятельность и создание новых технологий, в то время как в ЕС прослеживается уклон в сторону риск-ориентированного подхода и защиты человека от возможных опасных последствий искусственного интеллекта.

7. В России представляется необходимой разработка комплексного правового регулирования искусственного интеллекта. Кроме того, очень важно начать формирование интеграционного права ЕАЭС в сфере искусственного интеллекта. В связи с этим России целесообразно инициировать соответствующий переговорный процесс с государствами — членами ЕАЭС в целях выработки совместного гармонизированного подхода.

8. Важно обратить внимание на необходимость нахождения баланса между интересами личности, бизнеса и принятием обществом новых технологий, связанных с искусственным интеллектом. В этом отношении могут быть полезны экспериментальные правовые режимы, которые позволят найти такое правовое регулирование, которое, с одной стороны, приемлемо для общества и человека, а с другой стороны, способствует технологическому развитию и масштабированию технологий.

Библиографический список

1. Шилейко А.В. Дискуссии об искусственном интеллекте. М.: Знание, 1970. 48 с.
2. Смит С. Введение // История искусственного интеллекта. Сиэтл (Вашингтон, США): Университет Вашингтона, 2006. 27 с.
3. Тьюринг А. Вычислительные машины и разум [пер. с англ. К. Королева]. М.: АСТ, 2018. 128 с.
4. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 420 с.
5. Шахназаров Б.А. Правовое регулирование отношений с использованием искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 9. С. 63–72.

References

1. Shileyko A.V. Discussions About Artificial Intelligence. M.: Znanie, 1970. 48 p.
2. Smith C. Introduction // History of Artificial Intelligence. Seattle (Washington, USA): University of Washington, 2006. 27 p.
3. Turing A. Computing Machines and the Mind [translated from the English by K. Korolev]. M.: AST, 2018. 128 p.
4. Morkhat P.M. The Legal Personality of Artificial Intelligence in the Field of Intellectual Property Law: Civil Law Problems: diss. ... Doc. of Law. M., 2018. 420 p.
5. Shakhnazarov B.A. Legal Regulation of Relations Using Artificial Intelligence // Current Problems of Russian Law. 2022. No. 9. P. 63–72.

DOI 10.24412/2227-7315-2024-4-230-236
УДК 343.9

В.Б. Вехов, А.Б. Смушкин

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА НЕКОТОРЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ УСТРОЙСТВ

Введение: с ростом технических возможностей криминалистики повышается необходимость разработки рекомендаций по исследованию электронных устройств, поскольку редкое преступление сейчас обходится без их использования. **Цель** — разработать тактические рекомендации по производству осмотра некоторых электронных объектов, часто встречающихся при расследовании преступлений. **Методическая основа:** материалистическая диалектика как всеобщий метод, общенаучные методы: анализ, синтез, моделирование, экстраполяция. **Результаты:** предложены рекомендации по производству осмотра электронных устройств. Констатируется необходимость разработки и внедрения новой категории — «осмотр электронного объекта». Особое внимание уделено осмотру (вместе с алгоритмом) мобильных телефонов, поскольку, по данным статистики, в России используется количество смартфонов, эквивалентное двум единицам на каждого жителя страны, включая младенцев. Существенного уточнения требуют имеющиеся рекомендации по осмотру обычной, «нераздробленной» информации при обнаружении на электронном устройстве программ и сервисов распределенного хранения и обмена информацией. Схожий принцип распределенного хранения информации используется и в таких устройствах, как Raid-массивы. Авторами рассматриваются особенности производства следственного осмотра при объединении нескольких физических дисков в один логический. **Выводы:** основными принципами работы с данными устройствами можно назвать учет повышенной информационной емкости электронных объектов, блокирование внешнего дистанционного либо контактного вмешательства в процесс осмотра или информацию объекта, а так-

© Вехов Виталий Борисович, 2024

Доктор юридических наук, профессор, академик РАН, заслуженный деятель науки и образования РАН, профессор кафедры «Безопасность в цифровом мире» (Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (НИУ)), профессор кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя); e-mail: v-vehov@mail.ru

© Смушкин Александр Борисович, 2024

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, ведущий специалист проектного офиса научных программ и исследований (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: skif32@yandex.ru

© Vekhov Vitaliy Borisovich, 2024

Doctor of Law, Professor, Academician of the RAE, Honored Worker of Science and Education of the RAE, Professor at the Department of «Security in the Digital World» (Bauman Moscow State Technical University (NRU)), Professor of the Department of Countering Crimes in the field of Information and Telecommunication Technologies (V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

© Smushkin Alexander Borisovich, 2024

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Criminology, Leading specialist of the project office of Scientific Programs and Research (Saratov State Law Academy)

же повышенную внимательность и достаточную техническую компетентность самого следователя.

Ключевые слова: цифровая криминалистика, осмотр электронного устройства, осмотр мобильного телефона, осмотр Raid-массива, распределенная информация, пиринговые сети.

V.B. Vekhov, A.B. Smushkin

CERTAIN ASPECTS OF THE INVESTIGATIVE EXAMINATION OF SOME ELECTRONIC DEVICES

Background: as the technical capabilities of forensic science grow, the need to develop guidelines for the examination of electronic devices increases, as it is rare for a crime to be committed without their use. **Objective** — to develop tactical recommendations for the examination of some electronic objects frequently encountered in the investigation of crimes. **Methodology:** materialistic dialectics as a universal method, general scientific methods: analysis, synthesis, modeling, extrapolation. **Results:** recommendations for inspection of electronic devices are proposed. The necessity to develop and introduce a new category — “inspection of electronic object” is stated. Particular attention is paid to the inspection (together with the algorithm) of cell phones, since, according to statistics, the number of smartphones used in Russia is equivalent to two units for each inhabitant of the country, including infants. The existing recommendations on examination of ordinary, “non-fragmented” information on detection of programs and services of distributed storage and exchange of information on an electronic device require substantial clarification. The similar principle of distributed information storage is used in such devices as Raid-arrays. The authors consider the peculiarities of investigative examination when combining several physical disks into one logical disk. **Conclusions:** the main principles of work with these devices can be called consideration of the increased information capacity of electronic objects, blocking of external remote or contact interference in the process of inspection or information of the object, increased attention and sufficient technical competence of the investigator.

Keywords: digital forensics, electronic device inspection, mobile phone inspection, Raid array inspection, distributed information, peer-to-peer networks.

Одним из основных, наиболее содержательных первоначальных следственных действий является следственный осмотр. Как упоминалось в других работах авторов, необходимо ввести новую категорию «осмотр электронного объекта» [1, с. 35].

Осмотр электронного объекта предлагается проводить дифференцированно, учитывая тип устройства, подключенность его к сети, специфику содержащейся информации. На основании сказанного выделим осмотр локального устройства с внутренней дифференциацией на компьютерное, коммуникационное, предназначенное для хранения информации, для считывания информации с иных устройств, и на персонифицированное и неперсонифицированное; сетевой осмотр; осмотр распределенной информации и устройств, использующих данный принцип.

Поскольку осмотру компьютеров, их систем и сетей посвящено достаточно много исследований, в том числе и на монографическом уровне, отдельно хотелось бы остановиться на мобильных устройствах телефонной связи и устройствах, использующих принцип распределенного хранения информации и объединения нескольких физических дисков в один логический — Raid-массив.

В рамках осмотра мобильных устройств мы полагаем эффективным следующие тактические рекомендации.

1. Дифференциация осмотра мобильного телефона не только на статическую и динамическую стадию, но и выделение в рамках последней двух видов: материальный осмотр и информационный осмотр. Реализация второго вида осмотра возможна только при отсутствии мер ограничения доступа (парольной системы, графического ключа и т.д.) либо добровольном предоставлении доступа владельцем смартфона.

2. Осмотр на статической стадии внешних характеристик устройства, особенностей конструкции (сенсорный, раскладной, слайдер, кнопочный и др.): размер телефона, цвет, марка, модель (при определении которой возможно установить наличие подключения к сети Интернет и список каталога системы), тип и материал чехла при наличии (пластиковый, кожаный, деревянный, силиконовый, эко-чехол, специализированный: водонепроницаемый, противоударный с усиленными уголками, чехол с функцией заряда устройства и встроенным аккумулятором, — чехол-книжка, сумка, кобура и т.д.), иные устройства, предохраняющие смартфон от повреждения (защитная пленка, защитное стекло и т.д.), дополнительные аксессуары (кольцо-упор, рисунки, наклейки на чехле или смартфоне либо полномасштабная кастомизация (тюнинг под известные и модные модели и т.д.)), наличие следов и повреждений.

3. На динамической стадии с устройства снимается чехол, определяется возможное наличие вложений (банковской карты, денежных средств, записок и т.д.), изучаются следы и повреждения, закрытые чехлом, снимаются отпечатки пальцев (в первую очередь стоит изучить боковые и заднюю поверхности устройства, поскольку лицевая часть сенсорного смартфона постоянно подвергается динамическому воздействию, смазывающему следы), при необходимости — генеральные следы, описываются индивидуальные признаки устройства, возникшие в ходе изготовления или эксплуатации, определяется включен или выключен смартфон, есть ли реакция на кнопку питания, датчик отпечатка пальца и т.д. Если телефон включен, то ни в коем случае не следует его выключать даже после окончания осмотра.

4. Информационный осмотр (осмотр информационной составляющей) мобильного телефона проводится после его включения и разблокировки (при наличии установленного контроля доступа). Выявляется факт установки защиты и ограничения доступа к смартфону посторонних лиц (пароль, цифровой код, графический ключ, доступ по отпечатку пальца, доступ после сканирования лица пользователя или сетчатки его глаза и т.д.). При наличии систем защиты доступа владельцу телефона предлагается добровольно его разблокировать. Однако к этому следует подходить с осторожностью, обеспечив блокировку внешних воздействий и передачи информации. При отказе в содействии правоохранительным органам следователь должен завершить его осмотр и направить мобильное устройство на экспертизу, поскольку программный взлом систем защиты может занять не один день даже не одну неделю.

5. Информационная составляющая разблокированного пользователем мобильного телефона или телефона с отключенными системами защиты сначала подлежит визуальному осмотру, затем с подключением к соответствующим программно-аппаратным комплексам типа «Мобильный криминалист».

«В первую очередь необходимо определить IMEI (от английского *International Mobile Equipment Identity* — международный идентификатор мобильного оборудования) — уникальное для каждого использующего сотовый телефон число (обычно 15-разрядное в десятичном представлении), которое записывается заводом-изготовителем, его постоянную память. Оно появляется на дисплее после набора служебного шифра *#06#» [2, с. 166–169]. На современных устройствах номер данного кода выбивается на наклейке на задней поверхности смартфона, заводском клейме (на корпусе аккумулятора), а также отмечается в гарантийном талоне или техпаспорте, коробке смартфона.

6. В.А. Мещеряков и А.Н. Яковлев указывают, что «если обнаруженный на месте происшествия мобильный телефон включен и уровень зарядки батареи позволяет выполнить простейшие действия, то необходимо установить только его IMEI. Все остальные операции следует проводить уже после завершения осмотра места происшествия в рамках иных следственных действий. В случае если мобильный телефон находится в работоспособном состоянии, не защищен паролем, то в числе первоочередных действий следует назвать получение списка контактов, телефонных звонков и принятых/полученных SMS» [3, с. 280]. Помимо указанных видов дистанционного общения, современные смартфоны могут содержать голосовые сообщения, видеодialogи, сообщения с гипертекстом (отсылка к интернет-публикациям), геометки, фотографии, картинки, подвижные картинки («гифки») и эмодзи (пиктограммы, идеограммы, смайлики и т.д.), которые обязательно следует изучить как элемент диалог. Следует оговориться, что изучение SMS и иной переписки в памяти изымаемого мобильного устройства не требует судебного разрешения. Данный вопрос был решен Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда¹. Позже в определении Конституционного суда РФ № 189 указывалось, что «проведение осмотра и экспертизы с целью получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств, изъятых при производстве следственных действий в установленном законом порядке, не предполагает вынесения об этом специального судебного решения»².

7. Определяется стандарт работы мобильного устройства. В нашей стране применяется преимущественно GSM-стандарт — глобальный стандарт цифровой мобильной связи. Устанавливается мобильный оператор, поскольку могут использоваться sim-карты нескольких мобильных операторов. Сегодня в основном используется четвертое поколение мобильной связи (4G) с успешно внедряемым 5G. Оператор, качество связи, работа определенных датчиков и стандартов передачи информации отображается соответствующими значками на экране (например, GPS, Wi-Fi, Bluetooth и т.д.). В.А. Мещеряков и А.Н. Яковлев обоснованно рекомендуют «определить пространственную конфигурацию сегмента инфраструктуры оператора мобильной связи, обеспечивавшего функционирование обнаруженного на месте происшествия мобильного телефона ... Зафиксировав

¹ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 сентября 2014 г. по делу № 55-014-6 // Архив Верховного Суда Российской Федерации.

² См.: Определение Конституционного суда РФ от 25 января 2018 г. № 189-О/218 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://dok.ksrf.ru/decision/KSRFDecision314926.pdf> (дата обращения: 19.07.2024).

время преступного события (или временной интервал), возможные траектории движения его участников, определив перечень базовых станций, обслуживающих участки каждой из траекторий, мы сможем достаточно четко сформулировать задачу поиска в информационной базе оператора сотовой связи тех номеров IMEI мобильных телефонов, которые в требуемое время обслуживались на проверяемых участках местности» [3, с. 281].

8. Обязательно следует изучить технические сообщения, имеющиеся на экране: SMS, Push и т.д. Даже без получения прямого доступа к онлайн-банкингу в мобильном устройстве или диалогу в мессенджерах эти приложения могут дать большой объем информации о тратах в определенный промежуток времени или получении денежных средств и т.д.

9. При изучении контактов пользователя внимание обращается не только на факт наличия определенного контакта в «телефонной книжке» мобильного устройства, но и на давность звонков на конкретные номера, частоту звонков, продолжительность общения, время звонка и место сохранения контактов: память sim-карты, память телефона, облачные сервисы. В ходе осмотра мобильных устройств также должно быть уделено внимание содержимому встроенной и съемной (microSD) памяти. В последней могут находиться скачанные файлы, открытые фотографии из мессенджеров, файлы переноса контактов, настроек и иной информации из одного устройства в другое (в Андроиде имеют расширение *.vcf). Эта информация сохраняется в памяти смартфона, даже если владелец телефона не собирался целенаправленно ее сохранять, а контакт в этом файле и некоторые настройки могут сохраняться даже при удалении данной информации со смартфона.

10. Изучаются геоинформационные данные из приложений датчиков геопозиционирования GPS-ГЛОНАСС, облачной информации сервисов Google, Яндекс и т.д. Определенно важную информацию могут иметь различные приложения: навигатор, Google-карта, Яндекс.карта и пр. Эти приложения могут подтвердить поиск определенных географических точек, построение маршрутов, а в некоторых случаях, если опция не отключена, указать местонахождение на конкретных точках в определенное время. В приложениях сервисов заказа такси могут содержаться геометки, указывающие на место жительства или работы владельца, иные часто посещаемые и внесенные в память приложения точки.

11. Исследование фотографий и видеозаписей, хранящихся в памяти устройства, даст возможность подтвердить факт нахождения в определенной компании, в определенном месте, а также время фотовидеофиксации. В некоторых случаях хозяева смартфонов используют опцию установки на фотографии «геотегов».

12. Шагомер или иные программные комплексы, коммутируемые с фитнес-трекерами или умными часами, могут показать общий километраж (например, для опровержения алиби, связанного с нахождением дома неотлучно), ускорение сердечного ритма в определенный момент (что может показать нервную ситуацию, быстрое передвижение или активные действия). Следует также учитывать, что на современные смартфоны может быть выведен мониторинг, а в некоторых случаях и управление устройствами, имплантированными человеку или размещенными на его теле (кардиостимуляторы, киберпротезы, автоматические инсулиновые помпы и т.д.). Эти устройства с помощью смартфонов могут быть объединены в так называемую «нательную» сеть Body Area Network.

13. Блокнот, органайзер-«напоминка», записная книжка в телефоне могут содержать записи о конкретных планах, названия, график определенного дня, личные записи, время и дату.

Особую сложность представляет осмотр RAID-массивов. Данное устройство — это комплекс физических носителей, аппаратно или программно объединенных в один логический диск. Как отмечает В.А. Мещеряков, «с точки зрения криминалистики подобная ситуация порождает эффекты распределения единого следового объекта на несколько взаимосвязанных частей, которые могут формироваться, храниться, обрабатываться, передаваться и уничтожаться абсолютно независимо друг от друга. При этом уголовно-релевантные свойства этого следового объекта будут проявляться только при совместном комплексном использовании образующих его частей, а каждая из его частей вообще не может быть соотнесена с уголовно-релевантными событиями или соотнесена с большими технологическими трудностями» [4, с. 43]. Следователь для проведения подобного осмотра должен обладать достаточными компетенциями для идентификации устройства именно как RAID-массива, а также поиска дистанционно подключенных физических устройств.

RAID-массивы имеют объем, существенно превышающий обычные жесткие диски, что требует соответствующего материально-технического обеспечения для возможного копирования информации. В случае изъятия самих устройств, обязательно должно быть зафиксировано их расположение и порядок подключения, поскольку порядок подключения влияет на тип устройства. Следует учитывать, что система, воспринимая RAID-массив как единый диск, и записи осуществляет не последовательно, а по свободным секторам любого из физических дисков. Поэтому неверное подключение после изъятия заведомо приведет к потере информации. В большинстве случаев рекомендуется именно изъятие носителей, а не копирование информации. Ведь, как отмечают М.П. Перякина, С.В. Унжакова, Н.Э. Шишкина, «настройки RAID-массива в большинстве случаев хранятся в памяти RAID-контроллера, который находится внутри системного блока. Извлечение одних накопителей приведет к тому, что эксперту не будет известна конфигурация RAID-массива и исследование информации будет невозможно или крайне осложнено» [5, с. 83–84]. В протоколе должны быть обязательно описаны признаки, по которым можно предположить использование RAID-массива, а не изолированных логических дисков, места выявления частей RAID-массива, модель, марка, вид носителей, составляющих массив, тип массива, количество объединенных физических дисков, общий объем массива и объем каждого его диска, содержимое RAID-массива, возможно с распечаткой дерева каталогов.

Все обнаруженные электронные устройства при изъятии подлежат обязательной упаковке в материал, блокирующий поступление радиосигналов или электромагнитное воздействие на устройства (клетку Фарадея), или в любой другой, аналогично препятствующий любому дистанционному обращению к нему.

В заключение следует отметить, что рассмотренные электронные устройства не ограничиваются специфическими электронными объектами при расследовании киберпреступлений, а также традиционных преступлений, совершенных с использованием компьютерных устройств или получивших отражение в киберпространстве. Основными принципами работы с данными устройствами можно назвать учет повышенной информационной емкости электронных объ-

ектов, блокирование внешнего дистанционного или контактного вмешательства в процесс осмотра, а также информацию объекта, повышенную внимательность и достаточную техническую компетентность самого следователя.

Библиографический список

1. *Смушкин А.Б.* О дистанционной криминалистике // Законодательство. 2021. № 12. С. 33–37.
2. *Вехов В.Б.* Особенности следственного осмотра сотового радиотелефона // Исследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 4(10). С. 166–169.
3. *Мещеряков В.А., Яковлев А.Н.* «Электронная» составляющая осмотра места происшествия // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 5(22). С. 280–291.
4. *Мещеряков В.А.* Теоретические основы механизма следообразования в цифровой криминалистике: монография. М.: Проспект, 2022. 250 с.
5. *Перякина М.П., Унжакова С.В., Шишкина Н.Э.* Процессуальные и криминалистические аспекты изъятия электронных носителей информации в свете защиты прав участников уголовного судопроизводства // Сибирский юридический вестник. 2019. № 3. С. 83–84.

References

1. *Smushkin A.B.* On Remote Forensics // Legislation. 2021. No. 12. P. 33–37.
2. *Vekhov V.B.* Features of the Investigative Inspection of a Cellular Radiotelephone // Investigation of Crimes: Problems and Ways to Solve Them. 2015. No. 4(10). P. 166–169.
3. *Meshcheryakov V.A., Yakovlev A.N.* The “Electronic” Component of the Inspection of the Scene // Library of Criminalist. Scientific journal. 2015. No. 5(22). P. 280–291.
4. *Meshcheryakov V.A.* Theoretical Foundations of the Mechanism of Trace Formation in Digital Criminology: monograph. M.: Prospekt, 2022. 250 p.
5. *Peryakina M.P., Unzhakova S.V., Shishkina N.E.* Procedural and Criminalistic Aspects of the Seizure of Electronic Media in the Light of the Protection of the Rights of Participants in Criminal Proceedings // Siberian Legal Bulletin. 2019. No. 3. P. 83–84.

М.М. Кузнецов

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ, ИХ РОДИТЕЛЯМ (ЗАКОННЫМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: статья посвящена рассмотрению развития правового регулирования применения мер административного принуждения к несовершеннолетним, их родителям (законным представителям) в России в ретроспективе. Учитывая особую важность сбалансированного применения мер административного принуждения к данной категории субъектов, выявление особенностей правовых норм, соответствующих разным эпохам, выступает актуальной задачей на фоне перманентного совершенствования законодательства в обозначенной сфере общественных отношений. **Цель** — определить этапы развития законодательства, регулирующие меры административного принуждения, применяемые к несовершеннолетним, а также их характерные особенности. **Методологическая основа:** формально-правовой и дедуктивный методы научного исследования. **Результаты:** обозначены три этапа развития правового регулирования применения мер административного принуждения к несовершеннолетним, а также отмечено основное достижение современного этапа, на сохранение и развитие которого направлена правовая политика Российского государства. **Вывод:** поэтапное развитие соответствующей нормативной базы как абсолютной правовой ценности, не зависящей от веяний правовой политики, требует постоянного внимания законодателя и исследовательского сообщества.

Ключевые слова: система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, комонес, административное принуждение, административная ответственность.

М.М. Kuznetsov

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF THE ADMINISTRATIVE COERCION MEASURES APPLICATION TO MINORS, THEIR PARENTS (LEGAL REPRESENTATIVES) IN THE RUSSIAN FEDERATION

Background: the article is devoted to the consideration of the development of legal regulation of the application of measures of administrative coercion to minors, their parents (legal representatives) in Russia in retrospect. Given the special importance of balanced application of measures of administrative coercion to this category of subjects, the identification of features of legal norms corresponding to different eras, is an urgent task against the background of continuous improvement of legislation in the designated area of public relations. **Objective** — to determine the stages of development of legislation regulating measures of administrative coercion applied to minors, as well as their characteristic features. **Methodology:** formal-legal and deductive methods

© Кузнецов Максим Михайлович, 2024

Помощник ректора приемной ректора, научный сотрудник научно-исследовательского центра по изучению проблем правового регулирования профилактики правонарушений несовершеннолетних (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: pr@ssla.ru

© Kuznetsov Maxim Mikhailovich, 2024

Assistant to the Rector of the Rector's Reception Office, Research Associate of the Research Center for the Study of Problems of Legal Regulation of Juvenile Delinquency Prevention (Saratov State Law Academy)

of scientific research. Results: three stages of development of legal regulation of the application of measures of administrative coercion to minors, as well as the main achievement of the modern stage, the preservation and development of which is aimed at the legal policy of the Russian state. Conclusion: the gradual development of the relevant regulatory framework as an absolute legal value, independent of the trends of legal policy, requires constant attention of the legislator and the research community.

Keywords: *system of prevention of neglect and juvenile delinquency, commissions on juvenile affairs and protection of their rights, komones, administrative coercion, administrative responsibility.*

Защита прав несовершеннолетних, воспитание подрастающего поколения в духе уважения к закону, формирование гражданственности и патриотизма выступают вневременными задачами государственной политики каждого правового государства. Российская Федерация не является исключением, уделяя особое внимание обеспечению безопасности несовершеннолетних¹, ввиду фундаментального значения защиты материнства и детства для устойчивости развития общества и государства. На фоне ключевых средств государственного управления в данной сфере, представляющих собой комплекс мероприятий, направленных на создание условий и предоставление обеспеченных финансовыми механизмами гарантий вместе с методом государственного убеждения, неотъемлемой частью управленческого механизма является метод государственного принуждения, особенно метод административного принуждения, широко и оправданно применяемый в отношении несовершеннолетних с целью пресечения и недопущения их противоправного поведения. Средства административного принуждения применяются в случае недостаточности и неэффективности метода убеждения, однако применительно к несовершеннолетним это условие играет особую роль ввиду сложности баланса между эффективным управлением и гарантией прав граждан, подвергающихся административному принуждению. Названные обстоятельства обуславливают актуальность рассмотрения вопроса правового регулирования мер административного принуждения в отношении несовершеннолетних, их родителей (законных представителей), основой которого выступает рассмотрение соответствующей сферы правового регулирования в ретроспективе.

Говоря о генезисе административного принуждения, применяемого к несовершеннолетним и их родителям (законным представителям), следует отметить, что на ранних этапах развития Российского государства и права многие современные административно-правовые категории, среди которых и меры административного принуждения, в сегодняшнем их понимании не существовали ввиду принципиально иного уровня развития общественных отношений и правовой системы соответственно. В то же время нельзя не обратить внимание на отдельные нормативные положения, позволяющие говорить о задатках особого правового статуса несовершеннолетних, определяющих особенности применяемых в отношении них мер принуждения. Исследователи отмечают, что такие классические памятники отечественного права, как Русская правда, Судебник 1550 г. и Судебник 1589 г., не содержали специальных норм о правовой ответственности несовер-

¹ См.: Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 21, ст. 3696.

шеннолетних, ограничиваясь установлением возраста привлечения к уголовной ответственности (дальнейшее отраслевое деление правовой ответственности, в том числе выделение административной ответственности, произошло значительно позже). Только в нормах Соборного уложения 1649 г. появились положения о том, что «дети полностью подчинялись родительской власти» [1, с. 150–159]. Положения Воинских артикулов 1715 г., в свою очередь, предусматривали более мягкие меры уголовного наказания за воровство, совершенное «младенцами», при этом не уточняя возраст, соответствующий данному субъекту¹.

Впервые в качестве альтернативы общим уголовным наказаниям к несовершеннолетним стали применяться такие меры, как помещение в исправительный приют (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.) либо монастырь (то же Уложение в редакциях 1895 и 1903 гг.) [1, с. 151]. Так, «несовершеннолетним от десяти до семнадцати лет наказания назначаются в половинном размере. Не достигших четырнадцати лет мировой судья может, не подвергая наказанию, отсылать к родителям, опекунам или родственникам для домашнего исправления»².

Вплоть до революции 1917 г. законодательство, регулирующее порядок применения мер административного принуждения к несовершеннолетним, характеризовалось недостаточной детализацией и единообразием, постепенно совершенствуясь, начиная со второй половины XIX в. События 1917 г. стали сильнейшим потрясением для российского общества и привели к значительным изменениям в его классовой структуре: рост беспризорности и преступности несовершеннолетних. Все это потребовало глубокой перестройки законодательной базы, которая должна была соответствовать новому общественно-политическому устройству государства. Среди правового регулирования мер административного принуждения, равно как и законодательного оформления административной ответственности, необходимо отметить Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 23 июня 1921 г. «О порядке наложения административных взысканий»³. Дела о правонарушениях, совершенных несовершеннолетними, с 1918 г. рассматривались комиссиями о несовершеннолетних (также известными как комонес), принявших полномочия в соответствующей части. Декретом об учреждении таких комиссий предусматривалась отмена тюремного заключения для малолетних и несовершеннолетних, а также возможность их помещения в убежища Народного Комиссариата общественного призрения⁴. Комонес применял к несовершеннолетним правонарушителям не наказания, а меры общественного воздействия, охватывая не только функционал по предупреждению беспризорности и правонарушения, но и по защите прав и интересов несовершеннолетних в возрасте до 17 лет. В дальнейшем этот возраст менялся: увеличивался до 18 лет в 1920 г. и уменьшался до 16 лет с 1926 г. Как справедливо указывает А.Д. Реутова, данные изменения связаны с меняющимся количеством беспризорных детей [2, с. 537–540]. Именно в 1920 г. был определен такой субъект, как несовершенно-

¹ См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / отв. ред. Е.И. Индова. М.: Юрид. лит., 1984. Т. 5. С. 494.

² См.: Свод Законов Российской империи. Т. XV, разд. 1, гл. 1, отд. 1 (1885). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire> (дата обращения: 31.08.2024).

³ См.: Известия ВЦИК. 1921. 30 июня.

⁴ См.: Декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних» // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. 14 января.

летний, под которым понимались «лица обоего пола, не достигшие 18-летнего возраста»¹. Приоритетными мерами, применяемыми к несовершеннолетним, выступали медико-педагогические меры, лишь при недостаточности которых дело передавалось в Народный суд. Народный комиссариат юстиции при этом помещал несовершеннолетних правонарушителей в реформатории — специальные учреждения, образуемые совместно с Народным комиссариатом просвещения. Это стало значимым шагом в достижении цели профилактики преступности несовершеннолетних, так как исключалось отбывание ими наказаний в местах общего заключения, пребывание в которых само по себе выступает способом дальнейшего погружения в криминальную культуру. Целями воздействия со стороны таких учреждения выступали воспитание, обучение и лечение (при необходимости), что также увело прежде сугубо репрессивную, карательную направленность работы с несовершеннолетними правонарушителями на второй план. В 1922 г. соответствующая работа велась активно: Московская комиссия ежедневно принимала из милиции до 30 несовершеннолетних. Заседания комиссий были распорядительными (направленными на применение мер воздействия), и судебными (выстроенными вокруг изучения доказательств и материалов дела). Постановления были оправдательными и назначающими меры медико-педагогической направленности².

Принятый в 1925 г. Декрет СНК РСФСР «Об утверждении Положения о Центральной Комиссии по делам о несовершеннолетних» продолжил регламентацию деятельности комиссий, предусмотрев такие их полномочия, как установление правильного и единообразного применения соответствующих норм, их толкование, дача разъяснений и др.³

Вышедшие в 1935 г. постановление ЦИК СССР № 3, СНК СССР № 598 от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних»⁴ и постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности»⁵, с одной стороны, сменили либерализацию курса правовой политики в отношении несовершеннолетних (теперь уголовной ответственности подвергались правонарушители достигшие двенадцатилетнего возраста, в случае выявления совершения ими краж, насильственных действий, убийств или покушений на убийство с применением всех мер уголовного наказания), с другой — была заметно увеличена ответственность родителей и лиц, осуществляющих вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность. В отношении первых предусматривались меры общественного воздействия в виде обязанности органов наркомпросов и милиции по доведению сведений до общественных организаций (по месту работы родителей) об отсутствии надзора со стороны родителей за поведением детей. Учитывая общественно-политический уклад того времени, суровость данной меры можно назвать весьма значительной. В отношении лиц, уличенных в подстрекательстве

¹ См.: Постановление СНК РСФСР от 4 марта 1920 г. «О делах о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях» // СУ РСФСР. 1920. № 13, ст. 83.

² См.: История организации // Межведомственная комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав города Москвы. URL: <https://mkdn.mos.ru/about/history/> (дата обращения: 31.08.2024)

³ См.: СУ РСФСР. 1925. № 38, ст. 267.

⁴ См.: СЗ СССР. 1935. № 19, ст. 155.

⁵ См.: СЗ СССР. 1935. № 32, ст. 252.

или в привлечении несовершеннолетних к участию в различных преступлениях, а также в понуждении несовершеннолетних к занятию спекуляцией, проституцией, нищенством, предусматривалось тюремное заключение сроком от 5 лет.

Указ Президиума ВС РСФСР «Об утверждении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних» (в ред. 1961¹ и 1967 гг.²) вернул комиссиям роль координатора работы не только по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, но и по охране их прав. В 1967 г. положение было переиздано и одним из значимых нововведений стало полномочие комиссии по контролю за условиями содержания и осуществлением воспитательной работы с несовершеннолетними. В разных редакциях данный документ действовал вплоть до 1992 г.

Принятие в 1980 г. Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях³ и Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в 1984 г.⁴ явило собой переход к современному этапу развития законодательства об административной ответственности несовершеннолетних и их родителей (законных представителей). Ряд положений, касающихся возраста административной ответственности несовершеннолетних, применяемых к ним административных наказаний (в тот период именуемых административными взысканиями), рассмотрения несовершеннолетнего возраста в качестве обстоятельства, смягчающего административную ответственность, или вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность в качествеотягчающего обстоятельства, а также полномочий комиссий по делам несовершеннолетних, сохраняет свою актуальность по сей день. Эти и другие нормы получили свое развитие в современном Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ⁵ и Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»⁶, согласно которым профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних рассматривается в качестве системы социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям, осуществляемых в совокупности с индивидуальной профилактической работой не только с несовершеннолетними, но и с семьями, находящимися в социально опасном положении, что говорит о защите семьи, материнства и детства на государственном уровне.

Правовое регулирование применения мер административного принуждения к несовершеннолетним, их родителям (законным представителям) в России развивалось неоднородно. Пройдя такие временные этапы, как ранний (XVI–XIX вв.), промежуточный (первая четверть – 80-е гг. XX в.) и современный (80-е гг.

¹ См.: Указ Президиума ВС РСФСР от 29 августа 1961 г. «Об утверждении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних» (в ред. от 3 июня 1967 г.). // Ведомости ВС РСФСР. 1961. № 35, ст. 484; 1967. № 23, ст. 536.

² См.: Указ Президиума ВС РСФСР от 3 июня 1967 г. «Об утверждении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних» // Ведомости ВС РСФСР. 1967. № 23, ст. 536.

³ См.: Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях: приняты ВС СССР 23 октября 1980 г. № 3145-X // Ведомости ВС СССР. 1980. № 44, ст. 909.

⁴ См.: Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: утв. ВС РСФСР 20 июня 1984 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1984. № 27, ст. 909.

⁵ См.: СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; 2024. № 33, ч. 1, ст. 4981.

⁶ См.: СЗ РФ. 1999. № 26, ст. 3177; 2022. № 48, ст. 8312.

XX в. — наше время), система профилактики преступности несовершеннолетних и соответствующий ей арсенал мер административного принуждения сначала характеризовались размытыми контурами правового регулирования, позволяющими говорить лишь о задатках современных правовых институтов. Однако по мере развития общественных отношений и правовой системы государства данные категории стали наполняться содержанием, установившим статус соответствующей системы не в качестве репрессивного средства, а в роли института правовой защиты несовершеннолетних, где правовое принуждение вторично целям выявления и устранения причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних. На фоне очевидной взаимосвязи правовой политики с общественно-политическим укладом каждого государства, которая прослеживается в ряде приведенных положений нормативных документов, обращает на себя внимание главное достижение современного законодательства — защита семьи, материнства и детства в качестве основы устойчивого развития государства и общества. Гармоничное и поэтапное развитие соответствующей нормативной базы является абсолютной правовой ценностью, не зависящей от веяний правовой политики, но всегда требующих внимания законодателя и исследовательского сообщества.

Библиографический список

1. Скрипченко Н.Ю. История становления и развития законодательства, регулирующего помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа // Право и образование. 2014. № 10. С. 150–159.
2. Реутова А.Д. Из истории создания комиссии по делам несовершеннолетних // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: сб. по матер. XXII Междунар. науч. конф. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 2023. С. 537–540.

References

1. Skripchenko N.Yu. History of the Formation and Development of Legislation Regulating the Placement of a Minor in a Special Closed-Type Educational Institution // Law and Education. 2014. Vol. 10. P. 150–159.
2. Reutova A.D. From the History of the Creation of the Commission for Juveniles // State, Society, Church in the History of Russia in the 20th-21st Centuries. Proceedings of the XXII: collection of software International Scientific Conference. Ivanovo: Publishing house of the Ivanovo State University, 2023. P. 537–540.

ИНФОРМАЦИЯ

В ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТАХ In Dissertation Councils

В июне–октябре 2024 г. в ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» защищены диссертации:

НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

20 июня — Константиновым Александром Михайловичем на тему «Игровые нормы в процессе правового регулирования (теоретико-методологический аспект)».

Специальность 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор М.Л. Давыдова.

19 сентября — Афонинной Евгенией Григорьевной на тему «Компетенция органов внутренних дел в области предупреждения детского дорожно-транспортного травматизма в Российской Федерации».

Специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Научный руководитель — кандидат юридических наук, доцент О.А. Лакаев.

19 сентября — Терещук Сергеем Сергеевичем на тему «Дисциплинарное производство по делам о коррупционных правонарушениях на государственной службе».

Специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор А.Ю. Соколов.

20 сентября — Галузиной Ксенией Александровной на тему «Принцип равенства всех перед законом и судом и принцип равноправия сторон в исполнительном производстве».

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Научный руководитель — доктор юридических наук, доцент О.Н. Шеменова.

10 октября — Сурmeneвой Екатериной Анатольевной на тему «Институт финансового уполномоченного в системе публично-правовых способов защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг».

Специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Научный руководитель — доктор юридических наук, доцент Е.Г. Беликов.

10 октября — Фомиченко Семеном Владимировичем на тему «Административная ответственность за правонарушения в области деятельности саморегулируемых организаций».

Специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор А.Ю. Соколов.

**ИНФОРМАЦИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ»**

1. Редакция принимает от авторов рукописи и сопутствующие им необходимые документы в следующей комплектации (все позиции обязательны!).

1.1. Отпечатанный (четкой качественной печатью на белой бумаге) экземпляр рукописи, сшитый отдельно скрепкой. Объем статьи 8–10 страниц; научного сообщения — до 3 страниц; рецензии, обзора — 3–5 страниц; анонса — 1–2 страницы. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5; нумерация страниц — внизу по центру; поля — все 2 см; абзацный отступ — 1,25 см; библиографические ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника и страница. В списке литературы нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте (например: [5, с. 5]). Библиографический список размещается в конце статьи. В нем перечисляются все источники, на которые ссылается автор, с полным библиографическим аппаратом издания (место издания: издательство, год издания, общее количество страниц. Например: М.: Юридическая литература, 2010. 200 с.). Ссылки на нормативные правовые акты и электронные ресурсы оформляются как постраничные сноски.

Электронный вариант материала может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: vestnik@ssla.ru или vestnik2@ssla.ru (все требования к компьютерному набору сохраняются. Файлу присваивается имя по фамилии автора, например: «Иванова М. И._статья»).

1.2. Каждая статья или другие материалы должна начинаться: а) индексом УДК; б) сведениями об авторе(ах): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, электронная почта, контактный телефон (все параметры обязательны); в) названием; г) аннотацией (введение, цель, методологическая основа, результаты, выводы) объемом 100–150 слов (не должна повторять название и основное содержание текста); д) списком ключевых слов или словосочетаний (7–10).

Все пункты обязательно должны быть переведены на английский язык.

2. Оформление рисунков и таблиц: таблицы (рисунки) должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над таблицей с выравнением по центру (для рисунков – под рисунком с выравнением по центру). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в примечании. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

3. Авторское визирование: а) автор несет ответственность за точность приводимых в его рукописи сведений, цитат и правильность указания названий книг в списке литературы; б) после вычитки отпечатанного текста и проверки всех цитат автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены, объем не превышает допустимого и составляет: (указать количество страниц) [дата, подпись]».

4. Рукописи, принятые редакцией журнала к рассмотрению, подлежат обязательному рецензированию. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии журнала. Редакция использует принцип анонимного рецензирования (double-blind peer-review): рецензент и авторы не знают фамилии друг друга. Копия рецензии может быть направлена автору (соавтору) статьи по его запросу.

Примечания:

1. Рукописи, оформленные в нарушение настоящих требований, не рассматриваются и не возвращаются.

2. Вопросы, связанные с опубликованием рукописей, принимаются по тел. (8452) 29-90-87 или по адресу: vestnik@ssla.ru, vestnik2@ssla.ru.

3. В частную переписку с авторами редакционная коллегия не вступает.

4. В случае отклонения рукописи решением редакционной коллегии (по результатам внутреннего рецензирования) автору направляется мотивированный отказ, отклоненные рукописи не возвращаются.

5. Если статья (материал) направлялась в другое издание, автор обязан поставить редакцию в известность.

6. С образцом оформления материалов можно ознакомиться на сайте.

7. Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается. Гонорар не выплачивается.

Адрес редакции журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии»:

410056, г. Саратов, им. Н. Г. Чернышевского ул., зд. 104, стр. 3

Тел.: (8452) 29-90-87. E-mail: vestnik2@ssla.ru, vestnik@ssla.ru

Сайт: <http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv> Сайт: <http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>